

В.С.
1190

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

1981 ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ 1981

1981

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Научный совет по комплексной проблеме
«История исторической науки» при Отделении истории АН СССР

Институт истории СССР Институт всеобщей истории

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

Историографический ежегодник
1981

Ответственный редактор
М. В. НЕЧКИНА

МОСКВА
«НАУКА»

1985

В очередной том историографического ежегодника включены статьи и материалы по истории отечественной и зарубежной исторической науки. Среди материалов ежегодника — исследование по историографии Великого Октября, проблемам периодизации отечественной историографии. Группа статей посвящена критическому анализу новейшей буржуазной историографии, исследуется и современная марксистская зарубежная историография. В сборник включены также исследовательские очерки, посвященные творчеству крупных советских, русских и зарубежных историков (М. С. Ольминский, Е. Ярославский, С. М. Соловьев, А. В. Мишулин, П. Г. Виноградов, Х. Дельбрюк). В разделе «Публикации» помещены «Воспоминания об ИКП» Э. Б. Генкиной и документы о деятельности Д. М. Петрушевского.

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

М. А. ЗАБОРОВ, А. И. ЗЕВЕЛЕВ,
Г. С. КУЧЕРЕНКО, В. С. ЛЕЛЬЧУК

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. Г. ВАНДАЛКОВСКАЯ, Б. Г. ВЕБЕР, Е. Н. ГОРОДЕЦКИЙ,
Е. В. ГУТНОВА, В. А. ДУНАЕВСКИЙ,
член-корреспондент АН СССР А. А. ИСКЕНДЕРОВ,
академик А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ,
В. П. НАУМОВ,
член-корреспондент АН СССР Ю. А. ПОЛЯКОВ,
В. И. САЛОВ, В. В. СОГРИН, Б. М. ТУПОЛЕВ,
А. О. ЧУБАРЬЯН, академик АН КиргССР В. П. ШЕРСТОВИТОВ

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ
Историографический ежегодник
1981

Утверждено к печати Институтом истории СССР АН СССР

Редакторы издательства Ф. Н. Арский, С. Н. Васильченко,
Е. Д. Евдокимова, Л. А. Зуева, Т. Д. Лосева
Художественный редактор С. А. Литвак. Технический редактор М. Ю. Соловьева
Корректоры О. В. Лаврова, Е. Л. Сысоева

ИБ № 29512

Сдано в набор 29.12.84. Подписано к печати 25.03.85. Т-02748. Формат 60×90^{1/16}. Бумага книжно-журнальная импортная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 18,5. Усл. кр. отт. 19,5. Уч.-изд. л. 23,7. Тираж 2350 экз. Тип. зак. 946. Цена 2 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».

117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ СССР

*

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС (проблемы историографии)

С. В. Кулешов

С победой Великой Октябрьской социалистической революции связано становление нового, социалистического типа национальных отношений, образование содружества советских народов, в рамках которого стало возможным решение национального вопроса в том виде, в каком он достался нам от прошлого. Вот почему обществоведы уделяют изучению темы «Великий Октябрь и национальный вопрос» пристальное внимание.

К настоящему времени в советской исторической науке сложился широкий комплекс исследовательских публикаций, в совокупности отразивших концепционные и структурные компоненты темы. Упрочивается и ее историографическая традиция.

Одной из первых работ, в которой предпринималась попытка дать краткий обзор литературы по национальной тематике, была небольшая книга Е. Драбкиной «Национальный и колониальный вопрос в царской России»¹. Она представляла собой методическое пособие для вузов и системы самообразования и ставила целью «помочь начинающему изучение истории овладеть теми книжными богатствами, которые имеются в области истории народов СССР и национальной и колониальной политики царизма». Это издание носило характер библиографического указателя с краткими аннотациями на упоминавшиеся книги. Существенное место при этом занимал критический обзор антимарксистской литературы.

Уже в 30-е годы появились работы, содержащие историографические установки в области исследования национальных отношений. Среди них выделялась статья В. Карпыча, в которой указывалось на важность усиленной разработки теории и практики национального вопроса в СССР. «Мы должны,— писал автор,— с исчерпывающей полнотой поставить изучение всего марксистско-ленинского наследия в области теории национального вопроса.

Мы должны изучать национальные программы революционных партий в бывшей России до 1905 года, в период от 1905 до 1917 года и, наконец, все развитие большевистской теории и практики в области национального вопроса»². Это был, по существу, призыв к исследователям комплексно изучать тему.

Проблемы изучения интернационального характера Великой Октябрьской социалистической революции заняли определенное

место на 1-й Всесоюзной конференции историков-марксистов. В выступлениях А. М. Панкратовой и других участников особое внимание уделялось необходимости исследования рабочего движения в революционном процессе как процессе, объединяющем трудящихся всех национальностей, его связи с движением угнетенных народов и др.³

В 40—50-е годы в публикациях затрагивались отдельные историографические сюжеты проблемы. Одной из первых специальных работ в этой области была содержательная статья М. И. Куличенко⁴, где был поставлен ряд важных вопросов изучения национально-освободительного движения в революции, которые не потеряли своей актуальности. Очень краткая оценка работ в указанной области дана и в историографическом коллективном труде «Партия и Великий Октябрь» (М., 1976).

В новейшей литературе историографический интерес к теме заметно возрос. Много сделал в этом направлении В. П. Наумов, выпустивший ряд работ, исследующих издания об установлении Советской власти в национальных районах страны⁵. Автор собственно национальный вопрос рассматривает в системе более широких исторических обобщений.

Появились сравнительно небольшие историографические труды о национально-освободительном движении в отдельных регионах, пролетарском интернационализме в его внешнем аспекте⁶.

Большим событием в истории изучения Великой Октябрьской социалистической революции стал выход двухтомного капитального труда Е. Н. Городецкого⁷. И хотя национальные проблемы подробно в нем не исследуются, а упоминаются лишь для создания целостной картины, это издание дает важные ориентиры и для их анализа.

Несколько более детально Е. Н. Городецкий анализирует литературу о победе Советской власти на местах, оговаривая, что берет только аспект связи революционного движения в национальных районах с общероссийским революционным процессом, а также движение интернационалистов в революции. Заметим, что последнее направление сейчас также довольно активно разрабатывается в советском обществоведении⁸.

Тема «Великий Октябрь и национальный вопрос» начинает более широко рассматриваться и в историко-партийной историографии. Основное внимание при этом авторы уделяют определению степени изученности деятельности ленинской партии по обеспечению интернационального сплочения трудящихся России⁹. Констатируя несомненные успехи ученых, следует отметить, что их внимание в большей степени сконцентрировано на проблемах, связанных с победой Великого Октября в национальных районах, а национальный вопрос рассматривается как один из элементов анализа.

Автор настоящей статьи ставит своей целью дать оценку литературы по национальной тематике, вышедшей за годы Советской власти. Масштабность замысла потребовала известного ограниче-

ния хронологических рамок — они охватывают период между Февралем и Октябрем, — а также отбора наиболее важных вопросов. Не имея возможности проанализировать всю опубликованную на местах литературу, скрупулезное исследование которой (особенно на языках народов СССР) является прерогативой региональной историографии, он обращался только к наиболее, по его мнению, значительным и теоретически оригинальным публикациям, вышедшим в союзных и автономных республиках.

Методологической основой изучения проблемы «Великий Октябрь и национальный вопрос» для советских историков служат положения, сформулированные В. И. Лениным. Ленинская концепция решения национального вопроса формировалась и последовательно развивалась на основе творческого усвоения идей основоположников научного коммунизма, обобщения опыта революционной борьбы российского пролетариата.

В. И. Ленин всесторонне разработал национальную программу большевистской партии, направленную на обеспечение интернационального единства трудящихся. Его произведение в указанной области являются образцами марксистского научного анализа, содержат широкий спектр исторических оценок и обобщений.

Выработка научно обоснованной линии партии коммунистов предполагала адекватное осмысление национальной ситуации в России, ее специфики и особенностей. В. И. Ленин, решая важнейшую политическую задачу, одновременно выступал и как историк проблемы, неизменно руководствуясь при этом принципами партийности и историзма, применяя диалектико-материалистический метод, позволивший сделать единственно правильные выводы о сущности и способах решения такого сложного вопроса, как национальный. Таким способом был путь революционного переустройства общества, освобождение трудящихся от всех форм социального и национального гнета.

В арсенале приемов и методов ленинского творчества по национальной проблематике широко представлены исторические параллели, сравнения. Великолепно ориентируясь в исторических событиях, обладая широчайшим историческим кругозором, В. И. Ленин воспринимал историю национального вопроса в России в непосредственной связи с событиями мировой истории. Однако к самой возможности исторических аналогий он требовал подходить с учетом степени сравнимости явлений, с одной стороны, заимствовать «лучшие примеры», с другой — обращать внимание на «исторические конкретные особенности национального вопроса в России»¹⁰. Ленинский метод освоения и использования исторических фактов при выработке концепции решения национального вопроса характеризовался диалектической подвижностью и многоцелевой направленностью. Так, он применял сведения о национальном вопросе в России для более широких обобщений на уровне разработки мировой модели национальных отношений. И наоборот, в его творчестве присутствовала система связей обратного порядка —

использование знаний о национальной ситуации в мире для анализа российской действительности.

В. И. Ленин является первым историком и историографом проблемы. Много места в его трудах отводилось анализу различной литературы по национальному вопросу. Важнейшим и первоочередным источником для В. И. Ленина были произведения К. Маркса и Ф. Энгельса. В различные периоды революционной борьбы он обращался к работам великих учителей пролетариата, изучая их отношение к вопросам национальной независимости, линии пролетариата угнетающей нации по отношению к угнетенной и т. п.¹¹ В. И. Ленин часто обращался к материалам партийных форумов, рассматривая их как ценнейший источник при разработке национальной проблемы¹². В ленинских трудах аккумулирован огромный фактический материал: статистические сведения, факты из истории национальных движений в различных районах России. Он требовал привлечения всей совокупности данных о национальных движениях¹³. Он черпал самую разнообразную информацию из переписки с соратниками по партии, разработывавшими национальный вопрос (И. В. Сталин, С. Г. Шаумян, П. Стучка и др.), давая одновременно оценки их работ по национальному вопросу¹⁴.

В. И. Ленин проанализировал большое количество немарксистской литературы, извлекая оттуда сведения и факты из национальной жизни, необходимые для его работы. Одновременно он выступал как беспощадный критик позиций авторов этих изданий, вскрывая их теоретико-методологическую несостоятельность и политическую реакционность¹⁵.

Особое место в ленинской концепции занимает проблема соотношения интернационального и национального в революции. Ленин всегда подчеркивал, что выдвигание на первый план вопросов интернационального единства трудящихся не только не отрицает, но и предполагает разработку системы гарантий того, что это единство будет обеспечено на равноправной и добровольной основе. Важнейшую роль в этой связи играл выдвинутый ленинской партией и всячески защищаемый ею от нападков националистических деятелей лозунг о праве наций на самоопределение вплоть до государственного отделения. Выдвигая на первый план сплочение пролетариата всех национальностей, невозможное без решительной борьбы со всеми видами национального угнетения, В. И. Ленин всесторонне обосновал необходимость данного пункта в программе российских марксистов. Вместе с тем, диалектически подходя к вопросу о самоопределении, он указывал на необходимость для социал-демократов учитывать целесообразность отделения в каждом конкретном случае¹⁶.

В. И. Ленин постоянно подчеркивал органическую связь вопросов демократии, в число которых входило национальное освобождение трудящихся, и социализма. Особо остро эта проблема встала в период первой мировой войны, когда ряд социал-демократов стали на позицию отрицания борьбы за демократию в условиях приближавшейся социалистической революции и соответственно отбрасы-

вали принцип самоопределения как «ненужный». Н. К. Крупская вспоминала, что отношение к вопросу о самоопределении стало для Ленина в этих условиях «оселком, на котором проверялось умение правильно подходить к демократическим требованиям вообще»¹⁷. Он указывал на нелепость противопоставления национального вопроса борьбе за социалистическую революцию как с теоретической точки зрения, так и для воспитания трудящихся масс в духе подлинного интернационализма. В тезисах «Социалистическая революция и право наций на самоопределение», написанных в начале 1916 г., вождь большевистской партии отмечал: «Было бы коренной ошибкой думать, что борьба за демократию способна отвлечь пролетариат от социалистической революции», «необходимость провозгласить и осуществить свободу *всех* угнетенных народов (т. е. их право на самоопределение) будет так же насущна в социалистической революции, как насущна она была для победы буржуазно-демократической революции»¹⁸.

После победы Февральской буржуазно-демократической революции В. И. Ленин разрабатывает положения национальной программы большевистской партии применительно к осуществлению ее стратегической линии на победу социалистической революции. В национальном вопросе, подчеркивает он, пролетарская партия должна отстаивать, прежде всего, провозглашение и немедленное осуществление права на полную свободу отделения от России всех наций и народностей, угнетенных царизмом, насильственно присоединенных или насильственно удерживаемых в границах государства¹⁹. Однако, как разъяснял вождь большевиков, полная свобода отделения должна служить инструментом укрепления доверия народов к русскому пролетариату, способствовать их объединению в конечном итоге в едином социалистическом государстве. «Пролетарская партия стремится к созданию возможно более крупного государства, ибо это выгодно для трудящихся, она стремится к *сближению и дальнейшему слиянию* наций, но этой цели она хочет достигнуть не насилем, а исключительно свободным, братским союзом рабочих и трудящихся масс всех наций»²⁰.

Идея о равноправном государственном союзе народов лейтмотивом проходит через все работы В. И. Ленина о национальном вопросе, написанные в 1917 г. Много места отводится в них критике национальной политики Временного правительства. В речи по национальному вопросу на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б), плане доклада на собрании Петроградской организации, работе «Украина и поражение правящих партий России» и др.²¹ он разоблачал великодержавную сущность тактического курса буржуазных и мелкобуржуазных партий России, их полный недемократизм в национальном вопросе, демагогический характер рассуждений о «национальных интересах».

Победа Великой Октябрьской социалистической революции полностью подтвердила справедливость ленинских оценок, продемонстрировав триумф пролетарского интернационализма и банкротство национальных программ политических противников большевизма.

Историческая практика четко показала, чьи концепции чего стоят. Октябрь полностью выявил не только политическую, но и теоретико-мировоззренческую несостоятельность антимарксистских взглядов в национальной области. Начальный этап становления советской историографии проблемы совпал с полным кризисом буржуазной науки, абсолютным неумением и нежеланием ее представителей оценить и понять суть происходивших процессов. Великодержавные стереотипы с точки зрения «единой и неделимой России» присутствовали и в их системе исторических оценок.

Вопреки очевидным фактам, например, утверждалось, что пришедшая к власти буржуазия смогла бы решить национальный вопрос. П. Н. Милюков, уже находясь в эмиграции, писал: «Февральская революция радикально изменила отношение власти к национальности»²². Народный социалист В. Станкевич, в прошлом один из комиссаров Временного правительства, уверял, что оно делало в национальной области «все, доступное его силам»²³. Это была абсолютно неправомерная постановка вопроса. Известно, что сам П. Н. Милюков, являясь одним из лидеров кадетской партии, был решительным противником самоопределения нерусских народов России. Выступая в июле 1917 г. на совещании представителей провинциальных отделов этой партии по украинскому вопросу, он настаивал на откладывании его решения до Учредительного собрания. Что же касалось возможной автономии Украины, то она, по словам Милюкова, не должна была разрушать государственного единства и обеспечивать общегосударственные интересы.

В 1925 г. за границей вышла книга П. Н. Милюкова — «Национальный вопрос», претендовавшая на освещение широкого круга проблем. В ней содержался подробный экскурс в историю предмета исследования. Однако за всей этой наукообразностью довольно явственно прослеживалась главная задача — попытаться доказать, будто бы социалистическая революция не изменила положения национальностей в России. В работе явственно ощущалась ностальгия автора по все той же «единой и неделимой». Анализируя национальные программы непролетарских партий, Милюков делает акцент на «умеренности» их требований, пытается изобразить национально-освободительное движение лежащим всецело в орбите действий либерального лагеря. Причиной появления сепаратистских настроений, по мнению буржуазного историка Милюкова, явились национализм правительства, мировая война, влияние заграницы.

В этой и других работах самого Милюкова, его сподвижников и их современных адептов сконструирована схема, давно кочующая по страницам антикоммунистических «трудов»: марксизм-ленинизм является врагом всего национального, «равнодушен» к национальным проблемам, но чтобы «дезориентировать» народы России, большевики заявляли о самоопределении народов, «возбуждали дух крайнего сепаратизма» для подрыва позиций Временного правительства; придя же к власти, стали на путь подавления национальной независимости²⁴.

Были и другие попытки извратить интернационалистическую сущность социалистической революции. Так, авторы известного сменовеховского сборника твердили о «национальном» (читай националистическом) характере революции, «способной восстановить русское великодержавие». Лозунг самоопределения наций расценивался ими только как «тактический ход»²⁵.

Имели место и другие трактовки буржуазной и мелкобуржуазной историографией национальной проблемы в революции, но все они в целом обнаруживали идейный тупик антимарксистов.

Следует отметить, что молодая советская историческая наука с момента своего становления стала на интернационалистические позиции, доказывая глубокий революционный смысл и подлинный гуманизм национальной политики партии большевиков. Так, в работе видного партийного деятеля Д. З. Мануильского подвергались критике измышления П. Н. Милюкова в этой области²⁶. Более подробно несостоятельность его оценок указанной проблемы давалась в работах О. А. Лидак²⁷ и особенно М. Н. Покровского²⁸.

Как для борьбы с антимарксистскими концепциями, так и для собственно позитивных задач процесса научного познания советские историки уже в первые годы довольно активно обращаются к В. И. Ленину. Начинается освоение ленинской концепции проблемы. Большую роль в утверждении правильных методологических принципов подхода к теме сыграли различные по форме (доклады на партийных форумах, выступления перед трудящимися, публицистические материалы) труды ленинских соратников, работавших в области национального вопроса: М. И. Калинина, С. М. Кирова, Г. К. Орджоникидзе, И. В. Сталина, М. В. Фрунзе, С. Г. Шаумяна и др.²⁹

Задача популяризации ленинского наследия в области национальных отношений, в том числе и некоторых его работ, написанных в 1917 г., в общем плане и еще больше на уровне изложения цитат решалась в первых специальных публикациях по этой теме³⁰.

Непосредственно историографическое звучание имело замечание М. Н. Покровского о том, что «из статей Ленина по национальному вопросу возьмет свои основные установки и создаваемая нами теперь история народов СССР»³¹.

Появились первые работы, в которых рассматривалась разработка В. И. Лениным национально-колониальной проблемы накануне революции. Так, Д. А. Баевский показал, используя документы из архива Истпарта, историю борьбы В. И. Ленина с представителями группы «империалистического экономизма» по вопросу о самоопределении наций. При этом он справедливо подчеркнул, что речь шла о демократическом резерве социалистической революции³².

Активно исследуются взгляды В. И. Ленина на формы устройства многонационального государства, в частности федерацию. Здесь большой вклад внесли не только историки, но и юристы. Характерной особенностью ряда работ было стремление показать органическую связь ленинизма и марксизма в этом вопросе, раскрыть клас-

совый момент при выборе Лениным конкретной формы государственного устройства³³. И хотя в некоторых из них допускались неточности, в целом оценки были даны верно.

Более углубленному изучению темы способствовало начало издания журнала, название которого говорит само за себя — «Революция и национальности», являвшегося органом Совета национальностей ЦИК СССР. На его страницах много места отводилось показу значения Великого Октября для решения национального вопроса. Редактор этого журнала С. М. Диманштейн, специально занимавшийся проблемами национальных отношений, также вел в 1928—1929 г. семинар «Теория национального вопроса» в возглавляемой им секции истории национального вопроса и национального и революционного движений, существовавшей в рамках Института этнических и национальных культур народов Востока³⁴.

При Коммунистической академии была создана специальная комиссия по изучению национального вопроса, в задачу которой входила «подготовка высококвалифицированных работников в области теории и практики национального вопроса, практического проведения национальной политики и истории национальных движений»³⁵. Этой комиссией была издана упоминавшаяся книга Е. Драбкиной, ряд других работ, среди которых обращал на себя внимание сборник архивных и газетных материалов за 1917 г., отражавших отношение различных партий к национальному вопросу³⁶. Несмотря на определенные недостатки, данное издание не потеряло своего значения³⁷.

Определенное освещение национальный вопрос в революции (преимущественно по материалам Украины) нашел в печатном органе Истпарта ЦК КП(б)У — журнале «Летопись революции». В нем печатались статьи о роли ленинской «Правды» в борьбе за решение национального вопроса, другие исследования по теме³⁸.

Одним из сложнейших аспектов рассматриваемой проблемы была оценка национально-освободительного движения в России на этапе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. В отдельных работах на местах его значение в революционной борьбе переоценивалось, на первый план выдвигался «национальный фактор». Это говорило о том, что молодая советская историческая наука еще не освободилась от неклассовых оценок этих движений как «общенациональных».

С другой стороны, имела место известная недооценка роли национального движения в революции. Здесь сказались ошибочные взгляды М. Н. Покровского, допускавшего элементы национального нигилизма. «Революция 1917 года... — писал он, — не создала сначала никакого местного движения... национальные движения появились лишь потом. А еще позже, по мере восстановления промышленности, распавшиеся в первую минуту отдельные части снова слились в единый Советский Союз»³⁹. Таким образом, видно, что М. Н. Покровский «маркировал» эти движения как только националистически-сепаратистские, ослабляющие фронт социалистической революции, что не давало возможности понять взаимосвязь классово-

вого и национального в революции в целом, диалектику их взаимодействия и сочетания.

Справедливости ради следует сказать, что М. Н. Покровский в целом признавал важность решения национального вопроса с пролетарских позиций, указывая, что пролетарская диктатура, уничтожая всякий гнет, уничтожает и гнет национальный, давая развиваться национальностям⁴⁰.

Подобный, классовый подход к национальному фактору в революции был важен для 20—30-х годов, когда борьба с его националистическими трактовками была особо актуальной задачей историков.

Ряд интересных наблюдений в этой области присутствовал в работе Е. Драпкиной. Их суть сводилась к следующему: поскольку русский империализм опирался в своей политике на феодальные элементы угнетенной нации и существовал блок между крепостническими классами колоний и метрополии, то не мог создаться и никогда исторически не возникал единый «всемирный» фронт национально-освободительного движения. Национальный вопрос имел в России строгие классовые очертания: всякая попытка национального освобождения неизменно показывала разницу классовых интересов внутри самой нации, а из этого различия вырастал диаметрально противоположное отношение противостоящих друг другу классов к проблеме национального освобождения. Последнее было возможно на путях не буржуазной, а только социалистической революции⁴¹.

И все же в рассуждениях автора при всей правильности исходных оценок имелся некоторый схематизм. Национально-освободительное движение как самостоятельный объект в книге Е. Драпкиной фактически не исследовалось, не было показано и место демократического протеста против национального гнета в освободительной борьбе.

В 20—30-е годы появились первые работы, раскрывающие в общих чертах несостоятельность национальной политики Временного правительства⁴². В них также затрагивались некоторые вопросы, связанные с усилением национально-освободительного движения после Февраля. Отметим, что статья С. М. Диманштейна содержала попытку показать процесс противоборства между социалистическими элементами, находившимися под влиянием большевиков, и национальной буржуазией за гегемонию в этом движении⁴³.

Однако если говорить в целом, хотя Коммунистическая партия и ее Центральный Комитет указывали на необходимость специального изучения национально-освободительного движения в нашей стране⁴⁴, сколько-нибудь крупных работ по теме в изучаемый период создано не было.

Уже отмечалось, что 20—30-е годы были временем борьбы с ошибочными трактовками темы. Серьезные просчеты имелись в работах профессора Ярославского университета Б. Плетнева, практиковавшего систему безосновательных аналогий между марксистским и буржуазным методами решения национального вопроса⁴⁵. Не-

даром в рецензии на одну из его книг советский юрист И. П. Трайнин заметил: «Проглядел многое профессор Плетнев. Главное — проглядел революцию и ее достижения»⁴⁶.

Ряд ошибочных положений содержали в себе работы М. Равича-Черкасского, занимавшегося национальной тематикой. В вышедшей в 1930 г. книге «Ленинизм в национальном и колониальном вопросе» он сформулировал ряд положений, свидетельствующих о недооценке классового фактора в подходе к национальному вопросу в революции, за что был подвергнут обстоятельной критике в журнале «Летопись революции»⁴⁷. М. Равич-Черкасский опубликовал еще несколько работ, в которых также допустил серьезные методологические просчеты в освещении проблем национальных отношений⁴⁸.

Серьезный разговор об опасности гипертрофирования национального вопроса в ущерб социальному, необходимости борьбы с националистическим освещением революции на примере обращения к украинской историографии шел на 1-й Всесоюзной конференции историков-марксистов. Это составило предмет выступлений М. Рубача, Н. Рубинштейна, З. Гуревича и др.⁴⁹

Иногда проявляла себя тенденция при оценке опыта революции по решению национального вопроса сводить все к государственным формам взаимоотношений народов, а не характеризовать их принципиально новую интернационалистскую сущность. Например, в популярной и в целом интересной книге С. Любимовой «СССР — союз национальностей» (М., 1930, с. 9) говорилось следующее: «...право решить вопрос о вхождении (и невхождении) в союз с другими республиками является основным, что принесла Октябрьская революция для угнетенных народов царской России». Конечно, основное, что принесла революция, заключалось в устранении социального и национального гнета.

В конце 30-х — 40-е годы хотя процесс накопления нового знания идет не столь интенсивно, но в целом поступательность его движения остается.

Великая Отечественная война потребовала усиления внимания историков к разработке вопросов патриотизма и интернационализма, дружбы народов, закладывавшейся в их совместной борьбе со «своими» и иноземными эксплуататорами. Отечественная война стала испытанием на прочность интернационального единства социалистических наций и народностей СССР, заложенного Великим Октябрем. Расчеты гитлеровских стратегов на развал многонационального Советского государства потерпели полный крах.

Подчеркивая историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции, в юбилейной статье академик Ем. Ярославский отмечал, что она разрешила национальный вопрос, который не был ранее разрешен ни в одной другой стране⁵⁰. В ранее изданном им курсе лекций по истории ВКП(б) процесс национально-государственного строительства в стране в первые годы Советской власти рассматривался как следующий шаг в укреплении дружбы

народов, начало которой положила Октябрьская социалистическая революция⁵¹.

Публикуются работы, в которых тщательнее рассматривается ленинское наследие в указанной области. Так, Е. Н. Городецкий, впервые используя такой источник, как подготовительные материалы к работам В. И. Ленина, сумел более углубленно проследить ряд аспектов проблемы развития взглядов Ленина на формы многонационального социалистического государства⁵². В статье Э. Б. Генкиной исследовались ленинские труды по национальному вопросу, раскрывалось их значение для дела обеспечения интернационального единства трудящихся в революции⁵³.

В некоторых трудах делались подступы к показу особого места национального вопроса в борьбе за победу пролетарской революции и установление Советской власти в национальных районах страны⁵⁴.

Еще до войны вышла книга, в которой предпринималась одна из первых попыток обобщенно раскрыть роль Октября в деле национального раскрепощения народов Востока⁵⁵.

Новый качественный этап в развитии историографии темы приходится на 50-е — начало 60-х годов. В условиях резкой интенсификации научного процесса происходит усиленная разработка ее как теоретических, так и конкретно-исторических направлений.

Тогда же был сделан существенный шаг вперед в изучении ленинских взглядов на федеративное устройство социалистического государства. Плодотворные шаги в этой области были сделаны в работах таких ведущих исследователей проблемы, как М. И. Куличенко и Э. В. Тадевосян⁵⁶. В их работах были подробно рассмотрены причины прихода В. И. Ленина к социалистической федерации.

Итогом изысканий советских ученых, базирующихся на скрупулезном изучении ленинского теоретического наследия, стало утверждение историко-диалектического подхода к проблеме. В литературе отмечается, что партия большевиков заранее не предопределяла форму государственного устройства и что В. И. Ленин считал после победы социалистической революции при обеспечении полного равноправия наций возможными разные формы национально-государственного устройства: либо унитарное государство, либо соединение в федерацию на правах автономии или государственного союза самостоятельных социалистических республик⁵⁷.

В современной литературе уже преодолена бытовавшая ранее точка зрения о том, что В. И. Ленин пришел к допустимости федерации только в работе «Государство и революция». Исследователи, обращаясь к теоретическому наследию вождя, показывают, что В. И. Ленин и ранее считал возможным, если этого требовал национальный вопрос, а конкретно-историческая обстановка допускала, выставлять требование федерации как менее целесообразной, чем унитарное государство, но потенциально допустимой формы. Однако считалось, что относительно возможности ее применения в условиях России Ленин до 1917 г. определенно не высказывался. Это давало основание говорить о радикальном изменении взглядов В. И. Ленина

на федерацию в России после осуществления Февральской революции.

Представляют определенный интерес высказывания К. К. Каракеева, И. Я. Копылова, Р. Я. Саликова о том, что нет никаких оснований противопоставлять ленинские представления о федерации, изложенные в работе «Государство и революция», более ранним работам и фиксировать коренной «поворот» в ленинских взглядах. По их мнению, речь может идти только о развитии с учетом новой исторической обстановки, новых конкретных фактов, тех же положений о федерации, которые высказывались раньше, переходе от признания их допустимости к признанию целесообразности⁵⁸.

Такой подход создает основу для целостного понимания ленинской концепции проблемы. Вместе с тем существует опасность недооценки качественной новизны событий 1917 г., когда социалистическая революция творила новые формы национальной государственности.

А вот как трактует вопрос Е. А. Зайцева. После победы Февральской революции, пишет она, «произошло не принципиальное изменение взглядов В. И. Ленина на федерацию, а диалектическое развитие этих взглядов. Ленин признавал допустимость федерации, ее возможность лишь в исключительных условиях буржуазных государств, на буржуазно-демократическом этапе революции. После ее победы Ленин считал федерацию наиболее целесообразной переходной формой на пути к полному единству наций в условиях борьбы за социалистическую революцию в России. Изменилось не отношение Ленина к федерации (в частности, никакого изменения в его взглядах на буржуазную федерацию не произошло), а изменился конкретный план национально-государственного устройства Советской России. Произошло это потому, что в результате победы сначала буржуазно-демократической, а затем социалистической революции в стране возникли новые исторические условия. Речь шла уже не о буржуазной федерации, а о национально-государственном устройстве Советской России, то есть социалистической федерации государств»⁵⁹.

В приведенной цитате нельзя не заметить известного противоречия в сформулированной антитезе «изменение — развитие». Если изменения взглядов В. И. Ленина не произошло, в чем выразилось их развитие? Как нам представляется, имело место (в результате действия целой группы факторов) диалектическое развитие взглядов вождя на национально-государственные формы реализации принципа самоопределения и правового закрепления интернационального единства народов в условиях Советской власти. Кроме того, не слишком ли поспешен вывод о федерации как «наиболее целесообразной форме» еще до победы социалистической революции?⁶⁰ Не умаляется ли невольно в таком случае опыт создания народами собственной государственности в первые месяцы Советской власти?

Открытие В. И. Лениным социалистической, принципиально отличной от буржуазной, федерации явилось обобщением историче-

ского опыта, когда раскрепощенные революцией народы потянулись к союзу друг с другом. В итоге глубоко научного анализа, творческого применения идей марксизма к российской действительности им был сделан важнейший вывод: социалистическая федерация не только не отрицает, но и органически включает в себя принцип демократического централизма. Приход большевиков к принципу федерации, отмечал В. И. Ленин, «есть признание того, что случилось на деле после эпохи, когда мы писали о самоопределении наций вообще. Тогда не было еще пролетарских республик. Когда они явились и только в той мере, в какой они явились, мы смогли написать... „Федеративное объединение государств, организованных по советскому типу“»⁶¹.

В 70-е годы появились работы, в которых были систематизированы важнейшие положения ленинизма в области национальных отношений на этапе социалистической революции⁶². Среди них все больший удельный вес занимают теоретические труды комплексного характера, к которым относится коллективное издание ИМЛ при ЦК КПСС «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях» (2-е изд. М., 1974), где взгляды В. И. Ленина по проблеме предстают в обобщенном историко-хронологическом контексте изучения марксистско-ленинской теории национальных отношений.

Углубленный подход к исследованию ленинских идей, стремление к их дифференцированному анализу, показ эволюции ленинских установок на отдельные аспекты проблемы присутствуют в монографиях М. И. Куличенко. Он сделал акцент на новых моментах, внесенных В. И. Лениным в теорию и программу по национальному вопросу в 1917 г., связав это с особенностями развития социалистической революции в нашей стране⁶³.

По периоду Октябрьской революции уже созданы крупные историко-партийные труды, рассматривающие интернационалистскую деятельность партии на данном стратегическом этапе, ведущую роль рабочего класса как силы, выступающей гегемоном революции⁶⁴. В этих работах раскрываются конкретные стороны партийного руководства рабочим движением многонациональной России. Особенно обращает на себя внимание монография Т. Ю. Бурмистровой, в которой на основе привлечения большого документального материала, в том числе почерпнутого из фондов ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, показываются формы и методы работы большевиков по сплочению трудящихся всех национальностей и победа Октября предстает в конечном итоге как триумф идей пролетарского интернационализма.

Весьма важным представляется выход в свет сборника материалов Всесоюзной научной сессии «Великий Октябрь и решение национального вопроса», состоявшийся в Ереване в 1974 г.⁶⁵ Материалы статей сборника, сгруппированные в разделы «Национальный вопрос в период подготовки и проведения Октябрьской революции», «Советский опыт решения национального вопроса» и др., позволили составителям не только обозначить главные структурные компоненты проблемы, но и внести существенный вклад в их исследование.

Значительную роль в изучении темы сыграли очерки истории местных партийных организаций, а также коллективные труды по истории победы Октября в национальных районах⁶⁶. В совокупности эти работы позволяют представить национально-специфический характер проявления общих закономерностей победы принципов пролетарского интернационализма в масштабах всей страны.

В новейшей историографии наметились существенные сдвиги в исследовании проблем национально-освободительного движения в революции. Перед историками встала задача конкретного изучения национальных движений в России, требовавшая на основе анализа социальных противоречий показать процесс объединения сил угнетенных народов с русским народом в борьбе против национального гнета, изучить, как шло создание общего фронта всероссийского революционного движения пролетариата и было достигнуто объединение борьбы всех национальностей страны⁶⁷.

Большое значение для углубленной разработки темы имело проведение сессии научного совета Института истории АН СССР, материалы которой были изданы двумя выпусками⁶⁸. В опубликованных в них статьях М. А. Рубача, М. К. Мухарямова, Х. Т. Турсунова и других авторов говорилось о неразрывной связи национально-освободительного движения народов России с революционным движением пролетариата. При этом указывалось, что ни один поток революции не был отделен от другого «китайской стеной»: трудящиеся национальных районов были участниками и социалистического движения и входили в состав демократического лагеря национально-освободительного движения. Данный вывод представляет несомненный интерес для изучения взаимодействия потоков в социалистической революции.

Позже была проделана значительная работа по освещению истории национально-освободительного движения⁶⁹. Существенный вклад внесен академиком И. И. Минцем. Во втором томе его фундаментального труда «История Великого Октября» (М., 1968) прослеживается на широкой источниковедческой основе динамика развития национально-освободительного движения, его слияние с социалистическим движением рабочего класса.

Появились публикации, освещающие проблему на материалах отдельных регионов. В них достаточно углубленно и подробно изучаются процессы, происходившие в национальном движении: его эволюция, кристаллизация в нем двух противоположных потоков — революционно-демократического и буржуазно-националистического⁷⁰. Однако еще предстоит провести более дифференцированный научный анализ самого механизма размежевания этих потоков. Как справедливо отмечается в литературе, «прощупать» революционно-демократический поток не так-то просто: сказывается узость источниковой базы⁷¹.

Очень важным предполагается выяснение хронологических рамок начала и окончания этого размежевания, а также судеб самого национально-освободительного движения. Существуют следующие мнения на этот счет. Д. А. Чугаев считал, что сразу же

после Февраля революционно-демократическое движение являлось самостоятельным на Украине, в Белоруссии и Закавказье, а в Средней Азии и Казахстане революционные силы приобрели самостоятельное развитие и вошли в общий поток перед Октябрем⁷². По мнению И. Р. Тагирова в ходе революции произошло окончательное размежевание сил в национальном движении: его правое, буржуазно-националистическое, крыло слилось с общероссийской контрреволюцией, а левое, революционно-демократическое,— соединилось с революционной борьбой пролетариата за власть Советов, и осенью 1917 г. национально-освободительное движение превратилось в поток пролетарской революции⁷³.

Однако диалектика этой поляризации, как представляется, на практике была значительно более сложной. Сам И. Р. Тагиров пишет о наличии промежуточных сил в национальном движении, создающих впечатление о его единстве и представленных мелкобуржуазной интеллигенцией. О мелкобуржуазном направлении, играющем наряду с клерикально-байским и революционно-демократическим серьезную роль в национальном движении Средней Азии и Казахстана, упоминает и В. П. Наумов⁷⁴.

Исследователи подчеркивают, что изменение классовой сущности национально-освободительного движения представляло собой исторический процесс, происходило постепенно, в борьбе с национальной буржуазией. Высказываются соображения о том, что окончательное превращение этого движения из общедемократического в социалистическое было в основном завершено уже «в послеоктябрьский период, так как национальной буржуазии, активно применявшей националистическую и социальную демагогию, некоторое время все еще удавалось удерживать под своим влиянием значительную часть трудящихся национальных районов»⁷⁵.

Явно не хватает обобщающих трудов о национально-освободительном движении в масштабе страны, в которых была бы дана полная картина всех его компонентов. По-прежнему остается актуальной задача, поставленная в свое время М. И. Куличенко: исследовать соотношение классового и национального в содержании национально-освободительного движения как такового, показать первостепенное значение первого и недопустимость ослабления внимания ко второму, выявить общие закономерности и национальные особенности в социалистической революции на местах и др.⁷⁶

На наш взгляд, необходим типологический подход к национально-освободительному движению, учет особенностей каждого из районов, расстановки классовых группировок, степени политической сознательности трудящихся, силы национальных, религиозных и других обычаев и традиций и т. п. Только в таком случае возможно полностью раскрыть ход создания и механизм функционирования единого интернационального фронта борьбы трудящихся национальных районов в союзе с русским пролетариатом за демократию и социализм.

В современной литературе более подробно показывается несостоятельность национальных платформ буржуазных и мелкобур-

жуазных партий. Советские историки показывают великодержавный характер их политики в национальном вопросе. Наблюдается тенденция более скрупулезно показать отношение к национальному вопросу Временного правительства. Отмечается, что оно не ставило и не могло решить его и речь могла идти лишь о некоторых сдвигах в отношении национальных ограничений, вызванных ростом национально-освободительного движения. Отмена некоторых этих ограничений, как указывается в литературе, была вынужденной мерой со стороны Временного правительства и была завоевана трудящимися различными национальностей, принимавшими участие в революции⁷⁷.

Появились работы, в которых более детально изучается отношение к национальным проблемам буржуазных и мелкобуржуазных партий в 1917 г.⁷⁸ Глубже исследуется политическая линия в указанной области националистических группировок на местах, их закономерный крах, вызванный полной неспособностью обеспечить национальные и социальные интересы народов⁷⁹. И здесь — на повестке дня подготовка комплексных трудов общесоюзного уровня. Помимо самостоятельного значения, их выход поможет уточнить и некоторые спорные вопросы: был ли «распад» России в 1917 г., какова была позиция буржуазии национальных районов в целом и т. п.⁸⁰

Все более обстоятельно анализируется международное значение опыта Великого Октября в решении национального вопроса. Особенностью новейшего этапа изучения проблемы является то, что ее аспекты исследуются более дифференцированно. Усиливается взаимодействие ученых различных направлений — историков СССР, востоковедов, философов⁸¹. Однако до сегодняшнего дня актуальны совместные работы обществоведов различных профилей в исследовании вопросов общего, особенного и единичного в историческом опыте Великого Октября в решении одного из самых сложных вопросов, которые знало человечество.

Логика развития научного знания подводит к необходимости появления крупных историографических работ по теме. Решение этих задач поможет более фундаментальному раскрытию истоков рожденной Октябрем братской дружбы народов нашей многонациональной социалистической Родины.

¹ Дрaбкина Е. Национальный и колониальный вопрос в царской России. М., 1930.

² Карпич В. О теоретических проблемах Советского Востока и постановке их изучения. — Революция и национальности, 1930, № 1, с. 101.

³ См.: Труды 1-й Всесоюзной конференции историков-марксистов. М., 1930. Т. 1.

⁴ Куличенко М. И. Юбилейная литература о месте и роли национального вопроса в Октябрьской революции. — Вопр. истории КПСС, 1969, № 3.

⁵ Наумов В. П. Анализ советской историографии установления Советской власти в национальных районах России. — В кн.: Установление Советской власти в национальных районах России. Кишинев, 1979; *Он же*. Великий Октябрь в национальных районах. — В кн.: Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1981.

- ⁶ Макарова Г. П. Великий Октябрь и национально-освободительное движение в восточных районах России: Средняя Азия, Казахстан, Поволжье, Приуралье. Историография.— В кн.: Установление Советской власти в национальных районах России; Воробцова Ю. И. Великий Октябрь и пролетарский интернационализм.— В кн.: Великий Октябрь и исторические завоевания советского народа. Л., 1980.
- ⁷ Городецкий Е. Н. Советская историография Великого Октября. 1917 — середина 30-х годов. М., 1981; Он же. Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. М., 1982.
- ⁸ Историография истории СССР: Эпоха социализма. М., 1982; Ефремова Л. П. Из историографии создания и борьбы иностранных групп РКП(б) за осуществление принципов пролетарского интернационализма.— В кн.: Проблемы историографии и источниковедения истории КПСС. М., 1982.
- ⁹ Кулешов С. В., Рудь А. С. Историография ленинской национальной политики большевиков в трех российских революциях. М., 1982; Камалетдинова Н. М., Кулешов С. В. Борьба ленинской партии за интернациональное единство трудящихся, 1917—1922: Историогр. обзор.— Вопр. истории КПСС, 1983, № 10.
- ¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 138; т. 25, с. 274.
- ¹¹ См.: Там же, т. 25, с. 300; Конспект переписки К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1968, с. 417; Ленинский сборник, XXX, с. 182—213 и др.
- ¹² См.: Библиотека В. И. Ленина в Кремле. М., 1961, с. 133.
- ¹³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 351.
- ¹⁴ Владимир Ильич Ленин: Биогр. хроника. М., 1974, т. 3, с. 561, 577, 196, 199.
- ¹⁵ См. напр.: Ленинский сборник, XXVII, с. 240, 253, 267 и др.; Ленинский сборник, XXX, с. 10—25, 75 и др.
- ¹⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 209.
- ¹⁷ Крупская Н. К. Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1972, с. 281.
- ¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 253, 263.
- ¹⁹ См.: Там же, т. 31, с. 167.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ См.: Там же, с. 437; т. 32, с. 350—352; т. 35, с. 115; и др.
- ²² Миллюков П. Россия на переломе. Париж, 1927, т. 1, с. 218.
- ²³ Станкевич В. Судьбы народов России. Берлин, 1921, с. 15.
- ²⁴ Подробно об этом см.: Булдаков В. П., Кулешов С. В. История образования СССР и критика ее фальсификаторов. М., 1982.
- ²⁵ Смена вех, Смоленск, 1922, с. 49, 51.
- ²⁶ Мануильский Д. З. Национально-колониальный вопрос. М., 1924, с. 25.
- ²⁷ Лидак О. А. П. Н. Миллюков как историк.— В кн.: Русская историческая литература в классовом освещении. М., 1930, т. 2, с. 185.
- ²⁸ Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933, вып. 2, с. 127 и др.
- ²⁹ Калинин М. И. Избранные произведения. М., 1960. Т. 1. 1917—1925; Киров С. Избранные статьи и речи. М., 1944; Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи: В 2-х т. М., 1956. Т. 1; Сталин И. В. Сочинения. М., 1946; Т. 3. М., 1947; Т. 5; Шаумян С. Г. Избранные произведения: В 2-х т. М., 1958. Т. 2.
- ³⁰ См.: Ходоров А. Е. Ленин и национальный вопрос.— Новый Восток, 1924, № 5; Павлович Мих. В. И. Ленин и национальный вопрос.— Под знаменем марксизма, 1924, № 1; Попов Н. Н. Ленин о национальном вопросе. М., 1925.
- ³¹ Покровский М. Н. Ленин и история.— Борьба классов, 1931, № 1, с. 5.
- ³² Баяевский Д. А. Партия в годы империалистической войны.— В кн.: Очерки по истории Октябрьской революции. М.; Л., 1927.
- ³³ См.: Бройдо Г. И. Исходный момент в строительстве СССР.— Жизнь национальностей. 1923, кн. 2; Рейхель М. О. Очерки конституционных взаимоотношений советских республик. Харьков, 1925. Ч. 1.
- ³⁴ См.: Учен. зап. ин-та этнических и национальных культур народов Востока 1930, т. 2, с. 244, 253.
- ³⁵ Цит. по: Левин И. Подготовка научных кадров по национальному вопросу.— Революция и национальности, 1930, № 3, с. 116.
- ³⁶ Революция и национальный вопрос: Документы и материалы по истории нац. движения в России и СССР в XX в. М., 1933. Т. 3. 1917 — февраль — октябрь.

- ³⁷ См.: *Чугаев Д. А.* Археография и источниковедение. М., 1969, с. 16.
- ³⁸ См., напр.: *Коваленко М.* «Правда» в борьбе за ленинские развязания украинского питання в 1917 г.—Літопис революції, 1932. № 3/4; и др. Об этом также см.: *Комаренко Н. В.* Журнал «Літопис революції»: Историографічний нарис. Київ, 1970, с. 50—51.
- ³⁹ Красный архив, 1925, т. 4/5 (11/12), с. VII.
- ⁴⁰ Историк-марксист, 1929, т. 11, с. 8.
- ⁴¹ См.: *Драбкина Е.* Указ. соч., с. 7.
- ⁴² См., например: *Корбут М.* Национальное движение в Волжско-Камском крае: Национальные съезды в период Временного правительства.—Революционный Восток. 1929. № 7. *Кастельская Э.* Национальная политика Временного правительства в Узбекистане.—Ист. журн., 1937, № 2; *Диманштейн С.* Февральская буржуазно-демократическая революция и национальный вопрос.—Революция и национальность, 1937, № 3.
- ⁴³ Заметим, что ранее, во вступительной статье к сборнику «Революция и национальный вопрос», С. М. Диманштейн утверждал, что игнорирование национального вопроса местными большевистскими организациями «было довольно распространенным явлением». За это он был подвергнут справедливой критике П. Рысаковым. См.: Революция и национальность, 1930, № 1, с. 124.
- ⁴⁴ Так, в известных «Замечаниях по поводу конспекта учебника по „Истории СССР“ И. Сталина, А. Жданова и С. Кирова» в числе других вопросов указывалось на то, что «в конспекте не даны условия и истоки национально-освободительного движения покоренных царизмом народов России и, таким образом, Октябрьская революция как революция, освободившая эти народы от национального гнета, остается немотивированной...» (Историк-марксист, 1936, кн. 1, с. 5).
- ⁴⁵ См.: *Плетнев Б.* Национальная проблема в России и методы ее разрешения. Ярославль, 1922; *Он же.* Национальность и государство. Ярославль, 1921.
- ⁴⁶ Жизнь национальностей, 1923, № 3/4, с. 220.
- ⁴⁷ *Коваленко М.* В полоні буржуазної концепції.—Літопис революції, 1932, № 1/2, с. 209, 217 и др.
- ⁴⁸ Об этом см.: *Кулешов С. В., Рудь А. С.* Указ. соч., с. 48—49, 55—56.
- ⁴⁹ Труды 1-й Всесоюзной конференции историков-марксистов, т. 1, с. 453, 437, 440 и др.
- ⁵⁰ *Ярославский Ем.* Историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции.—Ист. журн., 1942, № 10, с. 15.
- ⁵¹ *Ярославский Ем.* Курс истории ВКП(б). М., 1941, с. 36.
- ⁵² *Городецкий Е.* Как Ленин работал над книгой «Государство и революция».—Большевик, 1941, № 1.
- ⁵³ *Генкина Э.* Ленин о братстве и дружбе народов СССР.—Большевик, 1943, № 1. Несколько более подробно эти вопросы были изложены в вышедшей двумя изданиями книге того же автора: Образование Союза Советских Социалистических Республик. М., 1943; Образование СССР. 2-е изд. М., 1947.
- ⁵⁴ История гражданской войны в СССР. М., 1942. Т. 2; *Генкина Э.* Победа Великой Октябрьской социалистической революции на местах.—Ист. журн., 1942, № 10.
- ⁵⁵ *Житов К., Непомнин В.* От колониального рабства к социализму: К 15-летию образования Узбекской ССР. Ташкент, 1939.
- ⁵⁶ *Гидевосян Э. В. В. И. Ленин о государственной федерации: Дооктябрьский период.*—Вопр. истории КПСС, 1961, № 2; *Он же.* В. И. Ленин о государственных формах решения национального вопроса в СССР. М., 1970; *Куличенко М. И. В. И. Ленин о федерации и ее роли в строительстве советского многонационального государства.*—Вопр. истории КПСС, 1962, № 6; *Он же.* Борьба Коммунистической партии за решение национального вопроса в 1918—1920 гг. Харьков, 1963; *Он же.* Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М., 1972.
- ⁵⁷ *Зевин В. Я.* Торжество ленинских идей о строительстве многонационального социалистического государства.—Коммунист, 1973, № 5.
- ⁵⁸ *Каракеев К. К., Копылов И. Я., Саликов Р. Я.* Проблемы управления строительством советского многонационального государства. М., 1982, с. 70.

- ⁵⁹ *Зайцева Е. А.* Труды классиков марксизма-ленинизма — методологическая основа национальной политики КПСС.— В кн.: Национальная политика КПСС: Очерк историографии. М., 1981, с. 34.
- ⁶⁰ Подобной точки зрения придерживаются В. Я. Алексеев (см.: *Алексеев В. Я.* Развитие В. И. Лениным теоретических основ национального строительства в последних работах по национальному вопросу.— В кн.: В. И. Ленин и некоторые вопросы развития науки. Уфа, 1971); Д. А. Нансо (см.: *Нансо Д. А.* Марксизм-ленинизм о государственных формах разрешения национального вопроса.— В кн.: Образование СССР — торжество ленинской национальной политики. Пятигорск, 1972, с. 26) и некоторые другие исследователи.
- ⁶¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 159.
- ⁶² См., напр.: *Джамгерчинов Б. Д.* Марксистско-ленинское решение национального вопроса. Ашхабад, 1969; *Зевин В. Я.* Разработка В. И. Лениным программы и политики Коммунистической партии по национальному вопросу. М., 1970; *Авизян А. К.* Ленинская национальная политика в развитии и действии. М., 1972; *Воробей П. И., Пляшко Г. А.* В. И. Ленин и национальный вопрос в период трех русских революций. Одесса, 1972, и др.
- ⁶³ *Куличенко М. И.* Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М., 1972; *Он же.* Образование и развитие Союза ССР: Проблемы теории, программы и политики КПСС. Ереван, 1982.
- ⁶⁴ *Грошев И. И.* Исторический опыт КПСС по осуществлению ленинской национальной политики. М., 1967; *Бурмистрова Т. Ю.* Национальный вопрос и рабочее движение в России. М., 1969; *Маланчук В. Е.* Исторический опыт КПСС по решению национального вопроса и развитию национальных отношений в СССР. М., 1972; *Галоян Г. А.* Рабочее движение и национальный вопрос в Закавказье. Ереван, 1969; и др.
- ⁶⁵ Великий Октябрь и национальный вопрос. Ереван, 1977.
- ⁶⁶ Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана. Баку, 1963; Очерки истории Коммунистической партии Армении. Ереван, 1967; Очерки истории Коммунистической партии Грузии. М., 1971; Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана. Ташкент, 1974; Очерки истории Коммунистической партии Украины. Киев, 1977; Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1967; Октябрь в Поволжье, 1967; Победа Советской власти в Закавказье. Тбилиси, 1971; Победа Советской власти на Украине. М., 1967; и др.
- ⁶⁷ Об этом см.: *Пономарев Б. Н.* Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории. М., 1962, с. 25.
- ⁶⁸ Национальный вопрос накануне и в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1964. Вып. 2.
- ⁶⁹ Несколько книг по теме появилось уже в конце 50-х годов, однако многие вопросы в них были лишь поставлены. См. напр.: *Поляков Д. Е., Фурсова Л. И.* Партия и национальные резервы в Октябрьской революции. М., 1958; *Мансветов Н. В.* Национально-освободительное движение в России в период Октябрьской революции. М., 1959.
- ⁷⁰ *Королевский С. М., Супруненко Н. И., Рубач М. А.* Победа Советской власти на Украине. М., 1967; *Ионенко И. М.* К вопросу о национально-демократическом движении солдатских масс от Февраля к Октябрю 1917 г.— В кн.: Очерки истории Поволжья и Приуралья. Казань, 1969, вып. 2/3; *Курап I. Ф.* В. И. Ленин и национально-визвольний рух трудивників в Україні у Жовтневій революції. Київ, 1971; *Валеев Р. К.* Революционное движение в Среднем Поволжье, Июль — октябрь 1917 г. Казань, 1972; *Он же.* Назревание общенационального кризиса и его проявление в Поволжье и на Урале в 1917 году. Казань, 1979; *Кашкаев В. О.* От Февраля к Октябрю: Национально-освободительное движение в Дагестане. М., 1972; *Тагиров И. Р.* Революционная борьба и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале, Февраль — июль 1917. Казань, 1977; *Он же.* В борьбе за власть Советов: Октябрь и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале, Июль 1917 — март 1918 г. Казань, 1977; *Макарова Г. П.* Из истории национально-освободительного движения в России в 1917 году: Восточные районы. М., 1979; и др.

- 71 *Макарова Г. П.* Великий Октябрь и национально-освободительное движение в восточных районах России, с. 170.
- 72 *Чуаев Д. А.* Публикация документов по национальному движению в десятилетии по истории Великой Октябрьской социалистической революции.— В кн.: Национальный вопрос накануне и в период проведения Великой Октябрьской социалистич. революции, с. 73.
- 73 *Тагиров И. Р.* Революционная борьба и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале, Март 1917 — март 1918 г.: Дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 1978, с. 395.
- 74 Там же, с. 11, 173 и др.; *Наумов В. П.* Великий Октябрь в национальных районах.— В кн.: Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции, с. 187.
- 75 Рабочий класс — ведущая сила Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1981, с. 130.
- 76 *Куличенко М. И.* Национальные отношения в СССР и тенденции их развития, с. 189—195.
- 77 *Пушкарева И. М.* Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1982, с. 251—255; *Старцев В. И.* Внутренняя политика Временного правительства. Л., 1980, с. 217—218.
- 78 *Рубан Н. Ф.* Октябрьская революция и крах меньшевизма. М., 1968; *Муджир В. П.* Антинародная сущность программ по национальному вопросу всероссийских мелкобуржуазных партий.— В кн.: Великий Октябрь и национальный вопрос; *Булдаков В. П., Кулешов С. В.* Указ. соч., с. 50—78; и др.
- 79 *Мухарямов М. К.* Контрреволюционный характер политики мусульманских националистических организаций России.— В кн.: Великий Октябрь и национальный вопрос; *Демидов В. А.* Октябрь и национальный вопрос в Сибири. Новосибирск, 1978; *Курас И. Ф.* Торжество пролетарского интернационализма и крах мелкобуржуазных партий на Украине. Киев, 1978; Непролетарские партии и организации национальных районов России в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1980; и др.
- 80 Например, *И. П. Цамерян*, полемизируя с *М. И. Куличенко*, писал: «Неубедительно его положение о том, что в большинстве случаев националистическая буржуазия до Октября выступала против отделения от России. В действительности буржуазно-националистические, контрреволюционные организации, возникшие на окраинах, еще до Октября развернули активную сепаратистскую деятельность» (*Цамерян И. П.* Теоретические проблемы образования и развития советского многонационального государства. М., 1973, с. 88). Думается, что как раз прав *М. И. Куличенко*. Академик *И. И. Минц* также указывает, что до Октябрьской революции национальная буржуазия в целом верно служила Временному правительству. См.: Год 1918-й. М., 1982, с. 153.
- 81 См.: Великий Октябрь, социализм и национальный вопрос. Ереван, 1982; Великий Октябрь и решение национального вопроса. Ереван, 1982; Великий Октябрь и Африка. М., 1980; Советский опыт решения национального вопроса и его значение для народов Азии и Африки. Ереван, 1982; и др.

СОВЕТЫ КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ 1917 — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1918 г. В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В. П. Семьянинов

Интерес к истории Советов определяется той огромной ролью, которую они сыграли в складывании и укреплении союза рабочих и крестьян и победе Великого Октября. Хорошо известны ленинские оценки значения Советов и указания о необходимости изучения опыта их революционной деятельности¹. Среди работ по различным вопросам истории 1917—1918 гг. многие в той или иной степени посвящены крестьянским Советам, но в историографическом плане они рассмотрены пока недостаточно.

История изучения крестьянских Советов не нашла отражения в таких работах, как «Партия и Великий Октябрь: Историографический очерк» (М., 1976) и «Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции» (М., 1981). Лишь Е. Н. Городецкий дал основательный анализ вклада ряда исследователей 30—60-х годов в изучение крестьянских Советов². Имеются также две статьи Е. Г. Гимпельсона об изучении послеоктябрьских Советов³, в свое время оказавшие большое влияние на привлечение внимания исследователей к крестьянским Советам. Обобщение опыта Советов периода революции и гражданской войны было названо в них задачей большого научного и практического значения, указаны основные недостатки литературы о Советах (иллюстративность, выборочность фактов вместо их анализа), определены наиболее эффективные методы изучения местных Советов (обобщение массовых архивных материалов).

В 1973 г. Г. А. Герасименко подвел итоги изучению докомбедовских волостных Советов, указал на многочисленные противоречия в их оценках, недостаточно полный учет роли и политического веса среднего крестьянства, отсутствие конкретно-исторических исследований о деятельности этих Советов, изолированность в рассмотрении каждого звена крестьянских организаций 1917—1918 гг. и др.⁴

В ряде других статей встречаются отдельные высказывания об общем состоянии изучения крестьянских Советов, сводящиеся в основном к мнению о недостаточной их исследованности или к кратким характеристикам работ, написанных по материалам отдельных регионов, среди которых выделяется проблемная статья Ю. В. Журова⁵. Анализируя основные оценки низовых Советов в сибирской деревне в первое полугодие Советской власти, Ю. В. Журов отметил незаконченность конкретно-исторического исследования этой проблемы и высказал мысль о том, что точное установление характера и места крестьянских Советов в общем революционном процессе 1917—1918 гг. поможет разрешить ряд кардинальных вопросов истории тех лет.

Ряд историографических проблем ждут своего исследователя.

Не выявлен вклад исследователей 70—80-х годов. Остается пока в стороне учет вовлечения в научный оборот новых источников, хотя это имеет особое значение для углубленного изучения крестьянских Советов. Представляет научный интерес определение преобладающих и наиболее аргументированных точек зрения по вопросам создания и деятельности этих организаций.

Изучение дооктябрьских крестьянских Советов^{1*} ведется с момента их появления. Социальную базу, силу и слабость этих организаций, тенденции развития глубоко вскрыл В. И. Ленин в ряде своих выступлений и работ, в том числе в книге «Пролетарская революция и ренегат Каутский». «Сначала Советы,— писал В. И. Ленин,— объединяли крестьянство в целом. Незрелость, отсталость, темнота именно беднейших крестьян отдавала руководство в руки кулаков, богатеньких, капиталистов, мелкобуржуазных интеллигентов. Это была пора господства мелкой буржуазии, меньшевиков и социалистов-революционеров... Мелкая буржуазия неминуемо, неизбежно колебалась между диктатурой буржуазии (Керенский, Корнилов, Савинков) и диктатурой пролетариата, ибо ни на что самостоятельное мелкая буржуазия неспособна, по коренным свойствам ее экономического положения...

Колебания мелкой буржуазии, меньшевиков и эсеров, просветили массы и оттолкнули громадное большинство их, все „низы“, всех пролетариев и полупролетариев, от таких „вождей“. В Советах получили преобладание (в Питере и Москве к октябрю 1917 года) большевики, среди эсеров и меньшевиков усилился раскол»⁶.

Эти слова В. И. Ленина относятся к дооктябрьским крестьянским Советам и прежде всего к центральным и губернским, но некоторые советские историки распространяют их и на послеоктябрьские, особенно на докомбедовские низовые Советы. Тем самым допускается ошибка, искажающая историю Октября в деревне, ибо приведенные выше слова В. И. Ленина о господстве мелкой буржуазии, меньшевиков и социалистов-революционеров никак нельзя отнести к Советам 1918 г., в которых уже не было этого господства антибольшевистских партий, так как массы, подчеркивал В. И. Ленин, колебания мелкой буржуазии уже оттолкнули от эсеро-меньшевистских «вождей»⁷. Неверное понимание данного высказывания В. И. Ленина приводит к игнорированию изменений в политических настроениях масс и принижает результаты борьбы партии большевиков за трудящееся крестьянство.

В издававшихся в первые годы Советской власти научно-популярных и инструктивных статьях и брошюрах о советском строительстве дооктябрьские крестьянские Советы не затрагивались⁸.

Первым крупным историком крестьянских Советов 1917 г. был А. В. Шестаков. Им было введено в научный оборот значительное количество документального материала⁹. Если крестьянское движение освещалось А. В. Шестаковым в основном правильно, то в

^{1*} В связи с тем что между дооктябрьскими и послеоктябрьскими Советами крестьянских депутатов имеется существенная разница, история их изучения также рассматривается в отдельности.

оценке Советов крестьянских депутатов им допущены отдельные неточности. На них уже указывали Т. А. Ремезова и Н. А. Кравчук (в частности, некритическое отношение к источнику эсеровского происхождения о Всероссийском Совете крестьянских депутатов, преувеличение инициативной роли эсеров, Крестьянского союза и кооперативов и умаление роли рабочих Советов в развитии крестьянского движения)¹⁰. Такого рода упущения были характерны не только для А. В. Шестакова, но и для некоторых других представителей интенсивно развивавшейся во второй половине 20-х годов исторической науки. Главное же состоит в том, что А. В. Шестаков, как ведущий исследователь крестьянских Советов, заложил широкую основу для последующего изучения этих организаций, определил основные направления их исследования.

В те же годы С. М. Дубровский верно отметил тенденцию быстрого «полевения» местных Советов в 1917 г. под влиянием рабочих и возвращавшихся с фронта солдат¹¹.

Во второй половине 30-х — начале 40-х годов было опубликовано еще несколько статей о Советах. В них в отличие от работ конца 20-х годов более определенно говорится о преимущественном влиянии рабочих Советов на перенесение в деревню советской формы организации крестьянского движения. Советам накануне Октября (сентябрь — октябрь 1917 г.) посвящена одна из статей такого крупного специалиста по истории советского строительства в деревне, как В. Н. Аверьев. Он, в частности, отметил факт слабого распространения Советов в волостях и в селах и незначительную степень большевизации уездных и губернских крестьянских Советов и подчеркнул мысль о влиянии в них эсеров с самого начала революции¹².

К концу 30-х — середине 50-х годов относятся исследования еще одного историка крестьянских Советов — Т. А. Ремезовой¹³. Целью автора было показать на конкретном материале борьбу большевиков за крестьянские Советы, роль в их создании Советов рабочих депутатов, особенно местных, а также руководство рабочего класса процессом организации крестьян через профсоюзы, землячества и т. д. Т. А. Ремезова сделала попытку проанализировать деятельность местных Советов, в том числе низовых. Вместе с тем, как показали последующие исследования О. Н. Моисеевой, Т. А. Ремезова преувеличивает степень большевизации Советов крестьянских депутатов и очищения их от эсеров-кулацких элементов до октября 1917 г. Не вызывают возражений выводы Т. А. Ремезовой о гораздо меньшем влиянии эсеров и меньшевиков в местных Советах, чем в центральных, о готовности ряда волостных и сельских Советов поддерживать большевистские лозунги¹⁴.

Со второй половины 50-х годов основной формой изучения Советов стали монографии. В 1960 г. вышла книга Х. А. Ерицяна «Советы крестьянских депутатов в Октябрьской революции» (М., 1960), одна глава которой посвящена истории крестьянских Советов в период подготовки Октябрьской революции. Автор писал об усилиях эсеров подчинить Советы крестьянских депутатов Вре-

менному правительству, стремлении противопоставить их рабочим и солдатским Советам и препятствовать объединению пролетариата и крестьянства. Выводы и оценки Х. А. Ерицяна близки тем, которые были сделаны Т. А. Ремезовой. Им отмечена также особенность деятельности эсеров в крестьянстве: на словах — защита крестьян, на деле — буржуазии. «Об этом свидетельствует,— пишет автор,— вся работа Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов»¹⁵.

Работа Х. А. Ерицяна была написана на основе опубликованных материалов и не могла считаться исчерпывающим исследованием, поэтому вскоре О. Н. Моисеева в книге «Советы крестьянских депутатов в 1917 г.» (М., 1967) предприняла новую попытку монографического изучения крестьянских Советов 1917 г. На первое место в этой книге были поставлены такие коренные вопросы темы, как борьба партий за крестьянские организации, участие Советов в борьбе против помещичьего землевладения, влияние пролетарских центров на крестьянские Советы и объединение последних с рабочими и солдатскими Советами, а также внесены новые аспекты: деятельность крестьянских комитетов, влияние солдат на Советы крестьянских депутатов и др.

Монография О. Н. Моисеевой подводила итог изучению Советов крестьянских депутатов 1917 г. на базе опубликованных источников. Вместе с тем О. Н. Моисеева, на наш взгляд, начала новый этап, характеризуемый расширением источниковой базы путем выявления неизвестных ранее данных о местных Советах, в том числе материалов анкетного характера о низовых организациях. О. Н. Моисеева раскрывает принципиальное отношение партии большевиков к крестьянским Советам, отмечает интенсивную работу тех Советов рабочих и солдатских депутатов, в которых значительным влиянием пользовались большевики, по организации крестьянства. Убедительно обоснованы причины раздельного существования Советов, объяснявшиеся и противодействием эсеров, и тем немаловажным обстоятельством, что в начальный период организации и деятельности Советов лишь нащупывались формы и методы их связи между собой.

Как и Т. А. Ремезова, О. Н. Моисеева проводит различие между низовыми Советами и вышестоящими осенью 1917 г.: первые под напором масс активизировали свои действия, но большинство губернских и примерно половина уездных Советов оставались в руках правых эсеров. Заслугой автора является также попытка дать ответ на такие важные вопросы, как партийный состав крестьянских Советов, их количество и др. Но деятельность Советов из-за недостатка привлеченных архивных материалов рассмотрена лишь в общих чертах и не может считаться достаточно раскрытой.

К специальным монографическим работам относятся также очень близкие к данной тематике исследования А. С. Смирнова о борьбе партии большевиков за Советы крестьянских депутатов как органы революционной власти в деревне, ее деятельности в землячествах, на крестьянских съездах¹⁶. В 1979 г. появилась его книга «Кре-

стьянские съезды в 1917 г.), внесшая новые моменты в изучение крестьянских Советов. Отмечая факт организационного руководства эсеров большинством съездов, Советов и комитетов, А. С. Смирнов не считает, что трудящееся крестьянство, и особенно деревенская беднота, во всем следовало политике социалистов-революционеров. Автор указал на такой распространенный недостаток в исследованиях: историки часто не учитывали специфику крестьянских Советов как временных съездов депутатов крестьян уезда или губернии, поэтому, говоря об объединении Советов рабочих и солдатских депутатов с крестьянскими, упускали из виду, что объединялись главным образом исполкомы крестьянских Советов, так как депутаты находились в деревне и вступали в контакт с рабочими лишь эпизодически. Более тесная связь крестьян с рабочими и солдатами начала складываться лишь после победы Октябрьской революции в столице и губернских центрах. А. С. Смирнов указал также на неправомочность именования исполкомов Советов (съездов) Советами крестьянских депутатов. «Эти понятия,— подчеркивает автор,— отнюдь не адекватны. В ряде случаев, особенно осенью 1917 года и после победы Октября, действия и решения правоэсеровских исполкомов Советов часто расходились с резолюциями, требованиями съездов (Советов) крестьянских депутатов»¹⁷.

В 60—70-е годы вышло также несколько специальных статей, написанных по материалам отдельных регионов и губерний. Так, в статье М. Б. Шейнфельда рассматриваются пути организации Советов крестьянских депутатов в Енисейской губернии¹⁸. Несколько статей о крестьянских Советах Западной Сибири 1917—1918 гг. написал Г. А. Кордонский. Представляет интерес объяснение причин слабой организации их низового звена в данном районе. Г. А. Кордонский считает, что сами крестьяне не видели заметной разницы между существовавшими тогда политическими и общественными организациями. Деятельность крестьянских Советов, по мнению автора, была совершенно «безликой» и не служила примером для трудящихся масс деревни¹⁹.

Вопросы создания и истории Советов крестьянских депутатов освещаются также в статьях других авторов²⁰. Все они вносят новые данные о крестьянских организациях и межпартийной борьбе, вскрывают особенности советского строительства в различных районах страны и при недостатке монографических исследований о местных советах имеют определенное значение для историографии подготовки Октября в деревне.

В 50—80-е годы издан ряд монографий по более общим темам, затрагивающих вопросы истории крестьянского движения и Советов. Таких работ очень много. Среди них выделяются глубиной теоретического анализа и обобщений труды И. И. Минца, Е. Н. Городецкого, П. Н. Соболева, П. Н. Першина, А. М. Андреева, Б. М. Морозова и др.²¹ Эти исследования способствовали преодолению недостатков в трактовке революционных событий 1917 г. в деревне, утверждению более объективных оценок места и роли Советов крестьянских депутатов в революции.

Большой интерес для исследователей крестьянских Советов представляют книги по истории эсеровской партии, о работе большевиков среди крестьянства до Октября, народном правотворчестве (Ю. С. Токарев), крестьянском движении (Н. А. Кравчук) и т. д.²²

Наконец, имеются многочисленные исследования по истории подготовки и проведения Октябрьской революции и Советов в пределах всех регионов и губерний страны²³. Чаще всего их авторы лишь кратко касаются вопросов истории крестьянских Советов, поскольку это необходимо для воссоздания общей картины революционных событий 1917—1918 гг. Приводятся отдельные сведения о возникновении Советов крестьянских депутатов, их партийном руководстве. Среди них есть работы, вносящие значительный вклад в изучение дооктябрьских Советов. Например, Т. Я. Драудин исследовал вопросы образования и деятельности волостных Советов безземельных, существовавших почти во всех волостях неоккупированной части Латвии²⁴. И. С. Лутовинов установил, что осенью 1917 г. подавляющее большинство крестьянских Советов северо-западных губерний России отошло от правых эсеров, а значительная часть, в том числе все Советы безземельных, были завоеваны большевиками²⁵. Э. М. Шагин на примере восточных окраин России обосновал положение об отрицательном влиянии на деятельность крестьянских Советов их оторванности от рабочих и солдатских Советов, объединению с которыми серьезно препятствовало эсеровское руководство областных Советов крестьянских депутатов²⁶.

В 70-е годы заметный вклад в историографию крестьянских Советов внесли историки Поволжья, прежде всего Г. А. Герасименко, подготовивший ряд монографий, в том числе в соавторстве с Ф. А. Рашитовым, В. В. Васькиным и Д. С. Точеным. Эти книги стали не только комплексом исследований по истории Октябрьской революции в этом регионе, но и сыграли большую роль в углублении изучения крестьянских организаций в стране в целом²⁷. Г. А. Герасименко и Д. С. Точеный раскрыли межпартийную борьбу в Советах Поволжья — тему, далеко не исчерпанную в советской историографии²⁸.

С начала 70-х годов большинство новых выводов о крестьянских Советах 1917—1918 гг. содержат работы, создаваемые на материалах местных архивов. Следует подчеркнуть, что для истории крестьянских Советов своевременный учет этих новых данных особенно важен, так как их источниковая база в связи с утратой в 1918 г. архивного фонда Всероссийского Совета крестьянских депутатов доспх пор узка и может пополняться преимущественно путем сплошного обследования соответствующих фондов областных архивов и местной периодической печати тех лет.

О необходимости дальнейшего изучения Советов на местном материале пишет Е. Н. Городецкий. Говоря об изучении Советов в губернском и уездном масштабе, он подчеркивает: «Существует глубокая потребность, лежащая внутри самой науки, в их разработке. Она заключается в том, что крупные обобщающие исследова-

ния в масштабах всей страны невозможно провести без многих сотен таких монографий на местные темы»²⁹.

Особенностью работ по близкой к крестьянским Советам 1917—1918 гг. тематике является наличие различных точек зрения по вопросам истории этих Советов. Относительное сходство взглядов существует только о Всероссийском и губернских Советах крестьянских депутатов, находившихся до конца 1917 г. в большинстве своем в руках правых эсеров. Применительно к низовому звену говорить о единстве взглядов исследователей пока не представляется возможным.

Специальному изучению в общероссийском масштабе низовые, особенно дооктябрьские волостные, Советы крестьянских депутатов не подвергались, а в указанных выше работах о крестьянских Советах А. В. Шестакова, Т. А. Ремезовой, Х. А. Ерицяна и О. Н. Моисеевой они находятся на последнем плане и материал о них приводится эпизодически. В многочисленных публикациях по истории крестьянского движения в 1917 г. иногда встречаются краткие замечания по отдельным вопросам, главным образом о причинах появления волостных Советов, степени их распространения и количестве и иногда — о роли и значении. При этом высказано много различных, подчас взаимоисключающих мнений и оценок, хотя именно через волостные Советы — организации, наиболее близкие к массам, — можно точнее проследить изменения политических позиций крестьянства, эволюцию влияния партий в деревне, выявить степень прочности складывающегося союза рабочих и беднейших крестьян в той или иной губернии. Не вызывает споров только вопрос о количестве дооктябрьских волостных Советов — все историки считают, что их было мало или очень мало. О. Н. Моисеева по материалам ЦГАОР СССР установила факты существования 787 волостных Советов в 29 губерниях европейской части России, или примерно в 11% волостей³⁰.

Одни авторы склонны объяснять незначительный рост этих Советов отрицательным отношением к ним эсеров (Т. А. Ремезова, Х. А. Ерицяна), другие возражают им и пишут об инициативной роли эсеров в создании низовых Советов с целью использования этих организаций для лучшей подготовки к выборам в Учредительное собрание (Т. В. Осипова)³¹. Любопытно, что документально подтверждаются обе точки зрения. Главное же состоит в том, что если большевики видели в Советах средство привлечения крестьянства на сторону пролетариата, то эсеры, наоборот, проявляли активность в Советах с целью недопущения пролетарского, большевистского влияния на эти организации и крестьянство.

Серьезные разногласия вызвал среди историков и вопрос о социально-классовом составе дооктябрьских волостных Советов. Если А. В. Шестаков писал о кулацко-эсеровском засилье³², то Т. А. Ремезова возражала ему и считала, что таких волостных Советов, в которых деревенской буржуазии удалось захватить руководство, было меньшинство³³. Но доказательств в пользу какой-либо точки зрения пока нет, так как низовые Советы 1917 г. специаль-

но еще не изучались^{2*}, а отсюда и самый важный вопрос о характере их деятельности и роли в развитии революционных событий в деревне также не решен³⁴.

Наиболее эффективным способом достижения убедительных научных результатов в данном случае может стать прежде всего исследование сохранившейся части первичной документации этого звена, как это в последнее время делается применительно к послеоктябрьским, докомбедовским волостным Советам. Не исключено, что в целях создания крупных обобщающих работ по истории низовых крестьянских организаций возникнет необходимость в таком же выявлении архивных материалов и о дооктябрьских низовых Советах крестьянских депутатов, так как достаточно четкого представления о них пока не имеется.

В целом в изучении Советов крестьянских депутатов 1917 г. достигнуты серьезные результаты: на конкретном материале раскрыты и утверждены ленинские оценки и периодизация Советов, исследован и доказан сложный, противоречивый характер возникновения и развития этих крестьянских организаций, совершавших в течение 1917 г. мучительный путь освобождения от собственных мелкобуржуазных иллюзий и от обмана соглашательского руководства. Убедительно показана настойчивая деятельность большевиков по завоеванию крестьянских масс на сторону пролетариата.

Вместе с тем деятельность крестьянских Советов, особенно волостных и уездных, еще не изучена в достаточной степени, а это обстоятельство, безусловно, затрудняет решение вопроса о роли каждого звена этих крестьянских организаций в 1917 г. На наш взгляд, в изучении такого рода проблем наступает решающий этап, причем самый трудоемкий — испытание имеющихся взглядов и мнений на истинность путем историографического осмысления достигнутых результатов наряду со специальным исследованием наиболее острых проблем методом сплошного обследования архивных фондов, длительное время не поддававшихся решению на основе выборочного использования источников.

Надо отметить, что заметно возросла научная потребность в изучении самого процесса внутрипартийной борьбы в Советах 1917 г., а также путей идейно-политического воздействия различных партий на рядовых депутатов из крестьян и его результатов. Представляет также интерес изучение взаимовлияния Советов всех звеньев и т. д.

Еще более сложна историография послеоктябрьских Советов крестьянских депутатов конца 1917—первой половины 1918 г. Нельзя сказать, что историки проявляют к этим Советам недостаточное внимание: в той или иной степени о них говорится в десятках книг и статей. Если в работах о дооктябрьских Советах речь идет преимущественно о Всероссийском и губернских Советах, то применительно к послеоктябрьским тенденция меняется и на первый

^{2*} К настоящему времени основательно изучены лишь Советы безземельных Латвии 1917 г. См.: *Грейтъяне Р. С.* Деятельность Советов безземельных Видземе в 1917 г., Март — октябрь: Автореф. дис.... канд. ист. наук. Рига, 1980.

план закономерно выходит история советского строительства в деревне. Это связано, во-первых, с большевизацией и объединением губернских и уездных крестьянских Советов с рабочими и солдатскими Советами в первые же месяцы Триумфального шествия Советской власти в большинстве районов страны и, значит, прекращением отдельного функционирования Советов крестьянских депутатов в городах. В деревне же, наоборот, зимой — в начале весны 1918 г. произошла массовая организация крестьянских Советов — волостных и сельских, которые в численном отношении стали самым многочисленным звеном государственной системы.

Процесс постепенного усиления влияния большевиков в крестьянских Советах и слияние последних с рабочими и солдатскими в масштабах областей, губерний и уездов, т. е. создание объединенных органов власти рабочих и крестьян, освещен в советской исторической литературе достаточно полно и убедительно. Вопросы слияния Советов и установления Советской власти на местах раскрываются в сотнях работ. Особенно интенсивно они изучались в связи с 40-летним юбилеем Великого Октября, когда, кроме многочисленных работ, изданных во всех республиках и областных центрах, были опубликованы специальные исследования Х. А. Ерицяна, Б. М. Морозова, В. Ф. Чебаевского, П. Н. Соболева и ряда других историков³⁵.

В упоминавшейся выше книге Х. А. Ерицяна «Советы крестьянских депутатов в Октябрьской революции» имеются разделы о Советах крестьянских депутатов после победы Октябрьского вооруженного восстания и их слияния с Советами рабочих и солдат. Автор указывает на наличие объединительной тенденции до Октября, но подчеркивает, что тогда она из-за противодействия правых эсеров не получила широкого распространения. Как и другие историки, Х. А. Ерицян отмечает решающую роль в объединении Советов и установлении Советской власти Советов рабочих и солдатских депутатов, руководимых большевиками. Для того чтобы вырвать из рук правых эсеров губернские и уездные крестьянские Советы, большевики провели большую политическую и организационную работу. Х. А. Ерицян выделил факт более легкого слияния уездных Советов по сравнению с губернскими, в которых были сильнее позиции правых эсеров. В книге приведены данные о времени слияния губернских Советов, количестве отдельных и объединенных уездных Советов, их партийном составе и т. д., которые прочно вошли в научный оборот и широко используются в других работах.

Значительное место этим вопросам уделено в коллективной монографии «Советы в первый год пролетарской диктатуры» (М., 1967). В этой книге на конкретном материале показано, что очищение руководства Советов крестьянских депутатов от правых эсеров и слияние переизбранных крестьянских Советов с рабочими и солдатскими Советами было тесно связано с процессом укрепления Советской власти на местах, прослежено организационное строительство Советов всех звеньев, приведен некоторый материал о их деятель-

ности в конце 1917—первой половине 1918 г. Для характеристики партийного состава уездных и губернских Советов ряда губерний европейской части России к марту 1918 г. использовались подсчеты Х. А. Ерицяна. Но особенности развития крестьянских Советов ряда других районов страны в тот период не получили в книге достаточного освещения. Практически не рассматривались вопросы советского строительства в деревне и даже не были использованы выявленные к тому времени П. Н. Абрамовым и некоторыми другими историками архивные материалы о волостных Советах^{3*}.

В 70-е годы продолжалось изучение партийной борьбы и влияния партий в крестьянских Советах. Большой вклад в решение этих важных вопросов вносят И. И. Минц, А. С. Смирнов, Б. М. Морозов, С. С. Хесин, В. Т. Агалаков, М. И. Шумилов, Э. М. Шагпн, Г. А. Герасименко, Д. С. Точеный, Ю. М. Гамрецкий и другие исследователи. Строительству областного, губернского и уездного советского аппарата на Северо-Западе России посвящен крупный раздел книги И. С. Лутовнинова³⁶, где автор прослеживает процесс перехода власти к Советам и выделяет особенности советизации каждой губернии. Специфику развития уездных крестьянских Советов центрально-черноземных губерний изучил А. Я. Переверзев. Он привел новые данные о партийном составе крестьянских Советов этого региона, считавшегося одним из оплотов эсеров. А. Я. Переверзев подсчитал, что в марте 1918 г. левые эсеры составляли большинство лишь в 4,4% уездных Советов, большевики же имели преобладание над представителями других партий в 86,6% Советов³⁷.

Советы Сибири интенсивно исследует В. Т. Агалаков³⁸.

Сведения о губернских и уездных крестьянских Советах периода Триумфального шествия Советской власти имеются почти во всех работах по истории Октября в пределах всех республик и губерний, назвать которые в статье нет возможности. Кроме работ А. В. Шестакова, Г. С. Калинина, Е. Н. Городецкого, В. Н. Назимка, Б. М. Морозова, А. И. Лепешкина и других авторов, значительное внимание Советам уделено в исследованиях М. Ф. Владимирского, Р. А. Нуруллина, К. Нурпейсова, Н. С. Захарова, О. Ф. Сокольников, В. М. Ионовой, Н. Н. Демочкина, Е. Я. Андреевко, В. П. Осмоловского, А. А. Чернобаева и других историков, в коллективных трудах³⁹.

Вопросы установления Советской власти в губернских и уездных центрах изучены историками основательно и разногласий, за отдельными исключениями, не вызывают. Гораздо более сложна и противоречива историография волостных и сельских крестьянских Советов конца 1917—первой половины 1918 г. Специальному изучению эти Советы в силу особых исследовательских трудностей подвергаются крайне редко. Из историков 20—30-х годов серьезное внимание докомбедовским Советам уделили А. В. Шестаков и В. Н. Аверьев. А. В. Шестаков попытался в своих работах раскрыть

^{3*} О работах П. Н. Абрамова см. ниже.

основные вопросы советских организаций в деревне, главным образом их социально-классовый состав⁴⁰. Считая Советы первой половины 1918 г. ареной борьбы между кулацкими и бедняцкими слоями деревни и не отрицая влияния на них кулаков, А. В. Шестаков признавал, что для решения проблемы классового состава низовых Советов имеется слишком мало сведений⁴¹.

В 1934 г. с содержательной статьей выступил экономист М. Кубанин. Он заострил вопрос об отношении кулачества к возникшим Советам, подчеркивая, что кулачество пыталось разгонять Советы, сорвать передел земли путем отстранения революционных элементов от политического руководства, но, по мнению М. Кубанина, «в открытой борьбе против земельного передела кулак был бит с самого начала»⁴². М. Кубанин вслед за А. В. Шестаковым отметил неоднородность классового состава Советов в деревне, наличие среди них как бедняцких, так и кулацких элементов.

Наибольшее внимание вопросам установления Советской власти в деревне из историков 20–30-х годов уделил В. Н. Аверьев. Он первым высказал ряд суждений о докомбедовских Советах, которые и сейчас разделяются исследователями. В частности, В. Н. Аверьев подчеркнул огромную роль советского аппарата власти в деревне в развертывании социалистической революции. Главным звеном власти он считал именно волостные, а не сельские Советы. «Органы волостного центра,— писал он,— как основной опорный пункт буржуазно-помещичьей власти в деревне, привлекли к себе исключительное внимание Советской власти на первом этапе Октября; проводя борьбу с этими органами, нужно было здесь же в волости, в противовес им, создать свои, советские, влиятельные органы власти»⁴³. В. Н. Аверьев указал на то, что кулачество стремилось оставить и после Октября 1917 г. земства и, если это не удавалось, пыталось сохранить их под вывеской «Совета», а при первой возможности даже в условиях Советской власти добивалось замены Советов земствами⁴⁴.

В середине 30-х годов В. Н. Аверьев вполне определенно высказал мнение о бедняцко-средняцком составе докомбедовских волостных Советов⁴⁵. Но в немногочисленных работах конца 20-х — середины 30-х годов явно не хватало конкретно-исторического материала для доказательства основных положений, поэтому вопросы истории низовых крестьянских Советов оставались нерешенными.

С середины 50-х годов в научный оборот стали вводиться такие ценные источники, как данные анкет и опросных листов о возникновении Советов. В 1957 г. В. В. Гришаев опубликовал сведения о времени создания 280 волостных Советов ряда губерний Центральной России⁴⁶. В 1960 г. П. Н. Абрамов предпринял успешную попытку изучения опросных листов волостных Советов четырнадцати губерний Центра, затем — девятнадцати губерний с целью выявления времени массового создания волостных Советов и ликвидации земских управ, структуры волисполкомов и др.⁴⁷

Новым шагом в изучении советского строительства в деревне стала книга В. В. Гришаева «Строительство Советов в деревне в

первый год социалистической революции» (М., 1967). В ней автор суммировал причины и благоприятствующие созданию низовых крестьянских Советов факторы (установление Советской власти в губерниях и уездах, участие делегатов съездов и посланцев города в организации Советов, инициатива рабочих и демобилизованных солдат, объединительное движение за создание совместных с рабочими Советов и т. д.), продолжил выявление времени массового создания волостных Советов (в январе 1918 г. в 645 волостях — 32,6%, в феврале в 672 — 34%, в марте в 330 — 16,6% из 1977 (с. 18). В. В. Гришаев свел в таблицу данные опросных листов о характере сдачи дел Советам волостными земствами: из 785 волостей, по которым есть сведения, в 773 (98,5%) волостные управы сдали дела добровольно ^{4*} (с. 21).

В деятельности волостных Советов В. В. Гришаев выделил положительные стороны (решительные меры по предотвращению погромов имений, распределение земли в основном по едокам, поддержка ленинской позиции по отношению к Брестскому миру и т. д.) с учетом, что Советы, в которых хозяйничали кулаки, вели иную политику. В целом В. В. Гришаев считает, что преобладающее положение в волостных Советах в период их массового создания принадлежало среднему крестьянству ⁴⁸.

После выхода книги В. В. Гришаева центры изучения докомбедовских крестьянских Советов переместились в Поволжье и Сибирь и другие регионы. Так, Г. А. Кордонский написал несколько статей об установлении Советской власти и деятельности Советов в западносибирской деревне, Л. В. Катаев и Л. И. Голобородкина — в уральской, Е. И. Нестеренко — в белорусской ⁴⁹. Сибирский историк В. Т. Агалаков исследовал время создания (главным образом февраль — март 1918 г.) и количество низовых Советов Сибири (только волостных — свыше 1500), процесс их организации и социальный состав ⁵⁰.

Но деятельность волостных Советов — а без ее тщательного анализа невозможно аргументированно решить вопрос о социально-классовом составе этих организаций — по-прежнему оставалась слабо изученной.

На нерешенность проблемы социального состава докомбедовских Советов указывал еще в 1963 г. Е. Г. Гимпельсон ⁵¹. В 1975 г., отметив вклад П. Н. Абрамова и В. В. Гришаева в изучение этих Советов, Е. Г. Гимпельсон вновь выразил озабоченность отсутствием единого мнения о характере и сущности сельских и волостных Советов первой половины 1918 г. и подчеркнул чрезвычайную важность их дальнейшего исследования ⁵².

Необходимость новых специальных разработок проблемы определялась также тем, что некоторые историки, не занимавшиеся специально изучением социального состава и деятельности докомбедовских волостных Советов, преимущественно исследователи комитетов

^{4*} Термин «добровольно» следует понимать условно, так как сжатые анкетные материалы не могут полно отразить всю остроту классовой борьбы — В. С.

бедноты, нередко без достаточных доказательств оценивали эти Советы крайне негативно, называли кулацкими⁵³. В качестве аргументов приводились отдельные факты кулацкого засилья в некоторых Советах, или делалась ссылка на известное высказывание Я. М. Свердлова о сильных позициях кулацких элементов в докомбедовских органах власти, сделанное им 20 мая 1918 г., когда просуществовавшие уже несколько месяцев Советы во многих случаях действительно были захвачены кулаками и их сторонниками, воспользовавшимися усилением колебаний середняка к лету 1918 г.

Успешную попытку изучения докомбедовских Советов Нижнего Поволжья предпринял в 1974 г. Г. А. Герасименко с целью выяснения их состава и характера деятельности⁵⁴. На основе исчерпывающих данных этого региона был сделан вывод о бедняцко-среднячком составе низовых Советов. В 1980 г. появилась также монография Г. А. Герасименко и В. П. Семьянинова⁵⁵ о возникновении и деятельности докомбедовских волостных Советов на примере Поволжья. Комплексный анализ истории докомбедовских Советов, и прежде всего важнейших сфер их деятельности — аграрной, военной, финансовой и продовольственной, — позволил авторам в обеих книгах установить, что по социально-классовому составу Советы первого созыва в Поволжье состояли в большинстве из представителей трудящихся крестьян и в своей деятельности отражали интересы беднейшего и среднего крестьянства. Разделяя этот вывод, академик И. И. Минц пишет: «...почти повсеместно распределение конфискованных частновладельческих земель, инвентаря и скота прошло в интересах деревенской бедноты. Это дает основание предположить, что не только в Среднем и Нижнем Поволжье, но и в целом по стране в волостных Советах в январе — мае преобладали представители трудящегося крестьянства»⁵⁶.

К какому выводу приходят исследователи докомбедовских Советов по вопросу об их социально-классовом составе? П. Н. Абрамов считал их общекрестьянскими⁵⁷. В. В. Гришаев пишет о преобладающем влиянии среднего крестьянства в волостных Советах периода их массового создания⁵⁸. По мнению Г. А. Кордонского, «все волостные и сельские крестьянские Советы Западной Сибири, за исключением тех, где у руководства находились кулаки и выразители их интересов — эсеры, являлись подлинными органами народной власти...»⁵⁹. В. Т. Агалаков считает волостные и сельские Советы неоднородными в социальном смысле, но подчеркивает, что «основную массу составляли бедняцко-средняцкие (средняцко-бедняцкие) Советы, куда проникали кулаки и их подпевалы». «Несмотря на слабость, засоренность чуждыми и колеблющимися элементами, — пишет В. Т. Агалаков, — низовые Советы на селе, будучи в системе Советского государства, в большинстве являлись органами народовласти»⁶⁰. В. Т. Агалаков возражает Ю. В. Журову, считающему, что большинство волостных и сельских Советов Сибири, избранных в 1917—1918 гг., «не могли быть органическим звеном социалистического государства»⁶¹. В. Т. Агалаков справед-

ливо подчеркивает, что хотя эти Советы и были слабы, но «другими они тогда не могли быть. Такие Советы,— пишет он,— складывались в соответствии с первым этапом развертывания революции в деревне и в большинстве являлись государственными органами, естественным в то время звеном социалистической государственной системы»⁶².

Как видно из исследований В. В. Гришаева, Г. А. Кордонского, В. Т. Агалакова, Г. А. Герасименко и других историков, низовые крестьянские Советы конца 1917—первой половины 1918 г. в большинстве были органами власти беднейших и средних крестьян, действовали в их интересах, но в силу особенностей политического поведения различных групп крестьянства на начальном этапе революции и попыток кулачества сорвать проведение социалистических мероприятий новой властью они в сложных условиях обострения классовой борьбы в деревне в целом не смогли выполнять до конца возложенные на них пролетариатом задачи.

В основном оценки докомбедовских низовых Советов, сделанные их исследователями, совпадают. Ленинградский историк В. М. Губарева, ранее писавшая о повсеместном характере проникновения кулацких элементов в докомбедовские Советы Петроградской губернии, в своей новой работе такого категоричного вывода уже не делает⁶³. Они не противоречат той общей позиции деревни и Советов на первом этапе Октября, которую нарисовал В. И. Ленин: «Крестьянство шло за нами *в целом*... Советы объединяли крестьянство *вообще*»⁶⁴. Известно, что подавляющее большинство крестьянства составляли беднота и та часть середняков, которая еле сводила концы с концами. Они, очевидно, и стали большинством в низовых Советах.

Источниковедческое изучение опросных листов волостных Советов проводится также С. Л. Макаровой⁶⁵. В ее статьях систематизированы ценные материалы анкет Народного комиссариата земледелия (713 единиц) и Мособлисполкома (1236 единиц) по истории советского строительства, аграрных и других преобразований в деревне Центральной России.

Анализ партийного состава волостных Советов первого созыва и их исполкомов в северо-западных губерниях страны сделал И. С. Лутовинов⁶⁶. По его данным, большинство в Советах составляли беспартийные, но при этом большевики и им сочувствовавшие преобладали над левыми и правыми эсерами и их сторонниками. Историю аульных Советов Казахстана исследовал К. Нурпеисов⁶⁷.

О волостных докомбедовских Советах писали также в работах по более широкой тематике Е. Г. Гимпельсон, Г. Д. Диденко, Х. А. Ерицяц, Е. Н. Городецкий, П. Н. Першин, В. М. Селунская, К. Н. Космачев, М. И. Шумилов, Э. М. Щагин, А. Я. Переверзев, Б. М. Морозов, П. Н. Соболев, В. М. Губарева и др.⁶⁸ Имеется ряд статей по отдельным вопросам истории Советов⁶⁹.

Но специальных исследований о низовых Советах 1918 г. большинства регионов страны еще нет. Не случайно академик И. И. Минц подчеркнул необходимость дальнейшего изучения со-

циального состава докомбедовских волостных и сельских Советов⁷⁶. Актуальным является высказанное им замечание о недооценке в исторической и экономической литературе позиции середняка в период между Февральской и Великой Октябрьской социалистической революциями и «особенно в первые семь месяцев существования Советской власти»⁷⁷. Очевидно, новые исследования дадут важный материал о низовых крестьянских Советах. Преодолению имеющихся разногласий в оценке Советов должно способствовать также источниковедческое изучение архивных и иных материалов.

Краткий обзор исследований о крестьянских Советах 1917—первой половины 1918 г. показывает, что в целом историография вопроса обогатилась ценными положениями, выводами и конкретными фактическими данными. Значительно вырос научно-теоретический уровень исследований как в центре, так и на местах. Подготовлена научная база для изучения теоретико-методологических проблем крестьянских Советов периода подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. В большинстве регионов страны имеются исследователи крестьянских организаций, объединение усилий которых может привести к быстрой разработке общей темы и созданию обобщающего труда о всех звеньях Советов на возможно исчерпывающем материале.

Следует ликвидировать явную тенденцию отставания с включением научных результатов, получаемых путем исследований регионального масштаба, в работы обобщающего характера. Необходим своевременный учет не только материалов документальных сборников, но и всех видов исследовательских работ, публикуемых и в республиках, и во всех регионах и областях страны.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 305; т. 35, с. 238 и др.

² Городецкий Е. Н. Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября, 1930—1960-е гг. М., 1982.

³ Гимпельсон Е. Г. Литература о Советах первых лет диктатуры пролетариата, Ноябрь 1917—1920.— История СССР, 1963, № 5; *Он же*. Литература о Советах первого года социалистической революции, Ноябрь 1917—1918 гг.— В кн.: Проблемы истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР. Томск, 1975.

⁴ Герасименко Г. А. Низовые крестьянские организации 1917 — первой половины 1918 годов в советской исторической литературе.— Историогр. сб., Саратов, 1973, вып. 1 (4).

⁵ Журов Ю. В. К историографии советского строительства в сибирской деревне в 1917—1918 гг.— В кн.: Вопр. методологии истории и историографии. Томск, 1974, вып. 1.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 312—313.

⁷ См.: Там же, с. 313.

⁸ Следует отметить, что в 1917 г. выходили брошюры и статьи эсеровского толка, имевшие главным образом инструктивный характер. Напр.: *Быховский Н. Я.* Советы крестьянских депутатов. Пг., 1917, где было опубликовано «Положение о Советах крестьянских депутатов»;

В 1929 г. с предисловием С. М. Дубровского и большим приложением документов была также опубликована книга Н. Я. Быховского «Всероссийский Совет крестьянских депутатов 1917 г.»

⁹ Шестаков А. В. Большевики и крестьянство в революции 1917 г. М.; Л., 1927; *Он же*. Крестьянские организации и I съезд Советов крестьянских депутатов.— Пролетарская революция, 1927, № 5; *Он же*. Советы крестьянских депу-

- татов в 1917—1918 гг. М.; Л., 1928; *Он же.* Крестьянские организации в 1917 г.— В кн.: Аграрная революция. М., 1928, т. 2; и др.
- ¹⁰ *Ремезова Т. А.* Советы крестьянских депутатов в 1917 г.— Ист. зап., 1950, т. 32, с. 3—5; *Кравчук Н. А.* Массовое крестьянское движение в России накануне Октября, Март — октябрь 1917. М., 1971, с. 12. Е. Н. Городецкий отмечает, что критический анализ трудов А. В. Шестакова по истории крестьянских Советов, сделанный Т. А. Ремезовой, не во всем является объективным и справедливым. См.: *Городецкий Е. Н.* Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября, с. 38.
- ¹¹ *Дубровский С. М.* Крестьянские организации в 1917 г.— На аграрном фронте, 1927, № 10, с. 62.
- ¹² *Аверьев В.* Советы перед Октябрьской социалистической революцией (сентябрь — октябрь 1917 г.).— Сов. гос-во и право, 1941, № 1, с. 28—29.
- ¹³ *Ремезова Т. А.* Выборы в Советы крестьянских депутатов до Великой Октябрьской социалистической революции.— Сов. гос-во и право, 1940, № 10; *Она же.* Советы крестьянских депутатов в 1917 г.— Ист. зап., 1950, т. 32.
- ¹⁴ Более подробный анализ работ исследователей 30 — начала 50-х годов, в том числе В. Аверьева и Т. А. Ремезовой, см.: *Городецкий Е. Н.* Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября, с. 32—38.
- ¹⁵ *Ерицын Х. А.* Советы крестьянских депутатов в Октябрьской революции. М., 1960, с. 21.
- ¹⁶ *Смирнов А. С.* Агитация и пропаганда большевиков в деревне в период подготовки Октябрьской революции, Март — октябрь 1917. М., 1957; *Он же.* Большевики и крестьянство в Октябрьской революции. М., 1976. См. также: *Вопр. истории КПСС*, 1970, № 10; 1973, № 12; 1976, № 1.
- ¹⁷ *Смирнов А. С.* Крестьянские съезды в 1917 году. М., 1979, с. 9.
- ¹⁸ *Шейнфельд М. Б.* Из истории организации Советов крестьянских депутатов в Енисейской губернии в 1917 г.— В кн.: Из истории Красноярского края. Красноярск, 1964. (Учен. зап. Краснояр. пед. ин-та; Т. 26. Вып. 1).
- ¹⁹ *Кордонский Г. А.* Крестьянские организации Западной Сибири в период подготовки Октябрьской революции.— В кн.: Советское крестьянство — активный участник борьбы за социализм и коммунизм. Барнаул, 1969, с. 48—49.
- ²⁰ *Ильина Т. А.* Советы Тверской губернии в период мирного развития революции.— Учен. зап. Калинин. пед. ин-та, 1963, т. 35; *Соловьева В. А.* Советы Томской губернии в период двоевластия, Март — июль 1917 г.— Учен. зап. Том. ун-та, 1964, т. 167, вып. ист., *Гамрецкий Ю. М.* Объединение Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на Украине в 1917 г.— В кн.: Октябрь и гражданская война в СССР. М., 1966; *Капцугович И. С.* Съезды Советов крестьянских депутатов в 1917 г.— В кн.: Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966; *Гришаев В. В.* К вопросу о создании Советов крестьянских депутатов.— *Вопр. истории*, 1968, № 3; *Назимов В. Н.* Крестьянские Советы на Дальнем Востоке в 1917—1918 гг.— В кн.: Историческая наука в Сибири за 50 лет. Новосибирск, 1972 г.; *Башко П. К.* Создание Советов крестьянских депутатов в Белоруссии в период мирного развития революции, Март — июль 1917 г.— В кн.: Из истории революционной борьбы и социалистического строительства. Минск, 1976; *Сиволопова Г. Ф.* Съезд Советов Северной области в 1917 г.— *Ист. зап.*, 1980, № 105; и др.
- ²¹ *Соболев П. Н.* Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в Октябрьской революции. М., 1958; *Городецкий Е. Н.* Рождение Советского государства. М., 1965; *Першин П. Н.* Аграрная революция в России. М., 1966. Кн. 1; *Андреев А. М.* Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. М., 1967; *Он же.* Местные Советы и органы буржуазной власти (1917 г.). М., 1983; *Морозов Б. М.* Партия и Советы в Октябрьской революции. 2-е изд. М., 1977; *Милиц И. И.* История Великого Октября. 2-е изд. М., 1978; и др.
- ²² *Гусев К. В.* Партия эсеров: От мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975; *Гинев В. Н.* Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. Л., 1977; *Токарев Ю. С.* Народное правотворчество накануне Великой Октябрьской социалистической революции, Март — октябрь 1917 г. М.; Л., 1965; *Кравчук Н. А.* Указ. соч.
- ²³ *Гончаренко Н. Г.* Советы Донбасса в 1917 г. Сталино, 1957; *Утенков А. Я.*

- Работа большевиков среди трудового крестьянства накануне Октября. М., 1958; *Зима А. Г.* Советы Киргизии в 1917 г. Фрунзе, 1962; *Елеуов Т.* Установление и упрочение Советской власти в Казахстане, Март 1917 — июнь 1918 гг. Алма-Ата, 1961; *Тележкин В. К.* Борьба партии большевиков за Советы крестьянских депутатов в армии, Март 1917 — январь 1918 гг. Рязань, 1962; *Артемов С. А.* Советы рабочих и крестьянских депутатов в Чувашии в 1917—1918 гг. Чебоксары, 1965; *Лисовский Н. К.* 1917 год на Урале. Челябинск, 1967; *Захаров Н. С., Емельянова И. А.* Советы Среднего Поволжья в период подготовки Октябрьской революции. Казань, 1967; Советы Владимирской губернии в период подготовки и развития Великой Октябрьской социалистической революции. Владимир, 1969; *Горюшкин Л. М.* Крестьянское движение в Сибири в 1917 году. Новосибирск, 1975; *Кучиев В. Д.* Октябрь и Советы на Тереке, 1917—1918. Орджоникидзе, 1979. Имеется также ряд написанных на украинском языке монографий и статей о Советах Украины, авторами которых являются Б. М. Бабий, Ю. М. Гамрецкий, Ж. П. Тимченко и О. Н. Щусь, П. Ф. Решодько, Н. В. Кордон, И. В. Хмиль, П. И. Тригуб и др.
- ²⁴ *Драудин Т. Я.* Безземельное крестьянство Латвии в борьбе за землю и власть Советов в 1917—1919 гг. Рига, 1959.
- ²⁵ *Лутовинов И. С.* Установление Советской власти на Северо-Западе России. Воронеж, 1970.
- ²⁶ *Шагин Э. М.* Октябрьская революция в деревне восточных окраин России, 1917 — лето 1918 г. М., 1974.
- ²⁷ *Герасименко Г. А., Рашитов Ф. А.* Советы Нижнего Поволжья в Октябрьской революции. Саратов, 1972; *Герасименко Г. А.* Низовые крестьянские организации в 1917 — первой половине 1918 г. Саратов, 1974; *Васькин В. В., Герасименко Г. А.* Февральская революция в Нижнем Поволжье. Саратов, 1976; *Герасименко Г. А., Точеный Д. С.* Советы Поволжья в 1917 г. Саратов, 1977; и др.
- ²⁸ Политическую борьбу в Советах Башкирии в 1917—1918 гг. исследовал В. В. Бычковский. См.: *Бычковский В. В.* Политическая борьба в Советах Башкирии, Март 1917 — июнь 1918 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979.
- ²⁹ *Городецкий Е. Н.* Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября, с. 156.
- ³⁰ *Моисеева О. Н.* Советы крестьянских депутатов в 1917 г. М., 1967, с. 173.
- ³¹ *Осипова Т. В.* Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Октябрьской революции. М., 1974, с. 116.
- ³² *Шестаков А. В.* Большевики и крестьянство в революции 1917 г., с. 21—22.
- ³³ *Ремезова Т. А.* Выборы в Советы крестьянских депутатов до Великой Октябрьской социалистической революции..., с. 100—103.
- ³⁴ Более подробно об изучении дооктябрьских низовых Советов см.: *Семьянинов В. П.* Дооктябрьские волостные Советы 1917 г. в исторических исследованиях. — В кн.: Крестьянское движение в трех русских революциях. Куйбышев, 1982.
- ³⁵ *Ерицян Х. А.* Слияние Советов крестьянских депутатов с Советами рабочих и солдатских депутатов в период триумфального шествия Советской власти. — История СССР, 1957, № 3; *Чебаевский Ф. В.* Борьба большевистской партии за объединение Советов рабочих и солдатских депутатов с крестьянскими Советами в период триумфального шествия Октябрьской социалистической революции. — В кн.: Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957; *Морозов Б. М.* Создание и укрепление Советского государственного аппарата, Ноябрь 1917 г. — март 1918 г. М., 1957; *Соболев Ш. Н.* Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в Октябрьской революции; *Гимпельсон Е. Г.* Из истории строительства Советов, Ноябрь 1917 г. — июль 1918 г. М., 1958; и др.
- ³⁶ *Лутовинов И. С.* Указ. соч., с. 269—334.
- ³⁷ *Переверзев А. Я.* Социалистическая революция в деревне Черноземного центра России, Октябрь 1917—1918. Воронеж, 1976, с. 35.
- ³⁸ *Азалаков В. Т.* Начало советской государственности в сибирской деревне. — Сиб. ист. сб., Иркутск, 1973, вып. 1; *Он же.* Большевистское руководство в

- Советах Сибири в конце 1917—1918 гг.— Там же, 1974, вып. 2; *Он же*. Советы Сибири, 1917—1918. Новосибирск, 1978; и др.
- ³⁹ *Владимирский М. Ф.* Организация Советской власти на местах. М., 1919; 2-е изд. М., 1921; *Он же*. Советы, исполкомы и съезды Советов: Материалы к изучению строения и деятельности органов местного управления. М., 1920. Вып. 1.; 1921. Вып. 2; *Нуруллин Р. А.* Советы Туркестанской АССР в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Ташкент, 1965; *Кабелькова М. Т.* Советы Киргизии в 1918 г. Фрунзе, 1967; *Нурпеисов К.* Советы Казахстана в борьбе за упрочение власти рабочих и крестьян. Алма-Ата, 1968; *Захаров Н. С.* Октябрьская революция и советское строительство в Среднем Поволжье, Октябрь 1917—март 1918 г. Казань, 1970; *Ионова В. М.* Ленин и Советы. Душанбе, 1973; *Демочкин Н. Н.* В. И. Ленин и образование Республики Советов, М., 1974; *Андреевко Е. Я.* Партия большевиков и Советы в первые месяцы диктатуры пролетариата: На материалах Центр. России. Ростов н/Д, 1975; и др.
- ⁴⁰ *Шестаков А. В.* Большевики и крестьянство в революции 1917 г.; *Он же*. Советы крестьянских депутатов в 1917—1918 гг.; *Он же*. Классовая борьба в деревне ЦЧО в эпоху военного коммунизма. Воронеж, 1930. Вып. 1.
- ⁴¹ Классовая борьба в деревне ЦЧО..., с. 60.
- ⁴² *Кубанин М.* Предпосылки комбедов.— На аграрном фронте, 1934, № 11, с. 80—81.
- ⁴³ *Аверьев В. Н.* Организация аппарата власти в деревне на первом этапе Октября.— Сов. гос-во, 1935, № 4, с. 70.
- ⁴⁴ *Аверьев В. Н.* Ликвидация буржуазных органов местного самоуправления.— Сов. гос-во, 1936, № 4, с. 114. Подробнее о работах В. Аверьева см.: *Городецкий Е. Н.* Историкографические и историковедческие проблемы Великого Октября.
- ⁴⁵ *Аверьев В. Н.* Организация аппарата власти в деревне..., с. 69. Следует отметить, что в 1931 г. С. Болгинов резко отрицательно оценил волостные Советы первой половины 1918 г., назвав их «чужеродным телом в системе Советской власти», но ничем это не аргументировал. См.: *Болгинов С.* Роль местных Советов в создании Советской власти.— Сов. гос-во и революция права, 1931, № 5/6, с. 235.
- ⁴⁶ *Гришаев В. В.* Создание волостных Советов крестьянских депутатов, Ноябрь 1917—май 1918 г.— Вестн. МГУ, Сер. ист.-филол., 1957, № 4.
- ⁴⁷ *Абрамов П. Н.* К вопросу о времени создания первых волостных Советов.— История СССР, 1960, № 5; *Он же*. Опросный лист волостного Совета, 1918.— Ист. арх., 1960, № 3; *Он же*. Советское строительство на селе в докомбедовский период, Октябрь 1917—июль 1918 г.— Вопр. истории КПСС, 1960, № 6.
- ⁴⁸ *Гришаев В. В.* Строительство Советов в деревне в первый год социалистической революции. М., 1967, с. 79.
- ⁴⁹ *Кордонский Г. А.* Из истории практической работы сельских и волостных Советов крестьянских депутатов Западной Сибири в первой половине 1918 г.— В кн.: Из истории Западной Сибири. Новосибирск, 1971. (Науч. тр. НГПИ; Вып. 64); *Он же*. Установление Советской власти в сельской местности Западной Сибири, Декабрь 1917—июнь 1918 г.— В кн.: Проблемы истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР. Томск, 1975; *Катаев Л. В.* Деятельность крестьянских Советов на Урале в ноябре 1917—июне 1918 г.— В кн.: В. И. Ленин и социально-экономические проблемы развития Урала. Свердловск, 1970; *Нестеренко Е. И.* Организация сельских Советов и их деятельность по осуществлению аграрных преобразований, Октябрь 1917—начало 1919 г.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1975; *Голобородкина Л. И.* Руководство большевиков Урала деятельностью Советов крестьянских депутатов в первый год диктатуры пролетариата: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1982.
- ⁵⁰ *Агалаков В. Т.* О времени создания и количестве волостных и сельских Советов в Сибири в 1917—1918 гг.— В кн.: Забайкальский краеведческий ежегодник. Чита, 1971, № 5; *Он же*. Начало советской государственности в сибирской деревне.— В кн.: Сибирский ист. сб. Иркутск, 1973 (вып. дан 1974), вып. 1; *Он же*. Большевикское руководство в Советах Сибири в конце 1917—1918 гг.— Там же, 1974, вып. 2; *Он же*. Советы Сибири...

- ⁵¹ Гимпельсон Е. Г. Литература о Советах первых лет диктатуры пролетариата, Ноябрь 1917—1920 гг., с. 162.
- ⁵² Гимпельсон Е. Г. Литература о Советах первого года социалистической революции, Ноябрь 1917—1918 гг., с. 280.
- ⁵³ Более подробно см.: Семьянинов В. П. Докомбедовские органы Советской власти в исторических исследованиях.— Историограф. сб., Саратов, 1980, вып. 8, с. 62—78.
- ⁵⁴ Герасименко Г. А. Низовые крестьянские организации в 1917 — первой половине 1918 г.
- ⁵⁵ Герасименко Г. А., Семьянинов В. П. Советская власть в деревне на первом этапе Октября: На материалах Поволжья. Саратов, 1980.
- ⁵⁶ Минц И. И. Год 1918-й. М., 1982, с. 378.
- ⁵⁷ Абрамов П. Н. Советское строительство на селе в докомбедовский период, с. 69.
- ⁵⁸ Гришаев В. В. Строительство Советов в деревне..., с. 79.
- ⁵⁹ Кордонский Г. А. Из истории практической работы сельских и волостных Советов..., с. 158.
- ⁶⁰ Агалаков В. Т. Большевицкое руководство в Советах Сибири в конце 1917—1918 гг..., с. 127.
- ⁶¹ Журов Ю. В. Указ. соч., с. 27.
- ⁶² Агалаков В. Т. Советы Сибири..., с. 15.
- ⁶³ См.: Губарева В. М. Развергивание социалистической революции в деревне в 1918 г.: По материалам Петроградской губернии. Л., 1957, с. 38; Она же. Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти на Северо-Западе России. Л., 1982, с. 48, 51—52 и др.
- ⁶⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 313.
- ⁶⁵ Макарова С. Л. Опросный лист Народного комиссариата земледелия.— В кн.: Источниковедение истории Советского общества. М., 1968, вып. 2.; Она же. Опросные листы Мособлсполкома и Наркомзема как источник по истории советского строительства на местах, Ноябрь 1917 — июнь 1918 г.; Там же, 1978, вып. 3; и др.
- ⁶⁶ Лутовинов И. С. Указ. соч., с. 348—349. В этой книге И. С. Лутовинов polemизирует с В. М. Губаревой по вопросу о социальном составе докомбедовских Советов Северо-Запада России. Их мнения резко расходятся (см. с. 348).
- ⁶⁷ Нурпеисов К. Крестьянские Советы Казахстана: История стр-ва, укрепления и практической деятельности аульных Советов в 1917—1922 гг. Алма-Ата, 1972. На каз. яз.
- ⁶⁸ Гимпельсон Е. Г. Из истории строительства Советов; Діденко Г. Д. Зміцнення Радянської влади на селі після перемоги жовтневої революції. Київ, 1957; Ерицян Х. А. Указ. соч.; Городецкий Е. Н. Рождение Советского государства; Першин П. Н. Указ. соч., кн. 1. Селунская В. М. Рабочий класс и Октябрь в деревне. М., 1968; Космачев К. Н. Коммунистическая партия — руководитель социалистической революции в деревне, 1918. Смоленск, 1970; Шумилов М. И. Октябрьская революция на Севере России. Петрозаводск, 1973; Шагин Э. М. Указ. соч.; Переверзев А. Я. Указ. соч.; Морозов Б. М. Указ. соч.; Соболев П. Н. Упрочение союза рабочих и крестьян в первый год пролетарской диктатуры. М., 1977; Губарева В. М. Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти на Северо-Западе России; и др.
- ⁶⁹ Герасимюк В. Р. О количестве волостных и сельских Советов в 1917—1918 гг.— Вопр. истории, 1961, № 8; Ташмухамедов А. М. Советское строительство в узбекском кишлаке, Ноябрь 1917 — июнь 1918 г.— Науч. тр. Ташк. ун-та, 1962, вып. 212. исторические науки, кн. 42; Ильина Т. А. Строительство Советской власти в Тверской губернии: Создание волостных Советов крестьянских депутатов, Ноябрь 1917 — май 1918 г.— В кн.: Из прошлого и настоящего Калининс. обл. М., 1965; и др. Несомненный интерес представляет также небольшая статья Л. И. Легошина по историографии установления Советской власти в уральской деревне. См.: Установление и упрочение Советской власти на Урале: Тез. Межвуз. регион. науч. конф. Челябинск, 1983; статьи Е. П. Титкова и др.
- ⁷⁰ Минц И. И. Год 1918-й, с. 378.
- ⁷¹ Там же, с. 379—380.

ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Т. А. Игнатенко

Развитие современной советской историографии как специальной отрасли исторической науки характеризуется не только бурным ростом разнообразных историографических исследований, но и все более усиливающимся интересом к разработке общих, теоретических и методологических проблем истории науки, среди которых важное место занимает проблема периодизации.

Научная периодизация истории науки является определенным способом, методом познания и систематизации обширного историографического материала, который позволяет обобщить итоги развития науки, выявить дальнейшие перспективы ее движения. Научное значение проблемы состоит в том, что она помогает решить центральную задачу историографии — раскрыть внутренние закономерности поступательного развития науки в последовательной смене ее главных, качественно отличных друг от друга и в то же время взаимосвязанных периодов и этапов. В решении этой задачи первостепенное значение приобретают критерии или принципы периодизации. Правильно выбранные, научно обоснованные критерии периодизации позволяют хронологически верно расчленить реальный историографический процесс на отдельные периоды, проследить их преемственность, определить специфические черты, выявить главную линию развития.

Проблемы периодизации отечественной исторической науки уже давно разрабатываются в советской историографии. Они освещаются в коллективных обобщающих трудах по истории науки¹, в учебных пособиях и учебниках по историографии², в монографических и коллективных исследованиях по историографии отдельных, наиболее крупных проблем отечественной истории³, в работах, посвященных историографии автономных и союзных республик⁴. В итоге был накоплен значительный опыт, требующий обобщения.

Необходимость обращения к истории изучения проблемы периодизации в советской историографии обусловлена не только стремлением проследить путь ее исследования советскими историками, но и выявить недостаточно решенные вопросы в трактовке проблемы, в частности, в выделении критериев в соотношении общей и частной периодизации. Историографический анализ вместе с тем позволит уточнить, дополнить то, что было сделано и предлагалось раньше, и наметить дальнейшие пути исследования этой проблемы в советской исторической науке.

Глубокий интерес к истории России проявляли Карл Маркс и Фридрих Энгельс⁵. Их внимание привлекали труды авторов различных направлений: революционно-демократического (А. И. Герцен, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский), народнического

(П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев), либерально-буржуазного (Б. Н. Чичерин, Н. И. Костомаров, Н. И. Кареев). К. Маркс и Ф. Энгельс оставили ценные общие и конкретные замечания о российской историографии, о развитии науки в целом. Важным методологическим положением является указание Ф. Энгельса о превращении накопленных человечеством знаний в науку в XVIII в.⁶ Основоположники теории марксизма указали путь к научному познанию истории, обосновали периодизацию всемирно-исторического процесса. «Последовательная смена социально-экономических формаций,— писал академик Е. М. Жуков,— представляет собой объективную основу и теоретическую базу периодизации исторического процесса»⁷. В свою очередь периодизация исторического процесса по формациям позволяет определить главные периоды в развитии политической, идеологической, культурной жизни общества, в том числе и истории исторической науки.

Создание теории марксизма В. И. Ленин считал крупной вехой в развитии всех общественных наук в середине XIX в. и в соответствии с этим выделял домарксовский и марксистский периоды в социологии и историографии⁸. «Марксизм...— подчеркивал он,— есть *высшее развитие* всей исторической и экономической, и философской науки Европы»⁹. По словам В. И. Ленина, К. Маркс «дал блестящие и глубокие образцы материалистической историографии»¹⁰.

Исследуя историю марксизма, В. И. Ленин при выделении главных периодов и этапов его разработки в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса опирался на периодизацию всемирной истории в новый период ее развития¹¹. Подчеркивая значение марксизма как качественно новой научной теории познания исторического процесса, он дал глубокое понимание преемственной связи марксизма с предшествующей наукой: с передовыми идеями немецкой философии, английской политической экономии и французского социализма. В диалектике Гегеля он видел «обобщение исторической мысли» и считал благодарной задачей «проследить сие конкретнее, подробнее, на *истории отдельных наук*»¹².

В. И. Ленин придавал большое значение раскрытию борьбы идей, анализу идейных течений. В рецензии на работу Н. А. Рубакина «Среди книг» он критиковал автора за стремление «обойтись без полемики» в изложении «истории идей». «...История идей,— писал В. И. Ленин,— есть история смены и, следовательно, *борьбы идей*»¹³. Он советовал автору чаще обращаться к представителям разных идейных течений во всех областях знаний. При этом важное методологическое значение имеет ленинское указание о необходимости классового анализа идейных течений и направлений, позволяющего вскрыть их классовую, социальную сущность. В своих работах В. И. Ленин последовательно применял принцип классового анализа (принцип партийности) в критике исторических концепций либерального народничества, кадетских, эсеровских, меньшевистских, троцкистских концепций истории революций в России¹⁴.

Выдающаяся заслуга В. И. Ленина состоит в том, что он впервые разработал научную концепцию истории России, положив в основу ее периодизации марксистское учение о закономерной смене общественно-экономических формаций. Это создавало необходимые объективные предпосылки для изучения истории исторической науки в России с марксистско-ленинских методологических позиций.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции перед молодой советской исторической наукой в области историографии важной задачей стало критическое переосмысление наследия старой дворянской и буржуазной исторической науки. Критика буржуазных и мелкобуржуазных концепций истории России составляла главное звено в той острой идейной борьбе, которую вела партия в 20 — начале 30-х годов¹⁵. В этой борьбе активное участие принимали не только видные партийные деятели, историки-большевики М. Н. Покровский, В. А. Быстрянский, И. И. Скворцов-Степанов, Е. М. Ярославский и др., но и молодые историки-марксисты, получившие хорошую теоретическую подготовку в стенах Института красной профессуры, Социалистической (с 1924 г. — Коммунистической) академии наук: А. М. Панкратова, М. В. Нечкина, И. И. Минц, Н. Л. Рубинштейн, С. А. Пионтковский и др.

Выступая в начале 20-х годов перед слушателями коммунистических университетов, студентами факультетов общественных наук, М. Н. Покровский в своих лекциях по русской исторической литературе подчеркивал, что задачу своего курса он видит в том, чтобы показать, «что представляет собою в действительности домарксистская, а отчасти и марксистская литература русской истории и как ее нужно расшифровать, чтобы воспользоваться ею». Центральная идея, пронизывающая весь курс лекций Покровского, состояла в том, чтобы дать характеристику главных течений русской исторической мысли, отражавших известные классовые интересы¹⁶. М. Н. Покровский не ставил своей задачей разработать научную периодизацию отечественной историографии, но он выделял чисто публицистический период русской истории (до Н. М. Карамзина). Мировоззрение дворянских и буржуазных историков он пытался связать с крупными периодами экономического и общественного развития России, однако стержнем этого развития он ошибочно считал смену торгового капитализма промышленным капитализмом¹⁷.

Критика работ буржуазных ученых помогала советским историкам овладеть принципами классового анализа, партийности в раскрытии социальной сущности мировоззрения того или иного автора. Именно с этих позиций участники семинара М. Н. Покровского в ИКП выступили с серией статей, посвященных разбору взглядов Г. Эверса, А. П. Щапова, С. М. Соловьева, Б. Н. Чичерина, В. О. Ключевского, П. Н. Милюкова, Н. А. Рожкова и др.¹⁸

В советской литературе тех лет анализировались теоретические позиции таких видных буржуазных историков, как С. Ф. Платонов, А. А. Корнилов, Н. П. Павлов-Сильванский, А. А. Кизеветтер,

М. К. Любавский, Ю. В. Готье и др. Общее, что объединяло работы советских историков тех лет,— это разоблачение буржуазной методологии исторического исследования в трудах историков старой школы. В ходе этой работы с марксистских позиций была создана «портретная галерея» историков дворянского и буржуазного направлений¹⁹. В борьбе против философских и методологических принципов буржуазной и мелкобуржуазной историографии осваивалась ленинская историческая концепция, изучались и применялись ленинские методологические приемы исторического исследования. Все это создавало необходимые предпосылки для более систематического изучения дореволюционной отечественной историографии, для разработки ее научной периодизации.

Интерес к первым шагам советской исторической науки проявился уже в начале 20-х годов в статье М. Н. Покровского «Общественные науки в России за четыре года» (в кн.: Наука в Советской России. М., 1922). К основным положениям этой статьи тесно примыкают его доклад 22 марта 1928 г. на конференции марксистско-ленинских учреждений и статья М. В. Нечкиной, посвященные итогам развития общественных наук к 10-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции²⁰. Эти работы имеют важное значение для характеристики первого десятилетия в развитии советской историографии, хотя в них еще специально не ставился вопрос о ее периодизации.

В статьях М. Н. Покровского и М. В. Нечкиной содержалось марксистско-ленинское понимание Октябрьской революции как глубокого переворота в области общественных наук, идейной революции. «Октябрьская революция,— писал М. Н. Покровский,— является тем исходным пунктом, от которого идут все направления нашего обществоведения»²¹. Он подчеркивал, что большевики подошли к революции 1917 г. идеологически и методологически вооруженными лучше, чем их классовые противники, и в этом была громадная заслуга В. И. Ленина. Авторы раскрыли значение дореволюционных ленинских работ в разработке центральных проблем истории России и прежде всего истории трех российских революций, призвали советских историков к всестороннему изучению темы «В. И. Ленин — историк».

В работах М. Н. Покровского, М. В. Нечкиной подчеркивалось, что вопрос о понимании, осмыслении Октябрьской революции был главным в обществоведении первых десяти лет. На него пытались дать ответ и историки-марксисты, и представители буржуазной исторической науки. Путем сравнительного анализа этих двух основных направлений в освещении истории Октября М. Н. Покровский показал все преимущества марксистского обществоведения, которое «толкает понимание этого вопроса вперед, создает действительно научный подход к этому вопросу», в то время как буржуазная наука была «совершенно выбита из колеи» и ничего, кроме «остатков давно переваренной публицистики, дать не могла». М. Н. Покровский связывал окончательный распад и полное «одряхление»

старой буржуазной академической науки с утверждением марксистской точки зрения во всех областях обществоведения²².

М. В. Нечкина подчеркивала, что Октябрьская революция не только совершила глубокий переворот в исторической науке, но и сама «стала осознаваться историками как обширнейшая и глубочайшая проблема научного исследования»²³. Революция выдвинула совершенно новую историческую проблематику, а все старые вопросы русской истории «получили новый смысл, озарились новым светом»²⁴. Главную характерную черту развития исторической науки в первое десятилетие автор видела в «огромном росте ее марксистского изучения», в проникновении марксизма в исторические исследования, в углублении и обогащении самого марксистского метода²⁵.

По мере освоения ленинской концепции истории России, разработки различных аспектов темы «В. И. Ленин — историк»²⁶ в советской исторической литературе был поставлен вопрос о ленинском этапе в исторической науке. Все историки признавали огромную роль и значение дореволюционных работ В. И. Ленина в развитии марксистской историографии России с середины 90-х годов прошлого века. М. Н. Покровский отмечал, что «Ленин, как никто, понимал сущность русского исторического процесса, притом не только с 1861 г., а с гораздо более далеких времен», и «что всякая будущая история России, заслуживающая имени марксистской, должна руководиться этим пониманием русской истории Лениным»²⁷.

Однако, осознавая значение ленинских трудов, историки 20-х годов еще не вводили термин «ленинский этап». Его впервые ввели в научный оборот в 30-х годах, но начальные хронологические рамки ленинского этапа в исторической науке стали относить к Октябрьской революции 1917 г. или даже к началу 30-х годов²⁸. Аргументация этих утверждений сводилась к тому, что только в советское время стало возможным всестороннее изучение ленинского теоретического наследия и разработка на его основе отечественной и всеобщей истории. Историки признавали правомерным ставить вопрос о ленинском этапе только в советской исторической науке и связывали его начальные рубежи не с истоками формирования самой ленинской исторической концепции, а с процессом ее освоения, утверждения в советской историографии.

Таким образом, в 1917—30-х годах в советской исторической науке были сделаны важные шаги в изучении отечественной историографии с марксистско-ленинских теоретических позиций. Критическому анализу была подвергнута дореволюционная историография, появились первые работы, в которых прослеживался путь советской исторической науки в первое десятилетие ее развития.

Дальнейшая разработка периодизации отечественной историографии была связана с общим развитием и утверждением историографии как специальной научной и учебной дисциплины. Важную роль в этом сыграли постановления партии и правительства 1934—1936 гг., восстановившие исторические факультеты в университетах. Первые специальные курсы по историографии были

прочитаны в Московском институте философии, литературы и истории. Эти обстоятельства способствовали более систематическому и планомерному изучению истории исторической науки в СССР.

В 1941 г. вышло первое советское учебное пособие по русской историографии²⁹. Н. Л. Рубинштейн в предисловии указывал, что его книга — результат работы, начатой в 1936—1937 гг. в связи с курсом лекций по историографии, который он читал в Московском институте философии, литературы и истории. Свою тему исследования автор определял как историю развития русской исторической науки и видел ее главное содержание в истории русской исторической мысли, в научном познании русского исторического процесса, в раскрытии закономерности в последовательном, поступательном движении науки³⁰. При этом он считал, что путь развития науки воплощается в наиболее ярких и типичных ее представителях, позволяющих проследить смену школ и направлений в историографии³¹.

Специальный раздел во Введении Н. Л. Рубинштейн посвятил периодизации русской историографии. Он исходил из положения, что «развитие исторической науки отражает в основных этапах общую периодизацию русской истории. Но отражение не означает полного совпадения, поскольку и в ходе самого исторического развития оформление новой идеологии зачастую предшествует непосредственному торжеству нового начала в исторических отношениях общественной жизни, опережая последнюю»³².

В соответствии с этим главным принципом Н. Л. Рубинштейн выделил четыре периода в развитии русской исторической науки: период феодальной историографии, период буржуазной исторической науки, период кризиса буржуазной исторической мысли и создания марксистско-ленинской науки русской истории и историческая наука советского периода³³.

В двух первых периодах автор выделял этапы, отражающие вехи развития феодального и буржуазного строя (феодальная раздробленность, феодально-абсолютистский строй и т. д.). Первый период завершался XVIII в., когда произошло превращение исторических знаний в историческую науку в условиях складывания новых буржуазных отношений. Назревание кризиса буржуазной исторической науки Н. Л. Рубинштейн относил к 60-м годам XIX в. Внутри этапов автор анализировал исторические концепции отдельных историков, представлявших те или иные школы и направления в русской историографии.

Предложенная Н. Л. Рубинштейном схема периодизации истории исторической науки в целом была разработана с марксистских позиций, хотя и нуждалась в ряде уточнений и дополнений. Несомненной заслугой автора было четкое выделение специальной главы «Ленин и русская историческая наука», в которой утверждалось, что «работы В. И. Ленина открывают новый марксистско-ленинский этап в русской исторической науке»³⁴. Автор подробно рассмотрел ленинские работы середины 90-х годов XIX в.—XX в.,

определил вклад В. И. Ленина в разработку научной концепции истории России.

Если Н. Л. Рубинштейн впервые попытался дать обобщенное, систематическое представление о развитии дореволюционной отечественной исторической науки, то в статье А. М. Панкратовой впервые обозревался путь советской исторической науки за четверть века³⁵. Автор не ставила своей задачей выделить основные периоды ее развития. Вместе с тем ее попытки решить этот вопрос представляют интерес. Первым периодом А. М. Панкратова назвала время 1917—1924 гг., второй период она связывала с переходом партии в решительное наступление против последнего капиталистического класса — кулачества, когда борьба на историческом фронте обострилась, и третий период она начинала с 1936—1937 гг.³⁶ Если учесть, что сама периодизация истории советского общества в начале 40-х годов еще не была достаточно разработана, то периодизация советской историографии, предложенная А. М. Панкратовой, в целом верно отражала основные вехи ее развития, хотя критерии периодизации и не были четко сформулированы автором. Необходимо также подчеркнуть историографическое значение сборника статей «25 лет исторической науки в СССР», в котором впервые подводились итоги достижений советских историков по всем отраслям исторической науки.

В послевоенные годы изучение истории исторической науки значительно оживилось. Этому во многом способствовала деятельность Комиссии по истории исторической науки, образованной 29 мая 1946 г. на основе постановления Президиума АН СССР по представлению Отделения истории и философии³⁷. Комиссия ставила своей задачей разработку истории исторических наук и координацию исследовательской деятельности в этом направлении. Председателем комиссии стал академик В. П. Волгин, его заместителем — акад. Б. Д. Греков. В состав Комиссии вошли крупные советские ученые: академики Р. Ю. Виппер, А. М. Деборин, И. Ю. Крачковский, Ф. А. Ротштейн, Е. В. Тарле; члены-корреспонденты — С. В. Бахрушин, Е. А. Косминский, И. И. Минц, В. И. Пичета, С. Д. Сказкин, А. Д. Удальцов, А. И. Яковлев, а также О. Л. Вайнштейн, М. В. Нечкина, М. Н. Тихомиров, Н. Л. Рубинштейн и др. На заседаниях комиссии заслушивались доклады на различные историографические темы по отечественной и зарубежной истории.

Образование Комиссии по истории исторической науки не было случайным. Академия наук СССР с начала 30-х годов вела большую работу по изучению истории отечественной науки: Архив АН СССР собирал материалы, имеющие отношение к академии, активно действовала Комиссия по истории АН СССР, возглавляемая академиком С. И. Вавиловым, а также Комиссия по истории техники и естествознания. В Институте философии успешно разрабатывалась история философии и к 1943 г. вышли три первых тома³⁸. В этих условиях назревала потребность в изучении отечественной историографии, в создании фундаментального обобщающе-

го труда, отражающего весь путь, пройденный исторической наукой в СССР.

Широкое обсуждение проблем отечественной историографии развернулось в ходе прений по книге Н. Л. Рубинштейна «Русская историография»³⁹. Она стала предметом дискуссии на совещании заведующих кафедрами истории СССР университетов, педвузов, созванном Министерством высшего образования СССР 15–20 марта 1948 г. в Москве. В совещании приняли участие и сотрудники различных институтов АН СССР, АОН при ЦК КПСС, Высшей партийной школы и др. В адрес автора было сделано немало критических замечаний. Эта дискуссия привлекла внимание исследователей к ряду важнейших проблем историографии: к определению самого понятия «историография», к изучению кризиса буржуазной исторической науки, к становлению и развитию марксистской историографии и ее значению в разработке научной концепции истории России и т. д. Многие участники подчеркивали необходимость строже применять классовый подход в оценке теоретических и методологических позиций историков буржуазной школы, ставили вопрос об изучении истории советской исторической науки.

Работу по созданию обобщающего коллективного труда — «Очерков истории исторической науки в СССР» — возглавила Комиссия по истории исторической науки. В 50 — начале 60-х годов главное внимание было обращено на разработку истории дореволюционной исторической науки, которой посвящались первые три тома «Очерков истории исторической науки в СССР» (М., 1955–1963) и учебные пособия, вышедшие в то время⁴⁰.

Создание обобщающего труда и учебных пособий по истории дореволюционной исторической науки выдвинули на одно из первых мест проблему ее периодизации. Все авторы руководствовались основным методологическим принципом об определяющей роли смены общественно-экономических формаций в выделении главных периодов развития отечественной историографии. Важным рубежом признавался XVIII век, когда с первой сводной работой по истории выступил В. Н. Татищев и тем самым положил начало становлению русской исторической науки. Большое место отводилось зарождению и развитию революционно-демократического направления в отечественной историографии, подчеркивалось значение марксистского направления в материалистическом истолковании исторического процесса в России, особо выделялся ленинский этап в развитии русской исторической науки с середины 90-х годов XIX в.

Вместе с тем некоторые положения в этих работах вызвали справедливые возражения со стороны исследователей. Ряд рецензентов указывали на неправильное понимание авторами первого тома «Очерков» ленинского положения о разделении развития общественных наук на домарковский и марксистский периоды как донаучный и научный^{5*}. Критике подвергалось и стремление неко-

^{5*} На это указывали участники обсуждения первого тома «Очерков» в редакции журнала «Вопросы истории» (см.: *Вопр. истории*, 1955, № 12, с. 189).

торых авторов механически перенести общеисторическую периодизацию на периодизацию истории науки. Так, 1861 год, являющийся важным рубежом в смене феодальной формации капиталистической, векой в развитии историографии не был. Необоснованным было предложение считать начало кризиса буржуазной исторической науки с 60-х годов XIX в.

Несовпадение граней общеисторической периодизации с периодизацией истории науки потребовало углубленного изучения особенностей и специфики развития самой исторической науки. Л. В. Черепнин, определяя задачи историографии, выделил основные вопросы, являющиеся предметом ее изучения: источники, методика и техника их анализа, историческая проблематика и ее изменения, теоретические позиции или концепции историков различных школ и направлений⁴¹. Изучение изменений этих совокупных элементов историографии создавало научную основу для определения качественных рубежей ее развития. Л. В. Черепнин подчеркнул особо важное значение анализа концепций, отражающих мировоззрение, теоретические, классовые позиции того или иного историка. Он указал на тесную связь исторической науки с общественным развитием, с борьбой классов, с политическими задачами общества, оказывающими влияние на историческую проблематику, на мировоззрение историков, их философские, теоретические взгляды.

Опыт изучения периодизации дореволюционной исторической науки подводил историографов к выводу, который сделал А. М. Сахаров: «Общеисторическая периодизация не дает возможности отделить в полной мере особенности и своеобразие каждого этапа развития исторической науки. Как известно, грани между этапами в истории науки и культуры отнюдь не тождественны рубежам социально-экономического развития»⁴². Он подчеркнул важность изучения общественно-политических условий развития науки, роли государственной политики в области исторической науки, определявшей систему научных учреждений, подготовку кадров, задачи преподавания истории⁴³.

Трудности, связанные с разработкой истории дореволюционной исторической науки, учитывались редколлегией, коллективом авторов, работающих над «Очерками истории исторической науки в СССР». Опыт работы над 1—3-м томами убеждал в необходимости предварительной разработки ряда центральных важнейших проблем советской историографии, в частности ее периодизации.

Решению этой задачи во многом способствовала дискуссия, развернувшаяся по статье акад. М. В. Нечкиной «О периодизации истории советской исторической науки», опубликованной в журнале «История СССР» (1960, № 1)^{6*}.

192), а также рецензенты В. Мавродин, С. Пештич, Е. Дудзинская. См.: Коммунист, 1956, № 11, с. 110, 111.

^{6*} Ранее вопросы периодизации советской исторической науки освещались М. В. Нечкиной в докладе на ученом совете Института истории АН СССР (март 1958 г.) и в докладе на научной сессии (октябрь 1959 г.)

Рассматривая советскую историческую науку как часть истории советского общества, М. В. Нечкина отмечала, что крупные периоды развития советской исторической науки в основном соответствуют главным общеисторическим этапам истории советского общества. Вместе с тем в статье указывалось, что «критерии для выделения фактов, знаменующих переход от одного периода к другому, должны быть почерпнуты в собственном развитии науки, внутренне принадлежать ему»⁴⁴. Критерии или принципы периодизации должны обладать известной разносторонностью и отражать главные стороны развития науки: общую концепцию исторического процесса, связанную с ней историческую проблематику, а также новые приемы исследования и включение новых источников⁴⁵. М. В. Нечкина обратила внимание и на изучение условий развития науки, подчеркнула преемственную связь советской исторической науки с ленинским этапом, начавшимся с середины 90-х годов XIX в.

Опираясь на выдвинутые ею критерии, М. В. Нечкина выделила четыре этапа в развитии советской исторической науки: первый — с Октября 1917 г. по 1923 г.; второй — примерно с 1924 г. по 1934—1936 гг.; третий — до XX съезда КПСС (1956 г.) и четвертый — со второй половины 50-х годов⁴⁶. Каждому из этих этапов была дана характеристика, учитывающая условия развития науки и прежде всего роль и значение постановлений партии и правительства в области общественных наук, основные достижения исторической науки на базе освоения ленинской исторической концепции.

В статьях, опубликованных в последующих номерах журнала «История СССР»⁴⁷, содержалось немало нового историографического материала по разным периодам и этапам развития советской исторической науки, вносились предложения по уточнению периодизации, детализации хронологических рамок того или иного этапа. В ходе дискуссии были подняты важные проблемы советской историографии: об отношении к школе М. Н. Покровского и оценке его трудов и деятельности, об особенностях развития науки в 30—50-х годах, об изучении национальных историографий и т. д.

Большинство авторов, принявших участие в дискуссии, поддерживали периодизацию, предложенную М. В. Нечкиной, отметив ее научную обоснованность. Особое внимание привлекла проблема определения и выбора критериев, принципов периодизации, вызвавшая оживленный обмен мнениями.

С попыткой обосновать единственный критерий, который должен быть положен в основу всей периодизации истории советской исторической науки, выступил М. Е. Найденов. Он указывал, что «нет нужды брать множество фактов» и «вероятно достаточно взять лишь те из них, которые наиболее рельефно характеризуют содержание новых явлений, возникших в ходе развития науки»⁴⁸. К таким фактам, оказывающим решающее влияние на развитие исторической науки, он относил «появление новых идейных противников советской историографии»⁴⁹. Однако это предложение М. Е. Най-

денова не подкреплялось реальными историографическими фактами его собственной статьи и подверглось основательной критике со стороны участников дискуссии⁵⁰.

В то же время авторы подчеркивали, что изучение борьбы советских историков против буржуазной, мелкобуржуазной историографии, против различного рода меньшевистских, троцкистских, бухаринских и прочих антимарксистских концепций имеет огромное научное значение для понимания тех сложных и трудных условий, в которых утверждалась марксистско-ленинская историческая концепция.

Большинство участников дискуссии поддержали вывод М. В. Нечкиной о том, что при выделении этапов в развитии советской исторической науки следует учитывать: 1) общую концепцию исторического процесса, 2) связанную с ней исследовательскую проблематику, 3) приемы исследования, новые методологические вопросы, 4) включение новых источников, 5) организационные формы науки⁵¹. При этом указывалось, что «критерий периодизации не требует обязательного одновременного изменения в развитии всех указанных сторон. В отдельных случаях могут выступать на первый план те или иные стороны»⁵².

Подводя итоги дискуссии, М. В. Нечкина особенно подчеркнула, что грани выделения этапов развития науки условны, что предложенная периодизация может в дальнейшем уточняться, конкретизироваться. В то же время она выступила против тенденции к чрезвычайно дробному делению крупных периодов, что затруднило бы изучение историографического процесса.

В ходе дискуссии были сделаны предложения о выделении этапов во втором периоде развития исторической науки с середины 30-х — до середины 50-х годов: первый этап — 1937—1941 гг.; второй — 1941—1945 гг. и третий — 1945—1957 гг.⁵³ Эти предложения, особенно о выделении этапа Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.), были поддержаны в ряде выступлений⁵⁴.

В дальнейшем они учитывались при работе над пятым томом «Очерков истории исторической науки в СССР».

Дискуссия о периодизации истории советской исторической науки имела важное методологическое значение. Она подчеркнула роль периодизации в обобщении историографического материала, в раскрытии внутренней закономерности периодов поступательного движения исторической науки, в выявлении их связи и особенностей, обусловленных объективными изменениями экономической и социально-политической жизни страны и теми социально-общественными задачами, которые ставились перед исторической наукой Коммунистической партией на разных этапах развития советского общества. В ходе дискуссии неоднократно указывалось, что стержневой проблемой всей советской исторической науки является изучение и дальнейшая разработка ленинской исторической концепции во всех областях советской историографии.

Материалы дискуссии, проанализированные в заключительной статье М. В. Нечкиной, легли в основу Введения к четвертому тому

«Очерков истории исторической науки в СССР» (М., 1966) — первому из томов, посвященных истории советской исторической науки. В нем впервые были глубоко изучены и освещены центральные проблемы развития советской исторической науки в 1917 — середине 30-х годов: В. И. Ленин — основоположник советской исторической науки, утверждение марксистско-ленинских теоретических и методологических основ в советской исторической науке, крах буржуазной историографии, роль М. Н. Покровского в развитии советской исторической науки, создание научно-исторических учреждений и формирование кадров историков-марксистов, разработка основных проблем отечественной и всеобщей истории. Выход в свет четвертого тома «Очерков», активная деятельность Научного совета по истории исторической науки при Отделении истории АН СССР (председатель акад. М. В. Нечкина) способствовали дальнейшему росту историографических исследований в нашей стране, выдвинули новые теоретические и методологические проблемы изучения истории исторической науки в СССР.

С начала 60-х годов количество историографических работ стало резко возрастать, шире и разнообразнее стал круг проблем историографического исследования⁵⁵. При всем многообразии историографических сюжетов внимание авторов в той или иной степени привлекала одна общая проблема — проблема периодизации истории отечественной исторической науки.

Достижения советских историков в разработке периодизации дореволюционной исторической науки нашли свое воплощение в учебном пособии под редакцией В. Е. Иллерицкого, И. А. Кудрявцева и в работе А. М. Сахарова⁵⁶. Периодизация истории дореволюционной исторической науки строится ими в соответствии с общесторической марксистско-ленинской периодизацией, отражающей смену общественно-экономических формаций в истории России.

На ее основе выделяются главные периоды — феодальный и капиталистический. Эти периоды подразделяются на отдельные крупные этапы. В первом периоде: этап возникновения и накопления исторических знаний (с древнейших времен до второй половины XVII в.); этап превращения исторических знаний в науку (конец XVII — середина XVIII в.), далее — вторая половина XVIII в., когда при господствующем положении дворянской историографии формируются буржуазное и революционное направления, и затем этап кризиса дворянской историографии, утверждение буржуазной и оформление революционно-демократической историографии (первая половина XIX в.). Во втором периоде — капиталистическом — рассматриваются этапы утверждения капитализма и эпохи империализма, при этом с середины 90-х годов XIX в. выделяется ленинский этап в развитии марксистской историографии и определяется кризис буржуазной историографии (конец XIX — начало XX в.). В этой периодизации в значительной степени были учтены результаты дискуссий и монографических исследований по историографии.

Авторы уделили большое внимание определению факторов, составляющих «собственно развитие исторической науки»⁵⁷. Главным,

определяющим фактором развития науки А. М. Сахаров считает метод исследования, и поэтому «этапы развития науки различаются по изменениям метода исследования, по смене мировоззренческих принципов познания и осмыслению прошлого. В свою очередь, смена мировоззренческих схем обусловлена процессом развития и смены общественно-экономических формаций. Но хронологического совпадения рубежей здесь быть не может. Играет свою роль относительно самостоятельность идеологии и научного мышления»⁵⁸.

Положив в основу этот главный принцип периодизации, автор вместе с тем подчеркнул, что периодизация истории исторической науки, как и всякая периодизация, условна, и напомнил слова Ленина: «...все вообще грани в природе и в обществе условны и подвижны, относительны, а не абсолютны»⁵⁹. Каждый крупный этап в развитии науки связан с развитием определенных классов общества, отражается в названии научных направлений, характеризующих их классовую сущность: феодальное, дворянское, буржуазное и т. п.

Большое внимание в пособиях уделено возникновению марксистской концепции истории России, началу ленинского этапа в развитии марксистской историографии. Мысли и соображения А. М. Сахарова по вопросам периодизации имеют значение не только для уяснения периодизации истории дореволюционной исторической науки, но и для теоретического осмысления этой проблемы, хотя не все предложения его беспорны^{7*}.

К проблеме периодизации истории советской исторической науки обращаются многие авторы историографических работ по истории советского общества.

Рассматривая историографию советского общества как важнейшую часть советской исторической науки, авторы «Очерков по историографии советского общества» предложили свою периодизацию, главным критерием которой они считали расширение проблематики и совершенствование концепции истории советского общества⁶⁰. На основе этого критерия были выделены семь этапов: первый — 1917—середина 20-х годов; второй — середина 20-х — конец 20-х годов; третий — конец 20-х годов — 1937 г.; четвертый — с 1938 г. (с выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)») до 1941 г.; пятый — 1941—1945 гг.; шестой — 1946—1955 гг. и седьмой — с 1956 г. (с XX съезда КПСС)⁶¹. Эти этапы в историографии советского общества соответствуют и этапам развития советской исторической науки в целом, однако излишняя детализация, особенно второго и четвертого этапов, вызывает сомнение и требует дополнительной аргументации.

В этом же сборнике со статьей «Основные этапы советской историографии Великой Октябрьской социалистической революции» выступил М. Е. Найденов. Он выделил два основных периода в разработке истории Октября: с 1917 г. до второй половины 30-х

^{7*} См. об этом ниже.

годов и с середины 30-х годов до наших дней⁶². Автор справедливо подчеркивал, что если в первом периоде шла борьба за утверждение в советской историографии ленинской концепции истории Октябрьской революции, то во втором периоде происходило ее дальнейшее обогащение и всестороннее развитие на основе широкого привлечения источников. Два периода автор расчленил на этапы, которые во многом совпадали с этапами, выделенными во введении к этому сборнику, но с более четким определением дат. В статье М. Е. Найденов попытался еще раз доказать, что главным фактором в определении этапов развития советской исторической науки является борьба с ее идейными противниками. Однако этот принцип автор не смог последовательно выдержать и, по существу, отказался от него при выделении этапов в послевоенное время. Неприемлемым представляется утверждение М. Е. Найденова, что главным содержанием четвертого этапа (вторая половина 30 — первая половина 40-х годов) была борьба со «школой» М. Н. Покровского, которая, согласно принятому автором принципу периодизации, должна быть причислена к идейным противникам советской историографии.

Проблемы периодизации поднимаются во многих исследованиях, посвященных историографии отдельных проблем истории советского общества. Однако отношение авторов к ее решению различно. Одни, как правило, во введениях или предисловиях выражают свое согласие с общепринятой периодизацией и располагают конкретный историографический материал сообразно общим периодам и этапам. Другие авторы, опираясь на общую периодизацию в целом, вносят уточнение в хронологические рамки отдельных этапов, подкрепляя их фактами своей конкретной темы. В обоих случаях периодизация используется как метод организации и обобщения историографического материала, позволяющий определить структуру работы. Но во втором случае авторы подходят к проблеме периодизации более творчески, выявляя наряду с общими критериями периодизации и такие факторы, которые позволяют понять главные вехи в истории изучения какой-либо проблемы.

Несомненно, что изучение историографии отдельных крупных проблем по истории советского общества предоставляет разные возможности авторам в решении периодизации. Преимущество в этом отношении имеют историки, занимающиеся историографией проблем, связанных с тематикой, непосредственно рожденной событиями Великой Октябрьской социалистической революции. В этом случае возможность сочетать общее и частное значительно шире. Историограф конкретной проблемы, опираясь на общую периодизацию, вносит при необходимости коррективы, используя историографический материал своей темы. Е. Н. Городецкий подчеркивает, что «историограф, даже когда он ограничивает исследование отдельной проблемой, это историк науки в целом, всех ее компонентов»⁶³.

Большинство авторов историографических работ, вышедших во второй половине 60-х — начале 80-х годов, согласны с той общей периодизацией истории советской исторической науки, которая была

установлена в ходе дискуссии и которая была изложена в четвертом томе «Очерков истории исторической науки в СССР».

Не вызывает сомнений начальная дата первого периода — Октябрь 1917 г., хотя при изучении историографии конкретных проблем она передвигается на более поздние сроки. В работах, посвященных национальным историографиям нынешних союзных и автономных республик, это объясняется более поздним установлением в некоторых из них Советской власти, а при исследовании историографии отдельных проблем советского общества — временем их реального появления в историческом развитии страны.

Конечные хронологические рамки первого периода — середина 30-х годов — имеют различную степень детализации: конец 20-х — начало 30-х годов, до начала 30-х годов. Некоторые авторы делят первый период на два этапа: с 1917 г. до середины 20-х годов и от середины 20-х до середины 30-х годов⁶⁴. В. П. Наумов также считает середину 20-х годов рубежом двух этапов первого периода. В выделении хронологических рамок первого периода особых разногласий среди историографов нет и можно присоединиться к выводу Е. Н. Городецкого, что «хронологические рамки 1917 — середины 30-х годов как период утверждения марксистско-ленинской концепции в исторической науке и окончательного краха буржуазной и мелкобуржуазной историографии»⁶⁵ были приняты советскими историками.

Начальная грань второго периода — середина 30-х годов — переносится некоторыми авторами на вторую половину и даже конец 30-х годов⁶⁶. При этом исследователи историографии отдельных проблем стремятся более четко определить конкретные факты, положившие начало новому периоду в разработке той или иной темы. В. П. Наумов считает, что важное значение для определения начальных граней нового периода в разработке истории гражданской войны в СССР имело Постановление ЦК ВКП(б) от 30 июля 1931 г. об издании многотомной «Истории гражданской войны», которое привело к коренной перестройке организации научно-исследовательской работы по изучению истории гражданской войны⁶⁷. В. И. Погудин, некоторые историки партии склонны относить второй период ко второй половине 30-х годов, концу 30-х годов и связывают его с изданием «Краткого курса истории ВКП(б)»⁶⁸.

Историографы национальных республик и областей придают большое значение научно-организационным формам в развитии науки. В коллективной монографии по истории исторической науки в Советском Киргизстане начало нового периода авторы относят к 1943 г., когда в составе Киргизского филиала АН СССР был создан сектор истории Института языка, литературы и истории, приступившего к планомерному изучению истории Киргизии⁶⁹. Таджикский историограф Р. М. Масов также связывает начало второго периода с организацией в 1941 г. в Таджикистане научно-исследовательского института истории, языка и литературы⁷⁰. Авторы работы по советской историографии Бурятии важной вехой в развитии исторической науки в их республике считают 1934 г., так как

в этом году прошла конференция «По спорным вопросам истории Бурятии», закончившаяся с неверной трактовкой социально-экономического развития Бурятии накануне Октябрьской революции⁷¹. В то же время авторы подчеркивают, что эти научно-организационные изменения во многом были обусловлены решениями партии и правительства, принятыми в 1934—1936 гг. и имевшими большое влияние на развитие советской исторической науки в целом.

Большинство исследователей выделяют во втором периоде годы Великой Отечественной войны, первого послевоенного десятилетия (1946—1955 гг.). Они справедливо отмечают особые условия, сложившиеся для изучения истории в период Великой Отечественной войны, выдвинувшей новые задачи, новую историческую проблематику⁷².

Послевоенные годы характеризовались собиранием сил историков, значительным ростом молодых кадров, расширением проблематики исследования, публикацией новых документов по истории советского общества. Все это в значительной степени подготовило новый период в развитии советской исторической науки. Его начальные рубежи некоторые исследователи относят к середине 50-х годов и непосредственно связывают с решениями XX съезда КПСС (1956 г.). Большая часть историографов, особенно в работах последних лет, опираясь на общеисторическую периодизацию, считают началом нового, третьего, современного периода конец 50-х — начало 60-х годов. Это время перехода к строительству развитого социалистического общества, период реализации многих важных для развития исторической науки решений партии и правительства, способствующих общему подъему исторических исследований в нашей стране⁷³.

Вопросы периодизации привлекают внимание прежде всего историографов отдельных проблем истории советского общества. В их работах можно найти интересные суждения о периодизации истории науки в целом⁷⁴, о периодизации истории изучения отдельной проблемы. А. В. Митрофанова в статье по историографии Великой Отечественной войны подчеркнула, что, «определяя критерии периодизации проблемы, нельзя не учитывать общие критерии, из которых мы исходим при периодизации истории исторической науки в целом, историографии советского общества, историографии истории КПСС, учитывая особенности, которые присущи зарождению исторической мысли о Великой Отечественной войне, ее отдельным направлениям и проблемам»⁷⁵.

Подводя итоги, можно сделать общий вывод, что периодизация истории советской исторической науки, предложенная в начале 60-х годов, выдержала испытание временем, получила подтверждение новым историографическим материалом и соответствует реальному историографическому процессу. Вместе с тем нельзя не отметить, что если в выделении основных периодов историографы достаточно едины, то в расчленении периодов на этапы имеются различные точки зрения в выборе критериев, нет четкости в трактовке самих понятий «период», «этап» и их соотношении.

установлена в ходе дискуссии и которая была изложена в четвертом томе «Очерков истории исторической науки в СССР».

Не вызывает сомнений начальная дата первого периода — Октябрь 1917 г., хотя при изучении историографии конкретных проблем она передвигается на более поздние сроки. В работах, посвященных национальным историографиям нынешних союзных и автономных республик, это объясняется более поздним установлением в некоторых из них Советской власти, а при исследовании историографии отдельных проблем советского общества — временем их реального появления в историческом развитии страны.

Конечные хронологические рамки первого периода — середина 30-х годов — имеют различную степень детализации: конец 20-х — начало 30-х годов, до начала 30-х годов. Некоторые авторы делят первый период на два этапа: с 1917 г. до середины 20-х годов и от середины 20-х до середины 30-х годов⁶⁴. В. П. Наумов также считает середину 20-х годов рубежом двух этапов первого периода. В выделении хронологических рамок первого периода особых разногласий среди историографов нет и можно присоединиться к выводу Е. Н. Городецкого, что «хронологические рамки 1917 — середины 30-х годов как период утверждения марксистско-ленинской концепции в исторической науке и окончательного краха буржуазной и мелкобуржуазной историографии»⁶⁵ были приняты советскими историками.

Начальная грань второго периода — середина 30-х годов — переносится некоторыми авторами на вторую половину и даже конец 30-х годов⁶⁶. При этом исследователи историографии отдельных проблем стремятся более четко определить конкретные факты, положившие начало новому периоду в разработке той или иной темы. В. П. Наумов считает, что важное значение для определения начальных граней нового периода в разработке истории гражданской войны в СССР имело Постановление ЦК ВКП(б) от 30 июля 1931 г. об издании многотомной «Истории гражданской войны», которое привело к коренной перестройке организации научно-исследовательской работы по изучению истории гражданской войны⁶⁷. В. И. Погудин, некоторые историки партии склонны относить второй период ко второй половине 30-х годов, концу 30-х годов и связывают его с изданием «Краткого курса истории ВКП(б)»⁶⁸.

Историографы национальных республик и областей придают большое значение научно-организационным формам в развитии науки. В коллективной монографии по истории исторической науки в Советском Киргизстане начало нового периода авторы относят к 1943 г., когда в составе Киргизского филиала АН СССР был создан сектор истории Института языка, литературы и истории, приступившего к планомерному изучению истории Киргизии⁶⁹. Таджикский историограф Р. М. Масов также связывает начало второго периода с организацией в 1941 г. в Таджикистане научно-исследовательского института истории, языка и литературы⁷⁰. Авторы работы по советской историографии Бурятии важной вехой в развитии исторической науки в их республике считают 1934 г., так как

в этом году прошла конференция «По спорным вопросам истории Бурятии», закончившая с нежной трактовкой социально-экономического развития Бурятии накануне Октябрьской революции⁷¹. В то же время авторы подчеркивают, что эти научно-организационные изменения во многом были обусловлены решениями партии и правительства, принятыми в 1934—1936 гг. и имевшими большое влияние на развитие советской исторической науки в целом.

Большинство исследователей выделяют во втором периоде годы Великой Отечественной войны, первого послевоенного десятилетия (1946—1955 гг.). Они справедливо отмечают особые условия, сложившиеся для изучения истории в период Великой Отечественной войны, выдвинувшей новые задачи, новую историческую проблематику⁷².

Послевоенные годы характеризовались собиранием сил историков, значительным ростом молодых кадров, расширением проблематики исследования, публикацией новых документов по истории советского общества. Все это в значительной степени подготовило новый период в развитии советской исторической науки. Его начальные рубежи некоторые исследователи относят к середине 50-х годов и непосредственно связывают с решениями XX съезда КПСС (1956 г.). Большая часть историографов, особенно в работах последних лет, опираясь на общеисторическую периодизацию, считают началом нового, третьего, современного периода конец 50-х — начало 60-х годов. Это время перехода к строительству развитого социалистического общества, период реализации многих важных для развития исторической науки решений партии и правительства, способствующих общему подъему исторических исследований в нашей стране⁷³.

Вопросы периодизации привлекают внимание прежде всего историографов отдельных проблем истории советского общества. В их работах можно найти интересные суждения о периодизации истории науки в целом⁷⁴, о периодизации истории изучения отдельной проблемы. А. В. Митрофанова в статье по историографии Великой Отечественной войны подчеркнула, что, «определяя критерии периодизации проблемы, нельзя не учитывать общие критерии, из которых мы исходим при периодизации истории исторической науки в целом, историографии советского общества, историографии истории КПСС, учитывая особенности, которые присущи зарождению исторической мысли о Великой Отечественной войне, ее отдельным направлениям и проблемам»⁷⁵.

Подводя итоги, можно сделать общий вывод, что периодизация истории советской исторической науки, предложенная в начале 60-х годов, выдержала испытание временем, получила подтверждение новым историографическим материалом и соответствует реальному историографическому процессу. Вместе с тем нельзя не отметить, что если в выделении основных периодов историографы достаточно едины, то в расчленении периодов на этапы имеются различные точки зрения в выборе критериев, нет четкости в трактовке самих понятий «период», «этап» и их соотношении.

В разработке проблем периодизации истории науки в современной советской историографии можно выделить два основных направления: с одной стороны, значительно возрос интерес к общим, теоретическим проблемам периодизации, определению ее критериев и принципов, с другой стороны, усилилось стремление уточнить ранее выделенные периоды и этапы, а также наметить некоторые вехи в развитии современной советской исторической науки.

Необходимость теоретической разработки периодизации истории исторической науки в СССР обусловлена не только насущными задачами и внутренними потребностями самой науки, но и отражает возросший интерес обществоведов к общим проблемам периодизации. Большое место периодизации всемирно-исторического процесса в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса уделено в монографии акад. Е. М. Жукова «Очерки методологии истории» (М., 1980). Заслуживают внимания его общие положения о том, что первым условием разработки научной объективной периодизации истории (как и всякого обобщения) является обстоятельное знание фактического материала, что любая периодизация самым непосредственным образом связана с исходными методологическими установками, о сложности определения единого критерия периодизации⁷⁶.

Философы обосновывают периодизацию как прием, метод исторического исследования, позволяющего систематизировать и обобщить научный материал. Они разрабатывают понятия об объектах и критериях периодизации, об отличиях периодизации от хронологизации, об определении сущности периодизации и т. д.⁷⁷

Интересные суждения о периодизации как историческом методе научного исследования содержатся в работе Н. Н. Маслова⁷⁸. Он освещает эту тему в применении к историко-партийной науке, раскрывает ленинские критерии в разработке периодизации истории освободительного движения в России, истории партии. Отмечая разнообразие критерии, которые применял В. И. Ленин в каждом конкретном случае, в зависимости от задачи и темы исследования, Н. Н. Маслов подчеркнул, что критерий выбирается всегда таким образом, чтобы отразить главное содержание анализируемого процесса⁷⁹. Он считает возможным вывести общее правило метода периодизации: каждая схема периодизации строится на основе лишь одного критерия, соответствующего цели исследования⁸⁰. Приложение этого правила к периодизации историографии нам представляется далеко не бесспорным и требующим дальнейшего исследования.

Теоретические аспекты периодизации затрагивались и в творческих дискуссиях советских историков по вопросу о периодизации истории советского общества в связи с вступлением нашей страны в период развитого социализма⁸¹.

Большинство исследователей приходят к выводу, что критерии периодизации должны отражать главные, качественные изменения исследуемого процесса. В применении к историографии таким главным критерием должна быть научная концепция, которая определяется методом исследования. Эту точку зрения подробно обо-

сновывал А. М. Сахаров. Признав правомерность выделенных акад. М. В. Нечкиной основных факторов развития науки, которые рассматривались как составные части критерия периодизации, он подчеркнул первостепенное значение изучения идейно-методологических основ развития науки. «Этапы развития науки,— пишет он,— различаются прежде всего по изменениям метода, который играет в науке роль своеобразного „способа производства“ научных выводов. Методология оказывает решающее воздействие на вырабатываемую в результате исследования научную концепцию. В этом исходном положении для периодизации истории науки берется качественно тот же принцип, что и для марксистской периодизации истории общества в целом, разделяемой по способам производства материальных благ, определяющих тип общественно-экономической формации. Ибо научное исследование — это тоже производство определенных духовных ценностей»⁸².

Эти положения А. М. Сахарова вызвали возражения Е. Н. Городецкого, который отметил, что «различные методы производства духовных ценностей не могут быть приняты в основу периодизации, потому что они существуют и применяются одновременно в пределах одной и той же формации. Идеализм и материализм в античном мире или провиденциализм и рационализм в средневековье могут быть основой различных течений, но отнюдь не периодизации духовной жизни общества или истории науки. Все эти вопросы нуждаются в определенном исследовании»⁸³.

В свою очередь Е. Н. Городецкий предложил считать главным критерием для определения крупных периодов в развитии науки «момент соединения исторической концепции (принадлежит внутреннему развитию науки) с общественным движением или потребностями общественного класса, берущего на вооружение эту концепцию (социальные условия развития науки)»⁸⁴. Это положение он подкреплял фактом возникновения в конце XIX — начале XX в. ленинского этапа в истории науки, когда историческая концепция В. И. Ленина соединилась с классовой борьбой российского пролетариата⁸⁵.

Обращая большое внимание на определение критериев периодизации, с помощью которых можно было бы выделить качественные рубежи в истории науки, авторы вместе с тем подчеркивают взаимосвязь, преемственность в последовательной смене одного периода другим в отечественной историографии. Ленинский этап органически связывается с периодом советской историографии, начавшимся после Октября 1917 г., прослеживается обусловленность периодов в истории самой советской исторической науки. Нельзя не отметить, что при выделении периодов и этапов советской исторической науки историографы указывают на огромное значение постановлений партии и правительства по общественным наукам в целом и касающихся непосредственно исторической науки.

В соответствии с этим ряд исследователей предлагают в третьем периоде выделить новый этап в развитии советской историографии — со второй половины 60-х — начала 70-х годов. «Во второй

половине 60-х годов,— пишут Э. В. Ермакова и А. Г. Черных,— в развитии исторической науки довольно четко обозначился новый этап, характеризующийся дальнейшим развитием творческого начала в изучении истории, глубоким поворотом к вопросам истории социалистического строительства, практикой творческих дискуссий по проблемам советского общества, осмыслением процесса развития исторической науки, небывало широким кругом исследований, что, несомненно, является проявлением поступательного движения, подъема советской исторической науки»⁸⁶. Этот новый этап отмечается и авторами работ по историографии отдельных проблем⁸⁷.

Каковы же те общие факторы, которые оказали решающее влияние на развитие советской исторической науки со второй половины 60-х годов? Это постановление ЦК КПСС от 14 августа 1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве», Тезисы ЦК КПСС к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции, а также постановления партии и правительства в связи с 100-летием со дня рождения В. И. Ленина, 50-летием образования СССР, материалы XXIV съезда КПСС. В этих документах глубокую разработку получили проблемы марксистско-ленинской концепции мировой и отечественной истории, актуальные проблемы коммунистического строительства, которые явились основой деятельности общественников на современном этапе.

Большую роль во всестороннем и углубленном изучении теоретического ленинского наследия сыграло завершение в 1965 г. издания Полного собрания сочинений В. И. Ленина. Историографы советской аграрной истории подчеркивают значение решений мартовского 1965 г. Пленума ЦК КПСС, которые способствовали активизации исследования теоретических проблем истории сельского хозяйства нашей страны. Историки приходят к выводу, что развитие советской исторической науки определялось решениями XXIV съезда КПСС, который ориентировал на все более решительный поворот общественных наук в сторону разработки проблем, актуальных для настоящего и будущего⁸⁸.

Важное значение в организации исторической науки имело решение Президиума АН СССР о создании Института истории СССР (1968 г.) и научных центров по изучению общественных наук в различных регионах нашей страны в 1967—1969 гг.⁸⁹ Характеристика нового этапа нашла широкое отражение в передовых статьях журналов «Вопросы истории», «История СССР», в коллективном труде «Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС».

К сожалению, в литературе мало работ, посвященных отдельным периодам или этапам развития советской историографии. Причину этого явления указал Е. Н. Городецкий: «Трудность заключается в необходимости синтезирования огромного материала по истории отдельных отраслей науки, ее организационной системы, ее структуры»⁹⁰. В этих условиях чрезвычайно повышается значение коллективных обобщающих работ по истории исторической

науки в СССР, в частности последующих (5—7) томов «Очерков», издание которых явно отстает от потребностей науки.

Итак, в результате коллективных усилий ученых в советской историографии создана и разработана научная периодизация истории исторической науки в СССР, определены ее главные критерии. Объективную основу научной периодизации истории науки составляет периодизация исторического процесса, разработанная в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина.

Учитывая влияние основных социально-экономических и политических условий, присущих той или иной формации или отдельным ее этапам, историки вместе с тем придают большое значение факторам, определяющим развитие самой науки. «Рассмотрение смены периодов в истории науки,— отмечают М. В. Нечкина и Е. Н. Городецкий,— приводит к выводу, что критерием их появления являются признаки, принадлежащие существу самой науки — ее методологии, концепциям, проблематике, выводам»⁹¹.

Стержневой проблемой в развитии советской исторической науки является утверждение ленинской концепции исторического процесса с древнейших времен и до настоящего времени. Ее формирование началось в дореволюционный период (ленинский этап) и продолжалось в советский период после Октября 1917 г.

Становление и утверждение марксистско-ленинской концепции происходило в острой идейной борьбе с реакционными концепциями буржуазной науки. К середине 30-х годов эта борьба закончилась победой марксистско-ленинской исторической концепции, которая стала методологической основой для всех отраслей исторической науки.

Огромную роль в развитии советской исторической науки играют решения и постановления партии и правительства, определяющие задачи и направления работы советских историков.

Выделение основных периодов, а в них — этапов истории исторической науки в целом может хронологически не совпадать с определением этапов в изучении историографии отдельных проблем. Историографические исследования показывают, что факторами, стимулирующими дальнейшие качественные сдвиги в изучении проблемной историографии и имеющими этапное значение, могут быть различные исторические и историографические события и явления, тесно связанные со специфическими особенностями самой проблемы.

Общая периодизация советской исторической науки, обусловленная периодизацией истории нашего общества, закономерностями его развития, в главном — в выделении крупных периодов — определяет периодизацию в истории изучения отдельных проблем. В свою очередь разработка частной периодизации (выделение этапов) в проблемной историографии дает дополнительный историографический материал для научного обоснования, уточнения общей периодизации истории науки. Проблемы общей и частной периодизации тесно связаны между собой и могут успешно разрабатываться только в их органическом сочетании.

Историографы зарубежной истории ставят вопрос о соотношении периодизации истории советской исторической науки и зарубежной исторической науки. «Развитие зарубежной историографии новой и новейшей истории,— отмечает академик А. Л. Нарочницкий,— не укладывается, например, в периоды развития исторической науки в СССР. В зарубежной историографии трудно выделить в качестве рубежа середину 30-х или середину 50-х годов. Для нее важнее такой переломный рубеж, как конец второй мировой войны»⁹². Этот рубеж признается и советскими историками, занимающимися советской историографией истории нового и новейшего времени.

Наряду с проблемами периодизации истории советской исторической науки назрела необходимость изучения этапов развития самой советской историографии^{9*}. При этом Е. Н. Городецкий справедливо подчеркивает, что «хотя периоды в развитии исторической науки и историографии (как ее отрасли) тесно связаны между собой, но они не всегда совпадают»⁹³.

Разработка этапов историографии окажет действительную помощь и в дальнейшем изучении проблемы периодизации как важнейшей методологической проблемы в истории науки.

^{9*} Первую попытку в этом направлении сделал В. Е. Иллерицкий. См.: Проблемы отечественной историографии в советской исторической науке, 1917—1967.— История СССР, 1968, № 1.

¹ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955—1966. Т. 1—4.

² *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М., 1941; *Черепнин Л. В.* Русская историография до XIX в.: Курс лекций. М., 1957; *Пештун С. П.* Русская историография. Л., 1961. Ч. 1; М., 1965, Ч. 2; М., 1971. Ч. 3; *Астахов В. И.* Курс лекций по русской историографии (до конца XIX в.): Учеб. пособие. Харьков, 1965 (1-е изд. вышло в 1959—1962 гг.); *Котов В. Н.* Историография истории СССР, 1917—1934 гг. Киев, 1966; *Историография истории СССР: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции* / Под ред. Иллерицкого В. Е., Кудрявцева И. А. 2-е изд., исп. и доп. М., 1971; *Ермакова Э. В., Черных А. Г.* Вопросы историографии советского общества. Развитие советской исторической науки на современном этапе: Учебное пособие. Владивосток, 1974; *Сахаров А. М.* Историография истории СССР: Досоветский период. М., 1978; *Историография истории СССР: Эпоха социализма. Учебник* / Под ред. акад. Минца И. И. М., 1982.

³ Очерки по историографии советского общества. М., 1967; *Наумов В. П.* Летопись героической борьбы: Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в СССР. М., 1972; *Погудин В. И.* Путь советского крестьянства к социализму: Историогр. очерк. М., 1975; *Ворожейкин И. Е.* Очерк историографии рабочего класса СССР. М., 1975; *Партия и Великий Октябрь: Историогр. очерк.* М., 1976; *Городецкий Е. Н.* Советская историография Великого Октября, 1917 — середина 30-х годов: Очерки. М., 1981; и др.

⁴ *Шерстобитов В. П., Орозалиев К. К., Винник Д. Ф.* Очерк истории исторической науки в Советском Киргизстане 1918—1960 гг. Фрунзе, 1961; *Ахунова А., Лунин Б. В.* История исторической науки в Узбекистане: Краткий очерк. Ташкент, 1970; *Масов Р. М.* Историография Советского Таджикистана, 1917—1975. Душанбе, 1978; *Багоцерынов В. Б., Лубсанов Б. Д.* Советская историография Бурятии. Улан-Удэ, 1980; и др.

⁵ Литературу по этому вопросу см.: История исторической науки в СССР. До-октябрьский период: Библиография. М., 1965, с. 13—17; См. также: Маркс — историк. М., 1968; Ф. Энгельс и проблемы истории. М., 1970.

- ⁶ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 1, с. 599.
- ⁷ *Жуков Е. М.* Очерки методологии истории. М., 1980, с. 156.
- ⁸ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 57.
- ⁹ Там же, т. 25, с. 49.
- ¹⁰ Там же, т. 26, с. 60.
- ¹¹ См.: *Ленин В. И.* Карл Маркс — Полн. собр. соч., т. 26, с. 43—93; *Он же.* Три источника и три составных части марксизма.— Там же, т. 23, с. 40—48; *Он же.* Исторические судьбы учения Карла Маркса.— Там же, с. 1—4; *Он же.*— О некоторых особенностях исторического развития марксизма.— Там же, т. 20, с. 84—89. Подробнее об этом: см.: *Гольман Л. И.* В. И. Ленин об исторических судьбах марксизма в XIX в.— В кн.: *История и историки: Историогр. ежегодник, 1970.* М., 1972.
- ¹² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 298.
- ¹³ Там же, т. 25, с. 112.
- ¹⁴ Литературу по этим вопросам см.: *История исторической науки в СССР. Октябрьский период: Библиография, с. 18—34; История исторической науки в СССР. Советский период, Октябрь 1917—1967 гг.: Библиография.* М., 1980, с. 15—20.
- ¹⁵ Подробнее см.: *Очерки истории исторической науки в СССР, М., 1966, т. 4, гл. 2.*
- ¹⁶ *Покровский М. Н.* Борьба классов и русская историческая литература. 2-е испр. изд. Л., 1926, с. 11, 91.
- ¹⁷ Там же, с. 34, 35.
- ¹⁸ *Русская историческая литература в классовом освещении.* М., 1927—1930. Т. 1, 2.
- ¹⁹ *Нечкина М. В., Городецкий Е. Н.* Историографические исследования в СССР.— В кн.: *Развитие советской исторической науки, 1970—1974.* М., 1975, с. 84.
- ²⁰ *Покровский М. Н.* Общественные науки в СССР за 10 лет.— *Вестн. Ком. академии, 1928, № 26 (2); Нечкина М. В.* Наука русской истории.— В кн.: *Общественные науки в СССР, 1917—1927.* М., 1928.
- ²¹ *Покровский М. Н.* Общественные науки в СССР за 10 лет, с. 18.
- ²² См.: Там же, с. 29.
- ²³ *Нечкина М. В.* Наука русской истории, с. 126.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ См.: Там же, с. 127.
- ²⁶ *Адоратский В. В.* Марксистская диалектика в произведениях Ленина.— *Печать и революция, 1922, кн. 2; Быстрянский В.* Ленин — историк. Историзм в ленинизме.— *Борьба классов, 1924, № 1/2; Лелевич Г.* Ленин как историк.— *Пролетарская революция, 1924, № 4; Покровский М. Н.* Ленин и Маркс как историки.— *Правда, 1926, 22 апр.; Он же.* Ленинизм и русская история.— В кн.: *Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов, М., 1930, т. 1; Волін М.* Ленин — историк партии — Литопис революції, 1929, № 2; *Невский В. И.* В. И. Ленин как историк революционного движения в своих ранних работах.— *Печать и революция, 1929, кн. 1; и др.*
- ²⁷ *Покровский М. Н.* Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933, вып. 2, с. 289. Статья М. Н. Покровского «Ленин и история» первоначально опубликована в журнале «Борьба классов» (1931, № 1).
- ²⁸ *Токин И.* О большевистской партийности в исторической науке.— *Борьба классов, 1932, № 9/10; Ломакин Арк.* О ленинском этапе в истории и задачах большевистских историков.— *Историк-марксист, 1934, № 1 (35).*
- ²⁹ *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография.
- ³⁰ См.: Там же, с. 3.
- ³¹ См.: Там же, с. 4.
- ³² Там же, с. 15.
- ³³ См.: Там же. Период советской историографии автор не рассматривал.
- ³⁴ Там же, с. 60.
- ³⁵ *Панкратова А. М.* Советская историческая наука за 25 лет и задачи историков в условиях Великой Отечественной войны.— В кн.: *25 лет исторической науки в СССР.* М.; Л., 1942.
- ³⁶ Там же, с. 12, 13, 16.
- ³⁷ В Комиссии по истории исторической науки.— *Изв. АН СССР. Сер. ист. и*

- филос. 1946, т. 3, № 4, с. 391; Год работы Комиссии по истории исторических наук.— Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос., 1947, т. 4, № 3.
- ³⁸ *Старосельская О. А.* История науки в работах Отделения истории и философии АН СССР за 10 лет, (1934—1944) — Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос., 1946, т. 3, № 2.
- ³⁹ Материалы обсуждения см.: *Вопр. истории*, 1948, № 1, 6. Во втором номере этого журнала за 1948 г. была опубликована статья Н. Л. Рубинштейна «Основные проблемы построения русской историографии», которой редакция журнала открывала обсуждение вопроса о содержании и построении курса русской историографии.
- ⁴⁰ См. указанные курсы лекций и учебные пособия по историографии Л. В. Черепнина, С. Л. Пештича, В. И. Астахова, а также под редакцией В. Е. Иллерицкого, И. А. Кудрявцева (1-е изд., 1961).
- ⁴¹ См.: *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 5.
- ⁴² *Сахаров А. М.* Рецензия на учебное пособие «Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции» / Под ред. В. Е. Иллерицкого, И. А. Кудрявцева. М., 1961,— *Вопр. истории*, 1962, № 4, с. 142.
- ⁴³ См.: Там же, с. 143.
- ⁴⁴ *Нечкина М. В.* О периодизации истории советской исторической науки.— *История СССР*, 1960, № 1, с. 80, 81.
- ⁴⁵ См.: Там же, с. 81.
- ⁴⁶ См.: Там же, с. 86—91.
- ⁴⁷ Подробнее о материалах дискуссии см.: *История исторической науки в СССР. Советский период. Октябрь 1917—1967 гг.: Библиография.* М., 1980, с. 43, № 560.
- ⁴⁸ *Найденов М. Е.* Проблемы периодизации советской исторической науки.— *История СССР*, 1961, № 1, с. 83.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ См. след. статьи: *А. Л. Шапиро.* Несколько замечаний о периодизации истории советской исторической науки.— *История СССР*, 1961, № 3; *Шмидт С. О.* О предмете советской историографии и о некоторых принципах ее периодизации.— *История СССР*, 1962, № 1. Точку зрения М. Е. Найденкова, по существу, поддержал только Е. А. Луцкий в статье «Основные принципы периодизации развития советской исторической науки» (*История СССР*, 1961, № 2, с. 107).
- ⁵¹ *Нечкина М. В.* К итогам дискуссии о периодизации истории советской исторической науки.— *История СССР*, 1962, № 2, с. 62.
- ⁵² Там же, с. 63.
- ⁵³ *Степанов Н. Н.* Этапы истории советской исторической науки.— *История СССР*, 1960, № 3, с. 156.
- ⁵⁴ *Лось Ф. Е.* К вопросу о периодизации советской исторической науки.— *История СССР*, 1960, № 4, с. 148; *Ефременков Н. В.* Некоторые вопросы периодизации советской исторической науки.— *История СССР*, 1961, № 4, с. 102; *Нечкина М. В.* К итогам дискуссии..., с. 76.
- ⁵⁵ Подробнее об этом см.: *Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС.* М., 1962. Ч. 1. *История СССР*; М., 1963. Ч. 2. *История Западной Европы и Америки; Нечкина М. В., Городецкий Е. Н.* Историографические исследования в СССР.— В кн.: *Развитие советской исторической науки, 1970—1974.* М., 1975.
- ⁵⁶ *Историография истории СССР: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции*, 2-е изд, испр. и доп.; *Сахаров А. М.* *Историография истории СССР.*
- ⁵⁷ *Сахаров А. М.* *Историография истории СССР*, с. 127.
- ⁵⁸ Там же, с. 15—16.
- ⁵⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 143.
- ⁶⁰ *Очерки по историографии советского общества* / Редкол.: *Найденов М. Е.* (отв. ред.), *С. Ф. Найда, Л. М. Папин.* М., 1967, с. 5.
- ⁶¹ Там же, с. 5—10.
- ⁶² *Очерки по историографии советского общества*, с. 15.

- ⁶³ *Городецкий Е. Н.* Историография как специальная отрасль исторической науки.— История СССР, 1974, № 4, с. 115.
- ⁶⁴ *Чинчиков А. М.* Советская историография социалистического преобразования сельского хозяйства СССР, 1917—1969 гг. М., 1971; *Ворожейкин И. Е.* Очерк историографии рабочего класса СССР; *Наумов В. П.* Указ. соч.
- ⁶⁵ *Городецкий Е. Н.* Советская историография Великого Октября, с. 8.
- ⁶⁶ *Городецкий Е. Н.* Советская историография Великого Октября, с. 8—9.
- ⁶⁷ *Наумов В. П.* Указ. соч., с. 7.
- ⁶⁸ *Погудин В. И.* Указ. соч., с. 63; *Спирин Л. М.* О некоторых вопросах разработки теоретических и методологических проблем историографии истории КПСС.— Вопр. истории КПСС, 1979, № 1, с. 109.
- ⁶⁹ *Шерстобитов В. П., Орозалиев К. К., Винник Д. Ф.* Очерк истории исторической науки в Советском Киргизстане, с. 5.
- ⁷⁰ *Масов Р. М.* Историография социалистического сельского хозяйства в Таджикистане. Душанбе, 1974, с. 6. В другой своей монографии (Историография Советского Таджикистана, 1917—1975) Р. М. Масов во втором периоде развития исторической науки в республике (1941—1956 гг.) считает важным этапом в научно-исследовательской работе образование в 1948 г. Таджикского государственного университета им. В. И. Ленина, в 1951 г.— Академии наук Таджикской ССР и в ее составе Института истории, археологии и этнографии (ныне Институт истории им. А. Дониша) (с. 4).
- ⁷¹ *Батоцыренов В. Б., Лубсанов Б. Д.* Советская историография Бурятии, с. 69.
- ⁷² Подробнее об этом см.: *Луцкий Е. А., Муравьев В. А.* Историография истории СССР в годы Великой Отечественной войны.— История СССР, 1980, № 3.
- ⁷³ *Погудин В. И.* Указ. соч., с. 90—92; *Спирин Л. М.* Указ. соч., с. 110; *Партия и Великий Октябрь: Историогр. очерк.* М., 1976.
- ⁷⁴ См.: *Плотникова М. Е.* Советская историография гражданской войны в Сибири, 1918 — первая половина 30-х годов. Томск, 1974.
- ⁷⁵ *Митрофанова А. В.* Об основных этапах советской историографии Великой Отечественной войны.— В кн.: Историография советского тыла периода Великой Отечественной войны: Сб. статей. М., 1976, с. 15.
- ⁷⁶ *Жуков Е. М.* Указ. соч., с. 149, 150, 157, 162, 171.
- ⁷⁷ См.: *Илюшин В. А.* Периодизация как метод исторического исследования. Методологические проблемы: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1974.
- ⁷⁸ *Маслов Н. Н.* Основные проблемы методологии истории КПСС. М., 1981.
- ⁷⁹ Там же, с. 43—44.
- ⁸⁰ Там же, с. 46.
- ⁸¹ См.: *Ким М. П.* О периодизации процесса строительства социализма в СССР.— Коммунист, 1981, № 7.
- ⁸² *Сахаров А. М.* О предмете историографических исследований.— История СССР, 1974, № 3, с. 110.
- ⁸³ *Городецкий Е. Н.* Историография как специальная отрасль исторической науки.— История СССР, 1974, № 4, с. 114.
- ⁸⁴ Там же, с. 113—114.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ *Ермакова Э. В., Черных А. Г.* Вопросы историографии советского общества. Развитие советской исторической науки на современном этапе: Учеб. пособие. Владивосток, 1974, с. 8.
- ⁸⁷ *Погудин В. И.,* Указ. соч., с. 13; *Спирин Л. М.* Указ. соч., с. 110; *Спирин Л. М., Лигин А. Л.* Партия большевиков — организатор разгрома белогвардейцев и интервентов: Историогр. очерк. М., 1980, с. 8; *Волков И. М., Вылцан М. А., Данилов В. П., Зеленин И. Е., Ивницкий Н. А., Кабанов В. В.* Советская историография социалистического преобразования деревни и развития сельского хозяйства.— В кн.: Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. М., 1978, вып. 1. Советский период, с. 104.
- ⁸⁸ Эта мысль красной нитью проходит в коллективном труде «Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС» (вып. 1. Советский период).
- ⁸⁹ См.: *Ермакова Э. В., Черных А. Г.* Указ. соч., с. 13—15.

- ⁹⁰ *Городецкий Е. Н.* Историография как специальная отрасль исторической науки.— *История СССР*, 1974, № 4, с. 114.
- ⁹¹ *Нечкина М. В., Городецкий Е. Н.* Историографические исследования в СССР.— В кн.: Развитие советской исторической науки. 1970—1974. М., 1975, с. 91.
- ⁹² *Нарочлицкий А. Л.* О преподавании историографии в высшей школе.— В кн.: Вопросы историографии в высшей школе. Смоленск, 1975, с. 25.
- ⁹³ *Городецкий Е. Н.* Современное состояние историографии как специальной отрасли исторического знания.— Там же, с. 33.

МАССОВОЕ ЗАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ОСВЕЩЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДВОРЯНСКО-БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1861—1917 гг.)

Н. А. Якименко

Среди социально-экономических проблем капиталистической России переселенческий вопрос занимал одно из видных мест. Этому способствовало несколько обстоятельств. Во-первых, интенсивно развивающиеся после 1861 г. капиталистические отношения постепенно втягивали в орбиту своего влияния все новые и новые регионы. Капитализм, как известно, «не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства. И это свойство капитализма,— подчеркивал В. И. Ленин,— с громадной силой проявлялось и продолжает проявляться в пореформенной России»¹. На повестку дня выдвигалась, таким образом, проблема заселения и хозяйственного освоения богатейших природными ресурсами окраин, в частности Сибири и Дальнего Востока. Во-вторых, обострившийся вскоре после отмены крепостного права аграрный вопрос настоятельно требовал своего решения. Из года в год усиливалось крестьянское движение. Становилось все более очевидным, что если не предпринимать никаких мер по улучшению жизненных условий многомиллионной массы крестьян, то революционный взрыв неизбежен. Отдельные представители господствующего класса еще в 70-е годы XIX в. увидели в переселении части беднейшего крестьянства с центра на окраины едва ли не решающее средство предотвращения надвигающейся революции. Им казалось, что достаточно незначительных усилий со стороны правительства, чтобы урегулировать стихийно начавшиеся миграционные процессы, использовать их в качестве отводного канала аграрного перенаселения. И наконец, третье. Наряду с перечисленными факторами следует также иметь в виду, что в конце XIX — начале XX в. в связи с обострением межимпериалистических противоречий в мире воз-

ника реальная угроза русскому Дальнему Востоку. Поэтому его скорейшее заселение и хозяйственное освоение могло бы существенно укрепить позиции России по защите ее дальневосточных владений, о чем все настойчивей говорили наиболее дальновидные политические и общественные деятели страны.

Стихийная миграция крестьян на свободные земли окраин, резко усилившаяся в конце XIX в., вызвала оживленную дискуссию на различных уровнях и в различных кругах общественности по поводу причин, характера и значения крестьянских переселений. Это, естественно, нашло свое отражение в исторической, экономической и научно-популярной литературе того времени. Что же это за литература? Каковы основные концепции дворянско-буржуазной историографии по проблемам заселения Сибири и Дальнего Востока? Эти и ряд других вопросов уже давно ставили советские историки. Однако всякий раз дело ограничивалось, как правило, лишь беглым обзором дореволюционной литературы², что не дает сколько-нибудь полных ответов на поставленные вопросы. Остается фактом, что до настоящего времени один только И. А. Полторанин специально изучал проблему крестьянских переселений в трудах отдельных представителей русской дворянско-буржуазной историографии³.

Наряду с недостаточной изученностью актуальность темы объясняется также продолжающимися в современной реакционной буржуазной историографии Запада попытками реанимировать разгромленные в свое время русскими марксистами концепции, в основе которых лежала идея защиты господствовавших в царской России социально-экономических отношений. Такие попытки предпринимались, например, американским историком Д. Тредгольдом⁴, французским — Ф.-К. Кокеном⁵ и некоторыми другими авторами⁶.

Ясно, что в рамках данной статьи невозможно подробно осветить все нюансы дворянско-буржуазной историографии. Поэтому мы ставим иную, более скромную задачу — изложить лишь основные концепции ее представителей по проблемам заселения Сибири и Дальнего Востока.

Отмена крепостного права и последующие буржуазные реформы нанесли тяжелый удар по монополии дворянства в области экономики, политики и идеологии. Как и следовало ожидать, помещичье сословие с величайшим сопротивлением уступало частички своих привилегий. Это очень хорошо прослеживается по отношению помещичьего дворянства к переселенческому вопросу. Если взять первые пореформенные десятилетия, то окажется, что подавляющее большинство идеологов дворянства в той или иной степени отстаивали тезис о вредности для экономики страны выселения крестьянства на окраины, в том числе и на Дальний Восток.

В начале 80-х годов XIX в. из печати вышли специальные монографические работы профессора Киевского университета Д. И. Пихно⁷, полковника Генерального штаба А. Ф. Риттиха⁸, черниговского помещика Ф. М. Уманца⁹, а также «мнения» ряда губернаторов и других защитников реакционного дворянства¹⁰, в которых прослеживается попытка доказать отсутствие какой-либо

необходимости дать крестьянскому сословию полную свободу передвижения.

Названные авторы сконцентрировали основное внимание на наиболее актуальном в то время вопросе: может ли переселение в Сибирь улучшить экономическое положение хотя бы части остающихся на родине крестьян? От того или иного ответа зависела в значительной степени переселенческая политика царского правительства, которая находилась еще в стадии формирования. Помещики боялись возможных отрицательных последствий для своего хозяйства выселения безземельных и малоземельных крестьян, составляющих основной контингент арендаторов их земель. Поэтому они пытались всячески обосновать целесообразность принятия со стороны правительства таких мер, которые смогли бы как-то ослабить переселенческое движение на окраины. В угоду своим узкоклассовым интересам идеологи дворянства вольно обращались с фактами, замалчивая или искажая одни, выпячивая другие, которые могли, по их мнению, убедить читателя в объективности предлагаемого «исследования».

Так, ссылаясь на книгу французского экономиста П.-П. Леруа-Болье «Колонизация у новейших народов», в 1877 г. переведенную на русский язык, Д. И. Пихно писал, что переселения, как бы ни были велики их масштабы, не могут «произвести такую убыль населения, которая повлияла бы заметным образом на изменение установившихся отношений и пересилила бы все экономические и социальные факторы, обуславливающие положение земледельческого класса»¹¹. А если так, то заселение окраин является для государства убыточным, и в случае его поощрения оно было бы крупной политической ошибкой¹². Не подкрепив свой тезис никакими конкретными фактами, Д. И. Пихно все же решился утверждать, что «европейская Россия страдает не от избытка населения, а, напротив, от малонаселенности, которая является тормозом для экономического и культурного развития страны. Трудно даже понять, — возмущался он, — как могла зародиться в нашем обществе при таких условиях мысль о полезности миграции в Азию»¹³.

Но если Д. И. Пихно еще пытался как-то обосновать хотя бы отдельные свои положения, то пензенский губернатор А. Татищев действовал по-солдатски просто: «Необходимо совершенно воспрепятствовать перекочевыванию целыми семьями на поиски обетованной земли»¹⁴. В таком же духе реакционное дворянство выступало и на страницах своих газет¹⁵. Даже в конце XIX в., когда многим стало ясно, что стихийные миграции на восточные и юго-восточные окраины страны уже нельзя остановить никакими мерами, некоторые ультрареакционные деятели продолжали с упорством обреченных твердить о необходимости запрета крестьянских переселений. Особую настойчивость проявил в этом вопросе помещик А. С. Ермолов, издавший в 1892 г. объемистый том своего «исследования» положения крестьянства¹⁶. Давая оценку этой работе, В. И. Ленин писал: «Нельзя не вспомнить тут о чисто российской наглости крепостника, с которой г. Ермолов, теперь министр земле-

делия, в своей книге: „Неурожай и народное бедствие“ возражает против переселений. Нельзя, дескать, с государственной точки зрения считать их рациональными, когда в Европейской России помещики еще нуждаются в свободных руках.— Для чего же, в самом деле, существуют крестьяне, как не для того, чтобы своим трудом кормить тунеядцев-помещиков с их „высокопоставленными“ прихвостнями?»¹⁷.

Более дальновидные идеологи помещичьего класса постепенно начинали понимать, что сохранить в неизменном виде старые порядки невозможно. Боясь революционного взрыва, часть идеологов помещичьего класса призвала правительство предоставить крестьянам больше свободы в выборе места поселения¹⁸. Наиболее показательными в связи с этим являются труды А. И. Васильчикова. Будучи уездным, а затем губернским предводителем дворянства, он хорошо изучил условия жизни широких масс крестьянства. Одним из первых среди представителей землевладельческого класса А. И. Васильчиков признал факт наличия в России значительного количества сельских жителей, лишенных необходимых средств существования. В качестве эффективных средств по предупреждению возможных аграрных волнений он называл организацию переселения части малоземельных и безземельных крестьян на окраины государства. В России, писал А. И. Васильчиков, остается еще много «свободного места, свободных имуществ, чтобы уравнивать по возможности социальные неровности, не посягая на личные и реальные права частных владельцев, сельских обществ и казны»¹⁹. Среди районов возможного заселения он называл прежде всего Сибирь и Кубань как наиболее благоприятные для освоения²⁰.

Исследование А. И. Васильчикова отличается весьма точными наблюдениями. Так, опровергая бытовавшее среди представителей «высших сфер» мнение о том, что переселенцы якобы представляют собой «худшую, разгульную часть рабочих сословий, по дурному поведению или по беспокойному норову не уживающихся в родной стране», А. И. Васильчиков справедливо замечает, что «большая часть переселенцев состоит из людей трудолюбивых и бережливых»²¹. Основная масса крестьян, по его мнению, обращается к переселению только под влиянием экономических факторов. В редких случаях на первом месте оказываются религиозные и политические мотивы. В целом же следует сказать, констатирует А. И. Васильчиков, что «переселение составляет в быту простолюдина одну из самых тяжких крайностей, такое предприятие, на которое он решается не прежде, как испытая все другие средства выхода из беды... И если добровольно крестьянин идет как бы в ссылку, то мы из этого должны заключить, что положение этих людей достигло такой степени угнетения, что всякие лишения, труды и риски кажутся им предпочтительнее настоящего хозяйственного их быта»²².

Выступая за немедленную организацию переселения беднейших слоев деревни на окраины, А. И. Васильчиков предупреждал, что всякая задержка в этом вопросе чревата серьезными последствиями.

«Сельский пролетариат,— писал он с тревогой,— уже зарождается в одних полусах империи, и в то же время в других целые уезды и области лежат впусе, ожидая... переселенцев, которым не дают выхода наши полицейские и фискальные законы.

А время уходит, и те же самые огромные замешательства, которые проявились в Старом Свете, могут обнаружиться и у нас...»²³.

Исследования А. И. Васильчикова представляют интерес не только с точки зрения изучения идейных воззрений наиболее дальновидных идеологов помещичьего класса. Они привлекают внимание еще и значительным фактическим материалом. А. И. Васильчиков одним из первых среди авторов дворянско-буржуазного лагеря широко использовал материалы различных обследований, в частности ценные своими статистическими выкладками данные так называемой Валуевской комиссии 1873 г.²⁴ При всех своих недостатках труды этого ученого представляют собой заметный шаг вперед в изучении переселенческого вопроса.

Весьма близок к оценкам А. И. Васильчикова причин и значения крестьянских переселений на окраины был известный идеолог самодержавия М. Н. Катков. Понимая невозможность сохранить в неизменном виде старые порядки, он предлагал осуществить правительственное содействие крестьянам в приобретении земли путем «переселения из одних местностей в другие»²⁵. По мнению М. Н. Каткова, переселения на окраины и прежде всего в Сибирь могут «понизить как арендные, так и продажные цены земель до естественного уровня, при котором и наем и покупки их не были бы разорительными для крестьян...»²⁶.

Что же касается предлагаемых им государственных затрат на организацию переселений, то они наверняка вознаграждаются «подъемом благосостояния в местностях, откуда пойдут переселения», так как с выселением части крестьян «у оставшихся на прежних местах не будет уже того малоземелья, на которое ныне указывают»²⁷.

Ознакомление с дворянской литературой по переселенческому вопросу показывает крайнюю непоследовательность идеологов помещичьего класса, полное отсутствие у многих из них более или менее стройной системы взглядов на общественные явления. Едва ли не все их научные изыскания в области общественных наук были подчинены одной задаче: сохранить свои господствующие позиции во всех сферах жизнедеятельности общества. При малейшем изменении внутрисполитической ситуации нередко решительно отбрасывались прежние идейно-теоретические концепции, а на вооружение брались те, которые наиболее полно отвечали изменившейся конъюнктуре момента. Именно так поступил М. Н. Катков в отношении проблемы крестьянских переселений в Сибирь. Как только страна вступила в полосу спада революционного движения, он стал повсеместно утверждать, что переселения на окраины не только не имеют какого-либо положительного значения, но, наоборот, вредны. «Не в том ли, напротив, вся наша беда,— возражал он своим оппонентам,— что страна наша населена скудно и редко в сравнении

с другими странами и что в этом главная причина нашей бедности и некультурности. Нам ли заботиться о том, как бы избавиться от избытка населения? Смех и горе!»²⁸

С удивительным бесстыдством, отметая самим же признанный ранее факт наличия в стране значительной массы малоземельных крестьян, М. Н. Катков в конце 1881 г. стал утверждать, что в действительности никакой проблемы малоземелья в стране нет²⁹. В подтверждение своего тезиса он сослался на то, что в среднем на каждый крестьянский двор приходилось в то время около 10 дес. наделной земли. Надо сказать, что попытки судить о благосостоянии крестьян в капиталистической России по земельному простору встречаются и в некоторых исследованиях современной реакционной историографии Запада³⁰. Этот антинаучный прием был в свое время подвергнут уничтожающей критике В. И. Лениным. «Да разве по „земельному простору“ можно судить о средствах существования населения?... Ведь „население“ это не прямо обращало на себя добытые им продукты „естественного плодородия“: оно делилось ими с помещиками, с государством. Не ясно ли, что та или другая система помещичьего хозяйства — оброк или барщина, размер повинностей и способы их взимания и т. д. — неизмеримо более влияли на величину достающихся населению „средств существования“, чем земельный простор, находившийся не в исключительном и свободном владении производителей?»³¹

Показательным для характеристики дворянской историографии является капитальное сочинение «Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом», подготовленное под непосредственным руководством одного из лидеров крайне правой реакции, А. В. Кривошеина, бывшего в конце XIX в. помощником начальника переселенческого управления, а в правительстве П. А. Столыпина — главноуправляющим землеустройством и земледелием. Авторы этого исследования уже не могли отрицать бесспорно доказанного к этому времени прогрессивными публицистами факта катастрофического положения русской деревни. Но признавая факт ее обнищания, авторы «Колонизации Сибири...» видели причину этого в неумении крестьян вести хозяйство. Стоит, по их мнению, землевладельцу перейти к интенсивной эксплуатации земли, как благосостояние крестьянина резко возрастет, в результате чего исчезнут многие пороки современного общественного устройства, в том числе и стремление к переселениям. Выясняя причины переселенческого движения в Сибирь, идеологи дворянства не смогли предложить своих собственных концепций, выступив прилежными учениками Мальтуса.

Все более усиливающееся обнищание населения в России они объясняли несоответствием «между увеличением численности населения Европейской России... и малою изменяемостью размеров земельного фонда, представленного в его пользование»³². Красной нитью через весь объемистый труд проходит мысль о том, что царское правительство якобы постоянно заботилось о нуждах бедней-

шей части населения, однако вследствие невежества трудящихся эти заботы не всегда достигали должного эффекта.

В конце XIX — начале XX в. в России в очередной раз изменилась внутрисполитическая ситуация. Нарастающее революционное движение в стране, в частности аграрное движение крестьян, смертельно напугало эксплуататоров. Это привело к тому, что даже самые яростные противники переселений теперь превратились в его последовательных сторонников. Так, уже упоминавшийся ранее известный реакционер А. Татищев после событий 1905 г. стал утверждать, что переселение крестьян в Сибирь — это единственный выход из тяжелого положения той части населения, «которая не в силах примениться к данным экономическим условиям и может достичь благосостояния лишь в более благоприятной обстановке жизни и работы среди обширных и нераспаханных еще полей Азиатской России»³³. Помещики и правительство ухватились за переселение, положив его наряду с указом 9 ноября 1906 г. в основу своей новой аграрной политики. Выступая от имени социал-демократической фракции III Думы депутат А. А. Войлошников справедливо говорил, что теперь правительство поставило перед собой вполне определенную цель: за короткий срок «слабых крестьян как можно больше выкачать в Сибирь...»³⁴.

С новой политикой вполне созвучны были и вышедшие в начале XX в. из печати работы министра внутренних дел В. К. Плеве³⁵, бывшего сибирского губернатора П. Соколова-Костромского³⁶ и других идеологов дворянства³⁷.

Если прежде дворянская историография в освещении жизни переселенцев на новых местах в ряде случаев была близка к исторической правде, то после 1905 г. положение существенно изменилось. В отличие от предыдущего периода идеологи дворянства ставили теперь иную цель: не отпугивать от переселений, а, наоборот, привлечь на окраины как можно больше малоземельных и безземельных крестьян центральных губерний России.

Новая задача, по их мнению, заключалась в доказательстве того, что на новых местах, особенно в Сибири, «переселенческое хозяйство крепнет»³⁸.

В основу своих расчетов авторы исследований нередко ставили данные о наделной земле. Так, по вычислениям В. К. Кузнецова, на родине переселенцы 1906—1912 гг. имели в среднем 4,5 дес. на каждый двор, а после переселения в Сибирь — 38,3 дес.³⁹ Таким образом, не без удовольствия констатировал наемный «исследователь», землевладение переселенцев возросло более чем в 8 раз, а следовательно, и «экономическое положение переселенцев в Сибири значительно улучшилось по сравнению с положением их на родине»⁴⁰. Здесь налицо сразу несколько ошибок, а может быть, и сознательное искажение действительности. Во-первых, главное внимание автор сосредоточил на размерах надела, что, как уже указывалось выше, не всегда дает возможность правильно судить о хозяйственном положении крестьянина. Далее. Если в Сибири размер наделной земли более или менее соответствовал действительному

землевладению сельских жителей, то в отношении крестьян европейской части страны этого сказать нельзя. Правильнее, как справедливо указывал В. И. Ленин, было бы группировать крестьянство по размерам посева, так как «количество надельной земли не указывает прямо на состоятельность двора, потому что размер надела определяется числом ревизских или наличных душ мужского пола в семье и находится только в косвенной зависимости от состоятельности хозяина...»⁴¹. «Одним словом,— заключал В. И. Ленин,— группировка по посеву представляется не только удачной, но наилучшей и безусловно необходимой»⁴².

Кроме того, исследователи уже в то время не раз отмечали, что в европейской части страны роль надельной земли в крестьянском хозяйстве все более уменьшалась⁴³, в то время как купчей и арендованной — постепенно увеличивалась. Так, по данным «Статистики землевладения 1905 г.», крестьяне имели всей надельной земли 136 887 238 дес. По сравнению с 1861 г. рост был незначительным, в то время как за четыре пореформенных десятилетия крестьяне приобрели в личную собственность 13 214 025 дес., купили обществами и товариществами 11 383 358 дес.⁴⁴ К этому следует добавить 37 млн. дес. частновладельческих, казенных и удельных земель, которые к 1905 г. находились в арендном пользовании крестьян⁴⁵. Таким образом, кроме надельных, крестьяне европейской части России пользовались еще более чем 60 млн. дес. земли другого происхождения. Можно ли игнорировать этот факт при анализе их экономического положения? Во-вторых, и это едва ли не самое главное. Если при вычислении землевладения на родине в подсчет шли все прибывшие в Сибирь переселенцы, то при аналогичной работе в местах поселения из подсчета оказались исключенными те, кто так и не смог завести свое хозяйство. В эту категорию вошли умершие от голода, холода и эпидемий, возвратившиеся на родину, а также те, кто пополнил ряды сибирского пролетариата. А таких было больше, чем устроившихся на новом месте.

В статье «Переселенческий вопрос» В. И. Ленин привел такой любопытный факт. В течение 1906—1908 гг. за Урал было переброслено 1 552 439 душ обоого пола. Из них устроилось только 564 041 человек, т. е. немногим более 36%. Куда же девались остальные? «...Правительство отлично знает об их горькой участи, но оно об них не скажет,— цитировал В. И. Ленин слова из речи, произнесенной на одном из заседаний III Думы примыкавшим к большевикам депутатом А. А. Войлошниковым,— часть из них приписалась к старожильческим деревням, часть пополнила ряды сибирского пролетариата и ходит с протянутой рукой.

Но громадной части правительство устроило дорогие похороны и вот почему правительство умалчивает об них»⁴⁶.

Даже беглое знакомство с представителями дворянской историографии позволяет говорить, что, несмотря на определенные различия во взглядах по отношению к тому или иному вопросу крестьянских переселений, их концепции смыкаются на общей платформе защиты помещичьей собственности. «Убеждения у господ

дворян одинаковы у всех — начиная от практиков и кончая романтиками, — писал по этому поводу В. И. Ленин. — Все твердо верят в свое „священное право“ на сотни или тысячи десятин земли, награбленной предками или пожалованной грабителями, в право эксплуатировать крестьян и играть господствующую роль в государстве, в право на самые жирные (а при нужде и нежирные) куски казенного пирога, т. е. народных денег. Расходятся же они только в мнениях о целесообразности отдельных мероприятий...»⁴⁷.

Перед тем как приступить непосредственно к рассмотрению буржуазной историографии, заметим, что одной из ее характерных черт является детальная разработка социально-экономических вопросов, попытки с максимальной объективностью, какая только была возможна в рамках буржуазного мировоззрения, вскрыть сущность тех или иных затрагиваемых проблем. Эта особенность буржуазной историографии была подмечена еще революционными демократами в 60-х годах XIX в. «Мы далеко не можем согласиться со многими постановками, мнениями и вообще с выводами почтенных авторов, — писал о буржуазных исследователях Н. П. Огарев, — но мы давно не встречали такого изобилия наблюдений и фактов и так много разработанных критических оценок, тем более важных для нас, вдали живущих, что раскрывают нам картину современной России»⁴⁸.

Первые исследования буржуазных авторов относятся к 70-м годам XIX в., когда из печати вышла монография профессора Ю. Э. Янсона о крестьянских наделах и платежах⁴⁹. Затем, по мере усиления переселенческого движения в стране, интерес к проблеме заселения окраин все более возрастает. Целый ряд исследований по истории заселения Сибири выходит из-под пера таких известных ученых, как Н. М. Ядринцев⁵⁰, профессоров А. А. Исаева⁵¹, А. И. Чупрова⁵² и А. А. Кауфмана⁵³. Не обошел этот вопрос и ученый с мировым именем Д. И. Менделеев⁵⁴.

В годы столыпинской аграрной реформы увидело свет огромное количество очерков, преимущественно публицистических, перечислить которые в статье не представляется возможным. Из крупных исследований этого периода, в которых затрагиваются общетеоретические проблемы переселенческого движения, следует выделить работы В. А. Воцинина⁵⁵, И. Л. Ямзина⁵⁶ и Н. В. Огановского⁵⁷.

В отличие от идеологов дворянства представители буржуазной историографии уже в первые пореформенные десятилетия выступили с более или менее последовательной критикой такого пережитка феодально-крепостнического строя, как ограничение свободы передвижения для крестьянского сословия. Буржуазные ученые в своих исследованиях пытались прежде всего доказать объективную необходимость и неизбежность при существующих в царской России аграрных отношениях миграционных процессов. Так, Ю. Э. Янсон выдвинул концепцию относительного аграрного перенаселения, сложившегося после отмены крепостного права в России вследствие «естественных и хозяйственных условий»⁵⁸. К сожалению, автор не разъяснил, что именно он понимает под «естественными и хозяй-

ственными условиями», но надо полагать, имелся в виду недостаток в земельных наделах, так как практически все его исследования сводятся в конечном счете к этому вопросу. Используя значительный статистический материал, Ю. Э. Янсон доказал, что с учетом сложившихся в России общественных отношений для обеспечения продовольственных потребностей крестьянской семьи в центрально-черноземной полосе требуется не менее 8 дес.⁵⁹ С подобным выводом согласился позднее В. И. Ленин⁶⁰. Исходя из своих расчетов, Ю. Э. Янсон установил, что переселение является единственным выходом для миллионов малоземельных и безземельных крестьян. Если прогрессивная общественность с одобрением встретила выход в свет работ Ю. Э. Янсона, то реакционное дворянство обрушилось на автора с яростной бранью, обвиняя его в попытке подорвать основы существующего строя. Профессор Ю. Э. Янсон, как и другие буржуазные ученые, не понимал сущности государства, не видел его тесной связи со способом производства, интересами определенных классов.

Государство и его органы выступали у Ю. Э. Янсона как некая надклассовая сила, которую он пытался убедить в необходимости государственной организации переселенческого дела с тем, чтобы выселить на окраины часть малоземельных крестьян, осуществить другие меры для поднятия общего благосостояния сельского населения. Однако, несмотря на эти недостатки, работы Ю. Э. Янсона, получившие высокую оценку К. Маркса⁶¹, представляют собой заметный вклад в изучение аграрных отношений в России 60—70-х годов.

Если в течение первых двух пореформенных десятилетий основная масса переселенцев направлялась в южные и юго-восточные окраины Европейской России, то с середины 80-х годов все больше мигрантов стало отправляться в Сибирь и на Дальний Восток. Интерес к Сибири резко повысился в связи с образованием в 1892 г. Комитета Сибирской железной дороги, взявшего в свои руки основную часть работы по подготовке переселенческих участков и оказанию некоторой помощи отправившимся с разрешения правительства в Сибирь крестьянам. Все это в определенной мере объясняет то обстоятельство, что в обсуждение проблем заселения Сибири включилось много авторов из среды чиновников правительственного аппарата, агрономов, земских деятелей, журналистов и т. п.⁶²

подавляющее большинство этих авторов не проявили собственного подхода к проблемам массового заселения Сибири. Как правило, они ограничивали рамки своего очерка выяснением численности переселяющихся на восток крестьян, показывали условия их передвижения, описывали первые годы их жизни на новых местах. В общем и целом они популяризировали исследования своих более авторитетных предшественников, среди которых особым авторитетом пользовался признанный знаток Сибири Н. М. Ядринцев. Деятельность этого ученого заслуживает поэтому более подробного анализа.

Мировоззрение Н. М. Ядринцева формировалось в условиях общедемократического подъема 60-х годов XIX в. Сын омского купца, Н. М. Ядринцев еще студентом Петербургского университета активно участвовал в революционном движении. В отношении идейных взглядов этого своеобразного исследователя в советской литературе длительное время не было единого мнения. Только с появлением специального исследования М. Г. Сесюниной⁶³ можно считать доказанным, что платформа Н. М. Ядринцева не отличалась от платформы правого либерального лагеря, провозгласившего еще в 60-е годы мирный прогресс и отрицание революционной борьбы, выступившего за незначительные изменения в социальном и политическом строе России.

Будучи жителем Сибири, Н. М. Ядринцев очень хорошо знал условия крестьянских переселений за Урал. Уже в первых своих статьях, написанных в 70-е годы, автор привел ряд новых фактов по истории заселения Сибири. Так, в работе «Судьба русских переселений за Урал» Н. М. Ядринцев впервые использовал сведения Томской губернской казенной палаты, установив при этом размеры переселенческого движения в Сибирь в течение 1853—1878 гг. (35 тыс. ревизских душ)⁶⁴. Одним из первых Н. М. Ядринцев обратил внимание на то, что официальные сведения не дают точной цифры переселившихся крестьян, так как значительная их часть прибывала в Сибирь самовольно. Участвуя в экспедициях по обследованию быта переселенцев, Н. М. Ядринцев только за один 1876 г. насчитал в Томской губернии 21 777 неприписанных крестьян⁶⁵. Таким образом, за 25 лет (1853—1878) число переселенцев должно составить не менее 120 тыс. душ обоего пола.

В своих сочинениях Н. М. Ядринцев показал большое влияние колонизации (в это понятие он вкладывал хозяйственное освоение окраин) на социально-экономические отношения в Сибири. Речь, таким образом, шла о прогрессивном значении миграционных процессов для экономики страны в целом, что было также новым словом в буржуазной экономической мысли. Переселения, по его мнению, нарушали сословное землепользование, ускоряли развитие сельского хозяйства, способствовали совершенствованию трудовых навыков коренного населения. Вместе с тем Н. М. Ядринцев также не без оснований обращал внимание на значение переселений в политическом отношении, для защиты дальневосточных границ⁶⁶. Несмотря на довольно широкое развитие аграрных миграций из центральных губерний в Сибирь после 1861 г., Н. М. Ядринцев полагал, что темпы заселения и хозяйственного освоения этого обширного региона еще явно недостаточны, вследствие чего «колонии наши слабы, бессильны и бедны»⁶⁷.

Вклад Н. М. Ядринцева в разработку проблем заселения Сибири был отмечен еще современниками. Его главный труд «Сибирь как колония» (около 400 стр. текста) получил высокую оценку прогрессивной общественности России⁶⁸, а в 1886 г. был издан в Германии на немецком языке⁶⁹.

В дискуссию вокруг проблем массового заселения Сибири начи-

ная с 70-х годов XIX в. все активнее стала включаться и местная сибирская пресса, прежде всего газеты «Сибирь» (г. Иркутск), «Сибирская газета» (г. Томск), «Енисей» и «Красноярск» (г. Красноярск). Следует напомнить, что 70-е и особенно 80-е годы были периодом постепенного наступления реакции по всему фронту. Одно время, в начале 80-х годов, правительство всеми силами стремилось обеспечить проведение в жизнь своего циркуляра, согласно которому на страницах всех газет было запрещено обсуждать переселенческий вопрос⁷⁰. Гонениям подвергались как само издание, не выполнившее предписания начальства, так, естественно, и автор «крамольной» статьи. Поэтому большинство корреспонденций в газетах шло без подписи или же автор скрывался под псевдонимом или криптонимом. Следовательно, назвать авторов статей не представляется возможным.

Выступая против каких бы то ни было ограничений, а также бюрократической регламентации переселений, сибирская пресса объективно освещала условия переселений и землеустройство новоселов. Сибирская печать выступала против попыток царских чиновников объяснить тяжелое положение новоселов неорганизованностью самих крестьян. «Сибирь» и «Сибирская газета» на конкретных примерах доказывали, что все дело в пассивности или же в прямом противодействии переселениям со стороны правительственных органов. Именно это обстоятельство являлось главной причиной высокой смертности среди переселенцев, перевозка которых по сибирским рекам оказалась настоящим адом, перед которым бледнеют «все предания о рабовладельческих кораблях, доставлявших негров из Африки на американские рынки»⁷¹. Злом номер один сибирская печать считала «канцелярию» с ее бесконечной волокитой, бесчувственным отношением к человеческим судьбам, а попытками «помочь» делу грубым администрированием. «Избави боже нас от такого «регулирувания», которое практиковалось во времена оные на Амуре, когда переселенцев водворяли при помощи розог и воинской дисциплины и предписывали вести ту, а не иную систему хозяйства,— писала в одном из номеров «Сибирская газета».— Само собой разумеется, что мы первые протестуем против такой системы урегулирования, которая основана на отрицании в человеке его личности и на обращении с ним, как со скотом»⁷².

И все же прогрессивный в целом подход большинства сибирских газет к оценке переселенческой проблемы еще не означает отсутствия серьезных ошибок. Наряду с известными недостатками буржуазного мировоззрения представители сибирской печати допускали и свои, присущие только им ошибки. Прежде всего речь идет о том, что авторы соответствующих статей нередко отождествляли представителей местной администрации и купеческой олигархии с русским народом, игнорировали очевидную истину, что чиновничий произвол и засилье торгово-ростовщического капитала наряду с другими народностями испытывал и русский народ. В данном случае налицо областническая тенденция ряда сибирских газет со всеми ее реакционными чертами.

Отдельного разбора требуют концепции видного буржуазного ученого, одного из идейных вдохновителей кадетской партии профессора А. А. Кауфмана. И дело не только в том, что именно А. А. Кауфман считался главным специалистом по проблемам крестьянских переселений в дореволюционной России. Его труды с удовольствием цитируют многие реакционные историки Запада. Идеиные воззрения А. А. Кауфмана сложились в период перехода капитализма в его империалистическую стадию развития, для которой характерно резкое обострение классовой борьбы. Смертельно напуганная революционным движением в стране, русская буржуазия не только не решилась вступить в борьбу против самодержавия, но, наоборот, блокировалась с ним, выступив единым фронтом против освободительного движения угнетенных классов.

Критикуя отдельные стороны практических мероприятий царского правительства в той или иной области общественной жизни, идеологи буржуазии не выступали сторонниками коренных социально-экономических преобразований, стремясь с помощью отдельных уступок трудящимся массам увековечить существующий эксплуататорский строй. Мера этих уступок определялась буржуазными учеными в зависимости от внутриаполитической ситуации, от остроты классовой борьбы, от степени опасности, исходившей для крупной частной собственности со стороны борющегося народа. Исследуя ту или иную социально-экономическую проблему, в данном случае переселенческий вопрос, буржуазные ученые в лице кадета А. А. Кауфмана не жалели усилий по защите своей аграрной программы. Для А. А. Кауфмана важно было установить, в какой мере и каким образом можно использовать в интересах защиты существующего эксплуататорского строя стихийно начавшееся переселенческое движение. Все вышеизложенное позволяет лучше понять цель, а следовательно, и методы исследования этого ученого, так как первое в значительной степени определяет второе ⁷³.

В отличие от многих своих единомышленников А. А. Кауфман пытался изучить проблему крестьянских переселений комплексно, во всей совокупности составляющих их основу вопросов. В его трудах нашла освещение переселенческая политика царизма, организация переселений, путевые условия, социальный состав и экономическое положение новоселов. Ряд статей он посвятил также и такому совершенно не разработанному еще в то время вопросу, как проблема культурного влияния переселенцев на коренное население. Первое, что бросается в глаза при ознакомлении с трудами А. А. Кауфмана, — это огромная документальная база исследований, которая, можно полагать, гипнотически действовала на многих современников, без колебаний принявших целый ряд его ошибочных теоретических выводов. Поставив перед собой задачу всесторонне исследовать переселенческий вопрос и проблемы заселения Сибири, А. А. Кауфман прежде всего попытался выяснить причины переселенческого движения в стране. Его не удовлетворяли выводы предшественников по этому вопросу, хотя и сам он ничего принципиально нового предложить не смог.

Развивая идею относительного аграрного перенаселения, А. А. Кауфман попытался провести параллель между землевладением в России и во Франции. Однако ему так и осталось неясным, почему среди французских крестьян, хуже обеспеченных земельными наделами, не было такой массовой миграции, какая была в России. Установив, что средний надел среди значительной части сибирских переселенцев составлял в начале 80-х годов XIX в. около 6 дес., А. А. Кауфман сделал вывод, что дело не в малоземелье, как о том заявляло большинство его современников, а в системе ведения хозяйства. Русский крестьянин, писал А. А. Кауфман, мог бы безбедно существовать на своем наделе, если бы «сумел перейти от пестрополья или трехполья без навоза к навозному трехполью, или если бы там, где чрезмерное расширение запашек создало недостаток в естественных покосах и выгонах, обратился к травосеянию и стойловому содержанию скота»⁷⁴. Сказанное выше, разумеется, не означает, что А. А. Кауфман отрицал значение такого фактора, как малоземелье. Последнее, по его мнению, в отдельных местностях тоже играло заметную роль в усилении переселенческого движения, однако в целом его значение было все же второстепенным.

Следует отметить, что А. А. Кауфман не сразу пришел к вышеизложенному пониманию причин аграрных миграций. В начале своей научной деятельности он не возражал против утверждения, «что переселение — продукт малоземелья: сжатый в тиски условиями своего землеустройства крестьянин жадно стремится на простор...»⁷⁵. Однако позже ученый изменил свое мнение. Установив, что переселяются не только беднейшие слои крестьян, но и среднеобеспеченные, он пришел к выводу, что все дело в невозможности продолжать вести хозяйство старыми, экстенсивными способами, в кризисе «существующей системы крестьянского земледелия»⁷⁶. Какое же влияние оказывали крестьянские переселения на развитие этого кризиса? Ответ на этот вопрос у А. А. Кауфмана отрицательный: переселения только затягивают данный кризис. Отсюда следовал вывод, что «переселение скорее вредно, чем полезно», так как чрезмерное развитие переселенческого движения в Сибирь и на другие окраины государства неминуемо приведет к «понижению уровня цивилизации и культуры... к задержке материального и морального прогресса»⁷⁷. Реакционность этого тезиса очевидна. По сравнению со своими предшественниками А. А. Кауфман в данном случае сделал шаг назад, так как ошибался в определении значения крестьянских переселений для экономики развивающихся окраин.

В отечественной буржуазной историографии конца XIX — начала XX в. был впервые поставлен вопрос о социальном составе сибирских и дальневосточных переселенцев. Большинство исследователей, в частности Н. М. Ядринцев, А. Никольский, А. А. Исаев, Н. О. Огановский, И. Л. Ямзин, высказали предположение о преобладании среди сибирских переселенцев беднейших слоев деревни. Так, опрос Н. М. Ядринцевым 780 семей на Тюменском переселенческом пункте в 1887 г. показал, что около 40% новоселов были на родине безземельными или имели надел до 3 дес. земли, 30% — от

3 до 6 дес., остальные 30% имели землевладение, превышающее 6 дес. Если взять в расчет денежные средства, то у 497 семей денег в наличии не оказалось, а 316 семей имели на руках всего до 10 руб., 186 — от 10 до 50 руб. «Эти сведения,— отмечал Н. М. Ядринцев,— весьма неполны... но и они показывают крайне печальное экономическое положение переселяющихся»⁷⁸. По данным А. А. Исаева, из 14 509 семей, проследовавших в течение 1890—1893 гг. через Томск, только 8% имело на руках 300 руб. и более, а 62% пришли нищими⁷⁹.

Подсчеты А. А. Кауфмана, произведенные им по материалам челябинского регистрационного пункта за 1894—1896 и 1898—1899 гг., также свидетельствуют о преобладании среди новоселов беднейших слоев. В течение указанного периода среди переселенцев было зарегистрировано: безземельных и с наделом до 1 дес.—21%, имевших от 1 до 3 дес.—29, от 3 до 5 дес.—19, более 5 дес.—31%⁸⁰. Казалось бы, в данном случае двух мнений быть не может. Однако А. А. Кауфман сделал вывод о преобладании среди переселенцев конца XIX в. среднесостоятельных крестьян. Причиной такого неожиданного вывода была ошибочная методология определения социального лица крестьянина. А. А. Кауфман без соответствующих доказательств констатировал, что к среднеобеспеченным следует относить всех тех крестьян, которые владели наделом от 3 до 8 дес. Но еще Ю. Э. Янсон и А. Никольский убедительно доказали, что в центральной земледельческой полосе, поставлявшей основную массу сибирских и дальневосточных переселенцев, к беднейшим слоям деревни следует относить тех, кто имел до 8 дес. земли. Что же касается периода столыпинской аграрной реформы, то все исследователи были единодушны в том, что большинство новоселов состояло из беднейших крестьян.

В начале XX в. все большее число трезво мыслящих ученых стало выступать за активизацию усилий правительства по освоению окраин. Причем целый ряд авторов рассматривал переселение в Сибирь и на Дальний Восток не как возможное средство разрешения аграрного вопроса, а как фактор ускорения экономического развития окраин. Среди них были профессора А. И. Чупров и Д. И. Менделеев. Первый предлагал отвести под переселенческие участки земли, принадлежавшие крупным собственникам. «Песня переселенческого дела отнюдь еще не спета в силу того одного, что государственных земель мало,— писал А. И. Чупров.— Нужно перенести внимание на иной переселенческий фонд и выработать систему приемов колонизации частновладельческих латифундий»⁸¹. Осуществление предлагаемого А. И. Чупровым мероприятия несомненно сказалось бы самым благоприятным образом на экономическом развитии страны.

Высоко оценивая значение освоения окраин, Д. И. Менделеев вместе с тем обращал внимание на необходимость промышленного, а не аграрного развития Сибири и Дальнего Востока. Переселение, по его мнению, «не составляет основной или коренной меры, всего более потребной России для того, чтобы она встала твердой ногой

на путь правильного развития и, главное, роста всего своего достатка»⁸². Единственно правильный выход из создавшегося в России положения «состоит в развитии видов промышленности всякого рода, в снабжении (при помощи торговли) других стран ее продуктами и в накоплении через это народных средств, потребных для коренных земельных улучшений, начиная с дорог, какие настоятельно уже необходимы нашему народу...»⁸³. Мнение Д. И. Менделеева о необходимости при заселении Сибири и Дальнего Востока сосредоточить основное внимание на развитии промышленности поддержали и некоторые другие исследователи⁸⁴. Однако не они, а реакционные деятели царского правительства определяли в то время внешнюю и внутреннюю политику государства. Все, что выходило за рамки задач охраны и укрепления существующего строя, помещичьего землевладения, интересов придворной камарильи, расхищавшей народные средства, решительно отвергалось, преследовалось, откладывалось на неопределенное время.

Наряду с исследованием общих проблем заселения Сибири и Дальнего Востока, в конце XIX — начале XX в. из печати вышел целый ряд работ, посвященных исключительно вопросу заселения дальневосточной окраины. Если относительно Сибири вопрос о возможности развития сельского хозяйства был решен еще в предшествующие столетия, то относительно Дальнего Востока дело обстояло несколько иначе. Неудача организованного заселения Приамурского края в 50-е годы XIX в. вызвала немало пессимистических оценок перспектив развития сельского хозяйства на Дальнем Востоке. Это в некоторой степени предопределило характер исследований в последующее время. Авторы изданных в конце XIX в. работ⁸⁵ предприняли ряд небезуспешных попыток защитить идею массовых переселений земледельческого населения из центральных губерний на Дальний Восток, которую выдвинул еще в конце XVIII в. известный исследователь Камчатки С. П. Крашенинников⁸⁶.

Но не буржуазные ученые, а простые люди, трудящиеся крестьяне дали окончательный ответ на вопрос о возможности развития земледелия на Дальнем Востоке. В конце XIX в. десятки тысяч крестьян, в поисках свободных земель пройдя через всю Сибирь, принялись за обработку девственной почвы вдоль реки Амура и на юге возле озера Ханка. Богатые урожаи зерновых культур первых переселенцев усилили миграционное движение на Дальний Восток, не прекращавшееся вплоть до первой мировой войны. В конце XIX — начале XX в. из печати вышли исследования, в которых рассматривались в основном проблемы, связанные с выяснением условий переселения на Дальний Восток, социального состава новоселов и перспектив освоения ими земельных пространств этого края. Такими, в частности, являются работы А. В. Кириллова, Ф. Ф. Буссе, И. Надарова, А. Меньщикова, Л. Н. Болховитинова и других авторов⁸⁷.

Наиболее глубоким подходом к изучению затрагиваемых проблем отличаются работы Ф. Ф. Буссе, А. Меньщикова и статьи, по-

мещенные в сборнике «Приамурье. Факты, цифры, наблюдения...». Особенно богатый и разнообразный материал представлен в книге Ф. Ф. Буссе, который 28 лет прослужил на различных должностях Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, в том числе много лет в качестве заведующего Южно-Уссурийским переселенческим управлением. Неудивительно поэтому, что его основной труд о переселении крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1897 г. был удостоен такой награды как большая золотая медаль Русского географического общества⁸⁸. Отмечая очевидные заслуги автора в исследовании различных аспектов организации заселения Дальнего Востока в 80—90-е годы XIX в., необходимо заметить, что, как и другие авторы дворянско-буржуазного лагеря, Ф. Ф. Буссе не понимал действительных причин миграционных процессов.

Преднамеренно или нет, но автор отошел от исторической правды при характеристике переселенческой политики царизма. Так, объясняя причины высокой смертности при перевозке переселенцев из Одессы во Владивосток морем, Ф. Ф. Буссе сделал вывод, что виноваты, мол, сами переселенцы, так как не смогли привыкнуть к мясной пище⁸⁹. При этом автор умолчал о главном — непригодной к употреблению пище, которую акционерное общество Добровольного флота поставляло переселенцам, и неудовлетворительном медицинском обслуживании новоселов в пути, о чем известно из конфиденциальных отчетов переселенческих чиновников, сопровождавших крестьян⁹⁰. Ф. Ф. Буссе, как и большинство дворянско-буржуазных публицистов, полагал, что прочное устройство на новом месте зависит от самих крестьян⁹¹, а не от целого ряда социально-экономических факторов, прямо или косвенно воздействовавших на условия жизнедеятельности индивида. Все это характеризует Ф. Ф. Буссе как типичного ученого, не выходявшего за рамки буржуазного мировоззрения, прилагавшего, как и его единомышленники, все усилия для защиты реакционного буржуазно-помещичьего строя.

Подведем некоторые итоги. Сравнивая результаты научных изысканий в области изучения проблем массового заселения Сибири и Дальнего Востока представителями отечественной дворянско-буржуазной историографии, нельзя не заметить несравненно более глубокое изучение затрагиваемых вопросов буржуазными историками и экономистами. Богатый фактический материал их трудов, нередко впервые введенный в научный оборот, дает основание для вывода, что работы целого ряда буржуазных ученых не утратили своего значения и для современного исследователя. Но так как в распоряжении буржуазных ученых «не было твердой теории о методе в общественной науке, теории, выясняющей необходимость выделения и особого изучения производственных отношений», собранный ими разнообразнейший и богатейший фактический материал «совершенно загромоздил от исследователей *экономику деревни*». «Результат получился, естественно, тот, что защита интересов хозяйства, угнетенного малоземельем и т. д., оказалась защитой интересов того класса, который держал в руках это хозяйство, который один толь-

ко и мог держаться и развиваться при данных общественно-экономических отношениях...»⁹². Все буржуазные идеологи, не говоря уже об идеологах дворянства, видели причины ухудшения жизненного уровня крестьянства в особенностях *политики*, а не в особенностях *общественной организации производства*. Отсюда и выводы о том, что для коренного изменения положения дел как в области аграрно-крестьянской политики в целом, так и переселенческой в частности вполне достаточно обратиться к реформам. Даже наиболее демократично настроенные из них, например Н. М. Ядринцев, не шли дальше пожеланий тех или иных преобразований, не затрагивавших основ существовавшего в царской России эксплуататорского строя.

«Либералы,— разъяснял в 1911 г. В. И. Ленин,— были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков. Либералы ограничиваются поэтому „борьбой за реформы“, „борьбой за права“, т. е. дележом власти между крепостниками и буржуазией»⁹³. Осуществление предлагаемых буржуазными идеологами реформ, независимо от желания их авторов, не могло обеспечить коренное улучшение положения трудящихся масс. Буржуазные ученые не выступали против частной собственности на средства производства, которая создавала необходимые условия для эксплуатации человека человеком, а следовательно, порождала бедность, нищету и бесправие основной массы населения. Поэтому, используя богатые фактическими данными труды буржуазных ученых, следует помнить об ошибочности методологии их авторов. Задача историков-марксистов состоит в том, чтобы, используя достижения буржуазных ученых, «уметь отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов»⁹⁴.

Опыт истории показал, что только те ученые, которые овладели диалектико-материалистическим методом исследования общественных процессов, умели научно объяснять проблемы истории вообще и нашей страны в частности. В трудах В. И. Ленина, например, изучение проблем массового заселения Сибири и Дальнего Востока впервые было поставлено на действительно научную основу. Именно В. И. Ленину принадлежит заслуга выяснения подлинных причин слабого заселения окраин в царской России. Среди этих причин В. И. Ленин на первое место ставил феодально-крепостнические пережитки в Центре страны. На территории царской России вплоть до 1917 г. были значительные пространства малонаселенных земель, которые будут становиться доступными населению и доступными культуре «не только с каждым шагом вперед земледельческой техники вообще, но и с каждым шагом вперед в деле освобождения русского крестьянства от крепостнического гнета»⁹⁵.

Именно гнет крепостнических отношений, оплотом которого было крупное помещичье землевладение в центральных губерниях России, тормозил развитие производительных сил, задерживал развитие

сельскохозяйственного производства на окраинах. Критикуя буржуазных ученых за их попытки найти какие-то «объективные» причины слабых темпов заселения пустующих земель окраин, В. И. Ленин писал, что непригодным в значительной своей части земельный фонд окраин является «не столько в силу *природных* свойств тех или иных окраинных земель, сколько вследствие *общественных* свойств хозяйства в коренной Руси, свойств, обрекающих технику на застои, население на бесправие, забитость, невежество, беспомощность»⁹⁶.

Только победа Великой Октябрьской социалистической революции, в ходе которой была установлена общественная собственность на средства производства, а власть перешла в руки трудящихся, обеспечила все необходимые условия для массового заселения окраин, в том числе Сибири и Дальнего Востока, эффективного использования их природных ресурсов в интересах народного государства.

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 3, с. 595.

² См. например: *Покшишевский В. В.* Заселение Сибири. Иркутск, 1951; *Скляров Л. Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962; *Степанин В. А.* Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962; и др.

⁸ *Полторанин И. А.* Переселенческий вопрос и проблема общины в трудах А. А. Кауфмана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1970.

⁴ *Treadgold D. W.* The Great Siberian Migration. Princeton, 1957.

⁵ *Coguin F.-V.* La Sibirie peuplement immigration pausanne an XIX siecle. Paris, 1969.

⁶ *Simms J. Y.* The crisis in Russian Agriculture at the End of the Nineteenth Century: A Different View.— *Slavic Review*, 1977, vol. 36, N 3, p. 377—398; *Haimson L. H.* Conclusion: Observation on the Politics of the Russian Countryside (1905—1914).— In: *The Politics of Rural Russia 1905—1914*. Bloomington (Ind.). London, 1979, p. 261—300; *Anderson B.* Internal Migration during Modernization in Late Nineteenth-Century Russia. Princeton, 1980.

⁷ *Пихно Д. И.* К переселенческому вопросу. Киев, 1881.

⁸ *Риттих А. Ф.* Переселения. Харьков, 1882.

⁹ *Уманец Ф. М.* Колонизация свободных земель в России. СПб., 1884.

¹⁰ *Тагищев А.* Мнение пензенского губернатора по переселенческому вопросу. Пенза, 1882; *Шаховской В. В.* Заключение черниговского губернатора по вопросу о переселении. Чернигов, 1882; *Берг И. Н.* По вопросу о переселении крестьян. СПб., 1882; Мнение члена совещания сведущих людей по переселенческому вопросу графа А. А. Бобринского. СПб., 1882.

¹¹ *Пихно Д. И.* Указ. соч., с. 25.

¹² Там же, с. 33.

¹³ Там же.

¹⁴ *Тагищев А.* Указ. соч., с. 2.

¹⁵ Южный край, 1881, 18 сент.; Киевлянин, 1881, 13 авг.

¹⁶ *Ермолов А. С.* Неурожай и народное бедствие. СПб., 1892.

¹⁷ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 1, с. 300 примеч.

¹⁸ *Столыпин Д. А.* Развитие земледельческой промышленности и переселение на новые места. СПб., 1869; *Риттих А. Ф.* Переселения; и др.

¹⁹ *Васильчиков А.* Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. 2-е изд. СПб., 1881, т. 1, с. XLII.

²⁰ *Васильчиков А.* Землевладение и земледелие... СПб., 1876, т. 2, с. 999.

²¹ *Васильчиков А.* Землевладение и земледелие... 2-е изд., т. 1, с. 5.

²² Там же.

²³ Там же, т. 2, с. 1003.

²⁴ Труды комиссии, высочайше утвержденной для пересмотра системы податей и сборов. СПб., 1873.

- 25 Московские ведомости, 1881, 27 апр.
- 26 Там же, 22 апр.
- 27 Там же, 24 апр.
- 28 Там же, 8 июля.
- 29 Там же, 17 нояб.
- 30 См. например: *Treadgold D. W.* Op. cit., p. 40.
- 31 Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 1, с. 481.
- 32 Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб., 1900, с. 97.
- 33 Вопр. колонизации, 1907, № 2, с. 389.
- 34 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 327.
- 35 Плевее В. К. Современное положение переселенческого дела в России: Ист. очерк. СПб., 1903.
- 36 Соколов-Костромской П. Записки колонизатора Сибири. СПб., 1903.
- 37 Шифферс Р. К. Внутренняя колонизация как единственный практический путь упрочения земельного строя крестьян и предотвращения общей аграрной революции. СПб., 1905; Успенский А. В. Действительность, а не мечты.— Вопр. колонизации, 1907, № 2; Тресвятский В. Итоги переселенческого дела за Уралом за десятилетие с 1906 по 1916 гг.— Вопр. колонизации, 1917, № 20, с. 45—86; и др.
- 38 Успенский А. В. Указ. соч., с. 22.
- 39 Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. Западная Сибирь. Восточная Сибирь: Материалы обследования типичных переселенческих поселков, собранные и разработанные под руководством и редакцией В. К. Кузнецова. СПб., 1913, вып. 1, с. XI.
- 40 Там же.
- 41 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 10.
- 42 Там же, с. 11.
- 43 См.: Там же, т. 3, с. 72.
- 44 Статистика землевладения 1905 г.: Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907, с. 78, 79.
- 45 Анфимов А. М. Земельная аренда в России в начале XX века. М., 1961, с. 14.
- 46 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 335—336.
- 47 Там же, т. 4, с. 420—421.
- 48 Огарев Н. П. Голод и новый год.— В кн.: Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1952, т. 1, с. 771.
- 49 Янсон Ю. Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. 1-е изд. СПб., 1877; 2-е изд. СПб., 1881.
- 50 Ядринцев Н. М. Судьба русских переселенцев за Урал.— Отеч. зап., 1879, № 6, с. 141—160; Он же. Наши выселения и колонизация.— Вестн. Европы, 1880, март, с. 448—486; Он же. Сибирь как колония: К юбилею трехсотлетия. СПб., 1882; 2-е изд. СПб., 1891.
- 51 Исаев А. А. С переселенцами.— Сев. вестн., 1890, № 11, с. 11—38; Он же. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб., 1891; Он же. Переселенческое дело с начала 80-х годов. СПб., 1895.
- 52 Чупров А. И. Переселение и аграрный вопрос.— Современность, 1906, № 1.
- 53 Кауфман А. А. К вопросу о влиянии переселенческого элемента на развитие сельского хозяйства и общественной жизни в Западной Сибири.— Тр. Вольного экон. о-ва, СПб., 1891, № 4, с. 12—33; Он же. Томские переселенцы.— В кн.: Сб. правовых обществ. знаний, СПб., 1897, т. 7; Он же. К вопросу о причинах и вероятной будущности русских переселений. М., 1898; Он же. Сибирское переселение на исходе XIX в.: Ист. стат. очерк. СПб., 1901; Он же. Переселение и колонизация. СПб., 1905; Он же. Итоги землеустройства сибирских переселенцев за десятилетие 1893—1903 гг.— В кн.: На сибирские темы. СПб., 1905, с. 139—172; Он же. Переселение. Мечты и действительность. М., 1906; Он же. Переселенческие виды и перспективы.— Рус. мысль, 1909, № 3; и др.
- 54 Менделеев Д. И. К познанию России. СПб., 1906.
- 55 Воицкий В. Переселенческий вопрос в Государственной думе III созыва: Итоги и перспективы. СПб., 1912; Он же. На Сибирском просторе. СПб., 1912.
- 56 Ямзин И. Л. Переселенческое движение с момента освобождения крестьян. Киев, 1912; Он же. Переселенческая статистика и хозяйственное положение

- переселенцев по исследованию переселенческого управления.— *Вопр. колонизации*, 1914, № 14, с. 73—95.
- ⁵⁷ *Огановский Н. В.* Закономерность аграрной революции. Саратов, 1914. Т. 1.
- ⁵⁸ *Янсон Ю. Э.* Сравнительная статистика России и западноевропейских государств. СПб., 1878, т. 1, с. XIII.
- ⁵⁹ *Янсон Ю. Э.* Опыт статистического исследования..., с. 28.
- ⁶⁰ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 199.
- ⁶¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* 2-е изд. Соч., т. 19, с. 429, 435; т. 35, с. 130.
- ⁶² *Буцинский Н. П.* Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889; *Дуров А. В.* Краткий исторический очерк колонизации Сибири. Томск, 1891; *Марусин С.* Переселенческое движение на Алтай.— *Сев. вестн.*, 1891, июль; *Он же.* В степях и предгорьях Алтая.— *Вестн. Европы*, 1895, сентябрь; *Кочуровский К. Р.* Переселенцы в Азиатской России. Омск, 1893; *Он же.* Крестьянское хозяйство и переселение.— *Рус. мысль*, 1894, кн. 3, с. 19—38; кн. 6, с. 60—80; *Истомина Н. К.* Сибирь и переселенцы. Харьков, 1896; *Волков В. Т.* К вопросу о заселении таежных окраин Томской губернии. Томск, 1896; *Дедуладов А.* Очерк переселенческого в Сибирь движения. СПб., 1901; *Кирьяков В. В.* Очерки по истории переселенческого движения в Сибири. М., 1902; *Морозов И. М.* Алтайский округ в сельскохозяйственном отношении и условия жизни переселенцев в нем. Харьков, 1908; *Дашкевич В.* Переселение в Сибирь. СПб., 1912; *Комаров А. И.* Правда о переселенческом деле. СПб., 1913; и др.
- ⁶³ *Сесюнина М. Г.* К вопросу об эволюции сибирского областничества в 70-е — начале 90-х годов XIX века.— В кн.: *Вопр. истории Сибири.* Томск, 1967, вып. 3, с. 89—100.
- ⁶⁴ *Ядринцев Н. М.* Судьба русских переселений за Урал, с. 143.
- ⁶⁵ Там же, с. 144.
- ⁶⁶ *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония, с. 162.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ *Отеч. зап.*, 1882, № 5, с. 111.
- ⁶⁹ Николай Михайлович Ядринцев: Биогр. очерк / Сост. Б. Глинский. М., 1895, с. 38.
- ⁷⁰ *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970, с. 271.
- ⁷¹ Сибирская газета, 1883, № 26.
- ⁷² Там же, 1885, № 28.
- ⁷³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 327.
- ⁷⁴ *Кауфман А. А.* К вопросу о причинах и вероятной будущности русских переселений, с. 9.
- ⁷⁵ *Кауфман А. А.* Переселения и колонизация: Речь на диспуте.— *Рус. мысль*, 1908, июнь, с. 69.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ *Ядринцев Н. М.* Из наблюдений над переселенцами..., с. 72.
- ⁷⁹ *Исаев А. А.* Переселенческое дело..., с. 7.
- ⁸⁰ *Кауфман А. А.* Переселение и колонизация, с. 177.
- ⁸¹ *Чупров А. И.* Указ. соч., с. 131.
- ⁸² *Менделеев Д. И.* Указ. соч., с. 27.
- ⁸³ Там же, с. 27—28.
- ⁸⁴ См.: *Хрулев С. С.* Финансы России и ее промышленность. Пг., 1916, с. 123.
- ⁸⁵ *Буссе Ф. Ф.* Очерк условий земледелия в Амурском крае.— В кн.: *Записки общества естествоиспытателей.* СПб., 1869, с. 65—135; *Коржинский С. И.* Амурская область как земледельческая колония.— *Тр. Вольного экон. о-ва*, СПб., 1894, март — апрель, с. 166—191; *Крюков Н. А.* Очерк сельского хозяйства в Амурской области.— Там же, СПб., 1892, № 3, с. 381—447; *Он же.* Приамурский край на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде. Н.-Новгород, 1896.
- ⁸⁶ *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949, с. 194—196, 198.
- ⁸⁷ *Кириллов А. В.* Переселение в Амурскую область. Хабаровск, 1895; *Буссе Ф. Ф.* Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883—1893 годах. СПб., 1896; *Назаров И.* Переселение крестьян морем в Южно-Ус-

сурийский край. Хабаровск, 1898; *Меньщиков А.* Опыт исследования экономического положения новоселов 1906, 1907, 1908 гг. в Приморской области по данным подворно-статистического обследования в декабре 1908 и в январе 1909 годов. Владивосток, 1910; *Болховитинов Л. Н.* Россия на Дальнем Востоке. Колонизаторы Дальнего Востока. СПб., 1910. Т. 1; Приамурье: Факты, цифры, наблюдения. Собраны на Дальнем Востоке сотрудниками общеземской организации. Приложение к отчету общеземской организации за 1908 год. М., 1909; и др.

³⁸ *Шульгина Т. С.* Ф. Ф. Буссе — этнограф русского Дальнего Востока.— В кн.: Вопросы истории, философии и экономики Дальнего Востока. Владивосток, 1968, с. 249.

³⁹ *Буссе Ф. Ф.* Переселение крестьян морем..., с. 76.

⁴⁰ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 464, л. 105.

⁴¹ *Буссе Ф. Ф.* Переселение крестьян морем, с. 156.

⁴² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 285.

⁴³ Там же, т. 20, с. 175.

⁴⁴ Там же, т. 18, с. 364.

⁴⁵ Там же, т. 16, с. 230.

⁴⁶ Там же, с. 229.

ИСТОРИОГРАФИЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ИСТОРИОГРАФИЯ И НАУКОВЕДЕНИЕ

Д. П. Урсу

Возрастающая роль историографии на современном этапе развития исторической науки, настоятельная необходимость повышения эффективности и качества историографических трудов выдвигают среди прочих задачу усовершенствования исследовательского арсенала ученых-историографов. В этом направлении представляются перспективными такие подходы, как науковедческий, сравнительно-типологический, системный, применение различных точных методов количественного анализа, в том числе наукометрических.

Разнообразные количественные методы находят все более широкое применение в конкретно-исторических работах, в особенности по социально-экономическим проблемам, где анализу подвергаются массовые источники, содержащие обширный цифровой материал. Общеизвестны достижения советских ученых в изучении аграрной истории России (И. Д. Ковальченко, Ю. Ю. Какх, Л. В. Милов) и рабочего класса советского периода (Ю. А. Поляков, В. З. Дробижев, О. И. Шкаратац, В. А. Устинов). Количественные методы находят успешное применение в исследованиях по средневековой (К. В. Хвостова) и востоковедной тематике (Д. В. Деопик), этнографии, археологии¹.

При помощи математико-статистических методов ученые-историки пришли к некоторым важным теоретическим обобщениям. Следует заметить, что разного рода измерения и подсчеты всегда имели место в исторической науке. Как на непревзойденный образец оперирования численными данными при анализе глубинных социальных процессов можно указать на труды В. И. Ленина, в которых широко применялись различные статистические методы². Поэтому нельзя считать верным мнение буржуазных историков-клиометристов о том, что прежде в истории применялись неформальные, импрессионистские приемы, ныне же используются формализованные, строго научные приемы количественного анализа³.

Что же касается историографических работ, то здесь математико-статистические методы исследования пока не применяются. Безраздельно господствует традиционная техника. Отсутствие точности и строгости может стать (и часто становится) основой для субъективистских выводов. Для характеристики развития исторической науки в целом или отдельных ее сторон нередко применяются такие не наполняемые конкретным содержанием понятия, как «много», «мало», «больше», «меньше», «раньше», «позже», «значительно

возросло», «резко сократилось» и т. п. Зачастую из огромного потока научной литературы произвольно выхватываются отдельные работы некоторых авторов, причем в некоторых историографических работах главным аргументом для выводов и обобщений служит цитата, вырванная из общего контекста.

В повышении доказательности и точности историографических исследований, в преодолении элементов субъективизма определенную роль может сыграть применение некоторых количественных методов (главным образом статистических), которые уже широко используются в науковедении, поскольку саму историографию следует рассматривать как особую отрасль науковедения, изучающую одну из частных наук — историческую науку. На эту сторону историографии впервые обратила внимание акад. М. В. Нечкина в статье «История истории»⁴. Во вступительном слове на Всесоюзной конференции преподавателей историографии в Смоленске она подробно остановилась на вопросе о взаимоотношении историографии и науковедения. «Ясно для всех, — сказала М. В. Нечкина, — что история науки, о какой бы ее отрасли мы ни говорили, органически входит в состав проблематики науки о науке. И наша история исторической науки находит тут свое место. Без истории науки нельзя понять ни сложение ее состава, ни проблем ее развития и возникновения сменяющих друг друга научных задач, ни роли в науке ученого-исследователя и работы коллектива»⁵. Эти мысли были затем развиты и конкретизированы в статье Е. Н. Городецкого, в которой показаны некоторые направления повышения научного уровня историографических исследований⁶.

Интегрирующая функция историографии, призванной упорядочивать и систематизировать конкретно-исторические исследования, обеспечивает существование исторической науки как целостной системы. Историография не только подводит итоги изучения той или другой проблемы, но в свою очередь определяет наиболее перспективные направления новых конкретных исследований.

Историография имеет своим объектом изучение развития исторического знания и исторической науки во времени и в пространстве, качественно-количественные изменения проблематики исследований, а также инфраструктуры исторической науки как в прошлом, так и, главным образом, в настоящем и в обозримом будущем. Некоторые характеристики названных сторон исторической науки могут быть выявлены при помощи наукометрических методов⁷. Кроме того, в историографических работах можно использовать отдельные приемы конкретно-исторических и социологических исследований, литературоведения, искусствоведения и других гуманитарных наук. Сложность объектов, изучаемых историографией, не только не исключает, а, наоборот, предполагает применение разнообразных точных методов⁸.

Статистические методы изучения научных трудов исторического профиля требуют от историографа чрезвычайно трудоемкой работы. Здесь ученого подстерегает опасность увлечения цифрами, превращения квантификации в самоцель, а историографии — в простую

бухгалтерию. Операциям со статистическими данными должна предшествовать большая подготовительная работа методологического и методического плана, и прежде всего разработка четкой программы исследования. Полученные в ходе расчетов цифровые данные могут служить познанию историографических процессов лишь на эмпирическом уровне. Как и в любом научном исследовании, в изучении истории исторической науки главным направлением является качественно-содержательный анализ научных концепций, ценностная интерпретация исторических сочинений.

Процесс развития исторической науки характеризуется, в частности, и целым рядом количественных признаков, которые могут быть сгруппированы, подсчитаны, обобщены; то же самое касается истории изучения отдельных научных проблем.

Возможности и границы применения некоторых наукометрических, а, точнее, статистических методов в историографических целях мы попытаемся показать на конкретном примере анализа публикаций ведущего исторического журнала «Вопросы истории» за пятнадцать лет (с 1964 по 1978 г.).

Известно, что периодические научные издания более оперативно реагируют на те или иные изменения в исторической науке. Кроме того, журналы являются одним из важнейших элементов инфраструктуры науки, организующим информационные потоки научных исследований. Поэтому количественный анализ проблемно-тематической структуры публикаций ведущих исторических журналов позволяет дать весьма полное представление о состоянии всей исторической науки в изучаемый период. Для такого анализа пригоден метод предметизации произведений печати, целью которого является установление количественных параметров предмета исследования⁹ (тема, проблема). Указанный метод позволяет произвести вертикальный (хронологический) и горизонтальный (синхронистический) срезы тематики исторических публикаций, рассматриваемых как упорядоченная система, составные части которой имеют точные параметры.

Классификация всего комплекса публикаций журнала «Вопросы истории» по отраслям и последующий подсчет для определения удельного веса каждой отрасли (или проблемы) — основные этапы работы историографа. Самым ответственным моментом здесь является выбор принципа классификации. В мировом науковедении существует более десяти различных классификаторов наук.

В нашей стране наиболее распространены универсальная десятичная классификация (УДК), рубрикатор библиографических указателей, издаваемых Институтом научной информации по общественным наукам, и номенклатура специальностей научных работников Высшей аттестационной комиссии. Последняя классификация делит исторические науки на четырнадцать подразделений (дисциплин) и в силу своей узости не может быть использована в историографических исследованиях. УДК нас также не может устроить, ибо «она слабо отражает структуру самой науки, в ней произвольно и без научного обоснования представлен основной клас-

сификационный ряд. Принцип десятичности не позволяет увеличить число основных разделов, а логическая структура УДК не совпадает с логикой развития науки»¹⁰.

Наиболее перспективной для использования в историографических работах представляется тематическая разбивка (рубрикатор), даваемая в библиографических указателях ИНИОНа: она соответствует основной структуре исторической науки как в проблемном, так и в хронологическом отношении; наличие многочисленных рубрик дает возможность с достаточной полнотой охватить все проблемно-тематическое многообразие исторических публикаций различного жанра.

В соответствии с указанной классификацией нами были проанализированы по ряду параметров статьи по истории СССР и всеобщей истории, напечатанные, как уже указывалось, в журнале «Вопросы истории» за пятнадцать лет (1964—1978 гг.)^{9*}. Прежде чем привести конкретные данные расчетов и комментарии к ним, следует объяснить, почему выбран именно этот временной отрезок и рассмотрение ограничено только данным типом публикации.

Период в пятнадцать лет представляется, с одной стороны, вполне достаточным для определения основных тенденций эволюции тематики журнала. С другой стороны, в рассматриваемый период основная структура журнала оставалась в основном стабильной, что обеспечивает сопоставимость статистических расчетов по отдельным годам. Статья является основным типом публикации. Именно научные статьи несут на себе основную научно-теоретическую и информационную нагрузку. По их содержанию и тематике можно обоснованно судить о направлении и уровне развития науки. Этот тип публикации «является удобным способом фиксации новых знаний, проверенным средством распространения идей, надежным методом внедрения научных достижений в производственную практику»¹¹.

Ниже приводятся данные проблемно-тематической структуры статей журнала «Вопросы истории» за 1964—1978 гг. по пятилетиям (табл. 1).

Анализ данных табл. 1 свидетельствует о том, что публикации по советскому периоду решительно преобладают над статьями по другим разделам истории СССР: из общего числа статей (608) истории социалистического общества посвящено 322 (53%). Если проследить динамику по годам, то можно установить, что в общем массиве статей по отечественной истории проблемы социалистического общества стали составлять более половины, начиная с 1975 г.

Среди различных разделов истории советского общества на первый план выступают два, наиболее значимых в политическом и научном плане: Великая Октябрьская социалистическая революция и развитие социалистического общества. Великому Октябрю, включая и предысторию революции (март—октябрь 1917 г.), посвящены

^{9*} В этой работе приняли участие студенты исторического факультета Одесского университета Н. Станков, С. Журба, Е. Фокина, которым автор приносит свою благодарность.

Таблица 1
Проблемно-тематическая структура статей

Раздел истории СССР	1964— 1968 гг.	1969— 1973 гг.	1974— 1978 гг.	Всего
Методология исторической науки	15	11	7	33
Вспомогательные исторические дисциплины	15	17	16	48
История СССР в целом	13	22	10	45
Первобытное рабовладельческое общество на территории СССР	2	2	2	6
Период феодализма	23	40	34	97
Период капитализма	24	13	20	57
Социалистическое общество (по периоду в целом)	34	33	14	81
Великая Октябрьская социалистическая революция. Гражданская война и иностранная интервенция	38	22	33	93
Строительство социализма в СССР	28	23	7	58
Великая Отечественная война	8	11	13	32
Дальнейшее развитие и упрочение социализма в СССР	7	2	4	13
СССР в период упрочения развитого социализма	—	15	30	45
Всего статей:	207	211	190	608

29% статей истории советского периода. В публикациях журнала по этой проблеме можно заметить два пика: 1967—1968 гг. и 1976—1977 гг., что, видимо, связано с празднованием 50-летнего и 60-летнего юбилеев Великого Октября.

Устойчивую тенденцию к постоянному росту имеют статьи по истории и историографии развитого социализма. Пионером в разработке проблем этого периода выступил С. Л. Сенявский со статьей «Рабочий класс СССР в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму» (Вопр. истории, 1969, № 2)^{10*}, хотя сам термин «развитой социализм» в статье не упоминается.

Констатируя внимание редколлегии журнала к освещению наиболее актуальных и значимых тем советской истории, нельзя не отметить и отдельные недостатки в формировании тематики публикаций по этому периоду. Так, Великой Отечественной войне за 15 лет было посвящено 32 статьи, распределялись они весьма неравномерно: в юбилейные 1965 и 1975 годы было опубликовано 13 статей, в отдельные годы — ни одной. Весьма редко печатались статьи, исследующие период послевоенного развития.

Попытаемся теперь не в хронологическом, а в проблемно-тематическом плане еще раз проанализировать те 608 статей, которые публиковали «Вопросы истории» за последние 15 лет. Жизнь и деятель-

^{10*} В дальнейшем все ссылки на журнал «Вопросы истории» даются в тексте статьи.

ность В. И. Ленина, ленинский этап в развитии исторической науки, претворение в жизнь ленинских идей — все эти темы занимали достойное место на страницах журнала. Статьи о В. И. Ленине, разнесенные в табл. 1 по разным хронологическим рубрикам, охватывают значительный период в истории нашей страны как дореволюционного, так и советского периода; всего их насчитывается 50. Много внимания в публикациях уделяется методологическим вопросам исторической науки (33 статьи), хотя нельзя не отметить тенденцию к постоянному сокращению количества статей по этому важнейшему разделу (см. табл. 1).

Весьма любопытны данные об историографических статьях по различным проблемам и периодам, а также по теории и источниковедению историографии:

Ленинский этап в историографии	7
Русская историческая наука, отдельные ее представители	10
Советская историография (общие проблемы)	21
Советская историография отдельных проблем истории СССР	24
Критика современной буржуазной историографии истории СССР	23
Исторические взгляды русских и советских писателей	6
Всего статей	91

Большой научный интерес представляют статьи о ленинском этапе в развитии исторической науки, которые принадлежат перу академика М. В. Нечкиной, Е. Н. Городецкого, В. Г. Сарбея, В. В. Мавродина, М. Е. Найденова и др. Был опубликован цикл статей об исторических взглядах ряда выдающихся писателей (Л. Толстой, А. Блок, Н. Гоголь, Ю. Тынянов, О. Форш). Нужно также иметь в виду, что в «Вопросах истории», начиная с 1966 г., регулярно печатаются обзоры новейшей литературы по самым разнообразным вопросам истории СССР. Уступая историографическим статьям по уровню теоретического обобщения исследуемого материала, да и по объему, эти обзоры тем не менее дают широкую историографическую панораму научной литературы и тем самым выполняют важную информационную работу.

По разделу всеобщей истории, в соответствии с рубрикацией статей, даваемой журналом в последнем номере годового комплекта, за 15 лет было опубликовано 533 статьи. В это число включены также 8 статей исчезнувшей рубрики «История и современность».

При детальном знакомстве с табл. 2 прежде всего замечаем явное преобладание статей по новейшей истории над статьями по остальным периодам всеобщей истории (55%), причем это соотношение выдерживается с удивительным постоянством и все три пятилетия.

Таблица 2
Тематическая структура статей по всеобщей истории

Раздел всеобщей истории	1964— 1968 гг.	1969— 1973 гг.	1974— 1978 гг.	Всего
Методология всеобщей истории	24	9	7	40
Источниковедение всеобщей истории	4	1	1	6
Всеобщая история (в целом)	7	17	16	0
Древняя история	3	7	8	18
Средневековая история	14	8	15	37
Новая история	23	35	36	94
Новейшая история (по периоду в целом)	15	21	13	49
Мир между двумя мировыми войнами (1918—1939)	24	20	18	62
Вторая мировая война (1939—1945 гг.)	15	10	5	30
Современный мир (после 1945 г.)	38	51	63	152
Археология и этнография зарубежных стран	4	—	1	5
Всего статей:	171	179	183	533

В разделах новейшей истории более половины статей посвящены современной эпохе, к тому же с тенденцией дальнейшего роста. Можно отметить также уравновешенность между другими разделами всеобщей истории: в общем массиве статей древняя история занимает 3%, средние века — 7%, новая история — чуть больше 17%.

Вместе с тем нельзя не отметить резкое сокращение (более чем в 3 раза) публикации статей по методологии и такое же сокращение статей по истории второй мировой войны в 1974—1978 гг. по сравнению с 1964—1968 гг. Можно, правда, найти некоторое объяснение такому явлению: видимо, публикация многотомной «Истории второй мировой войны» потребовала максимального сосредоточения всех специалистов на монографических исследованиях.

Что же касается проблем методологии всеобщей истории, то в 1977—1978 гг. не вышло ни одной статьи.

Нам представляется, что установившаяся стабильная доля статей по новейшему периоду (54—55%) является оптимальной и в будущем возможно некоторое перераспределение только внутри этой рубрики.

Попытаемся теперь рассмотреть статьи раздела всеобщей истории под иным углом зрения — насколько полно отражены в нем важнейшие проблемы всеобщей истории безотносительно к хронологическому периоду. Историографические сюжеты трактуются в 104 статьях (почти 20% от общего числа), причем следует особо отметить тематическое многообразие этих статей, их боевой, наступательный дух. 17 статей посвящены деятельности основоположников научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса, 12 — международным аспектам деятельности В. И. Ленина и ленинизму.

Таблица 3
Продуктивность авторов статей

Количество авторов, опубликовавших	История СССР	Всеобщая история	Всего	Количество авторов, опубликовавших	История СССР	Всеобщая история	Всего
Две статьи	82	51	133	Пять статей	8	3	11
Три статьи	23	25	48	Шесть статей	3	4	7
Четыре статьи	5	6	11	Всего:	121	89	210

Таблица 4
Научная квалификация авторов журнала

Период	Академики, чл.-кор. АН	Доктора наук	Канд. наук	Аспиранты	Другие	Всего
1964—1968 гг.	37	140	258	6	56	497
1970—1973 гг.	21	133	181	9	59	403
1974—1978 гг.	40	197	221	18	76	552

Значительное место в публикациях журнала «Вопросы истории» отводится изучению истории формирования и развития мировой социалистической системы (11 статей) и международного рабочего и коммунистического движения (15 статей). Журнал оперативно и квалифицированно откликался на все важнейшие события международной жизни.

Рассмотрим, наконец, публикации по всеобщей истории в региональном аспекте.

Странам Европы посвящены 242 статьи, Азии — 63 (в том числе КНР — 25), Северной Америке (США и Канада) — 58, Латинской Америке — 21 и Африке — 17. Некоторый «европоцентризм» заметен сразу. Разумеется, особый интерес к истории современности европейских стран имеет серьезные объективные основания.

Небезынтересно распределение статей по истории отдельных европейских стран: на первом месте идет Англия (32 статьи), затем Франция (26 статей), Италия (19 статей); различным сюжетам немецкой истории посвящена 31 статья, в том числе периоду до 1945 г. — 19 статей, истории ФРГ — 11, ГДР — всего одна статья. Напротив, история Польши представлена в журнале очень хорошо — 27 статей. Этому способствовал специальный номер журнала (1977, № 12), целиком составленный из статей польских авторов.

Учитывая отсутствие в Советском Союзе популярного исторического журнала для массового читателя, редакция «Вопросов истории» поступила разумно, введя с 1966 г. рубрику «Документальные

очерки», которая с 1969 г. стала называться «Исторические очерки». Всего за 13 лет было опубликовано 246 очерков, к которым следует добавить 18 очерков по истории отечественной культуры, 19 очерков о героическом прошлом нашей страны. С 1974 г. введен еще один интересный раздел под рубрикой — «Летопись трудовых побед социализма и коммунизма». Таким образом, всего было напечатано 373 очерка, которые существенно обогатили жанровую и тематическую палитру журнала. В целом они являются удачным дополнением к ведущему научному жанру — статьям.

Проблема «журнал и авторы» может быть рассмотрена в двух аспектах: научная продуктивность авторов, а также детальное знакомство с коллективным, «обобщенным» автором (квалификация, место работы, место жительства). Вторая задача облегчается тем, что журнал на последней странице знакомит своих читателей с авторами статей, очерков, воспоминаний и некоторых других материалов.

Статьи, написанные одним автором, по разделу истории СССР составляют 88%; по всеобщей истории — 92%. Вместе с тем в журнале были опубликованы 7 статей, подписанные 4 авторами; 18 статей — тремя авторами и 89 статей — двумя авторами; следует заметить, что соавторство более распространено при публикации статей по отечественной истории, чем по зарубежной.

Что же касается частоты публикаций отдельных авторов в журнале, то подавляющее их число (около 90%) напечатали в журнале всего лишь по одной статье. Остальные распределяются следующим образом (см. табл. 3).

Среди авторов, опубликовавших в «Вопросах истории» наибольшее число статей, — видные ученые, обогатившие трудами советскую историческую науку: по 6 статей опубликовали по истории СССР акад. Л. В. Черепнин, чл.-кор. АН СССР В. Т. Папуто, А. Г. Кузьмин, по 5 статей — акад. М. П. Ким, акад. М. Н. Нечкина, чл.-кор. АН СССР Ю. А. Поляков, В. З. Дробижев, М. А. Вылцан, Л. С. Гапоненко, И. Н. Демочкин, А. Н. Сахаров; по разделу всеобщей истории по 6 статей опубликовали М. А. Барг, В. Н. Виноградов, И. И. Жигалов, А. Н. Чистозвонов, по 5 статей — С. Л. Тихвинский, Е. В. Гутнова, А. Я. Шевеленко, по 4 статьи — А. З. Манфред, А. С. Гроссман, Ю. А. Писарев и др.

Дополнительные сведения об авторах мы получим, сведя в таблицу данные, приводимые в каждом номере журнала. Здесь надо иметь в виду, что эти сведения иногда дублируются; кроме того, за ряд лет (1967, 1968, 1970, 1973) сведения об авторах приводились не во всех номерах, а за 1969 г. — вообще отсутствовали. Тем не менее имеющийся материал дает возможность составить довольно полную картину авторского коллектива и сделать некоторые выводы. Научная квалификация авторов публикаций представлена в таблице 4.

Как видно из табл. 4, наиболее многочисленной группой авторов журнала являлись кандидаты наук, однако их процент в общей массе авторов постепенно падал за счет роста крайних категорий,

в особенности — докторов наук. Эта тенденция резко усилилась в 1974—1977 гг. (166 докторов и 166 кандидатов) и только в 1978 г. количество кандидатов вновь превысило докторов (55 против 31).

Отрадно отметить, что среди авторов растет число аспирантов (они ежегодно печатают 3—4 крупных материала). Наконец, ежегодно 12—15% публикаций журнала принадлежит непрофессиональным историкам, представителям других наук, журналистам, ветеранам труда и войны, передовикам производства. Эта «открытость» страниц журнала для всего интересного, актуального, общественно значимого в немалой степени способствует повышению авторитета журнала и его популярности.

Рассмотрим, как распределяется печатная площадь между историками, работающими в академических институтах и в высших учебных заведениях? В 1964—1968 гг. журнал поместил 225 статей и очерков академических ученых и 224 — вузовских историков. В 1970—1973 гг. баланс изменялся в сторону академической науки: 185 против 161. И наконец, в 1974—1978 гг. было опубликовано 275 статей сотрудников академических учреждений против 191 статьи, написанной преподавателями вузов.

Экстраполируя наметившуюся тенденцию на ближайшее будущее, можно ожидать сокращения числа авторов, преподающих на исторических факультетах университетов и педагогических институтов. Уменьшение доли публикаций, авторами которых являются представители «вузовской науки», в центральном органе советских историков, по нашему мнению, тревожный симптом. Он свидетельствует либо о том, что качество представляемых публикаций понижается и потому они не могут быть опубликованы в центральных изданиях, либо о снижении исследовательской активности преподавателей вузов, либо, наконец, о появлении неких препятствий, мешающих публикации работ этого многочисленного отряда историков-исследователей.

Для выяснения причин отмеченной тенденции необходимо дополнительное исследование. Однако ясно, что редколлегия журнала необходимо более активно привлекать к сотрудничеству преподавателей вузов, тщательней работать с их рукописями.

Наблюдается усиливающаяся неравномерность распределения публикаций и по региональному принципу. Распределение тех же 1452 статей по местожительству авторов показывает, что авторы 1145 из них (79%) проживают в столице, 72 (5%) в Ленинграде и только 235 (около 16%) — в остальных городах СССР и за рубежом. Доля периферийных авторов в 1970-е годы не только не росла, но продолжала падать. Так, в 1978 г. москвичами было напечатано 91 статья и очерк (86%), ленинградцами — 7, жителями других городов — 17 и 2 материала — зарубежными авторами.

Приведем перечень городов, авторы которых наиболее представлены в публикациях журнала: Киев — 22 автора, Кишинев — 9, Пермь — 8, Саратов — 7, Вильнюс — 7, Алма-Ата — 7, Горький — 6, Таллин — 6, Минск — 6, Душанбе — 6, Калинин — 6, Харьков — 6, Ульяновск — 6, Баку — 5 авторов. Эта неравномерность, видимо,

объясняется отчасти тем, что в столицах союзных республик имеются определенные возможности для обнародования итогов научной работы, в других же городах просто исторические исследования не ведутся на таком уровне, который бы позволил выйти в столь авторитетный и престижный журнал.

Весьма показательным фактом, свидетельствующим о большом международном престиже «Вопросов истории», является регулярная публикация на его страницах статей, очерков и воспоминаний иностранных авторов. Совершенно естественно, что среди них преобладают историки стран социалистического содружества. Систематически печатались также материалы, присланные из многих стран мира.

Приведенные данные позволяют сделать вывод о тематическом богатстве и разнообразии публикаций, актуальности поднимаемых проблем, серьезной работе редколлегии с авторским составом.

Вместе с тем статистический анализ позволил обнаружить отдельные «узкие места» и тревожные симптомы, устранение которых может повысить научный уровень издания.

В заключение хотелось бы отметить, что высказанные выше соображения о взаимоотношении историографии и науковедения, разумеется, не исчерпывают всего многообразия связей между ними. Нам хотелось бы лишь поставить проблему, имеющую важное значение для повышения научной эффективности историографических работ, наметить некоторые пути ее решения. Все эти вопросы, конечно, требуют дальнейшего изучения и экспериментальной проверки. Одно несомненно — науковедческий подход к историографии весьма перспективен и, отнюдь не заменяя прежние, испытанные методы, открывает новые возможности для более глубокого изучения истории исторической науки.

¹ Из новейших публикаций см.: *Какх Ю. Ю.* Математические методы в исторических исследованиях — *Обществ. науки*, 1978, № 2; *Славко Т. И.* Применение математики при изучении массовых исторических источников. — *Вопр. истории*, 1978, № 6; *Хвостова К. В.* Количественный подход к средневековой социально-экономической истории. М., 1980; *Schweizer T.* Statistische Gesetze und statistische Argumentation in der Ethnologie. — *Anthropos*, 1978, N 3/4; *Hodder I. R., Orton C. R.* Spatial Analysis in Archeology. Cambridge, 1977.

² Подробнее см.: *Буганов В. И.* Методы работы В. И. Ленина над статистическими источниками. — *Вопр. истории*, 1960, № 7; *Литвак Б. Т.* О ленинской методике статистического анализа политических явлений. — *Источниковедение отеч. истории*, М., 1973, вып. 1; *Козлов Т. И.* В. И. Ленин о значении статистики и методологии анализа ее данных. — *Вестн. статистики*, 1980, № 4.

³ *History and Theory*, 1977, vol. 16, N 2, p. 137.

⁴ *Нечкина М. В.* История истории: Некоторые методологические вопросы истории исторической науки. — *История и историки: Историография истории СССР*. М., 1965.

⁵ *Вопросы историографии в высшей школе*. Смоленск, 1975, с. 10.

⁶ *Городецкий Е. Н.* Историография как специальная отрасль исторической науки. — *История СССР*, 1974, № 4, с. 108—111.

Вопрос о месте историографии в системе историко-научных дисциплин специально рассматривался на заседании Научного совета по проблеме «История исторической науки» (апрель 1984 г.). Наряду с историографами в дис-

куссии приняли участие представители других наук (философы, науковеды, филологи и т. д.).— *Прим. ред.*

- ⁷ *Налимов В. В., Мульченко З. М.* Наукометрия: Изучение развития науки как информационной системы. М., 1969; *Добров Г. М.* Наука о науке. 2-е изд. Киев, 1970; *Козачков Л. С.* Системы потоков научной информации. Киев, 1973; *Хохлова Н. В.* Некоторые вопросы изучения документальных информационных потоков.— В кн.: Вопросы библиографоведения и библиотековедения: Межведомственный сб. Минск, 1980.
- ⁸ *Рузавин Г. В.* Математизация научного знания.— Обществ. науки, 1978, № 2, с. 31; См. также: *Зворыкин А. А., Жирицкая И. Г.* Системный подход к изучению науки.— В кн.: Социологические проблемы научной деятельности. М., 1978. с. 105.
- ⁹ *Кругликова В. П.* Предметизация произведений печати. М., 1967. О применении этого метода в историографической работе см.: *Цветков П. Ю.* Проблематика исторических исследований в ДРВ.— Народы Азии и Африки, 1976, № 2.
- ¹⁰ *Добров Г. М., Коренной А. А.* Наука: информация и управление. М., 1977, с. 87—90.
- ¹¹ *Благинин В. С., Щербаков А. И.* Документальные источники информации и труд ученого.— Науковедение и информатика. Киев, 1975, вып. 13, с. 93.

«НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА» ВО ФРАНЦИИ: ДОСТИЖЕНИЯ И ТРУДНОСТИ (критические заметки медиевиста)

А. Я. Гуревич

**Школа «Анналов»
и «новая историческая наука»**

«Новая историческая наука»¹ во Франции уже не столь нова и не молода: она насчитывает три или даже четыре поколения активно и целенаправленно работающих историков. И если ее основатели Марк Блок и Люсьен Февр должны были потратить немало сил на то, чтобы в борьбе с позитивистской наукой расчистить путь для нового направления исторического исследования, то последующее поколение «Анналов», возглавленное Фернаном Броделем, и тем более нынешнее поколение могли опереться на традицию, на все возрастающий научный «задел», а равно и на учреждения, сделавшиеся опорной базой школы (École pratique des hautes études, Collège de France)². Научное влияние, завоеванное этим направлением не только во Франции, но и за ее рубежами, значительное число исследований, которые вошли в фонд наиболее капитальных работ в области истории за полстолетия, миновавшего с момента выхода первого номера «Анналов» (1929 г.), вызывают самый пристальный интерес, и к настоящему времени сложилась обширная литература, посвященная «новой историографии», хотя, вероятно, должным образом история этого феномена духовной жизни современного Запада еще не исследована.

И тем не менее «новая историческая наука» вправе называть себя новой. Она во многом способствовала тому, что ныне панорама исторической науки выглядит отнюдь не такой, какой она была еще в предвоенной Европе: новые проблемы истории, новые категории источников, привлекаемых для их решения, новые методы исследования, широкое обновление понятийного аппарата и в результате — существенная перестройка и углубление самой картины прошлого, как она вырисовывается в трудах ученых этого направления, — таков актив «новой исторической науки».

Наибольшие успехи достигнуты ею в области истории средневековья и XVI—XVIII вв. Это эпохи относительно медленного движения глубинных социальных структур, развертывавшихся на протяжении большой длительности, и именно к такого рода структурам, как материальным, так и духовным, представители «новой исторической науки» могли применить разработанную ими систему понятий и исследовательскую методологию.

Здесь речь пойдет только о трудах «новой историографии», посвященных средневековью. Необходимы, однако, некоторые оговорки. «Новая историческая наука» и школа «Анналов» не идентичны. Не всякий исследователь, печатающийся в «Анналах», приобщается к этой школе. Отдельные видные ученые, которые, судя по проблематике их исследований, принадлежат к «новой историографии», видимо, стоят в стороне от школы «Анналов» или соблюдают по отношению к ней известную дистанцию. И тем не менее наблюдатель, находящийся далеко от Парижа, вынужден исходить из следующего допущения, сколь оно ни огрубляет истинное положение дел: именно в школе «Анналов» (в широком смысле этого слова) в первую очередь воплощен дух и стиль «новой историографии».

Давая пока самую предварительную и суммарную характеристику школы «Анналов», хотелось бы отметить одну черту, присущую всем поколениям историков этой группы: обостренное самосознание, непрерывный самоотчет, даваемый учеными как в их исследованиях, так и в спорах с традиционной историографией. Свидетельства борьбы за утверждение новых позиций исторической науки хорошо известны: «Апология истории» М. Блока³, сборники статей Л. Февра под «вызывающими» названиями «Битвы за историю» и «В защиту полнoprавия истории»⁴, «Статьи об истории» Ф. Броделя⁵, «Территория (пространство) историка» Э. Леруа Ладюри⁶, «За новое понимание средневековья» Ж. Ле Гоффа⁷. Попытка всесторонне осветить новые подходы к истории предпринята в двух капитальных трудах: «Изучать историю» (под редакцией Ж. Ле Гоффа и П. Нора)⁸ и «Новая историческая наука» (под редакцией Ж. Ле Гоффа, Р. Шартье и Ж. Ревеля)⁹.

Последний из названных сборников — энциклопедия «Новая историческая наука» — свидетельство сознания силы ее представителей. Здесь прослежен пройденный ею путь и сформулированы проблемы, вокруг которых концентрируются исследования нынешнего поколения французских ученых, «сводятся счеты» с другими направлениями исторического знания и показаны связи и взаимовлияния

между «новой исторической наукой» и соседними отраслями гуманитаристики. В противоположность традиционной французской историографии, замыкавшейся в унаследованных узких цеховых рамках, историки группы «Анналов» с самого начала попытались искать выход из обозначенных ими тупиков в широких контактах с другими науками о человеке — с этнологией (или антропологией), социологией, психологией, демографией, географией, биологией, лингвистикой, историей искусства и литературы. Эти науки изучают человека со своих собственных позиций, и объединенными усилиями можно получить значительно более емкую и всестороннюю картину исторического развития людей в обществе. Преодолев междисциплинарные барьеры, историки группы «Анналов» увидели новые ракурсы, в которых можно и должно изучать процессы истории; историческая наука смогла «присвоить» себе анкеты, которыми пользуются сопредельные научные дисциплины, и задать новые вопросы старым источникам. В этом радикальном отказе от ремесленного «сепаратизма», очень созвучном тому, что происходит во всех науках нашего времени, в освоении или, по крайней мере, в притязаниях на новые «территории» — несомненное методологическое завоевание школы «Анналов».

Важно, однако, подчеркнуть, что сближение истории с другими научными дисциплинами имеет свои пределы и не предполагает какого-либо объединения или слияния. Историк может заимствовать у антрополога или экономиста анкету, с помощью которой он задаст своим источникам новые вопросы, но при этом он должен выработать оригинальную методику; просто-напросто заимствовать методику у других наук он не в состоянии. И разумеется, речь идет не о переводе на язык социологии или психологии явлений, давно уже изученных историками, — новые проблемы, новые ракурсы, в которых предполагается рассматривать исторический процесс, требуют нового изучения старых источников и поисков источников новых. Поэтому нельзя не согласиться с мыслью Ле Гоффа о том, что отношения между «новой историографией» и иными научными дисциплинами сложны и неоднозначны¹⁰. Обогащая свой понятийный и методический аппарат в результате знакомства с этими иными науками, история не должна терять своей самостоятельности и самобытности¹¹.

В энциклопедии «Новая историческая наука» большое внимание уделено темам, которые сравнительно недавно были включены в круг исторического анализа, таким, как «время», «пространство», «жесты», «брак», «семья», «сексуальность», «женщина», «детство», «смерть», «болезнь», «народная культура», «аккультурация», «маргинальные элементы общества», «воображение», «чувства». Вопросы, традиционные для истории, например религия, поставлены по-новому и в новые связи. Набор этих проблем при беглом перечислении может показаться произвольным и бессвязным, однако в действительности дело обстоит совсем не так. Мы видим здесь целостную стратегию научного освоения новых плацдармов для исторического знания, теснейшим образом между собой связанных.

Изменился весь «фронт» исследовательской работы. В трудах историков «нового» направления, естественно, анализируется та или иная конкретная проблема, но, как правило, она рассматривается в контексте «глобальной истории»: «сверхзадача» «новой исторической науки», сформулированная еще Февром и Блоком, — воссоздание целостной истории человека в обществе, человека как социального существа, и потому изучение определенного аспекта социально-исторической действительности должно быть ориентировано, по крайней мере, в идеале, по своей интенции, на более обширное и сложное целое — на освещение социальной структуры, на раскрытие механизмов ее функционирования и изменения во всей возможной для познания полноте. Поэтому темы, подобные перечисленным выше, не рассматриваются как самодовлеющие — они предполагают дальнейший ход мыслей, который приблизил бы историка к постановке кардинальных проблем социальной истории.

В самом деле, если Ле Гофф обратился к изучению такого «экзотического» для традиционной историографии вопроса, как восприятие и переживание времени в средневековой Европе, то выводы, к которым он пришел, оказались важными для понимания экономической этики феодального общества, трактовки в нем труда, разных профессий и видов богатства. Время, как показывает Ле Гофф, являлось инструментом социального господства, а потому и предметом социальной борьбы — между церковью, осуществлявшей свой контроль над отсчетом времени в феодальную эпоху, и купечеством, которое оспаривало церковную монополию на время в период кризиса феодализма. Анализ категорий «труд» и «время» Ле Гоффом проливает свет на содержание и трансформацию умонастроений представителей разных классов и социальных групп феодального общества и в конечном счете открывает новые перспективы для изучения средневековой культуры¹². История возникновения идеи чистилища в латинском христианстве поставлена Ле Гоффом в связь со сдвигами в структуре общественного сознания, происшедшими в XII—XIII вв.¹³

Если Ж. Дюби в своей книге «Рыцарь, женщина и священник» пристально изучает брак и отношение к женщине во Франции с XI до начала XIII в.¹⁴ (как известно, эта проблема за последние годы интенсивно разрабатывается в западной историографии), то анализ такой, казалось бы, весьма специальной темы приводит его к наблюдениям, проливающим свет на формы наследования и тем самым на отношения собственности в среде господствующего класса, равно как и на этические ценности в этом обществе. Семья представляла собой в средние века основную ячейку, наиболее прочное и первичное социальное ядро, и исследования Дюби о браке и женщине надлежит рассматривать в связи с его постоянным интересом к структуре и мутациям феодального общества.

Дюби, Ле Гофф и ряд других историков исследовали теорию трехфункционального членения общества, сформулированную духовенством и призванную обосновать и оправдать социально-экономическое и политическое господство светской и церковной знати¹⁵,

и эти исследования обнаружили новые аспекты соотношения общественной системы феодализма и идеальной его картины, существовавшей в сознании «теоретических представителей» этого общества.

Ф. Ариес, задавшись беспрецедентной для исторического знания целью проследить сдвиги в отношении европейцев к смерти на протяжении последних двух тысячелетий¹⁶, продемонстрировал, как эти представления, на первый взгляд внеисторически-константные, на самом деле — то крайне медленно, то скачками — эволюционировали вместе с изменениями в самосознании человеческой личности; трансформация трактовки смерти в восприятии людей прошлого отражала их отношение к основным ценностям жизни.

Перу того же Ариеса принадлежит работа, в которой рассматривается другой, противоположный аспект человеческой жизни — детство и его понимание в конце средних веков и начале нового времени. Эта возрастная категория не была неизменной на протяжении истории, но эволюционировала в связи с развитием семьи, общественного сознания и быта¹⁷.

Как признает сам Ариес, его исследования воззрений на детство и на смерть вытекали из его интереса к исторической демографии; однако исследования эти явились важным вкладом в познание средневекового мировосприятия, человеческой ментальности.

Если Э. Леруа Ладюри удалось благодаря сохранности детальных протоколов инквизиции всесторонне изучить жизнь населения пиренейской деревни Монтайю на рубеже XIII и XIV вв., ее «экологию» и «археологию»¹⁸, то в результате этого сугубо локального исследования историк смог приблизиться к пониманию таких аспектов повседневного существования средневековых крестьян, которые обычно ускользают от взора ученых из-за молчания источников: семья, брак, секс, любовь, отношение к ребенку, понимание смерти и загробного мира, оценка труда. В лучшем случае известные применительно лишь к высшим слоям феодального общества, они раскрылись здесь в их «плебейском», простонародном ракурсе. Как свидетельствует собранный в книге материал, христианство было усвоено крестьянами поверхностно, главным образом с обрядовой стороны, и уживалось в народном сознании с дохристианским или внехристианским фольклором и «крестьянским натурализмом».

Историку удалось то, что до самых последних лет считалось практически недостижимым, — услышать живой голос крестьянина и крестьянки. Разумеется, нельзя забывать о том, что и этот голос звучит в источнике в переводе на латынь и слышим мы его из стен инквизиционного трибунала. Взгляды и настроения жителей Монтайю, деревни, «зараженной» ересью катаров, несомненно, отличались от ментальности крестьян, остававшихся в лоне католицизма. Тем не менее ученый смог внести ряд коррективов в принятую картину средневекового мировосприятия. В частности, Леруа Ладюри приводит высказывания жителей и жительниц Монтайю, не оставляющие сомнения в том, что отношение родителей к детям имело ярко выраженную эмоциональную окраску и что от их сознания

не укрывались особенности детства как возрастной категории, вопреки суждениям Ариеса, который полагал, что родительская любовь в ту эпоху не была развита, а в ребенке видели «маленького взрослого».

Представления о смерти и участи душ умерших, доминировавшие в средние века, рисовались историкам, знакомым с этими взглядами на основании сочинений теологов и клириков, как гомогенные для всего общества. Показания жителей Монтайю, полученные инквизиторами, напротив, свидетельствуют о гетерогенности этих воззрений, далеко отклонявшихся от официальной догмы. Короче говоря, в поле зрения медиевистики выдвинулся новый пласт культуры, религиозности, быта, социальной практики¹⁹.

Итак, решение той или иной конкретной исследовательской задачи ведущими историками нового направления всякий раз проливает свет на более широкий круг проблем и тем самым представляет собой прорыв к глобальной тематике школы «Анналов»: «Экономика. Общества. Цивилизации» (*Economies. Sociétés. Civilisations*).

История и антропология

На протяжении полустолетия школа «Анналов», разумеется, меняла свои научные ориентации. Это касается как междисциплинарного аспекта — тяготения историков к тем или иным научным дисциплинам, контакт с которыми открывал, с их точки зрения, новые перспективы для исторического исследования, так и установок последнего: что именно стояло в центре внимания историков на данном этапе развития школы? Обе стороны вопроса неразрывно между собой связаны. В самом деле, патриархи «Анналов» («Анналов экономической и социальной истории», как назывался журнал в 1929—1938 гг.) стремились рассматривать общественные коллективы и их экономическую деятельность, которой они придавали огромное, если не решающее, значение, в широком природном контексте (не забудем, что Блок явился основателем современной аграрной истории средневековой Европы в западной историографии) и поэтому находили особенно плодотворным обмен идеями между историей и географией. Вместе с тем выработка новой программы исторических исследований Февром и Блоком происходила под воздействием идей Анри Берра и Франсуа Симьяна. Историческая наука, как ее мыслили создатели «новой историографии», черпала силы в сближении с социологией, экономикой, географией (что не мешало Блоку и в особенности Февру пристально следить за такими научными дисциплинами, как история искусства и литературы, психология, и находить в них стимулы для развития исторического исследования). Эти традиции были продолжены «Анналами» и в послевоенные годы. «Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» Броделя²⁰ — пример междисциплинарного и многоаспектного подхода в историческом исследовании, и проблемы природного и социального пространства занимают в

нем не меньшее место, чем проблемы множественности временных ритмов.

В 60-е и 70-е годы положение заметно изменилось. Интерес к экономическим основам исторического развития не был утрачен, достаточно вспомнить о ряде трудов Дюби²¹. Но центр тяжести в целом явственно переместился к новым проблемам, что отразилось и на ориентациях историков на другие науки о человеке — на этнологию в первую очередь. Ж.-К. Шмитт говорит в этой связи даже о «коперниканском перевороте» в историографии, совершившемся на протяжении последних полутора десятилетий²². Представители третьего поколения школы склонны называть ту научную дисциплину, которую они развивают, «исторической антропологией» или «этноисторией». Для этого есть свои основания.

Прежде всего, сама установка на «тотальную историю», на реконструкцию общества прошлого в его целостности и многоаспектности функционирования по необходимости сближает историка с этнологом. Исследователи обществ относительно малого объема и несложной структуры, с «выключенным» временем изменений, этнологи предлагают историкам своего рода модели, которые, разумеется, не могут быть механически применены к обществам европейского средневековья, но проливают свет на определенные механизмы связей, существовавших и в Европе, в особенности на ранних этапах ее истории. И в самом деле, этнологически ориентированный подход к рассмотрению этих обществ оказался плодотворным: способы обмена материальными ценностями, их распределения и потребления (дары, демонстративные и церемониальные траты), формы брака и семьи, магия, язычество, длительно сосуществовавшее с христианством, функция жеста и ритуала в общественной практике, огромная роль устной культуры, фольклора и мифа, структура общины — эти и иные стороны жизни населения раннесредневековой Европы современным медиевистам удалось осветить в значительной мере по-новому именно потому, что они попробовали взглянуть на нее глазами этнологов, в то же время оставаясь историками.

Этот подход диктовался, далее, тем, что установка представителей «новой исторической науки», начиная с Блока, заключается в изучении европейского феодального общества не только «сверху», но и прежде всего «снизу»: историки группы «Анналов» направляют свое внимание преимущественно не на «верхушечную», «династическую» историю, не на фигуры монархов и господ, не на события, в которых господствующее меньшинство играло ведущую роль (напомним об устойчивом отвращении медиевистов школы «Анналов» к событийной, политической истории), ибо в этой «официальной» истории, традиционной для старой французской исторической школы (исключая Мишле и немногих других предшественников «Анналов»), они усматривают не более как эпифеномен глубинных изменений, свершающихся вдали от полей сражений и придворных кругов, — интересы ученых нового направления сосредоточиваются на жизни самых широких слоев общества.

Разумеется, этот подход не есть открытие школы «Анналов» — он применялся так или иначе представителями экономической и социальной историографии в той же Франции и еще больше в Германии и России с конца XIX в. Хорошо известно, что перемещение исследовательских интересов в истории к структурам, общественным группам и классам, к изучению материальных, экономических основ социальной жизни в очень значительной степени было вдохновлено марксизмом, независимо от того, насколько те или иные западные или дореволюционные русские историки были склонны признавать или отрицать это влияние, и от того, было ли оно непосредственным или косвенным²³. К этому вопросу нам еще предстоит возвратиться, пока же лишь отметим, что обращение группы «Анналов» к истории масс, не только простого народа, но и других слоев населения, свидетельствует о понимании того, что подлинные движущие силы истории надлежит искать в сфере производства и социальных отношений. «Средиземноморье...» Броделя и его статья «История и социальные науки: протяженное время»²⁴ явились существенными вехами в переориентации передовой французской историографии на изучение сил, действие которых обнаруживается не в «коротком времени» битв и смен монархов, а во времени «большой длительности».

В этнологически окрашенном исследовании истории ведущие представители школы «Анналов» нашли более адекватный подход к ней еще и потому, что этот новый подход надежнее предохраняет от модернизации прошлого. Все основные категории, которыми пользуется историк: «экономика», «государство», «культура», «религия» — неизменно связаны с содержанием, наполняющим их в наше время или во время, близкое к нашему. Между тем в изучаемую медиэвистом эпоху содержание этих категорий было иным — во всяком случае, предположение о том, что оно было не таким, как ныне, должно быть проверено, прежде чем эти и другие категории могут быть применены к источникам. Этнологический подход помогает историку видеть в исследуемом обществе «иное», «странное», отличающееся от обществ, менее от него удаленных; этот подход побуждает соблюдать «пафос дистанции» между предметом и субъектом исследования.

А. Бургьер в статье «Историческая антропология» (в энциклопедии «Новая историческая наука») отмечает в качестве существенной черты антропологического подхода то, что он ищет потаенный смысл, лежащий под поверхностью явлений. Так, изучение церемониала, окружающего власть, разоблачает те ее функции и цели, которые скрыты от современников и даже, может быть, от самих ее носителей. С этим «принципом непрозрачности» социальных явлений имеет дело не только антропология, но и антропологически ориентированная история²⁵. Здесь уместно заметить, что раскрытием смысла, кроющегося за знаком, занимается и другая дисциплина, во многом родственная антропологии, — семиотика, наука о знаковых системах. Было бы несправедливо отрицать интерес историков группы «Анналов» к семиологическим подходам в прочтении

источников — достаточно сослаться на работу Ле Гоффа о символическом ритуале вассалитета²⁶. Тем не менее нельзя не пожалеть, что эти ученые, видимо, не знакомы с трудами семиотиков культуры, в частности с трудами Тартуской школы.

В приведенных выше примерах из новейшей французской историографии (их без труда можно было бы продолжить) обнаруживается общая черта: проблемы социальной и экономической истории тесно переплетаются с проблемами истории культуры и коллективной психологии. В глазах продолжателей дела, начатого Блоком и Февром, неотъемлемым аспектом социального является ментальное. Интерес к представлениям людей о самих себе и об их человеческом и природном окружении, к особенностям их мировосприятия, к способам чувственного и понятийного освоения действительности вызывается у историков этого направления потребностью возможно глубже и всестороннее постигнуть социальные явления. Культура в контексте их исследований не выступает «в чистом виде», как самодовлеющая форма или как совокупность историй литературы, искусства, философии и т. п. Интерес представителей «новой исторической науки» к явлениям духовной жизни можно было бы назвать социокультурным — он направлен на анализ сил, движущих поступками людей, коллективов. И это опять-таки сближает историю с этнологией, широко применяющей именно такой подход к явлениям духовной жизни, — она ставит их в рамки глобальной, всеобъемлющей социальной реальности, все стороны которой переплетены и взаимодействуют между собой.

Но, разумеется, сближение историка-медиевиста с этнологом имеет свои ограничения, о которых писал Ле Гофф. Если предмет изучения в этнологии — «холодные» общества, неподвижные или квазинеподвижные и понятие исторического времени к ним почти неприменимо, то общество европейского средневековья, даже на наиболее ранней стадии своей истории, было обществом «горячим» (это противопоставление «холодных», т. е. статичных, и «горячих», т. е. динамичных, обществ принадлежит К. Леви-Строссу), изменялось, хотя поначалу и медленно, и, следовательно, содержало в себе источники такого рода противоречий, которые неизвестны обществам «этнографическим», доклассовым. Поэтому один лишь антропологический или этнологический метод изучения применительно к этому обществу невозможен и требуются иные методы. Существенно осложнен вместе с тем и целостный охват подобной социальной системы. При исследовании феодального общества неизбежен взгляд на него, который не упустит бы из виду присущих ему внутренних коллизий и конфликтов, «натяжений» между разными пластами его культуры, в частности между культурой «народной», или «фольклорной», с одной стороны, и культурой «ученой», элитарной, — с другой.

Эти проблемы были поставлены Ле Гоффом и его учениками и ныне выдвигаются на передний план историко-культурного исследования не только представителями «новой исторической науки» во Франции, но и медиевистами других стран, и научная значимость

и перспективность этих проблем не могут вызывать сомнений. Можно надеяться, что разработка проблемы народной культуры (по сути своей устной) рано или поздно приведет к новому исследованию и официальной, «высокой» культуры средневековья, культуры книжной, ибо обе эти традиции активно между собой взаимодействовали в сознании каждого средневекового человека (по-разному в разных слоях и классах общества).

«Новая историческая наука» изменила картину западной историографии²⁷. Она предложила иное видение средневековой истории. На первый план выступают люди, как правило, без имен и индивидуальных биографий, не сохранных аристократически мыслящими авторами хроник и анналов, — реальные, а не номинальные творцы исторического процесса в его толще и мощном подспудном течении. По словам Ле Гоффа, этот «взрыв», подорвавший почву под традиционной историей, есть симптом современной научной и интеллектуальной ситуации и коллективной психологии; в свою очередь, он не может не оказать воздействия на перестройку коллективной памяти нашего времени, не может не поставить всю совокупность наук в связь с новой концепцией мира и его развития. В эпоху колоссального убystрения исторического процесса, угрожающего превратить современного человека в существо без корней в прошлом, необходимо новое восприятие истории²⁸. Во всяком случае, можно констатировать: лучшие плоды «новой исторической науки», возрождающие прошлое и раскрывающие драматизм повседневности, возбуждают живейший интерес читателя²⁹.

Нужна ли историку теория?

Превращение «новой исторической науки» в ведущую силу во французской медиевистике изменило положение школы «Анналов»³⁰. Уроки исследовательской методик, которые содержатся в трудах лучших представителей этого направления, несомненно, поучительны. Но какова теория, лежащая в основе «новой исторической науки»? Обращаясь к этому вопросу, мы сталкиваемся со странной ситуацией: эксплицированная теория не только отсутствует — школа вообще заявляет о решительном отказе от теории. «У меня мало вкуса к теориям; я занят своим ремеслом, и я не размышляю над ним». Такое заявление делает Дюби в самом начале бесед о своей работе³¹. «Не отрицай важности теории в социальных науках, и в истории в особенности... я не предпринимаю теоретического исследования, к каковому у меня нет данных и которое, боюсь, завело бы меня... в философию истории, худшего врага истории...» (Жак Ле Гофф)³². Сходство мыслей, кажется, налицо...

В одной из статей энциклопедии «Новая историческая наука» Ж. Ревель и Р. Шартье пишут, что школа «Анналов», в центре интересов которой находятся размышления о методе, всегда составляла индифферентной к своему теоретическому единству. Объясняют они этот парадокс традиционным для французской историографии недо-

верием к «идеологиям» и стремлением «отгородиться от произвольных построений немецкой философии истории XIX века»³³. По их мнению, такого рода «добровольный и сознательный эмпиризм» во многом способствовал динамизму группировавшегося вокруг «Анналов» направления историков³⁴.

Разумеется, история эмпирична по своим приемам. Однако можно ли считать эмпиризм одним лишь достоинством историка? Не влечет ли за собой теоретической неточности и распылчатости возведение эмпиризма в принцип? Только что цитированные авторы признают, что в истории «Анналов» бывали времена эклектизма...³⁵ В прошлом? Заявляя, что «новая историческая наука» пытается избегать двух крайностей: выступать в качестве системы с «жесткой» схемой объяснения, с одной стороны, и быть чисто эмпиричной — с другой³⁶, Ле Гофф, видимо, не исключает реальности второй опасности и в настоящее время³⁷.

В той же энциклопедии другой автор, Кшиштоф Помьян, разъясняя основы «истории структур», отвергает «односторонний и упрощающий детерминизм» и противопоставляет ему «предельно сложную игру взаимодействий» разных факторов, из коих ни один не может претендовать на роль главенствующего³⁸. Это утверждение не лишено, на наш взгляд, противоречивости и двусмысленности. Если смысл слов Помьяна в том, что объяснение в истории, как и в других науках, должно вытекать из изучения конкретного материала, данной ситуации или специфики эпохи и не должно быть априорным, то предмета для спора нет. Однако ученого, который, сознавая сложность и противоречивость исторического движения, ограничивается тем, что выявляет целый ряд факторов его, и удовлетворен констатацией взаимодействия разных компонентов социальной структуры, — такого ученого действительно подстерегает опасность впасть в эклектизм.

Можно сказать больше: подобный историк, скорее всего, находится в заблуждении относительно теоретических условий и презумпций своей собственной деятельности. Не скрывают ли ссылки на многофакторность и предельно сложную «игру взаимодействий» нежелание этого исследователя продумать логику применяемых им процедур? Трудно представить себе ученого, не руководствующегося теорией, пусть даже им не сформулированной. Некая общая система объяснения у него, по-видимому, всегда есть, независимо от того, насколько он отдает себе в ней отчет и в какой мере последовательно ею пользуется. Дюби утверждает, что связи между разрозненными свидетельствами, сохранившимися о людях средневековья, он устанавливает с помощью воображения³⁹. Это безусловно. Но только лишь одного воображения?! — Сомнительно! Представители «новой исторической науки», как кажется, смешивают неодинаковые и разнородные явления, когда, отметая глобальные исторические схемы Гегеля или Тойнби, вместе с тем декларируют принципиальный отказ от теории вообще.

И когда «новая историография» настаивает на том, что глубинные, определяющие течения исторического процесса надлежит искать в

первую очередь не в сфере деятельности «персонажей первого плана», монархов и полководцев, что политические события суть проявления социально-экономических процессов, то не провозглашает ли она тем самым существенный теоретический постулат и не исповедует ли определенную «философию истории», сколь ни ненавистен ей этот термин?

Негативное отношение к теории едва ли сходит безнаказанно. В этой связи имеет смысл напомнить о критике, которой подвергся Леруа Ладюри со стороны Ги Буа. Решающим в экономическом и социальном развитии Лангедока⁴⁰ на протяжении нескольких столетий позднего средневековья Леруа Ладюри считает демографический фактор, а эту роль последний, по оценке Ги Буа, может выполнять только потому, что исследователь жизни южнофранцузского крестьянства абсолютизировал отобранные им для количественного анализа данные о движении населения (Ги Буа ставит под сомнение высказывавшуюся Франсуа Фюре — и не им одним — идею о том, что внедрение количественных методов в историческое исследование якобы представляет собой «революцию в сознании историков»). Но дело не свелось к одной только методике — по мнению Ги Буа, Леруа Ладюри сделал на основе своего исследования мальтузианские выводы, а это уже — общая теория. Ги Буа утверждает: перенос уровня описания на уровень объяснения методологически неприемлем. И далее: не избежав риска, сопряженного с количественными методами, а именно объяснения процесса исходя только из тех его аспектов, которые выбраны для счета, историк возвращается к позитивизму, позиции коего школа «Анналов» с самого начала и по заслугам критиковала, точнее — к «формализованному позитивизму»⁴¹. Разумность такого рода предостережения — вне сомнения.

Выше уже было отмечено, что устойчивый интерес «новой исторической науки» к проблемам социальной и экономической истории, к процессам, протекающим в сфере материальной жизни, перемещение центра внимания с политической истории на историю структур и масс населения связаны с влиянием марксизма. Историки группы «Анналов», начиная с Блока и кончая Ле Гоффом и Дюби, отмечают и осознают действительность и значимость импульсов, идущих от исторического материализма, хотя некоторые из этих историков и подчеркивают, что они на позициях историко-материалистического взгляда не стоят⁴². Дело даже не столько в заимствовании у марксизма тех или иных понятий, сколько в определенных особенностях стиля мышления ведущих историков этого направления, в подходе к социальным структурам как к всеобъемлющим образованиям, диалектически включающим в себя экономические, классовые и идеологические отношения.

Ги Буа находит, что использование французскими историками, принадлежащими к «новой исторической науке», определенных категорий исторического материализма затрагивает ныне всю сферу социальных отношений. Привняв понятие «способ производства»⁴³, отдельные историки школы «Анналов», по мнению Ги Буа, отчасти

как бы «пересекли границу», разделяющую эту школу и исторический материализм. Когда читаешь страницы трудов Дюби, посвященные анализу феодальной идеологии, говорит Ги Буа, подчас трудно четко установить, что отделяет его от марксизма⁴⁴. В действительности, однако, все обстоит сложнее.

Дюби, по собственному его признанию, видит в марксизме одно из средств научного анализа, причем средство «исключительной эвристической эффективности». Он полагает, что в творчестве современной французской исторической школы марксизм занимает гораздо более видное место, нежели это принято признавать. Марксизм, по его словам, может быть ими не осознан, но они тем не менее опираются на него в своей работе⁴⁵. Именно марксизм освободил историков поколения Дюби от абстрактной истории идей. Дюби не видит причин, которые могли бы помешать ему свободно принять ряд марксистских положений, представляющихся ему «работающими» применительно к изучаемой им эпохе.

Соображения Дюби о том, что при «сеньориальном способе производства» решающую роль играют не экономические, а межличностные и политические отношения, также едва ли уведат его далеко от К. Маркса, ибо Дюби отнюдь не понимает экономику той эпохи узко — она являлась при феодализме выражением производственных отношений. В самом деле, что такое власть сеньора над землями и людьми — факт политический или факт экономический? Альтернатива кажется ложной, ибо отношения власти и отношения производства были здесь неразрывны и едины. Как только историк признает, что феодальную экономику невозможно моделировать по образу и подобию экономики капиталистической, что социально-экономические отношения средневековья суть отношения, теснейшим образом переплетающиеся с политикой, религией, этикой, так это недоразумение должно было бы отпасть.

Но, конечно, отношение «новой исторической науки» к марксизму очень противоречиво, и внутри группы «Анналов» в этом смысле нет единства. Тот же Дюби настойчиво подчеркивает, что фрейдизм столь же существен для историка, как и марксизм (что едва ли убедительно вытекает из его собственных работ). Оставаясь в рамках истории средних веков, Дюби не приемлет детерминирующей роли производства в историческом процессе. Государственная власть в феодальном обществе, по его мнению, не представляла интересов господствующего класса, а являлась некоей силой, возвышающейся над обществом. Его утверждение, что феодализм есть «ансамбль ментальных обычаев и привычек», «состояние духа», «психологический комплекс»⁴⁶, не лишнее намеренной заостренности, нуждается тем не менее в разъяснениях и уточнениях.

Таким образом, даже наиболее «продвинутое», казалось бы, по направлению к марксизму представители «новой исторической науки» остаются все же далекими от него. Основной пункт расхождения заключается в их глубоко укоренившемся, восходящем к «отцам» школы — Блоку и Февру — недоверии к теории и философии, в принципиальном эмпиризме их построений. К чему это приводит?

Акцент на многофакторность и сложность исторических процессов не служит, видимо, непреодолимым препятствием для того, чтобы они подчас устанавливали, на наш взгляд не вполне обоснованно, непосредственные связи между явлениями социальной и экономической жизни, с одной стороны, и идеологическими и ментальными феноменами — с другой.

Вот примеры.

Прослеживая изменения в трактовке смерти и потустороннего мира людьми средневековой эпохи, Ариес утверждает, что в первый период средних веков, вплоть до XII столетия, в сознании европейцев отсутствовала идея загробного воздаяния и доминировало представление о загробном сне, покое, в котором души умерших будут пребывать вплоть до Второго пришествия, после которого все, исключая наиболее тяжких грешников, пробудятся и войдут в царство небесное. Мысль об индивидуальной расплате на Страшном суде появляется, по Ариесу, лишь во второй период средневековья, когда человеческую жизнь стали рассматривать как длительную процедуру, каждый акт которой юридически санкционирован. Соответственно «Книга жизни», в которую занесены заслуги и грехи каждого, стала трактоваться как индивидуальный «паспорт» или «судебная справка, предъявляемая у врат вечности», и в этой мутации представлений о смерти и посмертном воздаянии якобы выявился «новый, бухгалтерский дух деловых людей, которые начинают открывать свой собственный мир»⁴⁷.

С этим заключением Ариеса нельзя согласиться. Более пристальное изучение источников показывает, что идея индивидуального суда, который вершится над душою умершего сразу же после его кончины, была хорошо известна и в начале средневековья; в частности, эта идея нашла свое выражение в рассказах о посещениях загробного мира, передаваемых церковными писателями VI—VIII вв. (Григорий Великий, Григорий Турский, Беда Достопочтенный, Бонифаций и др.). Подобно тому как в евангелиях можно найти одновременно обещания и Страшного суда «в конце времен», и осуждения грешника и оправдания праведника немедленно после кончины, на протяжении всего средневековья в сознании людей причудливо и вопреки логике (во всяком случае, нашей, современной логике) сосуществовали «большая» и «малая» эсхатологии: верили в то, что по завершении земной истории состоится суд над родом человеческим, и вместе с тем были убеждены, что над душою умирающего или умершего незамедлительно состоится индивидуальный суд.

Иными словами, понимание индивидуальной ответственности за прожитую жизнь, которое Ариес принимает за симптом распада средневекового мирозерцания и предвестие Ренессанса, на самом деле было присуще этому мирозерцанию изначально⁴⁸. Но сейчас нас занимает не убедительность тех или иных конкретных выводов, к которым пришел Ариес в своей во многих отношениях новаторской книге «Человек перед лицом смерти», а его интерпретация механизма связи между трансформациями ментальности и развитием со-

циальной структуры. Как видим, он склонен довольно прямолинейно выводить сдвиги в понимании человеческой личности из экономически ориентированного сознания горожан и купцов («новый, бухгалтерский дух»). Однако вскрыть корреляции между фактами общественного сознания («коллективным бессознательным» или «коллективным неосозанным»⁴⁹) и экономической этикой деловых людей не так-то легко. То, что было расценено Ариесом и его последователями как новый дух горожан и коммерсантов, на самом деле выражало специфическую трактовку человеческой личности, изначально присущую средневековому сознанию и обусловленную не какими-то социальными сдвигами, а христианским «персонализмом». Упомянутый двойственный аспект эсхатологии (сочетание «малой» и «большой» эсхатологии) был заложен в средневековом миропонимании.

Вызывает раздумья и интерпретация трехфункциональной модели социального строя средневековья в книге Ж. Дюби⁵⁰. Этот признанный мэтр «новой историографии» говорит о возникновении и судьбах учения о тройственном устройстве возглавляемого монархом общества (*oratores, bellatores, laboratores*). Он обрисовывает ту специфическую социально-политическую обстановку в Северной Франции, где в первой трети XI в. было впервые четко сформулировано это учение французскими епископами Адальбероном Ланским и Герардом Камбрейским⁵¹. Тем самым проясняется объективный смысл учения, согласно которому представители разных классов и слоев общества — духовенство, рыцарство и крестьяне — должны пребывать в социальной гармонии на благо целого. Эта архаизирующая действительные общественные отношения схема, возможно восходящая к общей индоевропейской трехфункциональной «идеологии», изученной Жоржем Дюмезилем, была призвана оправдывать, по мнению Дюби, сеньориальную эксплуатацию и — в ответ на сотрясение классовых барьеров крестьянскими выступлениями и сектами еретиков — внушить угнетенным массам мысль о богоустановленности существующих порядков и необходимости им повиноваться⁵². Укрепление «сеньориального способа производства» в период экономического развития после «феодальной революции» X—XI вв. (терминология Дюби) послужило, по Дюби, основой для быстрых, внезапных перемен в сфере идей. На более позднем этапе, в XIII в., эта идея социальной гармонии из области «воображаемого и «мечтаний» перемещается в область социально-политических институтов: *ordines* становятся сословиями.

Мы опять-таки не вдаемся сейчас в детали скрупулезного анализа материала, предпринятого Дюби. Но нельзя не задаться некоторыми вопросами. Дюби допускает существование связи между трехфункциональным учением средневековой церкви и индоевропейской «идеологией», иерархизирующей три взаимно дополняющие функции — функцию магического суверенитета, воинскую (олицетворение физической силы) и производительную. Между тем совершенно ясно, что Дюмезиль, выявивший эту троичную «идеологию» в различных культурах древности от Индии до Рима, подразумевал

под ней не «идеологию» в привычном значении этого слова, как сознательное теоретическое построение, призванное служить интересам определенной социальной группы или государственной власти; по Дюмезилю, эта общая «индоевропейская идеология» представляла собой комплекс мифов, ритуалов, эпических сказаний, религиозных и магических верований и каждая из трех функций воплощалась в фигурах богов, монархов, в институтах и социальных структурах. Поэтому если западноевропейская трехфункциональная теория действительно была связана с этой индоевропейской «идеологией», то, прежде чем стать идеологией в том прямом смысле, какой имеет в виду Дюби, она, очевидно, должна была быть предметом мифо-поэтического осмысления. Дюби этой предшествующей стадии не выявляет; по-видимому, ее невозможно обнаружить в сохранившихся памятниках. Но остается открытым вопрос: не выражала ли эта трехчленная схема (сформулированная церковными писателями XI в., несомненно, по-новому, более четко и с особыми целями) некую общую черту ментальности населения Европы в раннее средневековье? Дюби, видимо, не исключает того, что трехфункциональная схема присутствовала в сознании современников Адальберона и Герарда. Но если дело обстоит так, то изученная Дюби теория трех *ordines* («градаций», «разрядов», «состояний») была не произвольным созданием епископов, а переработкой схемы, которая восходила к более архаической стадии общественного сознания, когда эта схема лежала в основе мифа и ритуала доклассового общества.

Итак, «идеология» ли перед нами, точнее, только ли «идеология» или некое более сложное и неоднородное образование, вобравшее в себя как теологическую и политическую ученость высшего духовенства, так и элементы архаических представлений, верований, мифов? Речь идет не об одном лишь содержании сочинений Герарда и Адальберона, но прежде всего о восприятии подобных идей в ту эпоху: не отвечала ли схема трехфункционального устройства общества ментальным установкам всех его слоев, не могла ли найти эта теория определенных соответствий в мысли об органическом единстве артикулированного целого, которая присуща мифологическому сознанию? Наше сомнение состоит, следовательно, в том, не слишком ли решительно и безоговорочно «идеологизирует» Дюби западноевропейскую версию индоевропейского мифа, не поспешил ли он несколько с интерпретацией в терминах новоевропейской социально-политической мысли специфического феномена раннесредневековой духовной жизни, уходящего корнями, возможно, в глубокую архаику?

Этот вопрос упирается в более общую проблему: насколько была дифференцирована — по содержанию и социально — духовная жизнь в Европе раннего средневековья? По содержанию: была ли теология окончательно отделена от мифа? «социологическая мысль» от поэзии? (Именно такое сочетание находим мы в сатирической поэме Адальберона Ланского⁵³.) В социальном смысле: можно ли говорить применительно к изучаемому Дюби периоду средних веков

о двух культурах — «ученой», элитарной, церковной, с одной стороны, и народной, фольклорной, — с другой? ⁵⁴ Или же приходится предполагать существование в тот период более или менее общего фонда средневековой культуры, объединявшего — до известного этапа средневековья — обе эти культурные традиции, столь различные и по генезису своему, и по составу?

В отличие от Ле Гоффа и некоторых других исследователей школы «Анналов» Дюби проблемой народной культуры средних веков не занимается. Мало того, он, по-видимому, считает эту проблему основной, данью романтическому «народничеству». Отсутствие источников, исходящих непосредственно из народной среды, на его взгляд, делает невозможным доступ к сознанию простонародья. Его интересы при изучении средневековой культуры всецело ограничены высшим слоем общества, двором монарха, церковной и рыцарской элитой ⁵⁵. Культурные модели, создававшиеся в этой среде или для этой среды, распространялись и вульгаризовались в иных слоях общества, которым Дюби, как кажется, отказывает в культурной автономии ⁵⁶.

Однако едва ли он прав. Конечно, медиевист не располагает информацией, которая дошла бы до него прямо от крестьян, но существуют, как кажется, достаточно надежные способы вычленения данных о настроениях, взглядах и установках простонародья из памятников, созданных духовенством. После появления «Монтайю» Леруа Ладюри это кажется неоспоримым. Не следовало бы забывать, что многие жанры средневековой дидактической литературы были адресованы пастве, и на них, как на их форме, так и на содержании, лежит отпечаток своего рода «давления» аудитории на ученых авторов. В этих произведениях («примерах», житиях святых, проповедях, повествованиях о посещениях загробного мира и т. д.) можно обнаружить следы народной, фольклорной, традиции, специфического мировосприятия, существенно отличавшегося от официальной доктрины. Пренебрегать этим богатым и разнообразным материалом было бы ошибочно. Автор данной статьи, исследовавший подобные источники, пришел к мысли, что ученая и народная культуры в период раннего и высокого средневековья представляли собой различные традиции в контексте одной культуры. Можно предположить, что основу культурного и религиозного развития Запада в тот период составлял диалог-конфликт обеих традиций, которые находились в постоянном взаимодействии и противостоянии; правильно поняты они могут быть только в обоюдной соотношенности. По-видимому, даже прогрессирующая феодальная стратификация общества не уничтожила известной общности ментальности и основополагающих культурных форм, которые в той или иной интерпретации, определяемой социальной принадлежностью, уровнем образованности, доступом или отсутствием доступа к книге, степенью усвоения основ христианского учения и многими другими факторами, были достоянием всех членов общества ⁵⁷.

Нужно согласиться с предположением Дюби, что обе культурные традиции не отделяли резко элиту от народа и что их можно

обнаружить внутри сознания любого индивида. Но для того чтобы распознать элементы народной традиции в картине мира средневекового интеллектуала, необходимо предварительно исследовать эту традицию как таковую, не пренебрегать ею. К тому же невозможно забывать о том, что соотношение обеих традиций в среде *illiterati* и в среде интеллектуалов было весьма различным.

Вероятно, «трехфункциональную идеологию», изученную за последние годы рядом историков, но особенно полно Дюби, следовало бы рассматривать в более широком контексте. Мысль об органической включенности части в целое, каждого отдельного социального разряда — в общество как нерасторжимое единство, как своего рода «тело», все члены которого взаимно дополняют и поддерживают друг друга и жизненно необходимы для целого, эта мысль, несомненно, эксплуатировавшаяся духовенством, едва ли была достоянием или детищем одних только «теоретиков» средневековья — она скорее была разлита повсеместно, во всех отсеках коллективного сознания. И если с этим согласиться, то, может быть, некоторые утверждения в книге Дюби относительно связи трехфункциональной схемы с «феодальной революцией» и потребностями господствующего класса держать в узде трудящихся следовало бы сформулировать в более острой и более гипотетичной форме, ибо если такая связь и существовала, то едва ли она была столь прямой и непосредственной⁵⁸.

Ментальность и объяснение в истории

Спорные заключения, к которым иногда приходят видные представители «новой исторической науки», имеют отношение к проблеме «воображения» (*l'imaginaire*) и ментальности, ныне усиленно привлекающей интересы этих ученых. При всей несомненной плодотворности конкретно-исторического исследования ментальности самое понятие *mentalité* остается довольно неопределенным и даже, по выражению Ле Гоффа, «двусмысленным»⁵⁹. Не объясняется ли эта двусмысленность тем, что понятие «ментальность» не всегда достаточно четко отделено от понятия «идеология»? В самом деле, если одни историки изучаемого направления считают возможным, вслед за Февром, говорить о фундаментальной гомогенности мыслительных установок и чувственных восприятий людей, принадлежащих к одному обществу и одному времени (Ф. Ариес), то другие ставят под сомнение мысль о единстве видения мира и настаивают на необходимости конкретной «привязки» ментальных форм к тем или иным социальным группам (М. Вовель)⁶⁰. Более того, историю ментальностей некоторые историки (например, Э. Лабрусс, П. Шоню) называют «третьим уровнем истории» (*un troisième niveau de l'histoire*), подразумевая под первым уровнем экономику и под вторым — социальные отношения. Но не идентифицируют ли они тем самым ментальность с идеологией?⁶¹

Между тем ментальность — отнюдь не идеология, хотя и связана с ней. Историк ментальных структур работает на скрещении со-

циальной психологии с историей культуры. А это, в свою очередь, влечет за собой широкий и в высшей степени разнообразный круг вопросов, начиная с биологии и кончая историей искусства, лингвистикой и литературой.

Еще не так давно историки исходили из презумпции о том, что человек во все времена мыслил и чувствовал примерно одинаково, и поэтому для объяснения его поведения исследователь довольствовался «здравым смыслом», той системой реакций, которая присуща ему самому и его современникам. В результате вместо проникновения в духовный мир людей иных эпох и цивилизаций проецировали на их сознание собственное мировосприятие. После трудов Хейзинги, Февра и Блока уже нет сомнения, что видение мира человеком — не константа, что оно изменяется в зависимости от принадлежности его к определенной культурной традиции, социальной среде и от иных переменных, что человеческое сознание исторично. Историк ментальности и стремится постичь специфику мировосприятия людей изучаемой эпохи, способы мыслить и чувствовать, присущие данному обществу, тому или иному социальному слою в данную эпоху. Внимание исследователя направлено на то, чтобы вскрыть «духовное вооружение», «умственную оснастку» людей (*ouillage mental* — выражение Февра).

Изучение ментальностей началось сравнительно недавно, и тем не менее в этой новой для исторической науки области уже имеются достижения. Пионерами здесь, вслед за Февром, выступили А. Дюпрон, Ж. Дюби, Ж. Ле Гофф и Р. Мандру. В данном направлении плодотворно работают историки других стран. Уместно напомнить в этой связи имя советского ученого М. М. Бахтина.

Среди работ «новой исторической науки» во Франции, посвященных изучению исторической психологии, необходимо назвать наряду с уже упомянутыми выше трудами книгу Жан-Клода Шмитта «Святая борзая. Гинефор, целитель детей». Как и «Монтайю» Леруа Ладюри, книга Шмитта исследует проблему народной, или фольклорной, культуры средних веков и ее отношений с официальной церковной культурой. Святой Гинефор служил предметом поклонения крестьянок местности севернее Лиона. Женщины приносили к его могиле больных младенцев с тем, чтобы он их исцелил. Но парадокс заключается в том, что со святым идентифицировали борзую собаку! Шмитт мастерски анализирует легенду о собаке, по ошибке убитой своим хозяином — знатным владельцем замка, после того как она спасла от гибели его ребенка, и связанное с этой легендой описание магического ритуала, т. е. два существенных компонента фольклорной культуры. Как правило, историку трудно работать с фольклорными материалами — неизвестно, где и в какой период сложились и функционировали обрисованные в них обычай и ритуал. Однако в данном случае фольклорное предание оказалось не только «привязанным» к определенной местности, но и локализуемым во времени: сообщение о поклонении крестьян святому, которого они мыслили в образе собаки, содержится в «примере» инквизитора Этьена де Бурбон (около середины XIII в.), попытавшие-

гося уничтожить этот нечестивый культ, и в записи антиквара второй половины прошлого века (1879 г.) — на протяжении по меньшей мере шести столетий вера в святую собаку оставалась неискоренимой.

Исследователь захотел пойти дальше и выяснить исторические условия возникновения народной легенды и обычая исцеления детей, а также социальную функцию, которую выполняла эта устная традиция. Поскольку в записанном Этьеном де Бурбон предании говорится, что после несправедливого убийства собаки замок ее господина по воле божьей разрушился, Шмитт делает вывод об антифеодальной направленности этого повествования, отражающего, по его мнению, антагонизм между дворянством и крестьянством. Вероятно, продолжает Шмитт, легенда о собаке и культ святого Гинефора объединились в промежутке между концом XI и началом XIII в. То был период роста населения, расширения площади возделываемой земли и укрепления сельских общин, которые усилили свое сопротивление дворянству. Шмитт предполагает, что предание о святом Гинефоре отражает обострившиеся противоречия феодального способа производства. Мало того, эти верования, культы и представления играли активную роль в социальных процессах, формируя классовое сознание крестьянства⁶².

Парадоксальная ситуация — поклонение женщин псу как святому и вымаливание у него здоровья новорожденным — проливает свет на специфику народного сознания, которое не находило противоречия в том, чтобы в качестве святого почитали собаку. Подобных ситуаций немало в средневековой литературе, в частности в сборниках «примеров», составлявшихся для поучения паствы и, несомненно, вобравших в себя фольклорный материал. Церковная дидактическая литература, адресованная широким слоям прихожан, была ориентирована на их восприятие и потому может быть использована как источник для понимания ментальности и верований «бесмолвствующего большинства» феодального общества. Как раз в «низовых» жанрах средневековой церковной словесности можно обнаружить ценные свидетельства «гротескности» средневекового сознания и специфики народного, или «приходского», христианства, весьма далекого от официальной доктрины и теологической мысли⁶³.

Именно в этом смысле книга Шмитта представляет собой важный вклад в изучение истории средневековой ментальности, и в особенности народной культуры. Что же касается вопроса о соотношении ментальных структур со структурами социальными, то попытка связать предание и сопутствующий магический ритуал с трансформациями крестьянства и феодализма кажется менее убедительной. Шмитт справедливо замечает, что в исследуемом «примере» Этьена де Бурбон запечатлена не народная культура как таковая, но ее восприятие представителем «ученой» культуры. В таком случае встает вопрос: кому принадлежали слова о том, что дворянский замок «исчез по воле божьей и владения (где произошло убийство верного пса) загустели и обезлюдели», — крестьянам или инквизитору-доминиканцу? Анализ текста Этьена де Бурбон побуждает скло-

няться к мысли, что слова эти — не более чем обычная в устах духовного лица сентенция. Тезис Шмитта о том, что в «примере» выразился антагонизм крестьян и феодалов, остается не вполне доказанным. Еще менее убеждает предположение о том, что в этом «примере» выступает в перевернутом виде «трехфункциональная идеология»: крестьяне, установив культ святой собаки, присваивают себе «религиозный суверенитет» и противопоставляют себя рыцарю и инквизитору, отстаивающему монополию церкви на сакральную область жизни⁶⁴. Ничто, однако, не указывает на то, что крестьянки, предавшись идолопоклонству, отвергли церковь: собаку они почитали «в качестве мученика» (*canem tanquam martyrem honoraverunt*), т. е. явным образом смешивали христианство с суевериями. В этом смысле ситуация, изображенная Этьеном де Бурбон, типична для средневековой народной религиозности.

В рассмотренных работах при всех различиях между ними можно усмотреть общее — стремление проникнуть в тайны сознания людей далекой от нас эпохи и выявить особенности их мировосприятия, того понятийного и чувственного «инструментария», с помощью которого они осваивали мир. Изучение ментальных структур действительно выдвигается на передний план в «новой исторической науке» последних лет. Но все же говорить о повороте значительной части французских историков от изучения экономики к изучению ментальности, от «погреба» (*cave*) к «чердаку» (*grenier*) общественного здания⁶⁵ едва ли справедливо. «Чердак» интересует их не сам по себе, но как неотъемлемый отсек этого здания. Усиливающееся внимание к исследованию исторической психологии есть логический результат углубления исторической проблематики. Речь идет не о какой-либо «истории сознания», взятой в отрыве от реальной жизни человеческих коллективов, — ментальность по праву завоевывает свое место в истории социальной действительности, вплетаясь в ее ткань. Представители «новой историографии» пытаются уяснить исторический процесс в единстве объективной и субъективной его сторон.

Однако на этом пути их ждут новые трудности, и среди них — опасность несколько упрощенно и прямолинейно связывать процессы духовной жизни с социально-экономическими структурами. При чем если анализ ментальных явлений, как правило, осуществляется мастерски, с применением разнообразных методов современной науки (лингвистических, семиотических, структуралистских, этнологических, археологических, математических), то установление корреляций этих явлений с условиями материальной жизни общества нередко оказывается скорее декларативным, нежели обоснованным в материале. И мы вынуждены повторить вопрос: не является ли этот существенный недочет результатом невнимания, подчас демонстративного, к проблемам теории исторического познания? «Слишком часто историк, пренебрегая теорией, становится жертвой неосознанных и упрощенных теорий»⁶⁶. Это предостережение Жака Ле Гоффа кажется актуальным.

Представители «новой исторической науки» вольны не вдаваться в философию истории, может быть, это поприще скорее для философов, чем для историков. Но есть теоретико-познавательный аспект исторического знания, который мы, историки, никому передоверить не можем. Это весь круг вопросов гносеологии. Ведь, будучи погружены в исследование ментальности, духовной жизни людей прошлого, «новые» историки более, чем кто-либо, приближаются к раскрытию своеобразия гуманитарных наук. Сам материал, на котором они сосредоточивают внимание, по сути своей навязывает им проблему понимания человеком одной эпохи строя мыслей и поведения человека иной эпохи, т. е. проблему «диалога в истории». Обновление исторического знания едва ли может успешно идти без возвращения к дискуссии об особенностях «наук о культуре», об их специфическом статусе, об их радикальном отличии от «наук о природе», о характере культурологической герменевтики.

Ориентация французских медиевистов на «этноисторию», или «историческую антропологию», оправдываемая достигнутыми ими несомненными исследовательскими успехами, вместе с тем обнаруживает и известную односторонность, более того, ограниченность «новой исторической науки». Она остается чуждой другим направлениям современной гуманитарной мысли, прежде всего культурологии, с ее установкой на изучение не культурных «объектов», а субъекта культуры, не «вещей», а смысла, имманентно заложенного в культуре. В нашей науке культурология представлена трудами М. М. Бахтина и его последователей, но, насколько нам известно, не нашла должного и адекватного понимания у западных ученых. Эта «закрытость» французских историков для культурологической проблематики, как нам кажется, связана опять-таки с их настроенным отношением к теории и философии.

Огромный «задел» новых знаний о средневековье, о его духовной жизни и ее специфических особенностях, который дала современная «новая историческая наука», на наш взгляд, должен быть включен в более широкий и сложный культурологический контекст и только в нем может выявить всю свою познавательную значимость.

Одна из проблем, неизбежно возникающих перед современной историографией (не потому, что это новая проблема, а потому, что она должна быть поставлена по-новому), — проблема перехода от изображения структур к описанию событий, от синхронного анализа общества к исторической диахронии. Хорошо известно сознательное, «программное» пренебрежение школой «Анналов» событийной историей, которая была объявлена Блоком и Февром достойным «историзирующей историографии», «историей анекдотов». Сосредоточение внимания зачинателями нового направления на экономическом, социальном и культурном «срезе» истории было вполне объяснимо и оправдано той историографической ситуацией, в которой «Анналы» начинали и развивали свою деятельность. Однако не влечет ли за собой оставление истории событий за пределами поля зрения исследователя некоего нарушения принципа историзма и не содержит ли оно отказа исторического знания от одной из своих неотъемлемых за-

дач? Разве история вовсе перестала быть повествованием о фактах жизни людей, народов, стран и государств в их последовательной смене? В конце концов и самый анализ социальных структур призван дать объяснение все тех же человеческих деяний, политических событий, раскрыть их причины и условия. Без событийной истории структуры останутся неподвижными и безжизненными.

Влияние структурализма, перемещение внимания от «короткого времени» к «большим длительностям», несомненно, способствовало тому, что событиями стали пренебрегать. И в конце концов наступила реакция. Речь идет, разумеется, не о возврате к политической истории в старом ее понимании, как самодовлеющему рассказу о событиях, а именно о сближении события с детерминирующей его структурой, о роли событий в функционировании и трансформации самой структуры. Уже довольно давно Ле Гофф задался вопросом: возможно ли возвращение современной историографии к политической истории, и если возможно, то в какой форме?⁶⁷ Политическая история, по его мнению, возможна как «политическая антропология», как история, раскрывающая глубинный смысл конкретных событий посредством исследования символики, ритуала, эмблематики власти. Это в высшей степени актуальная постановка вопроса, и сам по себе такой семиологический подход не вызывает сомнений. Но указанным кругом явлений политическая история все же не исчерпывается, и в частности, история событий здесь все еще остается потесненной историей ментальностей.

В своей классической «Цивилизации средневекового Запада»⁶⁸ Ле Гофф прибегает к двухчастному делению основного изложения: «Историческое развитие» и «Средневековая цивилизация». Если в первой части отобразен ход социально-политической истории, то вторая дает по преимуществу статичную, структурную картину духовной жизни западноевропейского общества. Такое решение, продиктованное интересами дела и принесшее в данном случае ценные результаты, вероятно, не единственно возможное и не идеальное. Событийная история и цивилизация в книге Ле Гоффа разделены, если не оторваны одна от другой. Не был бы этот разрыв в какой-то мере преодолен в том случае, если б анализ цивилизации предшествовал описанию истории средневековья? Дело, разумеется, не в простом перевертывании последовательности частей; тем не менее не исключено, что если бы автору нужно было писать историю средневековой Европы вслед за анализом ее цивилизации, то самый подход к изложению хода событий и истории институтов был бы несколько другим — не был бы он поставлен в более тесную связь с очерком ментальностей? Как объединить структурный анализ с событийной историей, как проследить переход от одного уровня действительности к другому?

Один из путей решения вопроса о связи истории структур с историей событий намечает Дюби в книге «Бувинское воскресенье»⁶⁹. 27 июля 1214 г. — один из «дней, создавших Францию». Битва при Бувине рассматривается Дюби как точка, с которой

исключительно удобно обозреть социологию войны в начале XIII в., как узел, в который ученый собирает самые разные аспекты феодального общества, от рыцарской этики до коллективной памяти. Тем самым политическое событие становится проявлением социальной структуры, в котором фокусируется ее существо. Однако, по признанию Дюби, его занимало не столько само по себе историческое событие, хорошо известное, сколько восприятие его средневековыми историками, то, как оно было ими реконструировано, или, как он предпочитает выразиться, «создано» (*fabriqué*)⁷⁰. Иными словами, и в данном случае мы имеем дело, собственно, не с «историей событий», а с историей ментальностей. Психология создания исторического свидетельства — интересная и животрепещущая тема — не может заслонить от взора историка само событие, о котором повествует источник. В книге Дюби отдельно взятое событие раскрыто во всей возможной полноте, но вопрос о внутренней, органической увязке хода политической истории с более глубокими течениями общественной жизни тем не менее остается открытым⁷¹.

Историка ныне не может удовлетворить объяснение исторических событий простыми ссылками на закономерности социального и экономического развития. Причинность в истории не аналогична причинности в природе: не всякое действие однозначно вызывает всякий раз одно и то же следствие, и связь отдаленных материальных причин с человеческими поступками, индивидуальными и коллективными, столь сложно опосредована всем строем цивилизации, особенностями сознания и мировосприятия людей, которые выступают в качестве субъектов исторической деятельности, что без исследования этого мировосприятия и связанного с ним социального поведения исторические факты остаются как бы безжизненными — это факты «социальной физики», но не исторически конкретные деяния людей, обладающих чувствами, сознанием, создающими свою картину мира.

Именно поэтому исследование ментальности людей прошлого приобретает принципиальную важность, далеко выходящую за рамки собственно истории духовной жизни. Здесь нащупываются механизмы социокультурного поведения человека и группы, и без самого пристального изучения этих механизмов невозможно понять человеческие поступки, социальную деятельность людей, будь то деятельность экономическая, политическая, религиозная или какая-либо иная.

Позволим себе в заключение вкратце и в самой общей форме высказать некоторые суждения относительно места истории ментальностей в исследовании социальной системы. Мироощущение и мировосприятие людей данного общества, их верования, навыки мышления, социальные и эстетические ценности, отношение к природе, переживание ими времени и пространства, представления о смерти и загробном существовании, толкование ими возрастов человеческой жизни и т. п. в каждую данную эпоху взаимно связаны, образуют некую целостность. Эта «модель мира», или «картина мира», обусловленная как социальной и экономической действитель-

ностью, так и культурной традицией, включается в объективные отношения производства и общества. «Субъективная реальность» — то, как люди мыслят самих себя и свой мир, — столь же неотъемлемая часть их жизни, как и материальный ее субстрат. «Картина мира» определяет поведение человека, индивидуальное и коллективное.

Важнейшей категорией современной исторической антропологии является, на наш взгляд, именно социально-культурно мотивированное *поведение* людей. Материальные факторы их жизни, сами по себе, изолированные, еще не дают разгадки их поступков, ибо поведение людей никогда не бывает и не может быть автоматическим. Изменения рыночной конъюнктуры, война, рост производства или усиление эксплуатации еще не объясняют поведения участников исторического процесса. Все стимулы, исходящие из политической, экономической, социальной сферы, неизменно проходят сквозь «фильтры» ментальности и культуры, получая в них своеобразное освещение, и только в этом преобразованном — нередко до неузнаваемости⁷² — виде становятся движущими пружинами социального поведения. Следовательно, если при изучении экономической или политической истории не принимать во внимание этих «фильтров» ментальности, то возникает риск получить искаженную картину⁷³. Объективные процессы истории сами по себе суть лишь потенциальные причины поведения людей — актуальными, действительными его причинами они становятся, только будучи преобразованными в факты общественного сознания. Поэтому изучение концептуального и чувственного «оснащения» людей данного общества и данной эпохи — обязательное условие понимания их поступков.

В центре внимания историка не может не стоять, следовательно, социальное поведение людей — экономическое, политическое, религиозное — со всеми его мотивировками, сколь бы иррациональными и экзотичными они ни казались с точки зрения современного «здорового смысла». Историк, изучая далекую от него эпоху или цивилизацию, сталкивается с Другим (l'autre)⁷⁴; с людьми, которые руководствовались в своей жизни собственными ценностями, имели своеобразные представления о самих себе и о социальном и природном универсуме и выработали только им присущие «картину мира» и систему реакций на получаемые из этого мира импульсы. Историк ищет диалога с этим ушедшим в прошлое миром, с тем чтобы «возродить», реконструировать его. Условие успеха на этом пути — проникновение в тайну человеческого поведения, поведения человека в обществе.

* * *

Обзор трудов представителей «новой исторической науки» за последние годы, как нам думается, обнаруживает и несомненные достижения историков-медиевистов этого направления, наиболее оригинального и ведущего во всей западной исторической науке,

и трудности, которые перед ними возникли вследствие определенной ограниченности исследовательских и теоретических ориентаций, препятствующей им выйти на более широкие рубежи культурологии.

- ¹ Термин был впервые употреблен Анри Берром в 1930 г.
- ² Не симптоматично ли, что если в свое время Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф и другие историки, которые объединяются вокруг «Анналов», оспаривали возможность именоваться «школой» (см.: *Ле Гофф Ж.* Существовала ли французская историческая школа *Annales*? — Французский ежегодник, 1968, М., 1970), то ныне она сама себя так именует. Под «школой», однако, разумеется не доктринальная ортодоксия и не единство теории, а общность проблематики при множественности методов исследования и систем объяснения. См.: *La nouvelle histoire / Sous la direction de J. Le Goff et R. Chartier, J. Revel.* — SEPL. P., 1978 (*Les encyclopédies du savoir moderne*), p. 18, 29.
- ³ *Bloch M.* Apologie pour l'histoire ou Métier d'historien. P., 1949; *Блок М.* Апология истории. или Ремесло историка. М., 1973.
- ⁴ *Febvre L.* Combats pour l'Histoire. P., 1953; *Idem.* Pour une histoire à part entière. P., 1962.
- ⁵ *Braudel F.* Ecrits sur l'histoire. P., 1969.
- ⁶ *Le Roy Ladurie E.* Le territoire de l'historien. P., 1973, 1978. Т. I, II.
- ⁷ *Le Goff J.* Pour un autre Moyen Age. Temps, travail et culture en Occident: 18 essais. P., 1977.
- ⁸ Faire de l'histoire / Sous la direction de J. Le Goff et P. Nora. P., 1974. Т. I—III.
- ⁹ La nouvelle histoire. См. примеч. 2. Ср. также номер «Annales» (1979, № 6), посвященный 50-летию журнала.
- ¹⁰ La nouvelle histoire, p. 231. Ср.: *Le Goff J.* Pour un autre Moyen Age, p. 338 sq., 346 sq.
- ¹¹ В частности, отношение «новой историографии» к структурализму в целом сдержанное. Влияние понятийного аппарата структурального исследования на ряд историков этого направления не вызывает сомнения. В свое время специальный номер «Анналов» (1971, № 3—4) был посвящен теме «История и структура». Но вместе с тем в «Анналах» раздавались голоса и против «структуралистской реакции», несущей с собой «антиисторический терроризм» (1979, № 6, p. 1360—1376). Едва ли не под влиянием структурализма Леруа Ладюри выдвинул тезис о «неподвижной истории» (*l'histoire immobile*), как он обозначил историю XIV—XVIII столетий во Франции (*Le Roy Ladurie E.* Le territoire de l'historien, t. II), однако эта точка зрения не нашла поддержки у некоторых других ученых той же школы.
- ¹² *Le Goff J.* Pour un autre Moyen Age.
- ¹³ *Le Goff J.* La naissance du Purgatoire. P., 1981. Подробнее об этой работе Ле Гоффа см.: *Гуревич А. Я.* О соотношении народной и ученой традиций в средневековой культуре (Заметки на полях книги Жака Ле Гоффа). — Французский ежегодник 1982. М., 1984.
- ¹⁴ *Duby G.* Le chevalier, la femme et le prêtre. Le mariage dans la France féodale. P., 1981. См. рецензию Ю. Л. Бессмертного: Вопросы истории, 1983, № 2.
- ¹⁵ *Duby G.* Les trois ordres ou l'imaginaire du féodalisme. P., 1978; *Le Goff J.* Les trois fonctions indo-européennes, l'historien et l'Europe féodale. — *Annales* (E.S.C.), 1979, N 6. О работах Дюби см.: *Бессмертный Ю. Л.* Некоторые проблемы изучения общественного сознания Средневековья в современной зарубежной медиэвистике. — В кн.: Культура и общество в средние века. Методология и методика зарубежных исследований. Реф. сб. М., 1982, с. 20—30; *Он же.* «Феодалная революция» X—XI вв.? — Вопросы истории, 1984, № 1.
- ¹⁶ *Ariès Ph.* L'Homme devant la mort. P., 1977. Ср: *Tenenti A.* La vie et la mort à travers l'art du XVe siècle. P., 1952; *Vovelle G.* et *M.* Vision de la mort et de l'au-delà en Provence d'après les autels des âmes du purgatoire. XVe — XXe siècles. P., 1974.
- ¹⁷ *Ariès Ph.* L'Enfant et la vie familiale sous l'ancien régime. P., 1960.
- ¹⁸ *Le Roy Ladurie E.* Montailhou, village occitan de 1294 à 1324. P., 1975.
- ¹⁹ Ср. интереснейшее исследование итальянского историка К. Гинцбурга: *Ginz-*

- burg C. Il formaggio e i vermi. Il cosmo di un mugnaio del'500. Torino, 1976.
- ²⁰ Braudel F. La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. P., 1949.
- ²¹ Duby G. L'Economie rural et la vie des campagnes dans l'Occident médiéval. P., 1962; *Idem*. Guerriers et paysans. VIIe — XIIe siècle. Premier essor de l'économie européenne. P., 1973; *Idem*. Hommes et structures du moyen âge. Paris; La Haye, 1973; Histoire de la France rurale / Sous la direction de G. Duby et H. Wallon. P., 1976—1977. T. 1—4.
- ²² La nouvelle histoire, p. 344.
- ²³ Vilar P. Histoire marxiste, histoire en construction. Essai de dialogue avec Althusser.— Annales (É.S.C.), 1973, N 1, p. 166.
- ²⁴ Braudel F. Histoire et sciences sociales: la longue durée.— Annales (É.S.C.), 1958, N 4; *Idem*. Ecrits sur l'histoire, p. 41—83.
- ²⁵ La nouvelle histoire, p. 43—44.
- ²⁶ Le Goff J. Pour un autre Moyen Age, p. 349—420.
- ²⁷ Honegger C. Geschichte im Entstehen. Notizen zum Werdegang der Annales. M. Bloch, F. Braudel, L. Febvre u. a. Schrift und Materie der Geschichte. Vorschläge zur systematischen Aneignung historischer Prozesse. Frankfurt am Main, 1977, S. 37.
- ²⁸ La nouvelle histoire, p. 12—13, 235—236.
- ²⁹ Примером может служить небывалый успех книги Э. Леруа Ладюри «Монтайю». Книга стала предметом дискуссии среди профессиональных этнологов и антропологов. См.: Montaignou in Groningen. Verslag van een interdisciplinaire studiedag / Onder redactie van Dick A. Papoušek. Groningen, 1981.
- ³⁰ Stoianovich T. French Historical Method: The «Annales» paradigm. Ithaca; London, 1976.
- ³¹ Duby G., Lardreau G. Dialogues. P., 1980, p. 38.
- ³² Le Goff J. Pour un autre Moyen Age, p. 14.
- ³³ La nouvelle histoire, p. 30.
- ³⁴ Ср.: Annales (É.S.C.), 1979, N 6, p. 1352.
- ³⁵ La nouvelle histoire, p. 216.
- ³⁶ *Ibid.*, p. 240.
- ³⁷ Критический анализ «новой историографии» во Франции см.: Соколова М. Н. Современная французская историография. М., 1979; Афанасьев Ю. Н. Историзм против эклектики. Французская историческая школа «Анналов» в современной буржуазной историографии. М., 1980; *Он же*. Эволюция теоретических основ школы «Анналов».— Вопросы истории, 1981, № 9, с. 77—92; *Он же*. Вчера и сегодня французской «новой исторической науки».— Вopr. истории, 1984, № 8, с. 32—50.
- Далин В. М. Историки Франции XIX—XX веков. М., 1981, с. 171—257. Авторы названных работ в своей оценке «новой исторической науки» опираются на анализ трудов преимущественно тех ее представителей, которые занимаются проблемами новой и новейшей истории.
- ³⁸ La nouvelle histoire, p. 548.
- ³⁹ Duby G., Lardreau G. Dialogues, p. 39.
- ⁴⁰ Le Roy Ladurie E. Paysans de Languedoc. P., 1969. См. рец. на эту книгу А. Д. Люблинской и В. И. Малова (Средние века, 1971, вып. 34, с. 317—322)..
- ⁴¹ La nouvelle histoire, p. 387—388. Об опасностях, сопряженных с увлечением количественными методами (иллюзия научности и точности, паралич критического отношения к выводам и т. д.), говорят и Ж. Дюби, и Ж. Ле Гофф.
- ⁴² Эти заявления вызываются обычно конфронтацией историков группы «Анналов» с догматиками и вулгаризаторами марксизма. Вместе с тем важно отметить плодотворное сотрудничество представителей «новой историографии» с видными французскими историками-марксистами (П. Вилар, Г. Буа, М. Вовель и др.), нашедшее свое выражение, между прочим, и в энциклопедии «La nouvelle histoire», и в трехтомнике «Faire de l'histoire».
- ⁴³ См., например: Duby G. Les trois ordres..., p. 186, 189; Schmitt J.-C. La saint lévrier. Guinefort, guérisseur d'enfants depuis le XIIIe siècle. P., 1979, p. 228.
- ⁴⁴ La nouvelle histoire, p. 380. В то время как другие представители «новой исторической науки» чуждаются понятием «базис» и «надстройка», считая их неадекватными, у Дюби их можно встретить, равно как и понятия «произво-

- длительные силы», «классы», «классовая борьба» (с оговорками о специфическом содержании этих понятий в применении к средневековому обществу). См., например: *Duby G. Les trois ordres...*, p. 391; *Idem. Le Temps des cathédrales*. P., 1976, p. 52; *Idem. Le chevalier, la femme et le prêtre*, p. 23; *Duby G., Lardreau G. Dialogues*, p. 120, 125, 135, 156. Cp.: *Le Goff J. Pour un autre Moyen Age*, p. 14, 225.
- ⁴⁵ *Duby G., Lardreau G. Dialogues*, p. 118—119, 140.
- ⁴⁶ *Duby G. La féodalité? Une mentalité médiévale.*— In: *Duby G. Hommes et structures du moyen âge*, p. 103—110.
- ⁴⁷ *Ariès Ph. L'Homme devant la mort*, p. 107.
- ⁴⁸ Подробнее см.: *Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры*. М., 1981, гл. 4.
- ⁴⁹ Дюби, в отличие от Фрейда и Ариеса, убежден в том, что «inconscient collectif» не существует. См.: *Duby G., Lardreau G. Dialogues*, p. 102.
- ⁵⁰ *Duby G. Les trois ordres...*; см. рец. на эту книгу Ю. Л. Бессмертного (Вопросы истории, 1981, № 1, с. 164—168).
- ⁵¹ Не считая ее предвосхищения в конце IX в. в англосаксонском переводе трактата Воэция «De consolatione philosophiae».
- ⁵² *Duby G. Les trois ordres...*, p. 198. Cp.: *Le Goff J. Les trois fonctions...*, p. 1208.
- ⁵³ В древнескандинавской «Песни о Риге» (*Rígsþula*) воплощена своеобразная версия трехчленного деления общества — на рабов, свободных и знатных, разряды которых происходили от божества Рига и представляли собой последовательные ступени совершенствования творения. «Песнь о Риге» может быть квалифицирована как «мифопоэтическая социология». См.: *Гуревич А. Я. Норвежское общество в раннее средневековье: Проблемы социального строя и культуры*. М., 1977.
- ⁵⁴ *Le Goff J. Pour un autre Moyen Age*, p. 223 ff.; *Schmitt J.-C. «Religion populaire et culture folklorique.*— *Annales (E.S.C.)*, 1976, N 5.
- ⁵⁵ *Duby G. Le Temps des cathédrales. L'art et la société*. 980—1420. P., 1976.
- ⁵⁶ *Duby G. La vulgarisation des modèles culturels dans la société féodale.*— In: *Duby G. Hommes et structures du moyen âge*, p. 299—308; *Duby G., Lardreau G. Dialogues*, p. 78—80, 137.
- ⁵⁷ См.: *Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры*, с. 342—343; *Он же. О новых проблемах изучения средневековой культуры.*— В кн.: *Культура и искусство западноевропейского Средневековья*. М., 1981, с. 24 и след.
- ⁵⁸ «Сельскохозяйственный подъем питал расцвет романского искусства» (*Duby G. Le Temps des cathédrales...*, p. 65); переход от романского стиля архитектуры к готике связан с процессом урбанизации «и, таким образом, с развитием производительных сил» (*Duby G., Lardreau G. Dialogues*, p. 183). При всех уточнениях, которые далее следуют, установление подобных корреляций представляется все же несколько упрощенным.
- ⁵⁹ *Le Goff J. Les Mentalités: une histoire ambiguë.*— In: *Faire de l'histoire*, t. III, p. 76—94.
- ⁶⁰ *La nouvelle histoire*, p. 325; *Vovelle M. Idéologies et mentalités*. P., 1982.
- ⁶¹ Не показательно ли, что в энциклопедии «La nouvelle histoire» отсутствует статья «Идеология»? Вместо нее имеется лишь слово *Idéologie* с отсылкой к статьям: *Language, Littéraire, Mémoire collective, Mythe, Outillage mental, Sciences*.
- ⁶² *Schmitt J.-C. Le saint lévrier*, p. 223—231, 238—242.
- ⁶³ *Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры*, гл. 6.
- ⁶⁴ *Schmitt J.-C. Le saint lévrier*, p. 230—231.
- ⁶⁵ *La nouvelle histoire*, p. 319. Cp.: *Vovelle M. De la cave au grenier. Un itinéraire en Provence au XVIIIe siècle. De l'histoire sociale à l'histoire des mentalités*. Québec, 1980.
- ⁶⁶ *Le Goff J. Pour un autre Moyen Age*, p. 14.
- ⁶⁷ *Le Goff J. Is Politics Still the Backbone of History?* — *Daedalus*, 1971, Winter, vol. 100, N 1.
- ⁶⁸ *Le Goff J. La Civilisation de l'Occident médiéval*. P., 1965.
- ⁶⁹ *Duby G. Le dimanche de Bouvines*. 27 juillet 1214. P., 1973.
- ⁷⁰ *Duby G., Lardreau G. Dialogues*, p. 63, 87.
- ⁷¹ Более того, на страницах «Анналов» была предпринята попытка вовсе ото-

рвать событие от структуры. Б. Барре-Кригель утверждает, что историк не в состоянии задавать вопрос «почему», ограничиваясь описанием факта (т. е. отвечая на вопрос «как»). Реальная трудность объяснения в истории подменяется тезисом о невозможности такового. См.: *Barret-Kriegel B. Histoire et politique en l'histoire, science des effets.*— *Annales (E.S.C.), 1973, N 6, p. 1447, 1453 sq.*

⁷² Примеры социального поведения, кажущегося противоречащим экономическим потребностям общества, хорошо известны. В Европе раннего средневековья, как показали Блок и Дюби, при хронических неурожаях и голоде при производительных силах, деградировавших по сравнению с позднеримской эпохой, рыцари и знать нередко позволяли себе безудержное и иррациональное расточительство, без счета истребляя ценности (засевая поле монетами, сжигая свои конюшни вместе с дорогостоящими конями и т. п.), с единственной целью показать своему окружению собственную щедрость и широту. Эти демонстративные траты, продиктованные соображениями престижа, напоминают ритуал «потлача» у североамериканских индейцев, на значение которого в жизни «примитивных» обществ давно уже указывал М. Мосс.

⁷³ Обсуждая проблему ментальностей применительно к истории, Дюби в свое время отмечал, что Пфистер, столкнувшись с аномалиями в брачной жизни французского короля Роберта Благочестивого (король взял в жены родственницу), не нашел им иного объяснения, чем страстная любовь, и в результате впал в антиисторизм (*Duby G. Histoire des mentalités.*— *L'Histoire et ses méthodes. Encyclopédie de la Pléiade. P., 1961, p. 938—939*). В своей недавней книге о браке и семье в феодальную эпоху Дюби показывает, что матримонциальная политика королей и знати диктовалась противоречивой системой ценностей, включавшей как требования религиозного порядка, так и материальные и династические интересы. См.: *Duby G. La chevalier, la femme et le prêtre.*

⁷⁴ *Le Goff J. Pour un autre Moyen Age, p. 346, 348.*

ЖУРНАЛ «РУССКОЕ СЛОВО»
(1859—1866 гг.)
ОБ ИСТОРИИ НАРОДОВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Е. П. Аксенова

Вопросы истории и освободительной борьбы славянских и балканских народов с позиций революционной демократии нашли отражение в передовой русской публицистике 60-х годов XIX в.— журналах «Современник» Н. Г. Чернышевского и «Русское слово» Д. И. Писарева¹.

Оба журнала принадлежали к демократическому направлению, их деятельность вызывала одинаковую реакцию царского правительства. В 1862 г. издание этих органов было одновременно приостановлено на восемь месяцев, арестованы руководители журналов Чернышевский и Писарев, в 1866 г. оба издания были запрещены одним указом. Во всех цензурных документах «Русское слово» упоминается в связи с «Современником». Так, в 1861 г. цензор А. В. Никитенко писал, что «Русское слово» идет по стопам «Современника»... не подлежит никакому сомнению, что журналы «Современник»

и «Русское слово» производят у нас весьма важное влияние на массу читающей публики, особенно публики молодой»².

В работах советских исследователей нашли отражение различные аспекты деятельности журнала в целом и его сотрудников, прежде всего Д. И. Писарева³. Однако вопросы, связанные с освещением на страницах «Русского слова» проблем истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы, в этих исследованиях или совсем не рассматриваются, или им уделено недостаточное внимание. Именно этот аспект деятельности журнала является предметом настоящей статьи.

В первое время (1859 г.) журнал «Русское слово» не имел четко выраженного направления. Г. Е. Благосветлов, став редактором журнала в 1860 г., приглашает в него публицистов демократического направления — В. А. Зайцева, Н. В. Шелгунова, А. П. Щапова и др. С приходом в журнал Д. И. Писарева (1861 г.) окончательно определяется революционно-демократическая позиция «Русского слова», отстаивавшего материалистические идеи, демократизм, выступавшего против крепостничества и самодержавия.

Тематика материалов, затрагивающих историю народов Центральной и Юго-Восточной Европы, разнообразна, однако наибольшее внимание журнал уделял Венгрии и Польше. Журнал освещал национально-освободительную и революционную борьбу угнетенных славянских народов, резко критиковал политику правительств Австрии и Порты, разоблачал соглашательскую тактику либералов в славянских странах, полемизировал со славянофилами и панславистами в России.

На протяжении всего периода издания журнал «Русское слово» имел три отдела: в первом помещались художественные произведения (они в статье не рассматриваются) и научные статьи; во втором — критические статьи, библиографические заметки, сведения о русской и иностранной литературе; в третьем — смесь. Затем во второй отдел были введены разделы «Политика» (с июня 1860 г.) и «Современная летопись» (в 1861 г., с 1863 г. — «Домашняя летопись»), которые с 1863 г. заняли место в третьем отделе («Современное обозрение»); во втором отделе осталось лишь «Литературное обозрение».

За время издания в журнале было помещено около ста материалов о славянских и балканских народах, из них примерно треть — в первом отделе: это, как правило, серьезные исследовательские статьи, основанные на большом количестве источников и научной литературы. Остальные статьи, библиографические заметки, обзоры внутренней жизни России, внешнеполитические обозрения нашли отражение во втором и третьем отделах журнала. Если в статьях первого отдела рассматривались в основном исторические сюжеты, то в публикациях других отделов преобладали материалы о новейших событиях в жизни народов Центральной и Юго-Восточной Европы.

В «Русском слове» гораздо больше статей, чем в «Современнике», подписано полными фамилиями авторов или такими сокраще-

ниями, которые легко расшифровываются. Авторство многих материалов определено советскими исследователями. Среди авторов журнала прежде всего следует отметить тех, кто определял его революционно-демократическое направление. Это Д. И. Писарев, Г. Е. Благосветлов, Н. В. Шелгунов, В. А. Зайцев, Д. Д. Минаев. Близки к этому кругу были французский публицист Э. Реклю, русский историк Д. Л. Мордовцев. Журнал нередко печатал статьи ученых, принадлежавших к либерально-буржуазному или славянофильскому направлению в историографии (С. Н. Палаузов, Н. И. Костомаров, П. А. Лавровский, А. А. Майков), так как их статьи содержали интересный фактический материал об истории и современном положении славянских и балканских народов. До утверждения революционно-демократической платформы журнала на его страницах печатались авторы либерально-буржуазных и славянофильских взглядов. По славянским и балканским вопросам на страницах «Русского слова» выступали Ап. Григорьев, А. Лохвицкий, Р. Орбинский, В. Водовозов, А. Милуков, В. Шульгин и др. В своих статьях они касались вопросов древней истории славян, истории Польши конца XVIII в., истории Австрийской империи и подвластных ей народов после революции 1848 г. и др.

Вопросам древней истории славян журнал «Русское слово» уделял немного внимания. В статье известного русского филолога академика Ф. И. Буслаева «Древнейшие эпические предания славянских племен» автор, придерживавшийся взглядов так называемой «мифологической» школы, идеализировал древний народный быт. Обширные исторические сведения в статье дополняются данными о развитии народного поэтического творчества, автор видит глубокую связь истории русской поэзии с народным бытом и с эпохами мифологического развития славян»⁴. Буслаев выступал против славянофильских построений о национальной исключительности славян. Он писал: «Безусловные ревнители славящины думают воздать особенную честь славянским племенам, приписывая им великое значение в доисторических судьбах Европы и даже объясняя все древнейшие основы немецкого быта каким-то славянским влиянием» (1860, № 10, отд. 1, с. 259).

Свою концепцию истории народного поэтического творчества предлагал писатель и историк Д. Л. Мордовцев. В критической статье, посвященной разбору книги Ф. И. Буслаева «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» (СПб., 1861), он, положительно оценивая найденные Буслаевым основы взаимного «сродства в мифологическом элементе славянских сказок», попытался выявить причины общности, общие закономерности в развитии народного творчества (хотя и идеалистически понятые им). Он писал о поразительном тождестве «преданий русских с преданиями других славян, которое положительно заставляет убеждаться, что сходство народных преданий лежит не в одном племенном сродстве языков и национальностей, а составляет результат общих, непреложных законов развития человеческого духа» (1861, 3, 2, 25–26).

Историк и этнограф Н. И. Костомаров выступил на страницах

журнала со статьей «О значении критических трудов К. Аксакова по русской истории». В статье Костомарова наиболее существенным является признание «родового быта» «первою общественною ступенью, через которую проходили все народы, и в том числе славянские...» (1861, 2, 1, 8).

Большее внимание уделено в «Русском слове» средневековой и новой истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы.

Либерально-буржуазный историк С. Н. Палаузов, сочувственно относившийся к идеям русских революционных демократов и активно сотрудничавший в журнале «Русское слово», поместил на его страницах две большие работы, касающиеся истории Венгрии XV—XVII вв. Одна из них, «Ян Гуниади» (1860, 11, 1, 1—66; 12, 1, 1—84), посвящена видному венгерскому военачальнику периода правления польско-венгерского короля Владислава III. На широком историческом материале автор показывает борьбу венгерского, польского, сербского, болгарского и румынского народов против Османской империи, ряд блестящих побед союзных войск, которые доказывали, что при единстве действий можно вести успешную борьбу с общим врагом. Однако постоянные междоусобицы различных группировок венгерской знати, ненадежность союзников (измена Г. Бранковича) ослабляли силы. Кроме того, автор показывает, насколько несостоятельными были надежды Венгрии на помощь в войнах с Османской империей со стороны Рима, Венеции, Византии. Автор стремится проанализировать причины неудач этих антиосманских коалиций (1860, 11, 1, 65). Палаузов показал Яноша Хуньяди не только как героя борьбы с османскими завоевателями, но и как борца против засилия магнатов, политического деятеля, чьи реформы несколько улучшили положение крестьян и бедных горожан (1860, 11, 1, 65; 12, 1, 49—50). Освещая образ полководца, автор стремился подчеркнуть именно эту сторону его деятельности, в известной степени идеализируя его и оставляя в тени тот факт, что сам Хуньяди был крупным феодалом.

Работа С. Н. Палаузова «Реформа и католическая реакция в Венгрии» (1860, 9, 1, 76—131; 10, 1, 1—66) посвящена тому периоду истории, когда Венгрия подпала «под верховную власть австрийского дома» и в борьбе с ним прибегала даже к помощи Порты (осада Вены). Автор статьи критикует политику Австрии, которая стремилась «задушить независимость и народность мадыарскую» (1860, 10, 1, 26); он ставит вопрос о праве каждого народа на свою национальную независимость (1860, 9, 1, 77). Исследуя восстания венгерского народа против Габсбургов, автор приходит к справедливому выводу, что «ни одно из... восстаний не имело характера религиозных распрей: они были чисто политического направления и вопрос, который они стремились разрешить, был тот самый, который и в настоящее время бродит в народах юго-востока Европы. Это был вопрос своеобразного народного развития» (1860, 10, 1, 65).

Статья близкого к славянофильским кругам ученого-слависта А. А. Майкова «Присяжный суд у южных славян» (1861, 10, 1, 1—67) явилась результатом его исследования сербских юридических

памятников. Рассматривая возникновение суда присяжных, автор замечает, что это учреждение появилось у разных народов на определенной стадии развития; суд присяжных в Сербии возник самостоятельно, «из славянского воззрения и славянских отношений» (Там же, 66). Падение этого учреждения автор связывает с утратой народом «первичного самоуправления», с потерей «народной свободы» (Там же, 2, 67). Хотя Майков, безусловно, идеализирует «самобытное жизненное воззрение» сербов, «самородный славянский дух» и прочие «народные начала», его высказывания звучат вполне в духе времени, когда южнославянские народы боролись за свою национальную независимость. Так, он высоко отзывается о праве «устного, открытого совещательного суда», считает, что «уважение прав личных и имущественных, прав человека и гражданина составляет самую светлую сторону средневековой Сербии» (Там же, 16, 39).

Учение Я. Гуса и гуситское движение упоминаются в двух статьях Н. В. Шелгунова: «Начала общественного быта» (1863, 11—12, 1, 1—50) и «Прошедшее и будущее европейской цивилизации» (1864, 5, 1, 1—56). Он характеризует Гуса как человека «высокой учености и чистой нравственной жизни», который восставал «против безнравственности духовенства, явился горячим проповедником нового учения. Гуса обвинили в ереси и сожгли» (1864, 5, 1, 39). Причину поражения Шелгунов видел в малочисленности борцов за новый образ мыслей (Там же, 45). Этот намек можно рассматривать в связи с волновавшими революционных демократов вопросами боевой организации борцов, способной повести за собой народные массы. Народ, не руководимый никем, во время восстаний способен, как считает автор, на «ненужные жестокости». Он приводит в пример гуситскую войну, когда народ «шел на защиту своих религиозных убеждений» и «жег церкви, разрушал монастыри и не давал пощады духовенству». Однако, пишет Шелгунов, эти проявления жестокости станут понятны, если знать причину, вызвавшую их: «народ мстил за Иоанна Гуса. Казнь этого мученика благородных убеждений нельзя назвать иначе, как возмутительным злодейством» (1863, 11—12, 1, 15—16).

Определенное сравнение с современным положением народов Австрийской империи можно усмотреть в замечаниях Шелгунова о реформах австрийского императора Иосифа II в статье «Исторические очерки (XVIII столетия)» (статья 1-я, 1864, 11, 1, 31—74). Автор критикует политику монарха, который «не признавал национальности в своих пенемецких владениях и хотел венгерцев, богемцев, итальянцев и бельгийцев сделать австрийцами» (Там же, 64). Кроме стремления к онемечиванию других народов, Иосиф II вызывал недовольство провинций посягательством на их политические права. Так, пишет Шелгунов, венгров «он заставил бояться за свою конституцию тем, что вместо прежнего обычая короноваться в Пресбурге он велел привезти венгерскую корону в Вену и не присягнул венгерской конституции» (Там же, 65).

1861—1863 годы были периодом подъема национально-освободительной борьбы польского народа. Не имея возможности из-за цензуры открыто выступить в поддержку этого движения, редакция «Русского слова» все же нашла возможность высказаться по польскому вопросу, опубликовав статьи Д. Л. Мордовцева и Л. Полонского⁵, основное внимание в которых уделялось истории Польши XVIII в. Из писем редактора журнала Г. Е. Благосветлова Д. Л. Мордовцеву (от 21 мая и 31 августа 1861 г.) мы узнаем, с каким трудом журналу удавалось отстаивать передовые взгляды. «Спрашивал у двух цензоров,— пишет Благосветлов,— относительно возможности писать о раздельной Польше. Оба в один голос отвечали, что все зависит от приемов, как будет сказано и с какой целью... Если обопретесь на силу фактов и в них отразите вашу идею — работа примется цензурой и пройдет ее дыбу невредимой». А в другом письме он сообщает, что статья «Выдержка из истории Польши» «наконец прошла цензуру и прошла очень благополучно»⁶.

Эта статья была напечатана в сентябрьской книжке журнала за 1861 г., а через несколько месяцев была опубликована другая, под названием «Падение Польши» (1862, 1), являющаяся окончанием первой. Обе они посвящены разделу Речи Посполитой между тремя европейскими державами. Автор справедливо считает, что не имеет никакого значения, «кому первому пришла мысль распорядиться в чужой земле... когда земля эта была давно открыта для всякого постороннего вмешательства»; он считает раздел Польши «вопиющей несправедливостью» (1861, 9, 1, 1—2). Мордовцев замечает, что в действиях польских конфедератов не было единства, общего плана, отрицательно сказалась борьба между различными партиями магнатов и шляхты. Поляки, писал он, «даже не понимали, что существенным спасением для них было полное единодушие, общность интересов и стремлений, а не разделение на партии» (Там же, 32—33). Автор подчеркивает неизбежность гибели государства, «правители которого ради личных интересов забывают интересы народа», и народ «в самую отчаянную минуту жизни королевства» отплатил «правительству полным равнодушием к его несчастьям» (Там же, 14, 67).

Такая демократическая постановка вопроса была обусловлена верой автора в то, что только народ может быть основной силой в борьбе за единую и неделимую Польшу, в то время как конфедераты «защищали не Польшу, а то сословие [шляхту.— Е. А.], которое и было причиною несчастья всей страны» (1862, 1, 1, 3)⁷. Мордовцев пишет, что народ, угнетенный шляхтой, не пришел ей на помощь, в то же время он «не выгонял из своей земли чужих солдат, потому что скорее желал бы выгнать свою шляхту» (Там же), желал, чтобы «не мучили его войнами, поборами, грабежами, судебною волокитой и шляхетским произволом...» (Там же, 27).

Автор показал лицемерие европейских держав, участник раздела, которые отрывали у Польши «огромные провинции и еще грозили большими потерями, а между тем провозглашали, что они ни о чем

другом не заботятся, как только о благе Польши» (Там же, 37). В заключение Мордовцев приходит к выводу, который перекликается с проблемами, стоящими перед Польшей в 60-е годы XIX в. Он пишет, что Речь Посполитая погибла «не вследствие насилий соседних держав, а вследствие внутренних застарелых болезней в организме государства: неумение правительственных сословий ошастливать народ, деморализация высших классов — естественное последствие существования крепостного права... — вот причины падения Польши» (Там же, 44).

Едва ли не все материалы «Русского слова» по древней, средневековой и новой истории славянских и балканских народов были подчинены определенной идее: путем обращения к историческому прошлому напомнить читателю о событиях настоящего. Этим событиям отводится значительное место в журнале, несмотря на все чинимые цензурой препятствия.

В первой половине 60-х годов перед многими народами Центральной и Юго-Восточной Европы стояла проблема достижения национальной независимости. Теоретические аспекты национального вопроса рассматриваются Г. Е. Благодетелевым во внешнеполитическом «Обзоре современных событий» (1861, 4, 2, 1—7). Причины национально-освободительных движений он видит в политике угнетения рядом держав национальных особенностей подвластных им народов и подавления их самостоятельного развития «посредством военного деспотизма и необузданного произвола» (Порта) или «посредством искусственно придуманной административной системы» (Австрийская империя) (Там же, 2). Он признает за каждым народом право на национальную независимость и самостоятельное существование, «потому что индивидуальная жизнь народов имеет такое же право на уважение, как и индивидуальная свобода отдельного лица» (Там же, 1). Говоря о стремлении к воссоединению разрозненных частей нации (Ионические острова, Дунайские княжества), Благодетель подчеркивал, что в таких случаях «народности ищут простого национального слияния, не соединяя с ним других, более жизненных вопросов: такое явление можно назвать химическим сцеплением родственных элементов, оторванных от своего органического тела» (Там же). Признавая естественность таких стремлений народов, автор, подобно Н. Г. Чернышевскому, видит две тенденции в решении национального вопроса: национальную и интернациональную. Он справедливо указывает: «...мы не думаем, чтоб понятие „национальность“ можно было принять за идеал желаний современной эпохи». Кроме национальных интересов, считает он, должны учитываться «принципы общие и более важные — всемирная солидарность людей, разделенных на отдельные группы...» (Там же, 2).

Из приведенных высказываний видно, что решение национального вопроса Благодетель не отделяет от решения социальных задач: «...вопрос национальностей становится только тогда жизненным вопросом, когда с ним соединяется социальное движение народа; если нация ищет в нем не просто племенной независимости или непри-

косновенности своих преданий, но и общественного прогресса; только в таком виде национальное движение из бессмысленной борьбы международных антипатий переходит в область разумных явлений» (Там же, 3). Так с позиций революционного демократизма на страницах «Русского слова», как и в «Современнике», решались вопросы национального развития народов в тесной связи с социальными преобразованиями.

Большинство материалов о национально-освободительной и революционной борьбе славянских и балканских народов XIX в. сосредоточено во внешнеполитических и внутривосточных обзорах, критических статьях, библиографических заметках, фельетонном обзоре «Дневник темного человека», а также в публицистических и научных статьях первого отдела журнала.

О политике правительства Османской империи в отношении христианских подданных, о внутреннем положении империи не раз упоминалось в разделе «Политика», где наиболее активно сотрудничали Г. Е. Благосветлов и французский революционер и публицист, будучий член Парижской Коммуны Мишель Эли Реклю (печатавшийся в «Русском слове» под псевдонимом «Жак Лефрэн»). В неподписанных заметках «Убийство на Востоке» и «Казни в Сирии» положение дел в Османской империи определяется следующим образом: «...издыхающая держава, пораженная всеми симптомами политической смерти, разлагается на наших глазах... Турция может более или менее продлить свое сомнительное существование, но не восстать от своего падения» (1860, 9, 2, 1). Показано, что османские правители утверждали свое господство над поработченными народами «на разъединении и внутренней борьбе народных сил». Высказывается уверенность, что империя «не способна радикально изменить отношения между христианами и османлисами» (1860, 10, 2, 16).

Автор одной заметки тонко подмечает, что Порты держится благодаря западным державам, которые не могут договориться о ее разделе (1860, 9, 2, 1). Он отмечает стремление к освобождению от османского гнета у болгар, сербов, румын, которые «давно мечтают об образовании отдельных и самостоятельных государств» (там же, 3). «Не надо быть пророком,— заключает автор,— чтоб предсказать... тот день, когда мера терпения для измученных райев* переполнится и они восстанут на голос свободы, против своих притеснителей» (Там же, 14).

В 1861 г. в одном из «Обзоров современных событий» Благосветлов четко высказал революционно-демократические взгляды на положение дел в Османской империи. Он определял ее правительственные реформы как «бесплодные», потому что «ветхое здание с подгнившим основанием требовало не починки, а совершенной переделки». Сравнивая империю с больным, которого лечили «разными припарками», он решительно высказывается за необходимость «радикальных средств» (1861, 6, 2, 2—4).

* Райя — податное немусульманское население империи.

В подцензурном журнале, где исключалась всякая критика решения крестьянского вопроса самодержавием, подобная оценка ситуации в Османской империи воспринималась как параллель с царской Россией⁸.

Сербии была посвящена специальная статья сербского либерала за подписью Ракича «Голос из Сербии» (1864, 5, 1, 71—88)⁹. Познакомившись со славянофильскими изданиями «Русская беседа», «Парус», «День», автор не нашел в них «той любви, которую, мы думали, любят нас наши братья-славянофилы...» Славянофилы не понимают, замечает он, «нашу прошлую жизнь, наше теперешнее состояние»; только на словах хотят «братским сочувствием поддерживать нас в наших справедливых и вполне законных стремлениях достигнуть возможно больше простору для свободного развития нашей политической и общественной жизни». И поняв те «ложные начала», на которых славянофилы «обещают свободу народам — свободу вместе с угнетением», сербский публицист приходит к заключению: «...их приторное сентиментальничанье, их гнилой романтизм, да еще в политических вопросах, решительно ни на что не годен». Справедливо, отмечает он, что без уважения «свободы и свободного развития каждой нации в отдельности и всех вместе» никогда не изгладится между народами «та ненависть, которая поддерживает их в рабстве, зажигает опустошительные войны, мешает братским союзам наций и правильному прогрессу в истории всемирного развития» (Там же, 71—72).

Дав резкую отповедь «навязчивым лжедрузьям», Ракич обращается к «Современнику». Он положительно оценивает статью Н. Г. Чернышевского «Самозванные старейшины» (Современник, 1862, 3, 2, 47—58), осуждающую славянофильское послание «К сербам» и показывающую, кто является истинными друзьями сербского народа (1864, 5, 1, 72—73).

Все дальнейшее изложение проникнуто полемикой с Ж. Склавом (Ж. Жуёвичем), который в статье «Славянский юг» (Современник, 1863, 6, 2, 259—274) «старался доказать русской публике», как считает Ракич, что сербы «еще не дозрели для политической свободы» (Там же, 73) (хотя на самом деле Жуёвич с позиций демократа упрекал своих соотечественников за недостаточную активность в борьбе, за ожидание помощи извне). Несмотря на полемический тон, статья Ракича содержит немало фактического материала о тяжелом положении Сербии под османским игом, о различных формах борьбы сербского народа за независимость, в частности о гайдучестве (Там же, 73—75). Ракич осуждает политику иностранных держав, «подставлявших сербский народ мечу османлисов» (Там же, 76), он отдает должное России, которая в 1812 г. помогла Сербии и «бухарестским договором гарантировала сербам их внутреннее управление», однако отмечает, что Россия делала это в той мере, «насколько ей нужно было ослабить Турцию» (Там же, 79).

Рассматривая события периода Первого и Второго сербского восстаний, дальнейшую историю Сербии вплоть до Святоандреевской

скупщины, Ракич в пылу полемики с Ж. Склавом заявляет, что сербский народ создал народную скупщину и все, «что сделано во имя свободы народа в Сербии, сделано было во время народного самоуправления» (Там же, 78). В то же время автор отмечает, что, когда в стране берет верх иностранное влияние «или когда собственное правительство присваивает себе деспотическую власть», тогда сербский народ «останавливается в своем правильном развитии» (Там же, 78—79). Ракич, подобно Жуёвичу, сам упрекает сербов в том, что, изгоняя князей, «уничтожая правительство, они не уничтожили системы—основной причины их бедствий» (Там же, 83). Статья заканчивалась высказываниями в умеренно-либеральном духе, без призыва к борьбе, без упоминания о социальных требованиях народа. (Там же, 87).

О южных славянах пишет П. Лавровский, исследователь истории славянских языков и культуры славянских народов, в «Трехмесячном путешествии по Австрии» (1861, 1, 1, 1—33). Автор, занимавшийся славянской филологией, побывал в Сербии, Хорватии, Далмации и интересовался уровнем развития науки и литературы у славян. Он приводит сведения о славянских ученых, об издании памятников славянской истории. Однако, будучи приверженцем славянофильских взглядов, он видит «спасение славянства от раздробленности» в принятии единого (русского) литературного языка.

В подобных публикациях редакция ценила богатый фактический материал, отнюдь не разделяя идеологические позиции автора. Наоборот, редакция «Русского слова» неоднократно выступала против славянофильских теорий, критиковала их «вечно фразистые, вечно неясные бредни о народности, о русской цивилизации, о будущем влиянии России на умственную жизнь Европы» (Писарев Д. Русский Дон-Кихот.— 1862, 2, 2, 110).

Редакция журнала, борясь с учено-литературной реакцией, схоластическим академизмом, отстаивала революционно-демократическое мировоззрение. В статье «Наша университетская наука» (1863, 7, 1, 1—75) Д. И. Писарев, говоря о годах, проведенных в университете, вспоминал с иронией «профессора Сварожича» (И. И. Срезневского), занимавшего кафедру славянских наречий. «Имя его было известно даже заграничным славянским ученым, считавшим его в невинности души ревностным апостолом славянской науки в единственной самостоятельной славянской державе» (Там же, 59). В таком же духе он пишет о своем университетском товарище М. (вероятно, В. В. Макушеве), для которого «существовал особенный славянский мир». О его славянофильских увлечениях Писарев писал: «Он с пафосом говорил о величии славянского имени... он любил драпироваться в мантию всеславянского патриотизма...» (Там же, 55, 56).

Высмеивает славянофилов и В. А. Зайцев в «Библиографическом листке», который он вел. Зайцев останавливается на взглядах историка и филолога В. И. Ламанского, разбирая его сочинение «Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях» (СПб., 1865). Публицист «Русского слова»

обращает внимание на то, что Ламанскому «хочется, чтобы все славянские народы заговорили по-русски» (1865, 3, 2, 82). Революционные демократы считали, что каждый народ имеет право говорить и писать на своем языке. В связи с этим Зайцев напоминает, что бывали случаи в истории, когда «завоеватели навязывали побежденным свой язык, но только как официальный» (намек на австрийскую политику онемечивания славянских провинций и на политику русификации Польши). Он высказывает уверенность, что в новых социально-политических условиях «русский язык делается господствующим между славянскими» (Там же, 83).

Русское славянофильство рассматривалось в журнале также в связи с общественно-политическим движением славянских народов, направленным на объединение славян в борьбе за национальные права. Этому посвящена часть статьи Н. В. Шелгунова «Три народности» (1864, 6, 1, 123—154). И хотя Шелгунов уделил вопросу о славянском единстве значительно меньше внимания, чем А. Н. Пыпин в своих статьях в «Современнике»¹⁰, оба высказывают сходные мысли. Шелгунов считает, что славяне вместе с романскими и германскими народами принадлежат «к высшему человеческому типу», хотя в течение долгого времени они подчинялись «умственному и материальному влиянию» немцев. Только в XIX в., указывает автор, у славянских народов «начало пробуждаться... вновь национальное чувство» (Там же, 145, 146). Именно это чувство вместе с сознанием своей силы, по мнению Шелгунова, «создало в славянах особенное настроение народного духа, известное под названием панславизма». В этом течении общественно-политической мысли, отмечает публицист, «выразилось стремление к общности, к соединению славян в одно громадное целое, поддерживаемое убеждением, что всемирно-историческое призвание славян заключается в обновлении всего европейского общества и в сообщении этому дряхлому, изжившему телу новых, свежих сил... Наше славянофильство есть один из оттенков этого направления». Подчеркивая полную нелепость рассуждений о «гнилости Запада» и о преимуществах той или иной нации, Шелгунов отстаивает единство законов развития: «В природе нет особых законов для каждой отдельной национальности». И хотя законы развития общества Шелгунов отождествляет с законами природы («В мире существует только один закон, управляющий материей... закон, управляющий природой, управляет и людьми...»), главное у него — признание общности путей развития всех народов (Там же, 146). Перспективу развития славянских народов Шелгунов видит не в осуществлении панславистских идеалов, а связывает ее с распространением знаний в массах, что будет способствовать созданию условий для сотрудничества разных народов (Там же, 147). Суждения эти, имевшие просветительский оттенок, выражали передовые, демократические взгляды автора.

Большое внимание на страницах «Русского слова» уделялось истории и современному положению Австрийской империи, борьбе венгерского и славянских народов с габсбургской монархией.

Материалы об Австрии (статьи, критические заметки, внешнеполитические обозрения и др.) нередко служили иносказательной формой для проведения параллелей с политикой России. Н. В. Шелгунов в своих «Воспоминаниях» писал: «И в это, и в последующее время «козлом отпущения» служила обыкновенно Австрия», которая «выручала писателей и учила читателей проницательности и умению понимать иносказания»¹¹.

Политике австрийского правительства по отношению к народностям, входящим в состав империи, посвящены монографические статьи С. Н. Палаузова «Австрия со времени революции 1848 г.» (1859, 11, 1, 369—426; 1859, 12, 1, 459—514) и «Политическое и этнографическое состояние народностей Австрии» (1861, 4, 2, 23—50). Обе статьи написаны на основании изучения автором трудов по истории Австрии и различных статистических данных. В этих статьях Австрийская империя характеризуется как «смесь разноплеменных народов», причем подчеркивается, что господствующая немецкая нация составляет безусловное меньшинство по сравнению с «остальным иноплеменным населением Австрии» (1859, 11, 1, 369—370; 1861, 4, 2, 23). Палаузов справедливо считает, что нельзя оправдать германизаторскую политику «превосходства австрийского над разнородными племенами, насильственно стянутыми под его скипетр»; что подвластные Австрии народы «точно так же любят народность австрийскую, как каторжник цепь, которою прикован к тачке» (1859, 11, 1, 394; 1861, 4, 2, 24, 27). Палаузов верно отметил тенденцию роста национального самосознания угнетенных народов империи, выдвигающих «свои притязания или на безусловную независимость, или на равенство отдельных племен, обитающих в ее границах» (1859, 11, 1, 370; 1861, 4, 2, 24).

Особое внимание уделяет Палаузов революции 1848 г. Относительно самого восстания 1848 г. он утверждает, что оно не было ни всенародным, ни демократическим по характеру (в Венгрии, Галиции во главе восстания стояло дворянство, аристократия) (1859, 11, 1, 406). Палаузов отмечает, что венгры проводили политику мадьяризации по отношению к невенгерским народам, населяющим Венгрию, поэтому, считает автор, славяне поддержали Австрию, приняли «сторону своих поработителей и массой восстали против венгров» (1859, 11, 1, 378—379; 1861, 4, 2, 41—42). Он упоминает о славянском съезде 1848 г. в Праге, на котором представители славянских народов империи приняли решение «собрать все свои силы для спасения империи», не подозревая, что «этим решается порабощение самой Чехии» и других земель (1861, 4, 2, 42).

В другой статье — «Венгрия в современных ее отношениях к Австрии», напечатанной в период отмены крепостного права в России и подъема освободительного движения, Палаузов изменил акцент. Он писал, что венгерская революция «как в своем возникновении, так и в дальнейшем развитии... носила чисто демократический характер», поскольку имел в виду, что основой движения были народные массы и что руководители восстания стремились

«осуществить начала французской конституции», т. е. отстаивали программу буржуазно-демократических преобразований. Он показал антифеодалную и национально-освободительную сущность революции, конечной целью которой считал освобождение «низшего народного класса» (крестьян) от феодального гнета и провозглашение равенства всех граждан (1861, 2, 1, 15, 19, 27).

Палаузов показал, что после подавления революции славянские народы не добились облегчения своего положения. Излагая проект федерализации славянских провинций известного чешского буржуазного деятеля, теоретика австрославизма Фр. Палацкого, Палаузов правильно подмечает, что «федерализм в Австрии вовсе не заключается в себе революционных элементов» (1859, 11, 1, 389). Однако и такие умеренные политические требования не устраивали австрийское правительство, которое, как показал Палаузов, стало оказывать еще большее давление на народности и старалось «всевозможными средствами сгладить их под одним господствующим германизмом» (Там же, 374). Конституция 4 марта 1849 г. не оправдала надежд славян; Палаузов называет ее явлением, «чуждым духу народностей Австрии», это лишь «общие места из конституционных учреждений других европейских держав» (Там же, 398—399).

Палаузов подробно останавливается на административных реформах, проводимых австрийским правительством после подавления революции, которые свидетельствовали об усилении централизаторской политики Австрии (1859, 12, 1, 498, 500—512). Опыт прошедшего с тех пор десятилетия дает автору право сделать вывод о непригодности для империи системы централизации, которая предполагает «единство народов и обычаев, единство духовных и материальных нужд народов»; усилия австрийской политики в этом направлении не достигли цели (Там же, 514).

Палаузов делает и еще один важный вывод: национальный вопрос в Австрии не решен (Там же, 504). Публицист намечает путь его решения: он в солидарности всех ненемецких народов Австрийской империи в борьбе против австрийского владычества. Автор указывает на наметившуюся тенденцию в этом вопросе: «...в настоящее время народности Австрии более и более сближаются для общей оппозиции». В частности, Палаузов отмечает возникшее понимание важности совместной борьбы у славян и венгров: «Безрассудная мысль мадьяризации с каждым днем сознается самими венграми, так что сближение словаков с этим народом день ото дня совершается с большим друг к другу доверием». Находя «несомненную связь» между ситуацией начала 60-х годов в австрийских землях и революционными событиями 1848—1849 гг., он подводит читателей к мысли о необходимости единства и решительных действий народов в деле своего освобождения, а не ожидания правительственных реформ: «...если народы эти,— читаем у Палаузова,— оставив правительство в стороне, приступят к обоюдному соглашению и единодушно примутся за дело собственного возрождения,

тогда самое здание Австрии, расшатанное уже во всех своих связях, разрушится неминуемо» (1861, 4, 2, 45, 36, 40, 24).

Позиция Г. Е. Благосветлова по вопросу о положении народов Австрийской империи с течением времени претерпела некоторые изменения. В 1860 г. она выразилась в его высказывании о том, что вопрос о существовании многонациональной империи не стоял бы так остро, «если б правительство Австрии стало дружественною связью всех народонаселений Дуная; если б оно просвещало, а не утешало их; если б оно употребляло двигателем не войско, не полицию, не бюрократию; если б оно перестало возбуждать между племенами скрытую неприязнь, забывая, что эти же племена в дни примирения обратятся на нее» («Хроника современных событий», 1860, 8, 2, 2).

Через год, когда усилилось революционно-демократическое направление журнала и революционизировались взгляды самого Благосветлова, в рецензии на воспоминания И. И. Срезневского и П. Дубровского о В. В. Ганке (1861, 8, 2, 71—79) он писал: «...стремления Австрии диаметрально противоположны стремлениям славянского мира» (Там же, 77). Не соглашаясь со славянофилами и деятелями славянского возрождения, Благосветлов решительно заявлял, что для возрождения Чехии «необходимо оторвать ее от мертвого тела Австрии» (Там же, 78).

Революционно-демократические позиции «Русского слова» по вопросу национально-освободительных движений нашли свое яркое отражение в большой статье Д. И. Писарева «Меттерних» (1861, 11, 1, 1—40; 1861, 12, 1, 1—44), посвященной многолетней деятельности главы австрийской дипломатии, его политике, которая стала символом европейской реакции. Острие писаревского памфлета было направлено не только против Австрии, но и против подобных ей режимов, прежде всего царской России. Типичность явлений, происходящих в российской, австрийской и других монархиях, подчеркивается Писаревым словами о том, что биография Меттерниха дает возможность «произносить суждение над целым типом политических деятелей, над целым направлением, над целою системою административных учреждений» (1861, 11, 1, 1). Автор характеризует Австрию, «составленную из самых разнородных элементов», как империю, которая «не могла сочувствовать никаким национальным стремлениям, потому что во всяком случае эти стремления должны были разорвать ее на составные части и прекратить ее существование» (Там же, 10—11). Чтобы этого не допустить, Меттерних принял «на себя роль главного тюремщика Австрийской империи» (Там же, 32). Однако национальный гнет и политика германизации, как показывает публицист, «пробудили в народе чувство национальной гордости и стремление к политической самостоятельности» (Там же, 20). Признавая право каждого народа на политическое самоопределение, Писарев подчеркивал усиление оппозиции правительству в разных землях империи перед революцией 1848 г.: «Чешские чины не уступали венгерским в силе оппозиции; национальные стремления с небывалою силою охватили Богемию

и выразились в науке, в литературе и политической жизни» (1861, 12, 1, 31). Страх перед революционным движением народов «лоскутной» империи заставлял даже такого реакционного деятеля, как Меттерних, идти на уступки, на реформы, «предлагать самые разнообразные либеральные меры», которые, однако, не «умиротворили» население (Там же, 32, 42 и др.)¹².

Н. В. Шелгунов, так же как и Д. И. Писарев, не раз подчеркивал бесполезность надежд на либеральные реформы, проводимые из-за страха перед революцией «сверху». Так произошло в Австрии после принятия конституции в 1861 г. Шелгунов в статье «Исторические очерки» (1864, 11, 1, 31—74; 12, 1, 1—26) проводит мысль, что необходимые преобразования могут быть осуществлены только путем принуждения, т. е. революционным путем (1864, 11, 1, 70). Недаром он приводит в пример Францию, где преобразования проходили «в республиканской форме и революционным путем» (Там же, 52)¹³.

Большое внимание «Русское слово» уделяло Венгрии, народ которой продолжал упорную борьбу за независимость.

В своей статье «Венгрия в современных ее отношениях к Австрии» (1861, 2, 1, 1—43) С. Н. Палаузов подчеркивал, что Венгрия никогда не составляла одного целого с Австрией, «имела собственную администрацию, привилегии, законы, язык, конституционное правление» (Там же, 25). Основное внимание он уделил австро-венгерским отношениям с 1849 по 1860 г. Он не оправдывает политики Венгрии в отношении славянских народов, но ответственность за раздоры между ними возлагает на Австрию, венское правительство. В результате народы «подняли оружие друг против друга в то время, когда менее всего следовало им вступать в братскую уособицу» (Там же). Палаузов с симпатией относится к борьбе венгерского народа и считает, что ничем нельзя оправдать те жестокости, «те неистовства, с какими австрийское правительство отмстило Венгрии» (Там же, 30). Автор подвергает критике централизаторскую политику Франца-Иосифа, ущемляющую национальные чувства венгров, которые и через десять лет после революции также готовы отстаивать свои права и угрожают императору «внутреннею войной» (Там же, 33, 34). Палаузов, как и публицисты «Современника», отмечал положительные изменения в отношениях Венгрии к народам Трансильвании, Баната, Крoации (Хорватии) и Славонии. Теперь, пишет он, «Венгрия имеет достаточно здравого ума и истинного патриотизма, чтобы [не]думать, будто порабощение этих национальностей, подчиненных австрийскому дому, может служить основанием ее собственной самостоятельности» (Там же, 39)¹⁴. Палаузов связывает успехи венгров в борьбе за независимость не с надеждами на либеральные реформы, а видит их «в окончательном разрыве с Австрией, гнет которой в последнее время сделался решительно невыносимым». Автор высказывает уверенность, что, заручившись поддержкой славян и румын и используя сложное общественно-политическое и социально-экономическое положение Австрии после поражения в войне с Италией, «Венгрия гораздо

более может рассчитывать теперь на счастливый исход дела, чем в 1848 г.» (Там же, 41, 42, 43)¹⁵.

В цикле внешнеполитических обзоров Жака Лефрени («Письмо из Парижа»), опубликованных в журнале в конце 1860 — начале 1861 г., было обращено внимание на отношение в Венгрии к так называемому Октябрьскому диплому 1860 г. Это был законодательный акт венского двора, дающий весьма урезанные автономные права коронным землям. Он имел своей целью заглушить недовольство в империи, однако это слабое ограничение абсолютной власти не удовлетворяло даже крупную австрийскую буржуазию. Обозреватель показал, что венгры отнеслись к нему «не только без всякого сочувствия, но с общим равнодушием» (1860, 12, 2, 7), они не верят в либерально-конституционные обещания императора, которые он дает под давлением общественного недовольства; они «подумывают о действительных правах и возвращении их» (1860, 11, 2, 7; 1861, 1, 2, 19).

Журнал не раз с позиций революционной демократии критиковал либеральный реформизм и, насколько это было возможно в подцензурном издании, проводил мысль о необходимости решительной революционной борьбы. Поэтому особенно актуальным в период подготовки и проведения реформ в Австрийской империи было опубликование в журнале материалов о революционном прошлом Венгрии и деятельности народного поэта и революционера Шандора Петефи. О нем пишет в «Литературной корреспонденции» (1861, 2, 2, 30—36) Э. Реклю¹⁶. Автор особенно подчеркивал близость поэта к народу, его служение народу, с которым он был «во время народных бедствий; он честно служил своей стране и в совете и на поле битвы, всегда и везде» (Там же, 33). Жизнь, борьба, поэзия Петефи посвящена статья С. Н. Палаузова «Александр Петёфи, венгерский поэт» (1861, 3, 2, 1—20). Автор подчеркивает демократизм Петефи, уже первые произведения которого, написанные простым, понятным языком, верно передающие характер народа, нашли отклик в сердцах венгров (Там же, 12). Петефи был «поэтом самого действия», который «пел войну за независимость, и тысячи воинов сходили под знамена предводителей». Его патриотизм и активные действия автор противопоставляет выжидательной позиции тех, кто вел «политические споры в разных народных собраниях», кто боялся развития революции (Там же, 17, 18).

Немало материалов «Русского слова» посвящено австрийской конституции, принятой в феврале 1861 г. Об этом писали в политических обзорах Жак Лефрени и Г. Е. Благосветлов. Лейтмотивом в их заметках звучит критика конституции и конституционных надежд. Один из «Обзоров современных событий» Благосветлова начинается рассуждением об «идее прогресса», которая включает в себя и отрицание, и созидание и «проводится в общественную жизнь не иначе, как среди постоянной борьбы новых начал со старыми верованиями и преданиями». Так, Австрия вела борьбу с прогрессивным движением входящих в нее наций и сама стала центром

революции (1861, 5, 2, 4, 5, 13, 14). В период революционной ситуации и проведения крестьянской реформы в России постановка вопроса о прогрессе, о реформах и революции была очень актуальной.

Говоря об австрийской конституции 1861 г., публицисты «Русского слова» прежде всего подчеркивали ее непригодность для Венгрии, которая требует «парламентского самоуправления» и независимости от Австрии (Там же, 14).

Характеризуя историческую систему правления в Венгрии как более прогрессивную по сравнению с бюрократической системой Австрии, Благосветлов в то же время отмечает недостатки венгерского законодательства, дававшего преимущества олигархической верхушке, притесняющей «de facto... тот же народ, который de jure имел равное с нею участие в самоуправлении» (1861, 7, 2, 19). С позиций революционного демократизма он ставит вопрос о том, что в конституционной нации «демократия возможна только при совершенном экономическом равенстве ее членов» (Там же).

Социальный аспект борьбы Венгрии за свои права нашел отражение и в политических обозрениях Ж. Лефрени. Он показал, как по-разному отнеслись к Октябрьскому диплому и Февральскому патенту представители различных классов венгерского общества. Венгерские магнаты, дворянская аристократия были вполне удовлетворены австрийской конституционной программой, «но она оказалась недостаточной» буржуазии, для которой «роль умеренной конституционной оппозиции везде и всегда была... последним идеалом». Развенчивая либеральный реформизм буржуазных деятелей, автор противопоставляет ему позицию народных масс, которая «отвечала единодушным отказом принять» конституционные акты, хотя, как с сожалением отмечает Ж. Лефрени, венгерский народ, измученный засухой и голодом, разоренный непосильными налогами, представляет из себя в основном пассивную и безгласную силу (1865, 7, 3, 80, 82, 83). Говоря о введении военных судов в Венгрии, о роспуске собраний, о налогах, собираемых при помощи военной силы, Ж. Лефрени с горькой иронией замечает, что все эти меры направлены на то, чтобы «устранить препятствия, мешающие развитию тех великих принципов благонамеренной свободы, которые управляют возобновленной Австрией» (1861, 11, 2, 18).

Подводя итоги анализа ситуации, сложившейся в Венгрии после февраля 1861 г., Благосветлов и Лефрени приходят к выводу, что, если Австрия не уступит требованиям Венгрии, спор между ними «разрешится оружием» (1861, 8, 2, 8). Благосветлов высказывался за более решительные методы борьбы: «Вынимая меч для борьбы, надо быть готовым не только для отражения, но и для победы» (Там же, 9). Подчеркивая, что на стороне Венгрии общественное мнение Европы, т. е. прежде всего симпатии передовых кругов европейских стран, в том числе и России, он все же акцентировал внимание на том, что Венгрии нужны «более действенные союзники — кроаты и чехи» (Там же). Ж. Лефрени показал, что предпосылки для такого объединения есть. Не веря больше обещаниям австрийского правительства, кроатский сейм отказался послать

своего депутата в рейхсрат (Там же, 16). Трансильвания отказывается созывать сейм (1861, 10, 2, 18). Будучи сторонниками солидарности народов в борьбе за национальные и социальные права, публицисты «Русского слова» выражали надежду, что в борьбе против Австрии венгры «будут поддержаны различными национальностями, окружающими их со всех сторон» (Там же, 23—24). Ж. Лефрень видел решение национального вопроса в Венгрии в федерации равноправных национальностей, населяющих Венгрию (венгры, словаки, сербы, румыны, немцы и др.): «...при помощи личной свободы и права ассоциации они могут без малейшего стеснения осуществить свои национальные стремления в пределах государственного единства» (Там же, 24).

Однако революционная ситуация 1860—1861 гг. в австрийской монархии не привела к распаду империи на составные части. Ф. Энгельс пришел к выводу: «Чтобы существовать, австрийская монархия должна поочередно натравливать друг против друга различные подвластные ей национальности» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 15, с. 244).

Оценивая обстановку в Австрийской империи в 1865 г., Ж. Лефрень с сожалением замечал, что Венгрия упустила момент, «чтоб нанести решительный удар Австрии», а венгерские либерально-буржуазные деятели, вроде Деака, уже готовы «смастерить сближение между обоими врагами» (1865, 4, 3, 20). Австрия готова «восстановить дуализм в монархии», но ей хочется «сохранить в то же время унитарную централизацию». Австрия опасается войны с Пруссией, поэтому, как верно заметил обозреватель, ей необходимо было «примириться с Венгрией» (1865, 7, 3, 84, 81). Венгрия, со своей стороны, с упреком отмечает Лефрень, никак не хочет отказаться от притязаний на господство над населяющими ее невенгерскими народами. Лефрень считает, что «примирение между племенами мадьярским и немадьярскими» или «разделение этих племен» уже невозможно произвести «каким бы то ни было проектом», намекая, что только революционная борьба угнетенных народов поможет их освобождению и от австрийского, и от мадьярского гнета. Венгрия, по мнению Лефрень, должна проникнуться убеждением, «что нет великой политики без правосудия» (1865, 4, 3, 21).

Польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX в. привлекало пристальное внимание русской публицистики. В те годы по отношению к польскому вопросу можно было судить о направлении того или иного периодического издания. Журнал «Русское слово», несмотря на цензурные притеснения, все же находил возможности, чтобы высказать свои революционно-демократические взгляды о праве польского народа на национальную свободу. В период восстания 1863—1864 гг. в Королевстве Польском материалы о нем находили отражение в таких разделах журнала, как «Дневник темного человека», «Домашняя летопись», «Политика».

Уже в 1861 г. журнал сумел опубликовать материал об усилении национально-освободительного движения в Польше. Так, автор

«Современной летописи» (внутреннего обозрения)¹⁷, ссылаясь на официальные сообщения из Варшавы, сообщает о манифестациях в польской столице и последовавших за ними арестах, о том, что в костелах поют революционные гимны и проводят сбор денег на революционные цели. Вслед за официальными источниками обозреватель сообщает (без комментариев и своей оценки), что 2 (14) октября в Царстве Польском введено военное положение (1861, 10, 3, 12, 13). Используя форму пересказа статьи из газеты «Le Monde», обозреватель «Русского слова» выделяет те места в ней, где говорится об использовании польскими революционерами религиозных чувств и настроений народа для расширения национально-освободительной борьбы. Подчеркивая, что не духовенству принадлежит «честь инициативы революционного движения в Польше», обозреватель обращает внимание читателей на то, что «подстрекатели» (т. е. революционеры), «желая возмутить массы и приготовить их к мысли об общем восстании, придумали ряд мнимо-религиозных мирных демонстраций» (1861, 12, 3, 20). Подобный стиль заметок был единственно возможным, чтобы материалы о Польше увидели свет, и вряд ли смущал читателей журнала, привыкших за иносказаниями видеть истинные взгляды редакции журнала. Часто факты, взятые из официальных источников, настолько красноречиво говорили сами за себя, что редакция давала их без каких-либо комментариев. Таковы, например, сведения «Современной летописи», извлеченные из отчета по управлению Царством Польским за 1859 г.: «Общественное благоустройство и народное образование выражается в следующих цифрах: тюрем — 109... медико-хирургическая академия — 1... варшавский благородный институт — 1...» и т. д. (1861, 8, 3, 26)¹⁸.

В 1862 г. Г. Е. Благосветлов в критической статье «Неизданные сочинения и переписка Н. М. Карамзина», помещенной в разделе «Русская литература» (1862, 3, 2, 54—70), упоминает записку Н. М. Карамзина «Мнение русского гражданина», в которой автор советует Александру I не восстанавливать Польшу. Критик «Русского слова» напоминает читателю, что и в начале 60-х годов вопрос о независимости Польши все еще не решен. С иронией замечает он, что «мнение Карамзина не имело ни малейшего влияния на решимость государя, потому что восстановление Польши было предметом задушевной его мечты еще несколько лет после этой записки...» (Там же, 63).

Генеральной темой передовой русской публицистики 1860-х годов являлась борьба с крепостничеством, освобождение крестьян. Когда в 1863 г. началось восстание в Королевстве Польском, публицисты журнала «Русское слово», как и вся передовая русская интеллигенция, надеялись, что польское восстание повлечет за собой всероссийскую крестьянскую революцию, которая свергнет самодержавие. Несмотря на усиление цензурных репрессий с началом восстания в Польше, редакция «Русского слова» всячески старалась выразить свои симпатии борющимся полякам и солидарность с ними.

Автор «Домашней летописи», одного из важнейших разделов журнала, во втором номере журнала за 1863 г., намекая на препоны цензуры, замечает: «Польский вопрос, который по существу своему также должен бы был войти в нашу летопись, разрабатывается более иностранными журналами, чем нашими, русскими; следить же за ходом событий, сообщаемых в депешах, значило бы повторять уже всем известное» (1863, 2, 3, 34). И далее обозреватель останавливается только на одном событии в Польше, тем самым подчеркивая его важность: это создание тайного революционного правительства, в руках которого должны сосредоточиться военные, финансовые, внутренние и иностранные дела (Там же).

В следующем номере журнала автор внутреннего обозрения смело заявляет: «Как ни щекотливо польское дело для нашего печатного слова, но мы с полной уверенностью решаемся говорить о нем» (1863, 3, 3, 4). И действительно, «Домашняя летопись» останавливается на политическом, национальном и других аспектах польского вопроса. В ней говорится о политической раздробленности Польши, «кусочки» которой «постоянно стремились слиться в преемное органическое тело» (Там же, 5). Напоминая об участии России в разделах Польши, «Летопись» упрекала царское правительство в том, что оно изменяло «естественное направление политики» и примыкало «к самой гнилой части Европы» (Там же, 6), т. е. проводило реакционную политику в отношении Польши вместе в Австрией и Пруссией.

Автор «Летописи» останавливается также на национальном аспекте борьбы поляков, их ненависти к русскому самодержавию. Он справедливо замечает, что у Польши и России немало общего: «географическое положение, сходство языка, расы, единство преданий, но все эти связи, более нравственные, чем политические, были отчасти отравлены историческими столкновениями». «Опыты прошлых веков доказали,— продолжает он,— что ничто так сильно не разделяет нации, как религиозные и политические противоречия» (Там же). «Домашняя летопись» отмечает тесную связь польского восстания и его «драматической обстановки» с социально-политическими условиями в царской России, от которых зависит «не только польский вопрос, но и множество других запутанных вещей» (1863, 4, 3, 1).

Как во внутреннем, так и в политическом обозрении журнале разоблачалась лицемерная политика правительств европейских стран, на словах выступавших в поддержку Польши, а на деле не оказавших ей помощи. Так, Ж. Лефреть писал, что с самого начала польского восстания было ясно, что такие правители, «как Наполеон III и Пальмерстон, не пойдут далее личных расчетов и какой-нибудь политической западни... Нет сомнения,— продолжал он,— что Польша, обманутая надеждами на постороннюю помощь, очутилась в самом ложном положении, какового не мог лучше приготовить ей самый мстительный враг ее» (1863, 7, 3, 25).

«Русское слово» не оставило без внимания и позицию той части русского общества, которую захлестнула волна полонофобства: это

были не только реакционные, но и либеральные, и славянофильские круги. Этот «искусственно подогретый патриотизм, который хуже всякой ненависти» (1863, 3, 3, 4), как писала «Домашняя летопись», проник в русское общество, и оно «принимает воинственное настроение и собирается забросать шапками Англию и Францию» (1863, 4, 3, 1), передовая общественность которых выступила в поддержку «мятежных» поляков¹⁹. Д. Д. Минаев в «Дневнике темного человека» высмеивает «решение» московских и петербургских дам «отказаться на все время, пока будут продолжаться смуты на западе, от ношения всяких заграничных материй и одеваться только в русские изделия», а также не подавать к столу французские вина (1863, 4, 3, 12, 13).

В «Домашней летописи» справедливо указывалось на сближение взглядов прессы славянофильского направления с периодикой официального курса после польского восстания. Говоря о «полемике» славянофилов с Катковым, автор «Летописи» очень точно подмечает, что «трудно вообразить более стройный унисон, какой мы находим в их органах» (1863, 8, 3, 10).

В одном из обозрений «Домашней летописи» с уверенностью говорится о том, что как бы ни разрешился польский вопрос — «оружием или путем мирных социальных реформ», с ним в конечном итоге будут связаны «радикальные изменения в международных отношениях». Автор имеет в виду независимость и целостность Польши, так как противопоставляет эти «радикальные изменения» тем полумерам, которые были характерны для международной политики при решении вопроса об Италии. Говоря о путях развития Польши, обозреватель «Русского слова» видит основной путь достижения цели в революционной войне, в которой огромную роль играют не религиозные и политические, а социальные и экономические факторы (1863, 7, 3, 36, 37, 38).

Имея в виду важность решения польского вопроса для развития борьбы за социально-экономическое освобождение русского народа, автор «Домашней летописи» писал: «Как бы сила событий ни разрешила польский вопрос, но Россия должна искренно желать разрешить его как можно скорее ради своих национальных интересов и как можно гуманнее» (1863, 3, 3, 6)²⁰.

Отзвуки событий 1863 г. слышны на страницах журнала и в 1865 г. В. А. Зайцев в статье «Перлы и адаманты русской журналистики» говорит о позиции либеральной газеты «Голос» (А. А. Краевского) по польскому вопросу (1865, 2, 2, 56—57). Н. В. Шелгунов в «Домашней летописи» негодуяюще писал о проявлении в определенной части общества тех «патриотических» чувств, которые одушевляли реакционные круги в 1863 г., а в 1865 г. «дают основание» возмущаться географическим учебником, назвавшем «исконное достояние России — ее западные окраины — Польшею», тем самым «попирая русское национальное чувство» (1865, 11, 3, 7).

В целом журнал «Русское слово», так же как «Современник», «Искра» и другие передовые издания, смело отстаивал революционно-демократические позиции в польском вопросе.

На страницах журнала «Русское слово» нашла отражение история Дунайских княжеств — Валахии и Молдовы, а также события, связанные с образованием Румынского княжества.

С. Н. Палаузов в статье «Австрия со времени революции 1848 г.» (1859, 12, 1, 459—514) остановился на проблеме отношения Австрии к Дунайским княжествам. Еще со времени императрицы Марии-Терезии, пишет автор, Австрия стремилась овладеть княжествами, что давало бы ей «стратегические выгоды» — защита империи с востока, а также экономические: через княжества шли торговые пути из Османской империи в Польшу, Россию, Германию; княжества богаты медными рудами, соляными копиями (Там же, 463, 465, 466, 467). Автор рассказывает о попытках Австрии овладеть княжествами после революции 1848 г., о дипломатических переговорах с Англией и Францией (Там же, 491). Палаузов показал, как, заняв в 1854 г. княжества «под благовидным предлогом защищать их от нападения русских», Австрия не хотела покидать их и после окончания Крымской войны и заключения мира, желая «временное занятие княжеств обратить в постоянное владение», а в связи с этим не хотела объединения Молдовы и Валахии, чтобы не дать «возродить национальную жизнь румынского народа» (Там же, 462, 469, 470).

Ж. Лефрень обращает внимание на румынские события в 1865 г., когда, по его словам, «социальный переворот в Молдово-Валахии делается очень вероятным» (1865, 7, 3, 86). Он определяет, что общее положение страны «весьма плохо», казна бедна, налоги тяжелы, а к этому примешиваются еще «интриги различных европейских держав» (1865, 8, 3, 110). Лефрень верно подмечает усиление социальных противоречий в румынском обществе. «Высшее и низшее сословия, — пишет он, — сильно раздражены друг против друга; крестьяне ненавидят бояр, а бояре безнаказанно угнетают крестьян» (1865, 7, 3, 86). Автор политического обозрения объясняет, почему ни тот ни другой класс не являются опорой Кузы. «Старое боярское сословие не может простить ему мер, принятых в пользу крестьян», поэтому «оно постоянно составляет заговоры». А крестьянство «сомнительно относится к реформам либерального Кузы и, не видя действительного облегчения своих насущных нужд, остается безучастным зрителем всех перемен», оно прежде всего хочет уменьшения налогов (1865, 8, 3, 110, 111). Касаясь политики Австрии в отношении Румынии, Лефрень высказывает предположение, что при возможных социальных переменах «Австрия не упустит случая вмешаться для восстановления порядка» и если займет княжества, то «вытеснить ее оттуда будет нелегко» (1865, 7, 3, 86).

В связи с буржуазной революцией 1862 г. в Греции журнал уделил внимание проблемам этой балканской страны²¹. Они нашли отражение во внешнеполитических обзорах Жака Лефрени (хотя заметки носят довольно эпизодический характер). Говоря о «разительном контрасте» между «славным прошедшим» Греции и ее «грустным настоящим», он упоминает о возможном «блестящем будущем» этой страны в том случае, если она достигнет националь-

ной самостоятельности и национального единства. А для этого нужно, справедливо замечает Лефрен, «чтоб Крит... Смирна и Византия не были под властью турок и чтоб англосаксонское племя избавило от своего покровительства Ионические острова» (1862, 1, 2, 31).

О развитии национального движения в Греции сообщается в мартовской книжке журнала. Автор обозрения подчеркивает, что, кроме лозунгов национального единства, греческая революция ставила и социально-политические вопросы: восставшие требуют роспуска палаты, «образования либерального министерства и назначения королевского принца, пользующегося симпатиею народа» (1862, 4, 2, 26). Для редакции главным было показать движение революционно настроенных масс против монарха и колонизаторов.

Подведем итоги. Журнал русской революционной демократии «Русское слово» в своих статьях, заметках и обзорах отводил большое место проблемам истории и современного положения народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Редакция журнала особое внимание уделяла актуальным вопросам национального и государственного развития славянских и балканских народов. С позиций революционной демократии освещались в статьях журнала вопросы национально-освободительной и революционной борьбы угнетенных народов. Именно этим объясняется преобладание в журнале публикаций об истории и борьбе венгерского и польского народов.

Журнал старался осветить все важнейшие события в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, хотя подчас довольно кратко и без анализа, преодолевая при этом препоны цензуры и вырабатывая особый стиль изложения материала, для которого характерны иносказания, недомолвки, намеки и политические заостренный подбор фактов. Все материалы по истории славянских, балканских народов и других стран служили в журнале определенной цели: освещая события с революционно-демократических позиций, редакция старалась оказывать влияние на рост революционных убеждений в демократических слоях русского общества, намекнуть о насущных проблемах внутреннего развития России.

В то же время славянские и балканские сюжеты на страницах журнала имели огромное самостоятельное значение, они отражали подход к проблемам истории и борьбы народов указанного региона со стороны передовой русской демократии, коренным образом отличающийся от решения этих вопросов славянофилами и буржуазно-либеральной прессой. В связи с этим представляют интерес публикации (хотя и немногочисленные), посвященные критике славянофильско-панславистских взглядов, а также разоблачению либерального реформизма.

¹ Об этом см. статьи: *Аксенова Е. П.* История народов Центральной и Юго-Восточной Европы на страницах «Современника» (1854—1862 гг.).— *Сов. славяноведение*, 1980, № 4, с. 43—56; *Она же.* История народов Центральной и Юго-Восточной Европы на страницах «Современника» (1863—1866 г.).— *Исследования по историографии славяноведения и балканистики*. М., 1981, с. 237—260.

- ² Записка А. В. Никитенки о направлении журнала «Русское слово». — Рус. арх., 1895, № 2, с. 225, 227.
- ³ *Варустин Л. Э.* Журнал «Русское слово», 1859—1866. Л., 1966. 252 с.; *Ионкина Т.* «Русское слово» — демократический орган 60-х годов XIX в.: Автореф. канд. дис. М., 1950; *Конкин С. С.* Журнал «Русское слово» и цензура в 1863—1866 гг. — Учен. зап. Стерлитамак. гос. пед. ин-та, 1962, вып. 8, с. 231—254; *Кузнецов Ф.* Журнал «Русское слово». М., 1965. 398 с.; *Соболев В. П.* Журнал «Русское слово»: Публицистика Д. И. Писарева. М., 1955. 44 с.; *Гусарова И. И.* Фельетонное обозрение Д. Д. Минаева «Дневник темного человека». — Учен. зап. МГПИ им. Ленина, 1964, № 213, с. 232—250; *Зильберман Е. Г.* В. А. Зайцев в журнале «Русское слово». — Вопросы истории и теории литературы, Челябинск, 1972, вып. 9/10, с. 204—224; *Кузнецов Ф. Г.* Е. Благодетель и «охранители». — Рус. лит., 1964, № 1, с. 165—178; *Сергеева Н. А.* Г. Е. Благодетель как редактор «Русского слова». — В кн.: Проблемы русской литературы. 1. Ярославль, 1966, с. 145—175; *Тростников В. П.* «Домашняя летопись» Н. В. Шелгунова. — В кн.: Русская литература XIX в.: Статьи по исследованию. М., 1959, с. 159—170; *Плоткин Л. Д.* И. Писарев. Жизнь и деятельность. М.; Л., 1962. 232 с.; *Дунавский В. А.* К вопросу о взглядах Д. И. Писарева на некоторые проблемы истории. — В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. М.: Наука, 1976, с. 338—345; *Ровнякова Л. И.* Вопросы национально-освободительной борьбы южных славян в русской демократической печати 1860-х годов. — В кн.: Взаимосвязи русской и зарубежных литератур. Л., 1983, с. 183—209.
- ⁴ Русское слово, 1860, № 10, отд. 1, с. 254. Далее ссылки на это издание даются в тексте и содержат указание на год, номер, отдел и страницы журнала.
- ⁵ *Полонский Л.* «Польша и Испания» Лелевеля. — Русское слово, 1863, № 11—12, отд. II, с. 51—64.
- ⁶ Цит. по: *Прохоров Г.* Шестидесятые годы в письмах современника. — В кн.: Шестидесятые годы. М.; Л., 1940, с. 488.
- ⁷ Л. Э. Варустин справедливо указывает, что статьи Мордовцева содержат предостережение революционным полякам 60-х годов XIX в. от ошибок конфедератов XVIII столетия (см.: *Варустин Л. Э.* Журнал «Русское слово»..., с. 91).
- ⁸ О позиции журнала «Русское слово» по вопросу внутривосточного положения в Османской империи см. также: *Варустин Л. Э.* Журнал «Русское слово», с. 206; *Кузнецов Ф.* Журнал «Русское слово», с. 65, 73.
- ⁹ Эта статья является, пожалуй, единственным примером некоторого расхождения взглядов редакций «Современника» и «Русского слова» по славянскому вопросу. Однако трудно с уверенностью сказать, была ли согласна редакция «Русского слова» со всеми мыслями, высказанными в либеральной по существу статье Ракича.
- ¹⁰ См. статьи А. Н. Пыпина «Два месяца в Праге» (Современник, 1859, 3, 1, 127—173; 4, 1, 323—370), «Вячеслав Ганка» (1861, 3, 2, 1—40), «Вопрос о национальности и панславизм» (1864, 1, 1, 185—214; 2, 1, 479—510; 3, 1, 81—113).
- ¹¹ *Шелгунов Н. В.* Воспоминания. М., 1923, с. 168.
- ¹² О статье Д. И. Писарева «Меттерних» см. также: *Плоткин Л. Д.* И. Писарев..., с. 64—66.
- ¹³ Об отношении Н. В. Шелгунова к либеральному реформизму и революции упоминается в кн.: *Кузнецов Ф.* Журнал «Русское слово», с. 237—238.
- ¹⁴ Ср.: Современник, 1859, 7, 3, 200—201; 12, 3, 339—340; 1861, 4, 2, 493; 7, 2, 189 и др.
- ¹⁵ Об отношении публицистов «Русского слова» к борьбе венгерского народа упоминается в кн.: *Варустин Л. Э.* Журнал «Русское слово», с. 70, 88.
- ¹⁶ Вероятно, Жан Жак Элизе Реклю, брат Мишеля Эли Реклю (Жака Лефрени), так как в объявлении редакции об издании журнала в 1861 г. говорилось, что из иностранных корреспондентов согласились участвовать братья Реклю.
- ¹⁷ Л. Э. Варустин приводит доказательства в пользу того, что в 1861—1863 гг. автором внутреннего обозрения был Г. Е. Благодетель. См.: *Варустин Л. Э.* Кто был автором внутреннего обозрения в журнале «Русское слово» в 1861—

1863 г.? — Учен. зап. ЛГУ, № 218. Серия филол. наук, 1957, вып. 33, с. 205—208.

- ¹⁸ Об отражении на страницах «Русского слова» польской тематики до временной приостановки журнала см.: *Соболев В. П.* Журнал «Русское слово», с. 10—11. Автор, к сожалению, очень кратко характеризует позицию журнала в польском вопросе в 1863 г., упоминая, что в основном о кровавой драме польского народа в тот период рассказывал русскому читателю «Колокол» Герцена (Там же, с. 11).
- ¹⁹ Образ «квасного патриота», олицетворяющего реакционную великодержавную политику русского царизма в польском вопросе, довольно часто встречался в то время на страницах сатирического журнала «Искра» (1863, № 28, с. 380; № 29, с. 391 и др.).
- ²⁰ Об освещении польского восстания 1863 г. в журнале см. также: *Варусгин Л. Э.* Журнал «Русское слово», с. 137—138, 237.
- ²¹ См. также: *Аксенова Е. П.* Отклики русской демократической периодики на греческую революцию 1862 г.— Вопросы истории, 1984, № 1, с. 175—179.

ИСТОРИКИ И ИХ ТРУДЫ

*

М. С. ОЛЬМИНСКИЙ — ОРГАНИЗАТОР И РУКОВОДИТЕЛЬ ИСПАРТА

Н. М. Михайлова

21 сентября 1920 г. В. И. Ленин подписал декрет об образовании «Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской коммунистической партии», за которой впоследствии закрепилось название Истпарт. Первоначально эта комиссия находилась в ведении Госиздата, а затем Народного комиссариата просвещения РСФСР. С 1 декабря 1921 г. Истпарт — Отдел ЦК РКП(б).

С момента образования Истпарт стал центром историко-партийных исследований. Это было не только исследовательское учреждение. В его функции входило собирание источников по истории партии, их публикация, организация исследовательских работ в масштабах всей страны и их координация. Можно сказать, что образование комиссии — исходный пункт формирования историко-партийной науки как определенной инфраструктуры.

Более того, Истпарт — это первое научно-исследовательское учреждение, объединяющее историков-марксистов. Его деятельность оказала большое влияние на развитие исторической науки в 20-е годы и сыграла существенную роль в победе марксистско-ленинского направления в советской историографии в конце 20-х — начале 30-х годов.

Первым председателем коллегии Истпарта и первым заведующим отделом Истпарта ЦК РКП(б) был Михаил Степанович Ольминский (1863—1933) — один из ближайших соратников Ленина, видный партийный журналист и редактор, крупный историк ленинской школы первого поколения, один из зачинателей лениноведения.

О жизни и трудах М. С. Ольминского существует значительная литература¹. Однако в этих работах его деятельность в качестве одного из организаторов и первого руководителя Истпарта изучена недостаточно полно и затрагивается лишь эпизодически. Мы попытаемся восполнить этот пробел, основываясь прежде всего на материалах, хранящихся в фондах Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее — ЦПА ИМЛ) и Центрального государственного архива Октябрьской революции СССР (далее — ЦГАОР СССР).

Во главе Истпарта М. С. Ольминский стоял с момента создания Комиссии по истории партии при Госиздате (с 25 августа 1920 г., исключая три недели сентября)² и вплоть до объединения Истпарта с Институтом Ленина (1 октября 1928 г.)

В период, когда историко-партийная наука делала свои первые шаги, тот факт, что формирование ее организационной структуры было поручено именно М. С. Ольминскому, сыграл огромную роль. Участник революционного движения с 1880-х годов, член партии с 1898 г., большевик, он был одним из непосредственных творцов ее истории.

Более того, являясь одним из ведущих редакторов фактически всех центральных печатных органов большевиков (газет «Вперед», «Пролетарий», «Звезда», «Правда»), М. С. Ольминский имел уникальную возможность не только участвовать, но и наблюдать за повседневной деятельностью партийных организаций снизу доверху, начиная с момента создания партии и вплоть до Октября.

Не подменяя Центрального Комитета партии, ее центральные печатные органы и после II съезда РСДРП продолжали играть роль не только коллективного пропагандиста и агитатора, но и роль коллективного организатора революционного рабочего движения. Участие в руководстве партии, многолетняя редакционная работа позволили М. С. Ольминскому накопить ценный опыт, делающий его более чем компетентным в деле организации сбора и публикации источников по истории партии. Он мог определить обстановку и причины появления тех или иных партийных документов; найти места их хранения; коммунистов, у которых находились архивы партийных литераторов; тех, кого можно было бы привлечь к работе в Истпарте. Большое значение имели также его личный авторитет и известность в Коммунистической партии.

Кандидаты в первый состав коллегии Истпарта были выдвинуты именно М. С. Ольминским. Коллегия была окончательно утверждена на Политбюро ЦК РКП(б) в начале сентября 1920 г., т. е. еще до подписания декрета об образовании комиссии. Она фактически сыграла роль подготовительного комитета. Первоначально в коллегию входили М. С. Ольминский, М. Н. Покровский, Н. Н. Батулин, А. С. Бубнов, В. В. Адоратский, С. А. Пионтковский, В. И. Невский³. К работе коллегии Ольминским был привлечен также П. Е. Щеголев, известный историк, публикатор документов по истории революционного движения в России⁴.

М. С. Ольминский начал предварительную работу по организации Истпарта в августе 1920 г., а с сентября возглавил работу коллегии. На ее заседаниях (до официального утверждения комиссии их было четыре) был рассмотрен ряд вопросов как организационно-го, так и методического плана:

1. Определены основные задачи комиссии и ее структура.

2. Рассмотрены планы ее работы по различным направлениям (подготовлены М. С. Ольминским, А. С. Бубновым, В. В. Адоратским, П. Е. Щеголевым). На их основе В. И. Невским был состав-

лен, а отредактирован и исправлен М. С. Ольминским, «Общий план работы» Истпарта.

3. Подготовлен для утверждения (М. Н. Покровским и В. В. Адоратским) проект декрета Совнаркома об образовании Истпарта⁵.

4. По докладу М. С. Ольминского был рассмотрен вопрос о состоянии московского и петроградского музеев революции и петроградского архива революции и приняты меры по сохранению имеющихся в них материалов.

5. Установлена связь с губкомами и обкомами партии с целью выяснения того, что сделано для сохранения документов и какая работа по их изучению ведется на местах.

6. Коллегия приняла ряд мер по расширению источниковой базы историко-партийных исследований.

М. С. Ольминским был подготовлен, а на коллегии утвержден проект обращения к участникам революционного движения с призывом писать воспоминания. Н. Н. Багурин разработал опросный лист для старых членов партии, а В. В. Адоратский — инструкцию о сборе материалов по истории партии⁶.

Скупые записи постановлений коллегии далеко не всегда позволяют установить, кто какую долю внес в решение вопроса. К. А. Остроухова, Н. В. Нелидов — в прошлом работники Истпарта — говорят, что Ольминский «был инициатором большинства начинаний Истпарта», человеком, умевшим объединить вокруг себя «нужных для дела людей»⁷.

Как можно убедиться, М. С. Ольминский сыграл существенную роль на подготовительном этапе создания Истпарта и в выработке программы его деятельности.

Главной задачей Истпарта, как заявлял он на X съезде РКП(б) и в статьях этого периода, является «широкое и всестороннее изучение истории партии»⁸, т. е. исследование политических выступлений, идейной борьбы, всей «внутренней жизни партии», «психологии и быта ее членов»⁹, деятельности рабочих социал-демократов и социал-демократической интеллигенции, изучение массового рабочего движения во всех его формах, связи социал-демократии с этим движением, их взаимодействия.

Начинать изучение истории партии, по мнению М. С. Ольминского, необходимо было с предшественников социал-демократии¹⁰, исследовать ее в неразрывной связи с деятельностью и творчеством В. И. Ленина¹¹. Он считал, что историю Октябрьской революции следует излагать с максимальной полнотой, отобразить все ее стороны; показать ход событий в крупных центрах и на периферии, рассказать о деятельности не только руководителей, но и рядовых ее участников¹².

М. С. Ольминский считал необходимым особое внимание при изучении истории партии и Октября уделять трудам В. И. Ленина¹³.

Необходимо отметить, что свою работу Истпарт, возглавляемый М. С. Ольминским, начинал не на пустом месте. Еще до революции В. И. Ленин и другие руководители партии уделяли самое пристальное внимание собиранию материалов по ее истории в партий-

ных архивах и библиотеках. Большая часть этих материалов была сохранена. В этом направлении был накоплен значительный организационный и методический опыт (М. С. Ольминский, принимавший самое непосредственное участие в этом деле, обладал им в полной мере), который и был использован в начальный период деятельности Истпарта.

* * *

В начале 1921 г. в работе Истпарта возникли трудности. Большинство членов коллегии по ряду причин не могли принимать участие в ее деятельности. «Казалось,— писал М. С. Ольминский,— что дело клонится к постепенному отмиранию этого учреждения»¹⁴.

В мае 1921 г. он обратился с письмом в ЦК РКП(б) «О более широкой постановке работы в Истпарте», где писал о необходимости разгрузить от партийной и советской работы членов Истпарта и увеличить его состав до пятнадцати человек¹⁵. В соответствии с решением Оргбюро ЦК РКП(б), коллегия кооптировала в свой состав А. И. Елизарову, П. Н. Лепешинского, М. Н. Лядова, М. А. Савельева, Ц. С. Бобровскую, О. А. Варенцову¹⁶.

К тому времени, когда Истпарт стал Отделом ЦК РКП(б), он имел уже сложившуюся структуру: он делился на пять подотделов — сбора материала, научной обработки (состоял из двух подкомиссий: истории Октябрьской революции и истории партии), публикации материалов, редакции журнала «Пролетарская революция» и секретариата. Всего в нем работало 60 человек.

Не все члены коллегии являлись штатными работниками Истпарта. Поэтому для усиления работы подкомиссии по истории Октябрьской революции 18 мая 1921 г. в нее был введен М. С. Ольминский, который, кроме того, руководил подкомиссией по истории партии. 24 октября 1921 г. он сделал на коллегии доклад о плане работы этой подкомиссии. К концу 1921 г. коллегия возложила на него и обязанности ответственного редактора органа Истпарта — журнала «Пролетарская революция»¹⁷.

Таким образом, в руках М. С. Ольминского постепенно сосредоточилось все руководство: он был председателем Истпарта, председателем подкомиссии по истории партии, работал в подкомиссии по истории Октябрьской революции, редактировал его печатный орган.

В последующее время структура Центрального Истпарта несколько изменилась. В 1924 г. в нем было шесть подотделов: ленинский; собрания и научной обработки; редакция журнала «Пролетарская революция»; иногородний, выставок; архивов. В этот год в Истпарте работали 41 сотрудник, 16 из них были научные работники. В коллегия входило 15 человек.

По мере необходимости для решения конкретных задач создавались комиссии и секции, в которые входили специалисты и из других учреждений¹⁸. При Истпарте в 1921 г. были организованы Клуб Истпарта и Общество старых большевиков¹⁹, которые составили его актив, в феврале 1924 г. был создан Центральный музей революции²⁰.

Рабочим органом коллегии был президиум, который решал организационные, административные, финансовые вопросы, утверждал повестку дня заседаний коллегии, осуществлял контроль за работой. Заседания президиума проводились один раз в неделю. В него входил, кроме Ольминского, его заместитель, секретарь коллегии, редактор журнала и несколько членов коллегии²¹.

Заседания коллегии и подкомиссий проводились два раза в месяц. На коллегии, как правило, обсуждались методологические, методические проблемы изучения истории партии, проблемы источниковедения, археографии. На них утверждались программы работ, планы исследований и их тематика, примерные планы работы периферийных органов Истпарта, рекомендовались к печати его издания, заслушивались отчеты руководителей подкомиссий, отделов, научных сотрудников, заведующих местными бюро, или членов коллегии о положении в местных бюро Истпарта и т. д.²²

Решения коллегии утверждались на Политбюро, Секретариате, Оргбюро или на заседаниях заведующих отделами ЦК РКП(б) и становились постановлениями ЦК РКП(б) по вопросам исторической науки.

На заседания коллегии приглашались, кроме научных сотрудников Истпарта и постоянных представителей Истмола (Комиссия по истории молодежного движения при ЦК комсомола), Истпрофа (Комиссия по истории профессионального движения при ВЦСПС), коллегии Госиздата, специалисты из тех учреждений, с которыми было связано решение обсуждаемого вопроса.

Заместителем М. С. Ольминского (май 1921 — март 1924 г.) был П. Н. Лепешинский, затем М. А. Савельев. В отсутствие Ольминского работой Истпарта руководили его заместители П. Н. Лепешинский и В. И. Невский или редактор журнала А. И. Елизарова²³.

К середине 1922 г. Отдел Истпарта ЦК РКП(б) был учреждением с налаженной работой, со строго определенным порядком, правилами, инструкциями и положениями, со сложившимися взаимоотношениями с другими учреждениями.

Одновременно со становлением Центрального Истпарта шел процесс формирования его отделений на местах (бюро). К 1 октября 1921 г. насчитывалось 21 бюро Истпарта, причем 15 из них возникли по местному почину²⁴.

Коллегия вела систематическую разъяснительную работу среди коммунистов. В 1920—1921 гг. от имени Истпарта были изданы: брошюра «Ко всем членам партии» (М., 1920), статьи о задачах Истпарта и важности собирания мемуаров, «О работе Истпарта», «От Истпарта»²⁵. Задачам и работе Истпарта М. С. Ольминский посвятил целый ряд своих статей и выступлений²⁶.

Разъяснительная работа, систематическая информация о деятельности Истпарта в прессе способствовала формированию его органов на местах, образованию актива. С переходом Истпарта в ЦК РКП(б) его местные бюро стали истпартоделами губкомов и обкомов партии. Дальнейшее формирование сети Истпарта по стра-

не коллегия вела через ЦК РКП(б). М. С. Ольминский уделял много внимания работе истпартотделов²⁷.

К 1924 г. структура Истпарта окончательно оформилась: Центральный Истпарт — Отдел ЦК РКП(б) — Истпарты при ЦК компартий союзных республик — истпартотделы губкомов, обкомов — уполномоченные Истпартов при укомах и райкомах партии.

К этому времени в стране насчитывалось 56 действовавших истпартотделов. 40 из них с 64 работниками числились на бюджете ЦК РКП(б) и 16 — на местных бюджетах. Как правило, штатным сотрудником был заведующий истпартотделом. В связи с тем что специалистов по истории партии и Октябрьской революции, особенно на периферии, не было, М. С. Ольминский, коллегия Истпарта подбирали через орграспредотдел ЦК РКП(б) на должность заведующими истпартотделами литературно грамотных ответственных партийных работников, старых подпольщиков, которые знали историю партии и революционного движения по личному участию и могли писать.

Методическая работа с сотрудниками Истпарта на местах имела особенно большое значение. Перечисленные выше доклады, выступления, статьи М. С. Ольминского, обращения, извещения, сделанные от имени коллегии Истпарта, содержали методические положения, практические рекомендации для работников периферийных органов Истпарта, были одной из важных форм руководства коллегии истпартотделами.

Другой формой были директивные документы, разработанные и утвержденные коллегией под руководством и при участии Ольминского. Они печатались как отдельными изданиями, так и в качестве приложений к методическим статьям. В этих директивах разъяснялся и конкретизировался характер отношений между различными подразделениями Истпарта. Итогом всей этой работы явилось новое «Положение об Истпарте и его органах на местах», которое было утверждено ЦК РКП(б) 13 июля 1923 г.²⁸

Руководство Центрального Истпарта местными органами осуществлялось и посредством циркулярных писем, которые систематически рассылались на места, а также публиковались. Подавляющее большинство этих писем в 1923—1924 гг. было составлено М. С. Ольминским²⁹.

Большую методическую и координационную работу выполнял печатный орган Истпарта — журнал «Пролетарская революция». С третьего номера журнала в нем появился отдел «Вокруг органов истпартотделовской работы». Здесь помещались директивные документы ЦК РКП(б), коллегии Истпарта, планы работы Истпарта, тематика исследований, отчеты Центрального Истпарта и местных его органов, письма и сведения с мест, обзоры и сводки работы истпартотделов, истпартотделовской литературы.

Между Центральным и местными Истпартами существовали тесные контакты. Для этого был создан специальный иногородний подотдел. С сентября 1923 г. истпартотделам рассылалась литература, издаваемая Истпартом ЦК. Члены коллегии ездили на периферию

для инструктажа и инспектирования работы в истпартотделах. В 1920—1921 гг. М. С. Ольминский, В. И. Невский, П. Н. Лепешинский неоднократно были в Петроградском бюро Истпарта, П. Н. Лепешинский ездил на Северный Кавказ, В. В. Адоратский — в Казань и т. д. Такие поездки носили, однако, эпизодический характер. Добиться включения в штаты должности инструктора Истпарта Ольминскому так и не удалось.

Большое значение имели совещания работников истпартотделов. Первое из них было проведено во время 1-й Всероссийской конференции архивных деятелей, где существовала специальная секция Истпарта. По решению коллегии Истпарта М. С. Ольминский сделал доклад на пленарном заседании конференции³⁰. На секции Истпарта были рассмотрены следующие вопросы: «издательская деятельность Истпарта в центре и на местах» (П. Н. Лепешинский), «собрание материалов» (М. А. Савельев), «оргвопрос и отношение между Главархивом и Истпартом» (В. В. Адоратский, М. Н. Покровский)³¹. Обмен опытом, подведение итогов проделанной работы, решение назревших вопросов во время совещания способствовало повышению научной квалификации его участников, большинство из которых только начинали свой путь в историко-партийной науке.

Наряду с организаторской и координационной деятельностью Истпарт, несмотря на ограниченное число научных сотрудников, выполнял целый ряд исследовательских программ, развернул большую работу по сбору и публикации источников по истории партии. К этой работе привлекались и авторы со стороны. Во главе этой работы стояла коллегия Истпарта, выполнявшая функции ученого совета. На ее заседаниях утверждались коллективы исследователей (по темам, принятым для изучения), их руководители, планы работы этих коллективов, обсуждалось общее направление их работы. Разумеется, определялся вид издания, его объем, назначались редакторы, устанавливались сроки исполнения, осуществлялся контроль за ходом работы вплоть до выхода ее в свет.

В коллегии были созданы специальные комиссии для руководства работой по составлению исторической хроники от Февральской революции и по 1 июля 1921 г.; хрестоматий по истории Коммунистической партии; по истории советской печати; сборников о Я. М. Свердлове, В. П. Ногине, И. В. Бабушкине. Руководителем большинства этих комиссий и ответственным редактором публикаций был утвержден М. С. Ольминский³².

Для подготовки к юбилейным датам по истории партии, революционного движения также создавались особые комиссии. Так, в Истпарте были отмечены 25-летие I съезда РСДРП, 10-я годовщина Ленских событий, была проведена большая работа по подготовке мероприятий к 20-й годовщине начала Первой российской революции³³. Именно Истпарт поставил в ЦК РКП(б) вопрос о подготовке к празднованию 10-летия Великой Октябрьской социалистической революции³⁴.

Большое значение М. С. Ольминский придавал контролю за

работой научных сотрудников, своевременному и качественному исполнению порученной им работы. На заседаниях коллегии заслушивались информации заведующего подотделом научной обработки материалов о работе научных сотрудников, а также их отчеты³⁵. Кроме того, М. С. Ольминский, который обладал огромным опытом редакторской работы, сам внимательно проверял всю выполненную работу вплоть до корректур, доверяя это дело другим сотрудникам лишь в исключительных случаях.

Большое внимание М. С. Ольминский уделял привлечению к работе Истпарта участников революционного движения. Широко распространяемая информация о задачах и деятельности Истпарта привела к тому, что сюда поступали статьи, мемуары, предложения сотрудничать. М. С. Ольминский подбирал авторов, заказывал статьи, читал полученные работы сам или поручал это членам коллегии, научным сотрудникам; отвечал авторам, направлял рукописи на рецензии специалистам в другие учреждения; обращался с ходатайствами в ЦК РКП(б) создать условия для работы тому или иному автору.

Важным делом был сбор источников по истории партии. Значительная часть нужных материалов поступала в Истпарт после статей и выступлений М. С. Ольминского. Большое количество источников Истпарт получил по письмам, подготовленным Ольминским, или по его указанию из различных центральных учреждений и редакций, из-за границы (через Наркоминдел; постпредства, представителей Истпарта), от периферийных партийных организаций.

В конце 1920 г. для выявления источников Истпартом было проведено обследование партийных, советских, профсоюзных и других учреждений снизу доверху. В них направлялись письма за подписью М. С. Ольминского с просьбой передать Истпарту имеющиеся у них документы по истории партии в постоянное или временное пользование, разрешить тому или иному научному сотруднику пользоваться материалами учреждения³⁶.

Истпарт направлял письма в губкомы партии с просьбой найти указанных участников революционного движения, попросить товарищей написать воспоминания, собрать материал или передать имеющиеся документы, найти указанные источники и переслать их в Истпарт. Многие из таких писем написаны лично Ольминским³⁷. Обращался М. С. Ольминский к деятелям партии, революционного движения с личными просьбами такого же характера.

Большое значение М. С. Ольминский придавал сбору текущего материала. Решение об этом было принято коллегией 13 октября 1920 г. Письма с просьбой посылать Истпарту выходящие издания, имеющие отношение к истории партии, Истпарт направил в Госиздат и его отделения, в Наркоминдел, в Комиссию иностранной литературы. Истпарт также просил Коминтерн выслать ему все издания Коминтерна, русскую текущую заграничную прессу, источники по международному рабочему и коммунистическому движению³⁸. Документы и литература поступали в Истпарт также в порядке обмена изданиями.

Была обеспечена возможность присутствия членов коллегии, научных работников Истпарта на съездах партии, Советов, профессиональных союзов, на III конгрессе Коминтерна — с целью сбора материала. Истпарт уделял внимание и сбору документов враждебного лагеря.

Большая работа была проделана коллегией во главе с М. С. Ольминским, им лично в области отбора и издания источников по истории партии, разработки принципов их публикации³⁹.

Были приложены большие усилия для формирования архива и библиотеки Истпарта, в которые вошли, в частности, разысканные и вывезенные из-за границы партийные архивы и библиотеки. Архив и библиотека Истпарта стали основой фондов Центрального партийного архива и библиотеки ИМЛ при ЦК РКПСС. До создания Института Ленина Истпарт был учреждением, которое собирало, хранило, изучало, публиковало документы В. И. Ленина и о нем.

Документы поступали не только в Центральный Истпарт, но и в его местные фонды, где также формировались партийные архивы. В связи с тем что государственные архивы на периферии зачастую находились в руках старых специалистов (часто враждебных Советской власти), коллегия Истпарта в феврале 1921 г. вменила в обязанность работникам истпартотделов быть «политическими комиссарами» при местных губернских уполномоченных Главного архивного управления⁴⁰. Решить вопрос об установлении в архивах контроля коммунистов Истпарту удалось с помощью ЦК РКП(б) к 1924 г.⁴¹

Трудным делом в начале 20-х годов было издание научной продукции. Чтобы наладить систематическую и быструю публикацию изданий Истпарта, журнала «Пролетарская революция», М. С. Ольминскому пришлось вести переписку с издательствами, коллегией Госиздата, неоднократно обращаться за помощью в ЦК РКП(б), к В. И. Ленину⁴².

По количеству изданных исторических материалов Истпарт (по подсчетам Г. Д. Алексеевой) в 1921—1929 гг. занял первое место среди вновь созданных научных учреждений⁴³. Продукция Истпарта публиковалась отдельными изданиями, в сборниках, в журнале «Пролетарская революция». К концу 1924 г. силами Истпарта в центре и на местах, его актива было издано более 97 названий Центрального Истпарта, 35 номеров журнала «Пролетарская революция» и более 120 изданий — на местах. 37 из 56 истпартотделов публиковали свою продукцию самостоятельно (сборники, журналы, отдельные статьи) и в партийной прессе, 10 — только в партийной периодике⁴⁴. В течение 1923—1924 гг. Центральный Истпарт, кроме того, подготовил и сдал в печать более 50 отдельных сборников и монографий объемом более 700 печатных листов⁴⁵.

В числе публикаций Истпарта были работы В. И. Ленина, материалы к его биографии, переиздания газет «Вперед» и «Пролетарий», протоколы II, III, VIII съездов РКП(б), тематические сборники, хроники, хрестоматии, биографические словари и т. д. Работниками Истпарта под руководством и при участии М. С. Ольминского был подготовлен сборник «Ленин о Троцком и троцкизме»

(М.; Л., 1925), который сыграл большую роль в борьбе против троцкизма.

Немало внимания М. С. Ольминский уделял библиографии. По его инициативе библиографические обзоры систематически помещались в журнале «Пролетарская революция». Истпарт и его руководители уделяли большое внимание также рецензированию. В той же «Пролетарской революции» публиковались рецензии наиболее авторитетных историков-партийцев о вышедших книгах по истории партии и Октябрьской революции, революционного движения. Библиографическим отделом, где печатались эти рецензии, руководил М. С. Ольминский. Он и сам принимал активное участие в рецензировании. В 1921—1924 гг. за его подписью в журнале было помещено около 30 рецензий⁴⁶.

Важным направлением работы Истпарта было издание популярных статей в партийной прессе, оказание помощи Агитпропу ЦК РКП(б) и губкомам партии (по их заданиям); организация историко-партийных музеев, выставок, уголков В. И. Ленина, проведение юбилейных дат, праздничных вечеров, чтение лекций.

Истпарт с самого начала его деятельности осуществлял систематический контроль за изданием исторической литературы и историков по истории РКП(б), революционного движения, Октябрьской революции, советского строительства. Это была попутная, но очень важная работа в условиях острой идеологической борьбы начала 20-х годов. На отзыв «для установления годно или нет к печатанию» направлялись рукописи из различных учреждений: ЦК РКП(б), Президиума ВЦИК, ЦИК СССР, ВЦСПС, Госиздата и других. М. С. Ольминский рецензировал сам, давал поручения и членам коллегии⁴⁷. Источники из враждебного лагеря — мемуары меньшевиков и других бывших общественных деятелей — издавались Госиздатом только после разрешения коллегии Истпарта⁴⁸. Учебники, пособия по истории РКП(б) могли быть изданы только под редакцией Истпарта, как его издания⁴⁹.

За помощью в Истпарт в издании популярной исторической литературы — серии изданий для агитационно-массовой работы — обращались Главполитпросвет, издательство «Молодая гвардия» и другие учреждения. Каждый раз в таких случаях на коллегии создавалась комиссия во главе с М. С. Ольминским из представителей Истпарта и вошедшего с ходатайством учреждения, или Президиумом Истпарта (когда Ольминский был болен) принимался план изданий, устанавливался формат, объем, определялись редакторы, исполнители, гриф издания.

Истпарт помогал становлению Института Ленина. Заместителем директора института с момента его организации стал А. Я. Аросев, член коллегии, имевший большой опыт работы в Истпарте. В совет института вошли также имевшие опыт работы в коллегии Истпарта А. С. Бубнов, М. Н. Лядов, В. И. Невский⁵⁰. М. С. Ольминский принимал участие в составлении и обсуждении издательских планов института, техники их выполнения, затем был введен в состав совета института⁵¹.

На заседаниях коллегии рассматривался вопрос об устранении параллелизма в издательской деятельности Истпарта и Института Ленина. 3 декабря 1923 г. была заслушан доклад А. Я. Аросева о деятельности Института Ленина. Журнал Истпарта стал органом, обслуживающим и Институт Ленина. Через Совет Истпарта (декабрь 1924 г.) М. С. Ольминский провел положение: без визы Института Ленина рукописи В. И. Ленина не печатать⁵². Истпарт помогал институту источниками. Он передал большую коллекцию документов В. И. Ленина и материалов о нем. Между Истпартом и институтом имел место обмен документами и материалами.

Отдел Истпарта ЦК РКП(б) (1921—1924 гг.) координировал исследовательскую работу большинства молодых исторических учреждений — Комиссии по изучению истории ВЛКСМ и юношеского движения (Истмол) и Комиссии по изучению профсоюзного движения (Истпроф), которые имели тесные связи с коллегией Истпарта. Истпроф использовал в своей работе руководящие документы коллегии Истпарта (инструкции, планы работ, тематику, циркулярные письма). На заседании коллегии периодически заслушивался вопрос о связи в работе с Истпартом (1921—1925 гг.). Истпроф оказывал помощь материалами, сбором сведений для Истпарта (1924 г.). На заседании коллегии Истпарта была обсуждена программа работы Истмола. Соцакадемию М. С. Ольминский просил сообщить Истпарту темы, которые поручены в академии для изучения как ее сотрудникам, так и слушателям. Он просил также указать исследователям, что они обязаны «работать в связи с Истпартом» и представить в него готовые работы, «чтобы можно было пригодное отобрать для напечатания»⁵³.

Военно-исторические учреждения: Высший военно-редакционный совет, Военно-историческая комиссия Политуправления, Ученая коллегия военно-исторического отдела штаба Красной армии — работали в тесном контакте с коллегией Истпарта. На ее заседаниях систематически обсуждались вопросы координации исследований, формы помощи, совместных изданий, редактирования, взаимного использования материалов проверки достоверности отраженных фактов⁵⁴.

Истпарт имел контакты с Коммунистическим университетом им. Я. М. Свердлова, Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса, ФОНом 1-го МГУ, Комиссией при ЦК РКП(б) по составлению исторического учебника и хрестоматии⁵⁵. В коллегии Центрархива от Истпарта были два его представителя. Вопросы работы этих двух учреждений согласовывались. На коллегии Истпарта заслушивались доклады редакций журналов, коллегии Госиздата⁵⁶.

Таким образом, Отделу Истпарта ЦК РКП(б) удалось объединить вокруг себя немногочисленных в ту пору историков-марксистов, специалистов по истории партии, революционного движения, Октябрьской революции, советского общества, направить их усилия на решение самых неотложных задач в области указанных отраслей исторической науки, способствовать росту молодых кадров.

Работа М. С. Ольминского над ленинским литературным наследием и биографией В. И. Ленина, организация и руководство им этой работой в Истпарте оказали большую помощь в подготовке первого Собрания сочинений В. И. Ленина, создали определенную базу для последующих изданий.

Ближайшие помощники М. С. Ольминского — его заместители, члены коллегии — видные историки-большевики: П. Н. Лепешинский, В. И. Невский, М. Н. Покровский, М. А. Савельев, А. И. Ульянова-Елизарова — высоко оценили значение М. С. Ольминского как научного руководителя Истпарта, ответственного редактора журнала «Пролетарская революция»⁵⁷. Его считали одним из «основоположников ленинской школы историков-марксистов»⁵⁸. XIII съезд РКП(б) дал высокую оценку деятельности Истпарта за указанный период⁵⁹.

Заслугой М. С. Ольминского является то, что он с учетом задач исторической науки и общественного развития тех лет смог сформулировать задачи Истпарта и провести их в жизнь так, что они влияли на все стороны исторической науки.

Деятельность М. С. Ольминского в Истпарте была вкладом в развитие марксистской исторической науки, способствовала окончательной победе марксистского направления в советской исторической науке.

¹ См., напр.: *Амиантов Ю. Н., Остроухова К. А.* Соратник Ленина, публицист, историк: К 100-летию со дня рождения М. С. Ольминского. — *Вопр. истории КПСС*, 1963, № 10, с. 94—99; *Амиантов Ю. Н.* Михаил Степанович Ольминский, 1863—1933 (из цикла «Историки — участники Октябрьской революции»). — *История СССР*, 1967, № 1, с. 111—116; *Амиантов Ю. Н., Нелидов Н. В., Остроухова К. А.* У истоков советской историко-партийной науки: К 50-летию Истпарта. — *Вопр. истории КПСС*, 1970, № 9, с. 113—120; *Волин М. С.* Истпарт и советская историческая наука. — В кн.: Великий Октябрь: История, историография, источниковедение. М., 1978, с. 189—207; *Очерки истории исторической науки в СССР*. М., 1963, т. 3, с. 180—183; М., 1966, т. 4, с. 214—218, 528—559; *Алексеева Г. Д.* Создание центров советской исторической науки и их деятельность в 1918—1923 гг. — В кн.: *История и историки*. М., 1965, с. 106—113; *Комаров Н. С.* Создание и деятельность Истпарта. 1920—1928. — *Вопр. истории КПСС*, 1958, № 5, с. 153—165; *Он же.* К истории Института Ленина и центрального архива. 1919—1930. — *Вопр. истории*, 1956, № 10, с. 181—191; *Лежава О., Нелидов Н. М. С.* Ольминский: Жизнь и деятельность. М., 1973; *Максаков В. В.* Архивное дело в первые годы Советской власти. М., 1959; с. 128—134; *Кондратьев В. А., Хевролина В. М.* Из истории археографической деятельности в первые годы Советской власти. 1917—1924 гг. — *Археогр. ежегодник за 1959 г.*. М., 1960, с. 256—276; и др.

² *Амиантов Ю. Н., Нелидов Н. В., Остроухова К. А.* Указ. соч., с. 115.

³ Там же.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 45, л. 87—88; д. 16, л. 10.

⁵ Там же, д. 45, л. 1—20; д. 16, л. 1, 4, 10, 13.

⁶ Там же, д. 16, л. 1, 4, 10, 13.

⁷ *Амиантов Ю. Н., Нелидов Н. В., Остроухова К. А.* Указ. соч., с. 115.

⁸ X съезд РКП(б): *Стеногр. отчет*. М., 1963, с. 131.

⁹ *Ольминский М.* О мемуарах. — В кн.: Из эпохи «Звезды» и «Правды». 1921, вып. 1, с. 4.

¹⁰ X съезд РКП(б): *Стеногр. отчет*. М., 1963, с. 129, 130, 131, 133; *Ольминский М.* О мемуарах, с. 4; *Он же.* От Истпарта. — *Бюл. Истпарта*, 1921, № 1, с. 1.

- ¹¹ *Ольминский М.* По поводу собрания сочинений т. Ленина.— Пролетарская революция, 1923, № 11, с. 98.
- ¹² *Ольминский М.* Работа для истории революции — работа для революции.— Правда, 1920, 12 окт.
- ¹³ ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 73, л. 59; Пролетарская революция, 1923, № 1, с. 98.
- ¹⁴ Бюл. Истпарта, 1921, № 1, с. 18—19.
- ¹⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 40, л. 5—5 об.
- ¹⁶ Бюл. Истпарта, 1921, № 1, с. 19.
- ¹⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 20, л. 4, 16; д. 19, л. 8; д. 1, л. 7.
- ¹⁸ Там же, д. 19, л. 4; д. 2, л. 3; д. 4, л. 6; д. 1, л. 11 об.
- ¹⁹ Там же, д. 70, л. 87; См. также: *Лежава О., Нелидов Н.* Указ. соч., с. 230; Пролетарская революция, 1924, № 1 (24), с. 30.
- ²⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 4, л. 6; д. 12, л. 3, об., 6 об., 15, 17.
- ²¹ Там же, д. 19, л. 17.
- ²² Там же, д. 102, л. 10; д. 94, л. 59.
- ²³ Там же, д. 46, л. 84, 96.
- ²⁴ Бюл. Истпарта, 1921, № 1, с. 21.
- ²⁵ Пролетарская революция, 1921, № 1, с. 3—9.
- ²⁶ См., напр.: Доклад о работе Истпарта на IX конференции РКП(б).— В кн.: IX конференция РКП(б): Протоколы. М., 1972, с. 97—100; Выступление на заседании Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов 7 октября 1920.— В кн.: История и историки: Историогр. ежегодник, 1973. М., 1975, с. 259—261; Выступление на собраниях коммунистических фракций съездов Всеработпросов и Губиздатов.— Археогр. ежегодник за 1969 г., М., 1971, с. 141; Работа для истории революции — работа для революции.— Правда, 1920, 12 окт.; Доклад о работе Истпарта на X съезде РКП(б).— В кн.: X съезд РКП(б): Стеногр. отчет, с. 129—133; От Истпарта.— Бюл. Истпарта, 1921, № 1, с. 3—6; От Истпарта ко всем товарищам.— Печать и революция, 1921, кн. 2, с. 246; От Истпарта.— Печать и революция, 1921, кн. 3, с. 317—318; От Истпарта.— Правда, 1921, 6 дек.; О мемуарах, с. 3—9; Обращение Истпарта ко всем товарищам.— Правда, 1921, 17 июля; Доклад на 1-й Всероссийской конференции архивных деятелей.— Архивное дело, 1923, № 1; и др.
- ²⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 94, л. 21, 29; д. 102, л. 4 и др.
- ²⁸ Пролетарская революция, 1923, № 5(20), с. 273—275.
- ²⁹ Там же, 1923, № 10(23), с. 280—281; 1924, № 2(25), с. 242; № 10(33), с. 280—281; ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 55, л. 2 и др.
- ³⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, д. 48, л. 36, 37.
- ³¹ Там же, ф. 70, оп. 1, д. 20, л. 26.
- ³² Там же, д. 19, л. 12; д. 1, л. 3; д. 46, л. 150 об.; д. 4, л. 6 об.; д. 12, л. 18 и др.
- ³³ Там же, д. 20, л. 28; д. 94, л. 22—25 об.; д. 4, л. 7 об.— 8, 10; д. 12, л. 10.
- ³⁴ Там же, д. 12, л. 16—16 об.; д. 4, л. 11 об.; Пролетарская революция, 1924, № 11, с. 109—122, 123—125.
- ³⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 12, л. 3, об., 4 об.
- ³⁶ Там же, д. 69, л. 308—315, 321, 322, 326, 334; д. 1, л. 7; д. 92, л. 9; д. 83, л. 12—14, 18, 23; д. 79, л. 42—47; д. 180, л. 34; д. 68, л. 223; д. 69, л. 58, 59, 62, 72, 83, 128—139, 150, 264, 267; д. 96, л. 31 и др.
- ³⁷ Там же, д. 69, л. 30—30 об., 121, 176, 194, 257 и др.
- ³⁸ Там же, д. 69, л. 44, 192, 290, 29, 20, 81, 39, 53, 63, 272 и др.
- ³⁹ См.: *Михайлова Н. М.* Деятельность М. С. Ольминского по публикации источников.— Археогр. ежегодник за 1980 г., М., 1981, с. 137—149.
- ⁴⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 45, л. 39.
- ⁴¹ Бюл. Истпарта, 1924, № 2, с. 20.
- ⁴² ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 141, л. 1, 100; д. 69, л. 63, 174, 169—170 и др.
- ⁴³ Вопр. истории, 1961, № 4, с. 133.
- ⁴⁴ Бюл. Истпарта, 1921, № 1; 1924, № 2, с. 5, 44—47; Пролетарская революция, 1924, № 11, с. 258—261, 280—310.
- ⁴⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 46, л. 163.
- ⁴⁶ «Пролетарская революция»: Систематический и алфавитный указатель 1921—1929 гг. М., 1930.

- ⁴⁷ ЦПА ИМЛ, д. 141, л. 5—7, 11—12, 22, 35, 42, 43, 47, 48, 54, 60, 66, 70, 77, 86, 87, 92—94, 102—107 и др.
- ⁴⁸ Там же, д. 4, л. 10.
- ⁴⁹ Там же, д. 19, л. 1, 3, 5.
- ⁵⁰ Бюл. Института Ленина, 1923, № 1, с. 4.
- ⁵¹ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 1, д. 4, л. 12.
- ⁵² Там же, л. 2, 6, 7—7 об., 11.
- ⁵³ Там же, ф. 91, оп. 1, д. 48, л. 3, об.— 4 об.
- ⁵⁴ Там же, ф. 70, оп. 1, д. 69, л. 33; д. 19, л. 5, 16; д. 75, л. 38—47; д. 4, л. 5 об.
- ⁵⁵ Там же, д. 83, л. 27—32; д. 101, л. 5; д. 2, л. 4 и др.
- ⁵⁶ Там же, д. 16, л. 34; д. 19, л. 6; д. 4, л. 2; д. 94, л. 100; д. 3, л. 11; д. 4, л. 10 и др.
- ⁵⁷ Там же, ф. 139, оп. 2, д. 72, л. 92; ф. 91, оп. 1, д. 170, л. 1; Бюл. Истпарта, 1924, № 2, с. 35; Пролетарская революция, 1930, № 5 (100), с. 7.
- ⁵⁸ Труды первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. М., 1930, т. II, с. 614.
- ⁵⁹ См.: XIII съезд РКП(б)... Стеногр. отчет. М., 1963, с. 665.

РАЗРАБОТКА Е.М. ЯРОСЛАВСКИМ БИОГРАФИИ В. И. ЛЕНИНА

Н. В. Иллерицкая

Биографический жанр прочно вошел в историко-партийную историографию уже на исходном этапе ее развития. Первые советские историки, обратившиеся к нему, опирались на ленинские методологические принципы исследования истории партии. В. И. Ленин не только подчеркивал важность и необходимость создания биографий выдающихся революционных деятелей, но и дал еще в дооктябрьский период классические образцы таких работ. «Рабочему классу, ведущему во всем мире трудную и упорную борьбу за полное освобождение, нужны авторитеты...— указывал В. И. Ленин,— нужен опыт старых *борцов*... проводивших много стачек, участвовавших в ряде революций, умудренных революционными традициями и широким политическим кругозором»¹. Во всестороннем освещении пути революционных деятелей В. И. Ленин видел «материал партийного самовоспитания»². В творческом наследии В. И. Ленина имеется немало биографических очерков революционных и общественных деятелей.

Потребности политической борьбы пролетариата и задачи идеологической работы партии выдвинули необходимость разработки научной биографии самого В. И. Ленина. Еще в начале XX в. после издания классического труда В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» его автор привлек внимание общественности как выдающийся ученый³.

В первых работах по истории РСДРП, принадлежащих перу соратников Ленина Н. Н. Батурина и М. Н. Лядова, Владимир Ильич характеризовался как вождь большевистской партии⁴.

В еще большей мере необходимость популяризации имени В. И. Ленина — на этот раз уже в революционно настроенных массах — назрела после Февральской революции и с возвращением В. И. Ленина в начале апреля 1917 г. из эмиграции. Используя правдивый рассказ о жизни и деятельности своего вождя, партия большевиков широко пропагандировала в массах идеи большевизма, вела идеологическую подготовку к борьбе за установление диктатуры пролетариата и вместе с тем разоблачала злобную клевету врагов грядущей социалистической революции в России. В этой политической важной работе принимали непосредственное участие видные деятели партии.

Задачей данной статьи является историографический анализ биографий В. И. Ленина, принадлежащих перу Е. М. Ярославского и вышедших в свет в 1917—40-х годах. Для того чтобы подчеркнуть вклад Ярославского в создание научной биографии вождя революции, исследование ведется в плане сравнения с работами других авторов, написанными в то же время и посвященными жизни и деятельности В. И. Ленина.

Первый биографический очерк о В. И. Ленине, написанный Ярославским, относится еще к периоду пребывания Ярославского в якутской ссылке. Вся предшествующая революционная борьба Емельяна Михайловича подвела его к необходимости написания биографии В. И. Ленина.

Очерк был напечатан в органе Якутского комитета РСДРП газете «Социал-демократ» № 5 от 25 апреля 1917 г., в которой Ем. Ярославский фактически выполнял роль редактора⁵. Автор сообщал биографические сведения о В. И. Ленине, пользуясь материалами энциклопедических изданий, вышедших до Февральской революции, особенно после 1915 г., в которых содержалось больше данных о В. И. Ленине по сравнению с энциклопедиями довоенного периода. Ем. Ярославский опирался также и на собственные впечатления от встреч с В. И. Лениным на I конференции РСДРП в декабре 1905 г. в Таммерфорсе, на IV и V съездах партии и на Первой конференции военных и боевых организаций РСДРП в ноябре 1906 г.

Небольшая статья давала очень краткое представление о жизни и деятельности Ленина. Однако автор стремился показать В. И. Ленина в гуще партийной жизни и революционной борьбы, пытался нарисовать образ Ленина на фоне происходящих исторических событий. Ем. Ярославский уделил особое внимание характеристике «антиоборонческой» позиции В. И. Ленина в период первой мировой войны, его борьбе против предавших интересы рабочего класса «социал-шовинистов» как в России, так и на международной арене. Ем. Ярославский понимал, что правдивое освещение роли Ленина и партии большевиков в борьбе за прекращение империалистической войны и за социалистическую революцию как ни что иное привлечет симпатии масс к большевикам.

Статья в «Социал-демократе» открыла 25-летний период упорной работы Ем. Ярославского над биографией вождя революции.

Почти сразу вслед за Ярославским в большевистской печати появляются очерк Н. К. Крупской «Страничка из истории Российской социал-демократической рабочей партии», опубликованный 13 мая 1917 г. в газете «Солдатская правда», и статья М. С. Ольминского «О т. Ленине», помещенная 26 мая 1917 г. в московской большевистской газете «Социал-демократ».

Очерк Н. К. Крупской — это столько же рассказ о партии, сколько и о ее создателе, самое живое, с массой подробностей изображение жизни В. И. Ленина, появившееся до Октября 1917 г.⁶ «Страничка из истории Российской социал-демократической рабочей партии» была наиболее ценной из прижизненных биографий Ленина, поскольку это единственная авторизованная биографическая работа о вожде. Владимир Ильич просмотрел ее до публикации, сделав несколько исправлений и вставку⁷.

Заслугой Н. К. Крупской является постановка проблемы периодизации жизни и деятельности В. И. Ленина^{1*}, что имело важное значение для написания биографий В. И. Ленина другими авторами. «Страничка из истории» положила начало разработке научной биографии основателя Коммунистической партии и создателя Советского государства.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции создала самые благоприятные условия для изучения биографии В. И. Ленина. Однако эта задача оказалась крайне сложной в исследовательском плане. Потребовались годы и даже десятилетия, усилия и отдельных ученых и творческих коллективов для ее решения.

Е. М. Ярославский оказался в числе самых активных и инициативных деятелей, включившихся в изучение биографии В. И. Ленина. При написании своих работ о Ленине он опирался на труды М. С. Ольминского и особенно Н. К. Крупской, а в дальнейшем и на результаты деятельности вновь созданных учреждений, таких, как Истпарт (1920—1928 гг.) и Институт В. И. Ленина (1923—1931), исследования других деятелей партии, изучавших биографию В. И. Ленина.

В этих условиях творческий опыт Ем. Ярославского непрерывно возрастал и каждая новая его работа о В. И. Ленине совершенствовалась, уточнялась, обогащалась биографическими фактами. Глубже, разностороннее становились оценки характера и деятельности В. И. Ленина. Это объяснялось теоретическим ростом историко-партийной науки, а также постоянным расширением докумен-

^{1*} Н. К. Крупская выделяет следующие периоды в жизни и деятельности В. И. Ленина: 1) детские и юношеские годы — 1870—1893 гг., 2) период складывания партии — 1894—1900 гг., 3) издание «Искры», II съезд РСДРП, нарастание революционного движения — 1900—1905 гг., 4) первая русская революция — 1905—1907 гг., 5) эмиграция в Швейцарию — 1908—1914 гг., 6) период первой мировой войны. Февральская революция — 1914—1917 гг., 7) возвращение В. И. Ленина в Россию — апрель 1917 г. См.: *Крупская Н. К. О Ленине*. М., 1965, с. 12—17.

тальной базы. Работы Ем. Ярославского о Ленине выходили в свет очень быстро. В этом отношении он не имел равных, и можно лишь удивляться его исключительной работоспособности.

После победы Октября необычайно возрос интерес широких народных масс к жизни и деятельности вождя революции. Уже 5 ноября 1917 г. была опубликована биография В. И. Ленина в газете «Известия ВЦИК» под названием «Владимир Ульянов (В. Ленин)» без указания автора. 29 мая 1918 г. «Красная газета» (орган Петроградского Совета) поместила краткое «Жизнеописание тов. Ленина» также без указания автора.

Другие биографические очерки о В. И. Ленине появились в 1918 г. в связи с его ранением 30 августа. Среди них первой вышла брошюра Ем. Ярославского⁸. Она была напечатана 1 сентября издательством ВЦИК. В брошюре в хронологической последовательности кратко (объем брошюры 16 страниц) излагается жизнь и деятельность Ленина, оценивается его роль в создании партии, а также газет «Искра», «Вперед», «Пролетарий», «Звезда», «Правда». Ярославский подчеркнул значение деятельности Ленина по разоблачению оппортунизма во всех его формах.

Брошюра Ем. Ярославского была доступна любой категории читателей. Это была первая биография, в которой о В. И. Ленине говорилось как о главе пролетарского государства, рассказывалось о тех социалистических мерах, которые осуществлялись под его руководством в первый год Советской власти.

Однако брошюра Ем. Ярославского имела определенные недостатки и даже содержала ошибочные сведения. В ней ничего не сказано о Петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», неверно датируется возникновение большевизма как политического течения (оно относится ко времени создания газет «Вперед» и «Пролетарий»), нет достаточной ясности в изложении вопроса относительно обсуждения аграрной программы на IV съезде РСДРП. Это было вызвано прежде всего недостаточным использованием Ярославским ленинских произведений, слабой источниковой базой и крайне сжатыми сроками подготовки брошюры.

В сентябре 1918 г. появилась биография В. И. Ленина, написанная А. Х. Митрофановым⁹. Она была рассчитана на читателей-крестьян, и потому в ней главным образом освещалась аграрная программа РСДРП и начало ее претворения в жизнь после Октябрьской революции. Эта брошюра была менее удачна и по форме изложения и по подбору фактического материала.

К 50-летию В. И. Ленина в 1920 г. за составление его биографии принимаются известные в то время историки партии, для которых эта работа становится одним из основных направлений историко-партийной деятельности: В. В. Адоратский, В. И. Невский, М. С. Ольминский, И. И. Ходоровский, Ем. Ярославский. Особенно просто была написана брошюра В. И. Невского¹⁰. Но стремление автора к доступности привело к известному примитивизму в изложении. Работа Невского страдала и рядом ошибок фактического характера.

Еще при жизни В. И. Ленина делались попытки поднять на более высокий уровень изучение его биографии. В плане работ Истпарта отмечалось, что «в высшей степени желательно создать биографическую литературу, между прочим, потому, что этот род литературы лучше всего запоминается читателям, а также и потому, что многие деятели партии уже сошли в могилу, а их биографий нет, как нет уже и тех, кто мог бы дать жизнеописание первых строителей партии. Достаточно указать на трудности, которые встречали на своем пути лица, думавшие дать хотя бы суррогат биографии тов. Ленина. Скудость или, вернее, отсутствие источников стоит на этом пути непреодолимым препятствием»¹¹. Истпарт энергично принялся за сбор документов о жизни В. И. Ленина, считая эту задачу первостепенной по важности. Требовалось собрать воедино громадное ленинское литературное наследие. Этой цели должно было служить первое издание Собрания сочинений В. И. Ленина (1920—1926 гг.).

Значительное влияние на изучение биографии В. И. Ленина оказало развитие исследований по истории РКП(б) и истории революционного движения в России. Исследования по истории партии стали важнейшей основой для создания научной биографии Ленина.

С 1923 г. начинается новый этап в изучении биографии В. И. Ленина в связи с решением пленума Московского комитета РКП(б) от 31 марта 1923 г. о создании Института В. И. Ленина, задачей которого должно было стать собирание, изучение и пропаганда ленинских трудов¹².

Централизация ленинского наследия и объединение научных сил в Институте В. И. Ленина привели к определенным успехам в подготовке и разработке научной биографии вождя. Трудность ее выполнения и громадный объем подготовительной работы были и тогда достаточно ясны. Поэтому биографические сочинения о В. И. Ленине до 1924 г., в том числе и написанные Ем. Ярославским, не поднимались выше уровня популярных работ. Тем не менее эти работы представляли большую ценность. Они формировали революционное сознание советского народа и закладывали основы для последующих более совершенных работ.

1924 год породил большой поток литературы о В. И. Ленине, главным образом биографической. Партия придавала исключительно важное значение всестороннему глубокому изучению и освоению теоретического наследия В. И. Ленина. XIII съезд РКП(б) принимает постановление «О работе Института Ленина». Съезд призвал всех членов партии, все партийные организации, компартии зарубежных стран помочь сосредоточить в Институте В. И. Ленина все материалы, относящиеся к жизни и деятельности Ленина. Важнейшей задачей Института В. И. Ленина съезд счел «вполне научное и самое тщательное издание Полного собрания сочинений Ленина...»¹³ Кроме того, съезд обратил внимание ЦК на необходимость «настойчиво следить за тщательным изданием всех литера-

турных произведений В. И. Ленина и всего, что печатается о Ленине»¹⁴.

Общим почти для всех биографий В. И. Ленина, изданных в 1924 г., было то, что их авторы в целом придерживались периодизации, данной Н. К. Крупской в 1917 г. (допускалась, правда, большая, чем у Крупской, дробность периодов).

Сразу после кончины В. И. Ленина было издано несколько его биографий, написанных Н. Н. Поповым и Я. А. Яковлевым, Ем. Ярославским, П. Н. Лепешинским, В. А. Карпинским, И. И. Ходоровским¹⁵. Оперативно решая остро вставшую после смерти Ленина задачу ознакомления широких масс трудящихся с жизнью, борьбой и учением вождя, Н. Н. Попов и Я. А. Яковлев создали вдумчивую и серьезную брошюру, хотя написали ее всего за двое суток, сразу после кончины Владимира Ильича. Это удачная популяризация ленинизма, первая биографическая работа о В. И. Ленине, в которой в определенной системе излагалось его учение.

Две книги Ем. Ярославского «Вождь рабочих и крестьян» и «Жизнь и работа В. И. Ленина, 23 апреля 1870 г.—21 января 1924» также были написаны за короткий срок, в конце января — первой половине февраля 1924 г. Первая написана очень простым языком и адресована крестьянам: «...надо, чтобы каждый крестьянин, каждая крестьянка, ребенок в школе и старый дед, уже оканчивающий жизнь свою, знали о Ленине»¹⁶. Имея в виду такое назначение своей брошюры, Ярославский дал ей очень дробное членение: 49 глав при объеме 92 страницы.

В книге «Вождь рабочих и крестьян» Ярославский достаточно полно излагал биографию В. И. Ленина, начиная с детских лет и до его кончины. Просто и доступно рассказал он о сложнейших вопросах истории революционного движения, о борьбе с либеральными народниками и экономистами, значении политической борьбы рабочего класса, о принципах построения Лениным партии нового типа, революционной стратегии большевиков, об отношении к середняку.

Автор подробно разбирал некоторые произведения Ленина. Все-го в брошюре упоминается и цитируется 15 ленинских работ. На их основе Ярославский стремился показать вклад В. И. Ленина в разрешение партийей большевиков аграрного вопроса на всех этапах ее истории и особенно подчеркивал значение разработки Лениным политики военного коммунизма и новой экономической политики. Ем. Ярославский цитировал доклад В. И. Ленина на X съезде РКП(б) о замене продразверстки натуральным налогом и Политический отчет ЦК РКП(б), сделанный Лениным на XI съезде партии. Это значительно подняло теоретический уровень работы. Использование же воспоминаний сестер Владимира Ильича и его соратников по борьбе обеспечили яркость и живость изложения, раскрыли дотоле неизвестные страницы жизни Ильича^{2*}.

^{2*} В 20-е годы воспоминания о В. И. Ленине, в связи со скудостью документальной базы, были одним из главных источников при написании биографии вождя и для Ем. Ярославского, и для других авторов. Ярославский осо-

В целом работа Ем. Ярославского была одним из наиболее удачных опытов биографии В. И. Ленина среди появившихся в 1924 г.^{3*} Ем. Ярославский одним из первых вплотную подошел к разработке научной биографии В. И. Ленина.

Над книгой «Вождь рабочих и крестьян» Ем. Ярославский упорно работал в течение ряда лет: в 1924—1926 гг. она выдержала пять изданий. Ярославский совершенствовал каждое последующее издание, учитывал критику, расширял биографический и общеисторический материал, исправлял допущенные ошибки^{4*}.

Больше всего ошибок встречалось в описании раннего периода деятельности В. И. Ленина, практически нигде не освещенного. Это подчеркивала и А. И. Ульянова-Елизарова в письме к Ем. Ярославскому 21 августа 1924 г.

В книге «Жизнь и работа В. И. Ленина» более четко, чем в брошюре «Вождь рабочих и крестьян», дается периодизация жизни и деятельности В. И. Ленина, в ее основе также периодизация Н. К. Крупской, данная в 1917 г.

Во введении к книге «Жизнь и работа В. И. Ленина» Ем. Ярославский сформулировал ее назначение, указывая, «что рабочая масса хочет иметь книжку, в которой про Ленина было бы рассказано возможно подробнее... Нужна книжка, которая включила бы в себя описание всех главнейших моментов жизни Ленина...» В этой книге Ярославский уделил большое внимание характеристике Ленина как государственного деятеля. Автор широко использовал воспоминания и партийные документы, опираясь на вышедшие в 1924 г. в свет тома Собрания сочинений В. И. Ленина.

Но главными его источниками были все же воспоминания. Первые главы книги, охватывающие детские и студенческие годы Владимира Ильича, полностью построены на воспоминаниях сестер Ленина, а также близких к семье Ульяновых людей. Главы о деятельности Ленина в Петербурге, его первая поездка за границу, арест и пребывание в тюрьме написаны на основе воспоминаний А. И. Ульяновой-Елизаровой. Описывая жизнь Ленина в ссылке, Ярославский использовал воспоминания Ф. В. Ленгника.

В остальных главах первой части воспоминания привлекаются меньше. Здесь автор опирается на партийные документы и труды Владимира Ильича. При написании первой, собственно биографической, части книги Ем. Ярославский использовал около 30 ленинских работ, во всей же книге им использовано более 50 работ В. И. Ленина.

бенно широко использовал воспоминания М. И. Ульяновой при описании детства и юности Владимира Ильича. Глава «Ленин в ссылке в Сибири» целиком написана на основе воспоминаний Г. М. Кржижановского, Ф. В. Ленгника и П. Н. Лепешинского.

^{3*} Тираж книги Ем. Ярославского «Вождь рабочих и крестьян» (50 тыс. экз.) был для того времени весьма значительным (обычный тираж 3 тыс. экз.).

^{4*} Первое издание книги содержало 64 стр., третье, ленинградское издание — 357 стр. Четвертое и пятое издания мало отличаются от третьего по содержанию и объему.

Во второй и особенно третьей частях книги воспоминания соратников Ленина и людей, встречавшихся с ним, приводятся очень широко. В третьей части книги Ем. Ярославский использует обширный газетный материал, в частности официальные сообщения о болезни и смерти Ленина, напечатанные 25 января 1924 г. в «Рабочей газете», и отклики на кончину В. И. Ленина со всего мира.

Таким образом, при работе над книгой «Жизнь и работа В. И. Ленина» Ем. Ярославский максимально мобилизовал весь доступный для него материал. Книга, написанная ярко и живо, пользовалась широкой популярностью. Ярославский получал письма от читателей с выражением глубокой благодарности^{5*}.

Однако надо отметить, что из-за некритического отношения автора к некоторым источникам, в частности к воспоминаниям, книга «Жизнь и работа В. И. Ленина» страдает и рядом неточностей. Понимая несовершенство своей работы, Ем. Ярославский с большим вниманием относился к критическим замечаниям. Их он получал и от читателей, и от родственников Владимира Ильича. Особенно ценными для него были замечания, присланные ему А. И. Ульяновой-Елизаровой в упоминавшемся письме от 21 августа 1924 г.

Ем. Ярославский старался учитывать полученные замечания и новые материалы в дальнейшей работе над книгой. Так, первое популярное издание книги «Жизнь и работа В. И. Ленина, 23 апреля 1870 — 21 января 1924 г.» не имело деления на части. Во втором издании уже появляются три части, которые сохраняются и в последующих изданиях. Первая часть это собственно биографический очерк, вторая часть — «Ленин-человек», третья часть содержит отклики на смерть Владимира Ильича. Впоследствии изменялась лишь микроструктура первой части. Вторая и третья части оставались почти без изменений. Начиная с третьего издания, Ярославский снабжает каждое последующее издание поправками, вводит новые главы, более логично и организованно излагает материал. К 1926 г. книга была значительно улучшена. Ярославский писал в предисловии к третьему, ленинградскому изданию в 1926 г.: «Я ввел те исправления и указания, которые сделаны были мне друзьями, товарищами и родными Ильича, точно так же, как и теми рабочими, которые занимаются в кружках по изучению ленинизма по этой книге...»¹⁷.

Ем. Ярославский в целом верно оценивал основные периоды жизни и деятельности Ленина. Особенно важно, что две трети книги посвящены беспримерной по размаху, глубине и достигнутым

^{5*} Секретарь Туркменского областного комитета Л. А. Сопов в письме от 15 октября 1924 г. выражал горячую благодарность Ем. Ярославскому за его важный труд и писал, какой огромный интерес вызвала эта книга у рабочих, как много пользы она принесла в смысле пропаганды идей ленинизма. Тов. Блюмкин (пioneerский работник) писал Е. М. Ярославскому: «Из всех четырех книг о Ленине мне Ваша книжка особенно понравилась». С. Новиков вспоминал: «Мы жадно впитывали в себя все, что узнавали о Марксе и Ленине. Увлекались книгой Ярославского о Ленине». Цит. по: Байкал, 1968, № 1, с. 145.

результатам деятельности Ленина в послеоктябрьский период, что выгодно отличало работу Ем. Ярославского от одновременно вышедших биографий Ленина других авторов. Однако в книге Ярославского несколько односторонне и неполно раскрыто ленинское учение о партии, а также учение по национальному и аграрному вопросам.

Но несмотря на все крупные и мелкие недочеты, книга Ем. Ярославского «Жизнь и работа В. И. Ленина» стала большим шагом вперед для ее автора. Как справедливо отмечалось в одной из рецензий на книгу, фрагменты биографии Ленина войдут почти целиком в число основных материалов в будущее многотомное жизнеописание В. И. Ленина¹⁸.

1917 — середина 20-х годов были для Ем. Ярославского временем становления как историка партии и биографа В. И. Ленина. Именно этим в значительной мере объясняются недостатки, имеющиеся в его работах.

Этап дальнейшей разработки Ем. Ярославским биографии В. И. Ленина охватывает период с середины 20-х до начала 40-х годов. В эти годы он издал свои лучшие книги о Ленине и зарекомендовал себя в качестве вдумчивого и непрерывно растущего в творческом отношении исследователя, внесшего наибольший вклад в создание научной биографии В. И. Ленина.

Содержание новых работ Ем. Ярославского о В. И. Ленине отражало изменение условий, в которых протекала деятельность большевистской партии и развивалась историко-партийная наука. Так, в 20-х годах Ем. Ярославский принял самое деятельное участие в борьбе с троцкизмом и разоблачении троцкистской фальсификации истории партии, его мелкобуржуазной сущности и антиленинской направленности.

В серии статей, опубликованных в «Правде», в журналах «Большевик», «Коммунистический Интернационал», «Пролетарская революция», «Борьба классов» и др., в многочисленных брошюрах Ем. Ярославский характеризует многогранную деятельность В. И. Ленина как непревзойденного теоретика, вдохновителя и организатора всех важнейших мероприятий большевистской партии и Советского государства, уделив особое внимание оценке Ленина как единственного вождя Октябрьской революции, ее гениального стратега и тактика, разоблачая тем самым идеологические диверсии Троцкого и троцкистов.

В своих работах 20 — начала 30-х годов, посвященных В. И. Ленину, Ярославский использовал возросшие возможности обращения к работам Ленина, опубликованным в первом и втором изданиях его сочинений. Он опирался также на многочисленные воспоминания соратников Ленина, родственников^{6*}, в особенности на

^{6*} На протяжении 20—30-х годов с воспоминаниями о В. И. Ленине выступили В. А. Антонов-Овсеенко, В. Я. Чубарь, В. Д. Бонч-Бруевич, В. В. Адоратский, М. И. Калинин, Г. М. Кржижановский, А. В. Луначарский, М. А. Сильвин, И. В. Сталин, Г. К. Орджоникидзе, И. А. Семашко, А. Е. Бадаев, Н. Л. Мещеряков, В. А. Карпинский, А. В. Шотман, Э. А. Рахья, Я. С. Ганецкий,

биографические очерки сестры Ленина А. И. Ульяновой-Елизаровой¹⁹, на работы большевистских литераторов В. В. Адоратского²⁰, В. Г. Сорина²¹, П. М. Керженцева²², посвященные Ленину, на новые учебники по истории ВКП(б) А. С. Бубнова²³, В. Г. Кюрина²⁴, в которых содержались вновь вводимые в научный оборот материалы о Ленине.

В 20—30-е годы научное творчество Ем. Ярославского приобретает комплексный характер. Он продолжает свою работу над биографией Ленина и одновременно систематически издает учебники по истории большевистской партии, а также специальные тематические работы в этой области. Эти направления его деятельности не только находились в органической связи, но и во взаимодействии, способствуя обогащению каждого из них.

Наиболее значительным достижением Ем. Ярославского в разработке биографии В. И. Ленина был его труд, первоначально изданный в 1934 г.

В связи с 10-летием со дня смерти В. И. Ленина ИМЭЛ^{7*} сосредоточил внимание на публикации материалов, освещающих жизнь и деятельность вождя. В 1933—1934 гг. была выпущена специальная серия воспоминаний о В. И. Ленине, состоявшая из 25 книг и брошюр. Началось более систематическое собирание документов и других материалов для научной биографии В. И. Ленина. Велась работа по составлению биохроники, которая должна была стать основой научной биографии²⁵.

Наряду с работой, направленной на создание научной биографии В. И. Ленина, ИМЭЛ выпустил несколько его научно-популярных биографий. Наиболее крупные из них принадлежали перу Ем. Ярославского и П. М. Керженцева²⁶.

Ем. Ярославский писал свою книгу «Биография Ленина» по заданию ИМЭЛ, о чем свидетельствует его письмо от 23 ноября 1933 г.

Тот факт, что Ем. Ярославский написал книгу по заданию Института Маркса—Энгельса—Ленина, говорит о признании его как авторитетного биографа В. И. Ленина, и действительно, за плечами Ем. Ярославского был немалый опыт. Тем не менее подготовка новой биографии В. И. Ленина представляла и для него большую сложность.

Биография В. И. Ленина, написанная Ем. Ярославским, имела довольно обширную и обогащенную источниковую базу: второе и третье издания Сочинений В. И. Ленина, двадцать три «Ленинских

М. П. Голубева п др. В 1924 г. начала писать свои замечательные «Воспоминания о Ленине» Н. К. Крупская. Выступила также с воспоминаниями А. И. Ульянова-Елизарова, М. И. Ульянова и Д. И. Ульянов.

^{7*} В 1931 г. Институт В. И. Ленина при ЦК ВКП(б) и Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР были объединены в единый Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) (ИМЭЛ). Положением об институте, утвержденным ЦК партии, предусматривалось, что одной из его задач является «изучение и содействие изучению жизни и деятельности Маркса, Энгельса, Ленина и их учения» (Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б): Отчет XVII съезду ВКП(б). М., 1934, с. 15).

сборника», «Письма к родным», опубликованные «Даты жизни и деятельности Ленина» (1870—1924), первые пять томов Ленинианы (1926—1930 гг.)²⁷, ранее вышедшие работы, освещавшие отдельные периоды биографии Владимира Ильича²⁸, воспоминания.

Автор предъявлял к своей работе высокие требования, стремился возможно полнее изложить биографию вождя революции. Совершенно очевидно, что Ем. Ярославский высоко ценил советы Н. К. Крупской по поводу биографии Ленина. Н. К. Крупская справедливо замечала, что надо писать биографию Владимира Ильича «на фоне событий, больше обращая внимание на то, как реагировал Владимир Ильич и вся партия на те или иные события, куда и зачем вел он партию. Необходимо показать Ленина как стратега, как организатора, как вождя масс»²⁹. В предисловии к своей работе Ем. Ярославский так формулирует стоявшую перед ним задачу: «...миллионы людей... хотят и должны знать, как рос и воспитывался маленький Володя Ульянов-Ленин, как он учился, как он превратился в революционного борца за рабочее дело, за победу коммунизма, как он вел эту борьбу на протяжении своей жизни».

В своей книге мы рассказываем про жизнь Вл. Ильича Ленина, про его борьбу. В этой книге мы рассказываем о том великом и прекрасном, что сделал Ленин и что завещал нам — его последователям и ученикам»³⁰.

В «Биографии Ленина» Ем. Ярославский дает, по существу, ту же периодизацию жизни и деятельности Ленина, что и А. И. Ульянова-Елизарова в своем очерке в Энциклопедическом словаре Граната³¹. Эта периодизация приближалась к научной и позволяла автору в большей мере реализовать поставленную автором задачу изобразить жизнь Владимира Ильича «на широком историческом фоне» и «дать цельного Ленина, а не зарисовки по кусочкам». Нельзя сказать, чтобы Ярославский достиг в этом направлении полного успеха, но «Биография Ленина» 1934 г. была для него большим шагом вперед в становлении и развитии как биографа В. И. Ленина.

Отличительная черта «Биографии Ленина» заключается в более глубокой разработке биографии вождя в целом и отдельных ее этапов в частности. Значительно расширены материалы, характеризующие основные этапы в истории партии и революционной борьбы пролетариата. Здесь, несомненно, положительно сказалась кропот-

³¹ Ем. Ярославский выделяет: детство и отрочество Ленина; его юные годы и первая революционная работа; создание и деятельность Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»; Ленин в сибирской ссылке; создание партии большевиков; Ленин в революции 1905 г.; жизнь Ленина за границей в 1907—1914 гг.; Ленин во время империалистической войны 1914—1918 гг.; 1917 год; Ленин в гражданскую войну; проведение в жизнь чрезвычайных мер периода военного коммунизма; покушение на В. И. Ленина; Ленин — организатор Коммунистического Интернационала; введение нэпа; как жил и работал В. И. Ленин; болезнь, смерть и похороны В. И. Ленина.

ливая работа Ем. Ярославского над изданием обобщающих трудов по истории партии в виде учебников, особенно «Истории ВКП(б)», и работа по написанию отдельных брошюр о жизни и деятельности В. И. Ленина, что позволило автору накопить и осмыслить большой новый фактический материал, а это, в свою очередь, дало ему возможность перейти к качественно новому этапу в разработке научной биографии В. И. Ленина.

В книге 1934 г. Ярославский особенно полно изложил жизнь и борьбу Ленина в дооктябрьский период. Дана обстоятельная характеристика семьи, ее влияния на формирование личности Ленина. Хорошо освещены казанский и самарский периоды жизни Владимира Ильича. Факты излагаются достаточно точно. Все это свидетельствует о том, что автор внимательно изучил новые источники по ранним периодам жизни Ленина, главным образом, биографические работы А. И. Ульяновой-Елизаровой. Однако в отличие от Ульяновой-Елизаровой, которая считала началом партийной деятельности Ленина 1892 г., и Н. К. Крупской, выдвигавшей дату 1894 г., Ярославский останавливается на более верной дате — 1893 г., которую сам В. И. Ленин считал началом своей партийной работы, о чем свидетельствуют его ответы в «Анжете для перерегистрации членов Московской организации РКП(б)» и в анкете делегатов IX конференции РКП(б)³¹.

Ярославский часто аргументирует положения книги ссылками на высказывания самого В. И. Ленина, подробно анализирует наиболее крупные его труды дооктябрьского периода. В целом в «Биографии Ленина» автором цитируется более сорока ленинских произведений.

Ем. Ярославский удачно соединяет в единое целое изложение чисто личных фактов жизни В. И. Ленина с характеристикой его кипучей организационной и теоретической деятельности, излагая приведенные материалы в неразрывной связи с историей партии. Биография Ленина, написанная Ем. Ярославским в 1934 г., в ряде моментов выгодно отличалась от всех предыдущих изданий, поскольку в ней анализировались положительные и отрицательные стороны в деятельности группы «Освобождение труда», впервые показывалась разница между революционными народниками 1870-х годов и либеральными народниками 1890-х годов, раскрыта борьба В. И. Ленина против последних.

В биографии В. И. Ленина, изданной в 1934 г., в главе «Ленин возвращается из ссылки и приступает к организации партии» Ярославский сосредоточил большой материал, характеризующий огромную теоретическую и практическую деятельность В. И. Ленина, подготовившую возникновение большевизма.

Ем. Ярославский подробно остановился на деятельности В. И. Ленина в редакции «Искры», на его борьбе за проведение подлинной революционной линии в рабочем движении. Автор подчеркивал, что, хотя кроме Ленина, в газете были и другие редакторы — Плеханов, Мартов, Засулич, Аксельрод, Потресов, — фактически газетой руководил Владимир Ильич и она была ленинской «Искрой». «...Работавшие в России товарищи, — писал Ем. Ярослав-

ский, — читая газету „Искра“, видели и убеждались в том, как правильно Ленин разъяснял один вопрос за другим, как он помогает им в работе. Поэтому имя Ленина стало в самое короткое время знаменем борьбы за создание партии, объединяющей все разрозненные в России организации. А к этому толкала революционная борьба, которая в это время все больше разгоралась и требовала руководства из единого центра. Работа Ленина поэтому имела огромное значение для создания партии»³². Ярославский указывал, что Ленин боролся за создание партии нового типа, «боевой партии рабочего класса», идеологические и организационные основы которой Владимир Ильич изложил в работе «Что делать?».

Таким образом, на основе обширного материала Ярославский делает вывод, что В. И. Ленин выполнил огромную работу по выработке программы революционных марксистов, а также организационных, тактических основ партии нового типа, что позволило создать II съезд РСДРП.

В «Биографии Ленина» 1934 г. издания Ем. Ярославский правильно определяет значение II съезда партии, приводит ленинскую оценку момента возникновения большевизма: «Большевиками мы стали называться только в 1903 году, когда мы собрались в Лондоне на Второй съезд партии, где Ленин вступил в бой со всеми оппортунистами по вопросам: ...диктатуры пролетариата, из-за устава партии, из-за того, как должна быть построена партия, кто может считаться членом партии, из-за национального вопроса. Поэтому мы, большевики, считаем II съезд партии съездом, который положил *начало* существованию нашей партии. Создание большевистской партии имело огромное значение для судьбы всей русской революции. Без нее революция не победила бы. Большевистская партия стала образцом, примером для рабочих партий всего мира»³³. К сожалению, эта правильная оценка II съезда партии и роли В. И. Ленина не нашла должной разработки в последующих трудах Ем. Ярославского.

В своей работе Ярославский впервые уделил столь пристальное внимание борьбе В. И. Ленина против троцкизма на всех этапах истории партии. Он подчеркивал, что уже после II съезда РСДРП Ленин ведет большую теоретическую и политическую работу по разоблачению меньшевистской сущности платформы Троцкого в области партийного строительства, изложенной им в брошюре «Наши политические задачи» (1904 г.) и преследовавшей цель оправдания и теоретического обоснования раскольнической деятельности меньшевиков, пересмотра решений II съезда³⁴. Ем. Ярославский указывал, что замысел Троцкого — нанести удар по ленинским организационным принципам строительства пролетарской партии — потерпел крах. В борьбе против Троцкого и троцкизма Ленин защитил и развил учение о партии нового типа³⁵.

Много сделал Ем. Ярославский для разработки в «Биографии Ленина» с правильных партийных позиций важнейших вопросов истории большевизма 1905—1907 гг. Излагая и отстаивая ленинскую концепцию первой русской революции, автор уделил главное

внимание раскрытию причин, характера и движущих сил революции. Ем. Ярославский старался осветить вопросы, связанные с разграничением задач буржуазной и буржуазно-демократической революции, с пониманием процесса перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. При этом он акцентировал внимание на многоплановой теоретической и практической деятельности В. И. Ленина в подготовке революции и руководстве ею, давал емкую характеристику заслуг В. И. Ленина.

Оценивая характер и движущие силы революции, Ярославский писал: «Мы, большевики, под руководством Ленина считали, что эта революция будет буржуазно-демократической... В этой революции вождем, гегемоном... выступит рабочий класс. Он поведет за собой революционные массы крестьянства, в союзе с которым он борется за то, чтобы революция до конца раздалась с царским самодержавием и остатками крепостничества»³⁶.

Осваивая ленинскую концепцию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, Ярославский наряду с другими историками столкнулся с большими трудностями.

Еще в 1928 г. в тезисах Истпарта и Агитпропотдела ЦК ВКП(б) к 25-летию II съезда РСДРП не было выражено четкое представление о ленинской идее перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. В тезисах утверждалось, что абсолютную гарантию прочности социалистического переворота в России «может дать лишь совершение этого переворота вместе с социалистическим пролетариатом Запада, уже созревшим для социализма»³⁷. В 1929—1930 гг. в Обществе историков-марксистов при Комакадемии прошла дискуссия по проблеме перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, но единого мнения достигнуто не было³⁸.

Решение этой проблемы в учебнике Ем. Ярославского «История ВКП(б)» (М., 1933) было новым завоеванием историко-партийной историографии 30-х годов. Ем. Ярославский писал там, что Ленин не считал необходимым какой-либо интервал между двумя революциями, что еще до революции 1905 г. Ленин и партия большевиков защищали возможность и необходимость перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, а в эпоху империализма это означает возможность победы социализма в одной стране³⁹. «Ленин ставил лишь вопрос,— указывал Ярославский,— о тесном взаимоотношении между революцией в России и революцией на Западе»⁴⁰.

В «Биографии Ленина» (М., 1934) Ем. Ярославский подчеркивал: «...Революция на этом не остановится. Она немедленно, в меру сил рабочего класса и беднейшего крестьянства, переходит к революции социалистической... Это переход к диктатуре пролетариата, и социалистическому государству»⁴¹. В этой же книге впервые в историко-партийной литературе приводились слова В. И. Ленина о том, что свержение царского самодержавия, победа революции будут «поворотным пунктом в истории всех стран»⁴².

Ем. Ярославский показал, какую огромную ценность представляет работа В. И. Ленина для разоблачения теории «перманентной революции» Троцкого. Автор выделил мысль В. И. Ленина о том, что в представлении Троцкого непрерывность означала не последовательность, а одновременность решения всех политических задач, стоящих перед пролетариатом и в буржуазно-демократической и в социалистической революциях. В связи с этим, отмечал Ярославский, В. И. Ленин в 1909 г. писал об основной ошибке Троцкого, а именно — игнорировании буржуазного характера революции, отсутствии ясной мысли по вопросу о переходе от этой революции к революции социалистической⁴³. Ярославский особенно выделил мысль, что выводы теории «перманентной революции» о необходимости использования «случайно» доставшейся русскому рабочему классу власти для «подстегивания» мировой революции и о «реакционности крестьянства» были подвергнуты В. И. Лениным уничтожающей критике⁴⁴.

Таким образом, «Биография Ленина», написанная Ем. Ярославским, внесла свой вклад в идейное разоблачение троцкизма, подчеркнула выдающуюся роль В. И. Ленина в борьбе с оппортунизмом.

Послеоктябрьский период жизни и деятельности В. И. Ленина освещается в книге Ярославского очень бегло. В этой части книги целостность изложения биографии В. И. Ленина нарушается и не создается образа Ленина «как мыслителя, как стратега, как организатора, как вождя масс»⁴⁵. Но растянутость в изложении дооктябрьского периода и схематизм в характеристике послеоктябрьских лет жизни В. И. Ленина и его деятельности были типичным недостатком практически всех ленинских биографий того периода. Достаточно для этого сослаться на упоминавшуюся работу П. М. Керженцева «Жизнь Ленина», в которой большое внимание уделено изложению ленинского учения, его идей. В ней также широко цитируются произведения В. И. Ленина всех периодов. Например, в этой биографии впервые не только говорится о ленинской трактовке национального вопроса, но и излагается его учение в целом. Хорошо показана в книге П. М. Керженцева и деятельность Ленина в 1918—1920 гг.

Но сравнивая эти две работы — «Жизнь Ленина» П. М. Керженцева и «Биографию Ленина» Ем. Ярославского, было бы неверно отдать предпочтение какой-либо из них в качестве научной биографии вождя. Создание научной биографии В. И. Ленина могло быть только результатом коллективных усилий. Однако опыт написания биографий В. И. Ленина в середине 30-х годов в свете преемственности научных знаний сохраняет свое значение и сегодня.

Второе издание «Биографии Ленина» Ем. Ярославского вышло в 1938 г. Оно отличается от первого издания 1934 г. объемом (11,5 печ. листа вместо 8). Структура книги не изменена. Основное внимание автор уделяет анализу теоретической деятельности В. И. Ленина, и в этом плане добавлено много нового материала. Практически в каждой главе книги виден более глубокий и обстоя-

тельный разбор основных направлений деятельности Ленина в описываемый период.

Ярославский впервые подробно останавливается на критике Лениным «легалного марксизма» и в связи с этим подробно анализирует работу Владимира Ильича «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве»⁴⁶, значительно детальнее показана борьба Ленина за создание «Искры» и его неутомимая деятельность, направленная на организацию марксистской партии нового типа⁴⁷. Но особенно много нового внесено в главы, касающиеся периода первой русской революции. Автор придает важное значение изложению ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую и в связи с этим дается резкая критика позиции Троцкого по вопросу перерастания. «Позиция Троцкого,— пишет Ем. Ярославский,— гнуснейшая разновидность меньшевизма... Троцкий верил лишь в могущество буржуазии. Поэтому Троцкий хуже, вреднее других меньшевиков»⁴⁸.

В ленинской биографии 1938 г. впервые упоминается факт пребывания Ленина в Москве в январе 1906 г. и его участие в совещании московских большевиков об итогах декабрьского вооруженного восстания⁴⁹.

Ем. Ярославский значительно расширяет материал о деятельности Ленина в период реакции и нового революционного подъема. Он заостряет внимание на борьбе Ленина с троцкизмом в тот период. «Троцкий пытался прикрыть ликвидаторство фразами о „примирении“ и „объединении“ большевиков с меньшевиками,— писал Ярославский.— Поэтому Ленин называл Троцкого Иудушкой, говорил, что троцкизм — это худший вид ликвидаторства»⁵⁰.

Ем. Ярославский впервые излагает взгляды В. И. Ленина по национальному вопросу в 1911—1914 гг., показывает его непримиримую борьбу с теорией «культурно-национальной автономии», за право наций на самоопределение, его критику позиции Розы Люксембург. Ярославский показал и борьбу Ленина с ошибками Бухарина, Пятакова и Радека в национальном вопросе в период первой мировой войны⁵¹.

В главе о первой мировой войне Ярославский подчеркивает значение дальнейшего развития В. И. Лениным теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую и характеризует теорию неравномерности развития капитализма в последней, империалистической его стадии и обоснования Лениным возможности прорыва фронта империализма в наиболее слабом звене. Автор анализирует в этой связи статью Ленина «О лозунге Соединенных Штатов Европы»⁵².

Ярославский вносит существенные изменения в главу относительно борьбы В. И. Ленина за заключение Брестского мира. Он со всей резкостью вскрывает неприглядную роль Троцкого в вопросе о мире, позицию «левых коммунистов» и бескомпромиссную борьбу Владимира Ильича за подписание мирного договора⁵³.

Следует отметить, что в книге расширен послеоктябрьский раз-

дел, однако он значительно уступает и по полноте изложения, и по глубине понимания главам, охватывающим биографию В. И. Ленина до Октября 1917 года.

Вместе с тем на работу Ем. Ярославского оказали влияние некоторые представления, получившие распространение с середины 30-х годов, особенно связанные с известным преувеличением роли И. В. Сталина в истории Коммунистической партии⁵⁴. В результате создавалось неверное представление о действительной роли В. И. Ленина, о том месте, какое он по праву занимал как создатель и вождь Коммунистической партии, вдохновитель и организатор социалистической революции, основатель Советского государства. Этим недостатком страдали практически все биографии В. И. Ленина, издававшиеся в то время.

В 1940 г. выходит третье издание книги Ем. Ярославского «Биография В. И. Ленина». В этой работе он еще более расширяет фактический материал, главным образом по дооктябрьскому периоду жизни и деятельности В. И. Ленина. Но в рассматриваемой книге Ярославский допускает отступление от высказанных ранее правильных положений. Если в «Биографии Ленина» 1934 г. Ярославский верно оценил значение II съезда партии, то в 1940 г. он пишет: «Второй съезд не оказался на высоте положения. Съезд этот испытал колебания по вопросу о том, как и какую партию надо строить. Меньшевики не были изолированы в партии, не были разоблачены перед рабочим классом. Эта задача не была даже поставлена съездом перед партией...»⁵⁵.

Далее Ярославский указывает, что из образовавшейся на II съезде РСДРП группы большевиков *впоследствии* выросла большевистская партия⁵⁶. Стало быть, Ярославский в 1940 г. находил, что на II съезде не возникла большевистская партия, что она сложилась позднее. Не считает Ем. Ярославский съездом, положившим начало партии, и III съезд РСДРП. Он пишет: «Накануне первой русской революции начала создаваться партия большевиков...»⁵⁷. И вплоть до 1912 г. партия большевиков, по мнению Ярославского, не была создана. «В январе 1912 года,— указывает он,— была созвана за границей, в Праге, Всероссийская партийная конференция. Необходимо было фактический разрыв с меньшевиками и ликвидаторами „слева“ довести до конца и оформиться в отдельную партию — партию нового типа, отличную от обычных социал-демократических партий Запада, свободную от оппортунизма, способную повести пролетариат на борьбу за власть. Эту задачу выполнила Пражская конференция...»⁵⁸.

Анализ фактического материала, приведенного в статье, показывает, что Ем. Ярославский является одним из наиболее целеустремленных биографов В. И. Ленина, достигших в этой области наиболее значительных результатов.

Начав свою деятельность в качестве биографа В. И. Ленина еще в дооктябрьский период, Ем. Ярославский прошел длительный и трудный путь, непрерывно обогащая свой опыт на основе достижений молодой историко-партийной науки и удовлетворяя возраста-

шие потребности коммунистов и беспартийных трудящихся масс.

В результате труды Ем. Ярославского о жизни и деятельности В. И. Ленина непрерывно совершенствовались в теоретическом отношении, обогащались фактическим содержанием. Если первые из них, относившиеся к 1917 — середине 20-х годов, представляли собой газетные статьи и небольшие популярные брошюры, предназначенные для широких масс читателей, впервые знакомившихся с биографией В. И. Ленина, то последующие работы Ярославского, посвященные жизни и деятельности вождя большевистской партии и основателя Советского государства, все более обретали форму научных исследований. Они опирались на возрастающий опыт историко-партийной науки в овладении ленинской методологией, на новые источники и работы других видных партийных публицистов о В. И. Ленине.

Ем. Ярославский внимательно изучал прежде всего важнейшие первоисточники — произведения В. И. Ленина, воспоминания его родных и близких, соратников по революционной борьбе, новые биографические работы о В. И. Ленине, уточнял на основе всех этих источников и литературы фактическую канву биографии В. И. Ленина, расширял и обогащал свои теоретические обобщения, все более полно раскрывал творческую лабораторию В. И. Ленина и тем самым углублял свой исследовательский опыт.

Сильной стороной Ярославского как биографа В. И. Ленина было его стремление показать, что деятельность вождя пролетариата протекала в неразрывной связи с революционной борьбой большевистской партии и трудящихся масс, что биография В. И. Ленина и история партии большевиков неразрывны и взаимообусловлены.

Другой важной стороной творчества Ем. Ярославского как биографа В. И. Ленина было его желание и умение прислушиваться к критическим замечаниям его соратников по изучению жизни и деятельности Владимира Ильича, к мнению рядовых читателей.

В конечном итоге изучение Ярославским биографии В. И. Ленина оказалось одним из важнейших направлений его творческой деятельности, находившимся в органической связи с другим направлением — изучением истории большевистской партии, они взаимодействовали и взаимообогащались. Работа над биографией вождя партии сыграла большую роль в постоянном творческом росте Ем. Ярославского и формировании его как историка партии.

На протяжении 1917 — начала 40-х годов Ем. Ярославский был наиболее интенсивно работавшим биографом В. И. Ленина. Ему принадлежало наибольшее число работ о В. И. Ленине среди всех партийных публицистов, обратившихся к этой важнейшей и сложнейшей теме. Последние же наиболее значительные работы Ярославского о В. И. Ленине оказались близкими к образу научной биографии В. И. Ленина, подготовленной ИМЛ. Работы Ярославского послужили для данного издания одним из основных источников, подготовили для него почву и тем самым помогли его созданию.

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 226.
- ² Там же. Полн. собр. соч., т. 8, с. 96.
- ³ Малый энцикл. словарь / Брокгауз и Ефрон. 1900. т. 2. стб. 760; Энцикл. словарь. т. 2 / Под ред. Филиппова М. М., 1901, стб. 1417; и др. Подробнее см.: Волин М. С. Дореволюционные биографические публикации о В. И. Ленине. — Вопр. истории КПСС, 1970, № 7, с. 114—119.
- ⁴ Батулин Н. Н. Очерк истории социал-демократии в России. М., 1906; Лядов М. Н. История Российской социал-демократической рабочей партии. СПб., 1906, ч. 1. Возникновение с.-д. движения в России (1883—1897).
- ⁵ Ворогобкин И. Т. Из истории создания научной биографии В. И. Ленина в СССР. — Пробл. историографии и источниковедения истории КПСС, Л., 1971, вып. 1, с. 177.
- ⁶ См.: Крупская Н. К. О Ленине. М., 1965, с. 12—17.
- ⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 73.
- ⁸ Ярославский Ем. Великий вождь рабочей революции: Владимир Ильич Ульянов-Ленин. М., 1918.
- ⁹ Митрофанов А. X. Вождь деревенской бедноты В. И. Ульянов-Ленин: Биограф. очерк. 1-изд., М., 1918.
- ¹⁰ Невский В. И. В. И. Ульянов (Н. Ленин). М., 1920. Вышло пять изданий этой брошюры. Последнее — в 1925 г.
- ¹¹ Бюл. Истпарта, 1921, № 1, с. 10.
- ¹² Отчет XIV партийному съезду Института В. И. Ленина при ЦК РКП(б). М., 1925, с. 7.
- ¹³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970, т. 3, с. 122.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Попов Н. Н., Яковлев Я. А. Жизнь Ленина и ленинизм. М., 1924; Ярославский Ем. Вождь рабочих и крестьян. Л., 1924; Он же. Жизнь и работа В. И. Ленина, 23 апреля 1870 — 21 января 1924. М., 1924; Лепешинский П. Н. Жизненный путь Ильича. Л., 1924; Карпинский В. А. Что заповедовал нам Ленин своей жизнью, работой и учением. М., 1924; Ходоровский И. И. В. И. Ленин — великий вождь и учитель трудящихся, 1870—1924: Попул. очерк для рабочих и крестьян. М.; Л., 1924.
- ¹⁶ Ярославский Ем. Вождь рабочих и крестьян, с. 3.
- ¹⁷ Ярославский Ем. Жизнь и работа В. И. Ленина. 3-е изд. Л., 1926, с. 7—8.
- ¹⁸ Известия, 1924, 27 марта.
- ¹⁹ Ульянова-Елизарова А. И. Ленин (Ульянов) Владимир Ильич. — В кн.: Энцикл. словарь / Бр. Гранат, 1925, т. 41, ч. 1, прил. стб. 304—326.
- ²⁰ Адоратский В. В. К вопросу о научной биографии В. И. Ленина. — Пролетарская революция, 1930, № 1(93), с. 3—27.
- ²¹ Сорин В. Г. В. И. Ленин, 1870—1924: Крат. биогр. В. И. Ленина. — Избр. произведения: В 6-ти т. Л., 1930, т. 1, с. XI—XX.
- ²² Керженцев П. М. Жизнь Ленина. М., 1934.
- ²³ Бубнов А. С. Основные моменты в развитии Коммунистической партии в России. М., 1921; Он же. ВКП(б). М., 1930.
- ²⁴ Кнорин В. Г. Краткая история ВКП(б). М.; Л., 1934.
- ²⁵ Подробнее см.: Савицкая Р. М. Разработка научной биографии В. И. Ленина. — Вопр. истории, 1971, № 4, с. 13.
- ²⁶ Ярославский Ем. Биография Ленина. М., 1934.
- ²⁷ В 1931 г. Институтом В. И. Ленина при ЦК ВКП(б) публикуется отдельная книга под названием «Даты жизни и деятельности Ленина, 1870—1924». В 1933 г. выходит второе, уточненное издание, с приложением географической карты, где указывались места в России и за границей, где побывал Ленин. В 1934 г. ИМЭЛ при ЦК КПСС выпускает две книги: «В. И. Ленин в эпоху II съезда и раскола партии: Из хроники жизни и деятельности» и «Два месяца работы В. И. Ленина: Из хроники жизни и деятельности. Январь — февраль 1921 г.» (Подробнее см.: Зевелев А. И., Кулешов С. В. Биографическая хроника В. И. Ленина и историко-партийная наука. М., 1978, с. 7—10).
- ²⁸ Например, книга В. Алексеева и А. Швер «Семья Ульяновых в Симбирске (1869—1887 гг.)», присланная Ем. Ярославскому Институтом Ленина при ЦК ВКП(б). (См.: ЦПА ИМЛ, ф. 89, оп. 8, д. 978).

- ²⁹ Ист. арх., 1957, № 2, с. 32.
- ³⁰ Ярославский Е. М. Биография Ленина, М., 1934, с. 7.
- ³¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 466; между с. 280 и с. 281 факсимильное воспроизведение.
- ³² Ярославский Е. М. Биография Ленина, М., 1934, с. 27.
- ³³ Там же, с. 28.
- ³⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 72—74; т. 46, с. 389.
- ³⁵ Ярославский Е. М. Биография Ленина, М., 1934, с. 29—31.
- ³⁶ Там же, с. 35.
- ³⁷ К двадцатипятилетию II съезда партии, 1903—1928. М.; Л., 1928, с. 35.
- ³⁸ Полов К. Проблема перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. М., 1930, с. 11—12; Подробнее см.: Алаторцева А. И. Журнал «Историк-марксист», 1926—1941 гг., с. 152—153.
- ³⁹ Ярославский Е. М. История ВКП(б) М., 1933, ч. 1, с. 117—119.
- ⁴⁰ Там же, с. 119.
- ⁴¹ Ярославский Е. М. Биография Ленина, М., 1934, с. 35.
- ⁴² Там же, с. 52.
- ⁴³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 381.
- ⁴⁴ Ярославский Е. М. Биография Ленина, М., 1934, с. 38—40.
- ⁴⁵ Ист. арх., 1957, № 2, с. 32.
- ⁴⁶ Ярославский Е. М. Биография Ленина, М., 1938, с. 24—25.
- ⁴⁷ Там же, с. 32—40.
- ⁴⁸ Там же, с. 51.
- ⁴⁹ Там же, с. 67.
- ⁵⁰ Там же, с. 65.
- ⁵¹ Там же, с. 73—75, 85.
- ⁵² Там же, с. 86.
- ⁵³ Там же, с. 113—115.
- ⁵⁴ Варшавчик М. А., Спириин Л. М. О научных основах изучения истории КПСС. М., 1978, с. 153.
- ⁵⁵ Ярославский Е. М. Биография В. И. Ленина, М., 1940, с. 43—44.
- ⁵⁶ Там же, с. 44.
- ⁵⁷ Там же, с. 45.
- ⁵⁸ Там же, с. 76.

А. В. МИШУЛИН КАК ИСТОРИК АНТИЧНОСТИ

А. С. Шофман

Александр Васильевич Мишулин (1901—1948) был видным ученым, специалистом по истории древнего мира, внесшим значительный вклад в изучение важнейших проблем социально-экономической истории античности, методологии и историографии, истории древних славян и международных отношений.

Начало его научной и педагогической деятельности совпало с периодом становления советского антиковедения. Этот процесс настоятельно требовал глубокого освоения марксистско-ленинского наследия, умения применять марксистскую методологию в практической работе. Дискуссии начала 1930-х годов о социально-экономических формациях, в которых активное участие принимал А. В. Мишулин, способствовали правильному пониманию основных закономерностей античного общества, стали важным стимулом для

осмысления основных этапов возникновения, развития и гибели греко-римского мира.

Еще на заре своей научной деятельности А. В. Мишулин острым чутьем историка сумел правильно определить точку приложения своих сил. Интересуясь всеми областями древней истории, он особое внимание уделил краеугольным проблемам античности. Одна из них касалась античной экономики и ее рабовладельческой основы, другая — восстаний рабов. Этими вопросами ученый занимался до последних дней своей жизни. В 1932 г. выходит его труд «О воспроизводстве в античной общественной формации»¹. Несмотря на некоторый схематизм, эта работа была в то время исключительно нужной и сыграла большую роль в разработке теоретико-методологических проблем социально-экономической истории древнего мира.

Из большого комплекса вопросов, связанных с социально-экономической структурой античной формации, А. В. Мишулин специально исследовал проблему воспроизводства античных отношений и пришел к выводу о том, что античной, как и любой другой формации «свойственны ей только присущие законы производства, а следовательно, и воспроизводство условий античных отношений»². В связи с этим подчеркивалось коренное отличие процесса воспроизводства в античном обществе от воспроизводства в обществе капиталистическом, доказывалось, что экономические категории капитализма нельзя приложить к условиям античного способа производства. Проанализировав специфическую роль денег, природу товара и характер «капитала» при рабовладельческом способе производства, А. В. Мишулин показал принципиальную разницу между капитализмом и античностью. Опираясь на высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса об античной экономике, ученый резко выступил против двух господствовавших в буржуазной науке направлений, возглавляемых К. Бюхером и Эд. Мейером. Одно постулировало натуральные основы хозяйства в древнем мире, принижая, особенно хозяйство древней Греции, до уровня «домашней» (ойкосной) формы; другое отрицало рабство как базу античной экономики и приносило в античность закономерности, присущие капиталистическим отношениям. А. В. Мишулин внимательно изучил роль рабов в производстве, формы и способы их эксплуатации. Специально коснулся он и источников рабства, раскрыв социальную функцию войн в античном мире как средства воспроизводства рабочей силы³. Именно с этим связал А. В. Мишулин гипертрофированное развитие военного производства, которое он считал характерным для античной экономики. Такая однобокость развития античного производства приводила, по его мнению, к замедленным темпам развития других его отраслей, что порождало целый ряд противоречий, которые, в свою очередь, вызывали классовые столкновения⁴.

В 1934 г. А. В. Мишулин публикует статью «О переходе от античности к феодализму»⁵. Ей предшествовало выступление ученого на пленуме ГАИМК от 20—22 июня 1933 г., где он подробно остановился на развитии колонатных отношений как нового качественного явления хозяйственной жизни Римской империи. Несколько

позднее в предисловии к книге В. В. Струве «История древнего Востока» он коснулся вопроса о рабстве на Востоке⁶. Следует также отметить статью А. В. Мишулина об А. Валлове, которая предваряет перевод на русский язык сочинения французского историка об истории рабства в античном мире⁷.

Особое внимание А. В. Мишулин уделял борьбе рабов против своих угнетателей, анализу социальной борьбы в античном мире. В разработке этой проблематики у него не было предшественников в историографии. Несколько небольших работ буржуазных историков, крайне поверхностно использовавших исторические источники, обходили коренные вопросы, связанные с восстаниями рабов, поскольку они, по мнению А. В. Мишулина, могли напомнить «о классовой борьбе пролетариата в эпоху буржуазного государства»⁸. Даже в трудах корифеев буржуазного антиковедения, например, движение угнетенных под руководством Спартака излагалось как случайный эпизод, оторванный от внутренней истории Рима. Известный историк Т. Моммзен, не поняв истинного смысла военно-политических мероприятий Спартака, называл его «великим разбойничьим атаманом», а восставших рабов «разбойничьей шайкой», «живой собственностью», которая взбунтовалась⁹. Буржуазные исследователи древности превозносили «героев», ведущих политических деятелей — представителей рабовладельческого класса, но обходили молчанием героические подвиги Спартака и его предшественников. Такая древняя история, писал А. В. Мишулин, имела своей задачей создать убаюкивающую сказку о доброй седой старине, в которой видели «счастье и добродетель»¹⁰. Этим молодежь должна была отвлекаться «от напряженной классовой борьбы в сторону идиллической тиши богов и героев, в которой и предполагалось подыскивать идеалы для современной жизни».

Чтобы показать истинное значение классовой борьбы в древних рабовладельческих обществах, раскрыть историю исключительной стойкости, упорства, непримиримости угнетенных в схватках со своими угнетателями, необходимо было разрушить эти идиллические построения древней истории, созданные идейными противниками марксизма. В рамках своего исследования А. В. Мишулин выполнил эту задачу вполне квалифицированно, на высоком теоретико-методологическом уровне.

Многие его коллеги сомневались в возможности решения этой задачи ввиду чрезвычайной скудости источников. Но А. В. Мишулин был настойчив в осуществлении задуманного плана. Он предполагал сначала исследовать самое крупное восстание рабов в древнем Риме под руководством Спартака, показать, что этому восстанию предшествовало и что последовало в дальнейшем, а затем расширить рамки изучения, охватив другие регионы греко-римского мира. План этот был им полностью реализован.

Еще в 1930 г., будучи аспирантом, Александр Васильевич сделал доклад о Спартаке. В переработанном виде он был напечатан в «Известиях ГАИМК»¹¹. В докладе давалась характеристика источников, уточнялась датировка восстания, определялись соци-

альный состав его участников и их «программа». Автор делал вывод, что это восстание по масштабу и напряженности борьбы, по степени организованности превосходило все предшествующие восстания рабов в античном мире. Тот факт, что оно закончилось драматическим финалом, объясняется спецификой развития римского рабовладельческого общества¹².

Начиная с 1935 г. А. В. Мишулин интенсивно готовит материалы для будущей монографии о Спартаке. В двух номерах газеты «Красная звезда» он излагает свои методологические принципы и пути решения проблемы. «Для нас,— писал он в первой статье,— перестала существовать так называемая история „классической“ древности с ее великими личностями, мифами и легендами. Нет больше идиллической истории Греции и Рима с ее гимнами Цезарю, восторгами носом Клеопатры, обожествлением Платона или затейливой склокой богов на Олимпийской вершине. Осталась прозаическая, но очень важная и серьезная вещь. Есть классовая борьба древних рабовладельческих обществ, столь же отдаленная во времени, сколь и близкая нам по своим идеям, по образцам удивительной стойкости, упорству и непримиримости, проявленных в схватках с эксплуататорами»¹³. Именно с этой точки зрения рассматривается автором восстание Спартака — его непосредственные причины, ход, разногласия в лагере восставших, борьба с Крассом.

Вторая статья излагала политическую программу восстания Спартака и его тактику¹⁴.

В том же году появилась новая работа А. В. Мишулина «Последний поход Спартака и его гибель», где речь шла о походе восставших рабов в Брундизий, о трудностях и трагической развязке этого похода, об обстоятельствах гибели Спартака и упорной борьбе его войск после смерти их вождя¹⁵.

В 1936 г. выходит в свет книга А. В. Мишулина «Спартаковское восстание» — первое марксистское монографическое исследование по этому вопросу¹⁶. Одновременно в серии «Историческая библиотека журнала „Борьба классов“» издается труд А. В. Мишулина «Революция рабов и падение Римской республики».

Всей этой работе предшествовал тщательный анализ источников. Ученый опроверг бытовавшее в то время мнение, будто чуть ли не единственными свидетельствами древних о восстании Спартака являются неполные сведения Аппиана и Плутарха, а также фрагмент из «Истории» Саллюстия. Тщательно систематизируя все данные античных авторов, он пришел к выводу, что более тридцати писателей в той или иной связи упоминают о Спартаке. Многие из этих упоминаний имеют важное значение для воссоздания истории движения.

В монографии давалась характеристика экономическим, социальным и политическим процессам в жизни древнего Рима, подробно описывалось положение рабов, выяснялись источники рабства и его масштабы, восстанавливались хронология восстания Спартака, ход событий, анализировались цели восставших, тактика их борьбы, причины их поражения. В заключение подчеркивалась роль спар-

таковского движения в гибели Римской республики. Особое значение имело приложение, включавшее отрывки из сочинений античных авторов, содержащих сведения о восстаниях рабов и движениях крестьян.

Что касается второй работы, то она носила научно-популярный характер и в отличие от первой больше внимания уделяла ранним восстаниям рабов в Риме и в Сицилии, а также откликам на эти восстания в Малой Азии и в Боспорском царстве. Все они предшествовали грандиозному выступлению рабов под руководством Спартака и подготовили почву для него.

На первую монографию сразу же, по горячим следам, появились три рецензии. Одна из них принадлежала перу М. Баскина. Рецензент считал большим достоинством книги А. В. Мишулина то, что он поставил спартаковское движение в неразрывную связь со всеми революционными выступлениями рабов предшествующего периода: восстание Спартака лишь завершило то, что было подготовлено многочисленными предшественниками его не только в Риме, но и в Греции. В рецензии подчеркивается, что автор добросовестно исследовал всю имеющуюся литературу о Спартаке, не пропустив даже самых незначительных источников. Эта работа оценивается как «единственная в своем роде попытка систематического изложения спартаковской революции»¹⁷.

Две другие рецензии — П. Преображенского и Г. Сергиевского — были весьма критическими¹⁸. Первый рецензент не согласился с характеристикой состава участников и причин разногласий среди восставших, он оспаривал правомерность употребления термина «революция» применительно к восстанию Спартака, возражал против расширения хронологических рамок этого восстания. Второй рецензент обвинил автора в вольном толковании источников о ранних восстаниях рабов, в переоценке степени участия крестьян в движении Спартака.

Однако даже авторы этих критических рецензий видели заслугу А. В. Мишулина в том, что он, обратившись к одному из самых кардинальных вопросов древнеримской истории, крайне мало освещенному в историографии, скрупулезно «документировал» спартаковское восстание, дав возможность читателю войти в курс сложных проблем, связанных с восстаниями рабов.

Несомненной заслугой А. В. Мишулина являлось то, что он доказал закономерный, а не случайный характер восстания Спартака. Это движение он рассматривает не изолированно, а как одно из звеньев в истории римских социальных движений. Им представлена широкая картина социальных движений, предшествовавших великой «рабской войне» на фоне всех тех сложных противоречий, которые переживала тогда Римская республика. Восстания рабов в Сицилии во второй половине II в. до н. э., движение италиков и восстания в поработанных Римом странах, широкое аграрное движение в самом Риме, связанное с именами Гракхов, — вот те вопросы, которые предвдвляли основную тему исследования.

Два сицилийских восстания рабов А. В. Мишулин рассматривает как непосредственную подготовку спартаковской революции, ее первоначальную фазу. Он подчеркивает, что «в этих революциях впервые начинают проявляться моменты сознательной борьбы рабов против рабовладельческой системы хозяйства»; «те слабые идеи, которые вынашивались в борьбе сицилийских рабов, достигали своей ясности в восстании Спартака»¹⁹. Последнее рассматривалось автором как кульминация классовых противоречий римского рабовладельческого общества, как крупнейшая «рабская революция»²⁰.

Многие вопросы, относящиеся к данной теме, продолжали волновать автора и после выхода в свет его монографии. В 1937 г. вышла его статья «К истории восстания Спартака в древнем мире», где, в частности, приводились новые источники о происхождении Спартака, о социальном составе его армии, о хронологии восстания; использовались также некоторые археологические данные²¹.

Некоторые оценки и выводы А. В. Мишулина в то время и позднее оспаривались советскими историками или уточнялись ими. Так, С. И. Ковалев предложил иную датировку восстания Спартака²²; С. Л. Утченко во вступительной статье к научно-популярному варианту монографии А. В. Мишулина сделал ряд существенных замечаний по поводу некоторых положений монографии²³. Эти замечания касались главным образом социального состава восставших и характера их движения.

Говоря о разногласиях в армии Спартака и «программе» движения, А. В. Мишулин утверждал, что вокруг основной массы рабов группировались присоединившиеся к ним разорившиеся земледельцы и солдаты — перебежчики из римских легионов. Это широкое участие свободного крестьянства в армии Спартака наложило определенный отпечаток на характер и программу восставших и стало источником возникших в их среде разногласий, поскольку задачи рабов и крестьян не совпадали. По мнению А. В. Мишулина, причиной поражения восстания Спартака явилось то, что рабы, которые играли «роль гегемона в революциях того времени», не сумели повести за собой свободное крестьянство, а последнее еще не понимало, что разрешение всех вопросов крестьянской революции неотделимо от задачи ликвидации рабовладельческой системы в целом. Именно это обстоятельство «мешало в то время тесному союзу восстания рабов с аграрной революцией крестьянства»²⁴. А. В. Мишулин полагал, что «выступление Спартака за освобождение рабов означало борьбу за разрушение рабства и, следовательно, рабовладельческой собственности»²⁵. «По разрешении этой задачи рабы становились пролетариями и создавались предпосылки для более высокой стадии классовой борьбы, ставящей своей задачей уничтожение всякой частной собственности...»²⁶.

Эти утверждения дали впоследствии С. Л. Утченко право говорить о том, что автор монографии о Спартаке невольно «подкрашивал» римских рабов под современный пролетариат²⁷. С. Л. Утченко подверг критике и тезис о союзе рабов с беднейшим крестьян-

ством, считая, что подобный союз в изучаемое время был в принципе невозможен, так как между рабами и свободными существовало антагонистическое противоречие. Революционное движение рабов имело перед собой не две задачи, как предполагал А. В. Мишулин, а одну — освобождение от рабства. Свободное же крестьянство той эпохи само принадлежало к господствующему классу рабовладельцев, оно боролось лишь за землю и политические права в рамках существовавшего рабовладельческого строя и отнюдь не было заинтересовано, как рабы, в его уничтожении. Это, однако, не противоречит тому факту, что в армии Спартака в какой-то мере присоединились деклассированные элементы из числа разорившихся землевладельцев, или, как их определяют источники, «свободные с полей». Но, во-первых, нет никаких оснований преувеличивать их численность, а во-вторых, от наличия в армии Спартака некоторого количества подобных «попутчиков», как их определяет Аппиан, до союза между восставшими рабами и свободным крестьянством — дистанция огромного размера²⁸. Факт трагической изоляции рабов отмечает и сам А. В. Мишулин²⁹. Именно эта причина привела их к поражению, а не разногласия между руководителями восстания. Именно в отсутствии союза, единого фронта между рабами и свободными бедняками, а не в наличии такого союза следует искать причины разгрома восставших.

Не подтверждались конкретными фактами и схема А. В. Мишулина о «двухэтапной революции рабов» как основе для изучения классовой борьбы в Риме³⁰.

Тем не менее, сколь спорными ни были отдельные положения А. В. Мишулина, он остается в советской историографии первопродомцем, сделавшим очень много в изучении классовых антагонизмов, имевших место в рабовладельческом республиканском Риме. Выдвижение впоследствии других точек зрения по некоторым частным вопросам было возможно только на базе той кропотливой работы, которую выполнил А. В. Мишулин. Его заслуги перед наукой станут еще более очевидными, если учесть, что он не только тщательно изучил восстание рабов в древнем Риме, но столь же скрупулезно рассмотрел классовую борьбу рабов и бедноты в древней Греции³¹. Благодаря его исследованиям, а также исследованиям С. П. Сингалевича в научных оборот вошли сведения Геродота о восстании в Аргосе в 494 г. до н. э., Фукидида — о выступлении илотов в Спарте в 464 и в 425 гг. до н. э., Афиня — о восстании на острове Хиосе в конце III в. до н. э., Полиена — о выступлениях в городах Великой Греции — в Сицилии, в Селинунте около 488—486 гг. до н. э., в Сиракузах в 414 г. до н. э.³² Автор не только анализировал условия, при которых были возможны эти выступления, но и объяснил общие причины их поражения, исходя из закономерностей развития рабовладельческого общества. «Рабовладельческий способ производства, — писал он, — сохранял еще свое значение в Средиземноморском мире. Не было еще объективных условий для изменения существующих общественных отношений. Рабы не были носителями нового, прогрессивного способа производства,

и борьба их с рабовладельцами, равно как и выступления свободной бедноты, обречена была на неудачу». Эти выводы вместе с фактическим материалом, их подтверждающим, вошли отдельной главой в учебник В. С. Сергеева «История Греции»³³. Такая глава о восстаниях рабов и бедноты в греческих государствах в предыдущих учебниках такого рода отсутствовала вовсе. Исследования А. В. Мишулина восполнили этот пробел.

Эта ключевая тема в творчестве советского историка разрабатывалась не только в научном плане, но и в плане научно-популярном, с целью расширения круга читателей, а также для чисто учебных целей³⁴.

Во второй половине 30-х годов А. В. Мишулин обращается к ранней истории славянства и древней истории нашего Юга. Его интересует образование первых славянских государств, роль славян в древности.

И интерес этот не случаен. В немецкой историографии, особенно после прихода к власти фашизма, всячески преувеличивалась историческая роль германских племен в распаде Римской империи. Вместе с тем роль славян занижалась, факты их истории искажались или фальсифицировались. А. В. Мишулин решительно выступил против такого антинаучного подхода. В 1939 г. он публикует статью «Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи»³⁵. В ней по-новому, и по существу впервые, анализируются история взаимоотношений славянских племен с Восточно-Римской империей и те последствия, к которым привели столкновения между ними. Через два года под редакцией А. В. Мишулина вышли в свет «Материалы к истории древних славян»³⁶⁻³⁷. Опубликованные в книге документы освещают историю славян до VII в. и включают свидетельства греко-римских и ранневизантийских писателей, чрезвычайно ценные для историков³⁸. А. В. Мишулин обращает внимание на то, как важно изучить ту этническую почву, на которой выросли славянские племена. Кто такие славяне, как у них проходил распад родовых отношений и возникла «военная демократия», которая явилась как бы мостом к образованию государства, — все это требовало исследования, чтобы правильно оценить роль славян как важного фактора в гибели рабовладельческой системы.

Для понимания таких вопросов, как происхождение древних славян, возникновение первых государственных образований и характер раннеславянской культуры, А. В. Мишулин считал необходимым изучение истории и культуры скифов. Им он посвятил специальную статью³⁹. Он же осуществил переиздание известного труда В. В. Латышева «Скифия и Боспор» и предпослал ему обширную статью «Источники о скифах и изучение культуры дославянского населения в истории СССР»⁴⁰. Своими работами А. В. Мишулин внес существенный вклад в изучение Восточной Римской империи и исторической роли славянских племен, а также в разоблачение фашистской пропаганды, идеализировавшей древних германцев⁴¹.

Научно значимой и актуальной для А. В. Мишулина была проблематика, связанная с античной Испанией. И здесь он был первопроходцем в отечественной науке. Тема была задумана очень широко: вся социально-экономическая, политическая и культурная история Пиренейского полуострова от доисторических времен до Римского завоевания. Свое отношение к выбору объекта исследования ученый изложил уже в первой своей публикации, посвященной Испании. «В истории Испании,— писал он,— были периоды иноземного порабощения и периоды героической борьбы за независимость; многие ее страницы буквально наполнены страданиями испанского народа в борьбе за право распоряжаться своей собственной судьбой. Поэтому естественно, что история испанского народа в прошлом не может не призывать его на дальнейшую борьбу за независимость»⁴². Не объективистское изложение исторических фактов интересует здесь исследователя, а закономерность развития, перспективы и будущность борющегося с фашизмом народа.

Выполнению этой сложной задачи предшествовал поистине титанический труд по овладению огромным источниковедческим материалом. Кроме античных писателей, были использованы археологические данные, различные сводки, публикации, обширная литература вопроса. Чтобы изучить все, что написано испанскими учеными, А. В. Мишулин специально изучил испанский язык.

Началась интенсивная работа, половина которой падает на период Великой Отечественной войны и годы эвакуации в Ашхабаде и Свердловске. В то время мне пришлось встретиться с Александром Васильевичем и вместе работать. Я воочию видел, как в нелегких условиях военного времени он упорно трудился над своим исследованием. В небольшой комнате, отгороженной шкафом, А. В. Мишулин оборудовал себе закуток, где тусклая электрическая лампочка освещала маленький столик, на котором уже лежала кипа исписанных листов. Работать можно было главным образом ночью, когда засыпали трое его детей.

Еще до войны в Московском университете и в секторе древней истории А. В. Мишулин апробировал избранную тему исследования, неоднократно выступая перед широкой научной общественностью. В 1939 г. появилась в печати его статья «Испания в мифологии и исторических памятниках античности». В ней рассматривалась греческая мифология в связи с ранними представлениями об Испании, разбирался вопрос о Тартесе как древнейшем центре испанской культуры, истоки которой исследовались по памятникам материальной культуры Пиренейского полуострова, на основе анализа античной мифологии и исторических сведений о народах полуострова у античных авторов.

Признавая особую важность научной инициативы А. В. Мишулина в разработке нового для советской историографии раздела древней истории — истории Пиренейского полуострова, сыгравшего значительную роль в судьбах античного мира, СНК СССР назначил ему в 1940 г. государственную стипендию для подготовки докторской диссертации. Воодушевленный такой заботой правительства,

историк с еще большим усердием продолжает свои штудии по испанской тематике.

В своей дальнейшей работе он доказал существование особой, самостоятельной иберийской культуры, испытавшей влияние других средиземноморских культур, но не утратившей самобытных черт.

А. В. Мишулин изучает греческую и финикийскую колонизацию Испании, выясняет роль Карфагена и Рима в этом процессе. Он подробно исследует появление первой финикийской колонии на испанском побережье — Гадеса, новых городов, особенно Нового Карфагена — самого значительного карфагенского города. Отмечая, что финикийцы, а затем греки и римляне оказывали в течение V—III вв. до н. э. известное влияние на культурную эволюцию полуострова, автор не склонен преувеличивать это влияние при изучении этногенеза испанских племен. Он подчеркивает, что переход их от первобытнообщинного строя к классовому обществу нельзя объяснить только иностранными вторжениями, а надо прежде всего исходить из внутренних закономерностей разложения первобытных отношений. Этот процесс он анализирует на примере образования иберийской народности — основного этнического слоя древней Испании. Сопоставительный анализ социального строя иберов V—III вв. до н. э. с общественным устройством греков дал возможность автору выявить между ними общее и различное. Общее заключалось в том, что они пережили — в разное время — ту стадию развития, которую Ф. Энгельс назвал «военной демократией». Особенностью «военной демократии» на Пиренейском полуострове А. В. Мишулин считает тот факт, что иберийская община характеризовалась более отсталыми формами и дифференциация и распад рода в Иберии проходили на ином социальном уровне, чем в гомеровской Греции и в Риме. Поэтому процесс формирования «военной демократии» шел здесь медленней, чем в Греции и Риме. Это положение автор объясняет отсутствием не только политического, но и этнического единства иберийских племен. Марксистский подход к изучаемым явлениям позволил А. В. Мишулину установить своеобразные черты иберийской общины и вместе с тем увидеть общий ход развития иберийского рода по тому единому пути, который проходили народы Греции и Рима от первобытнообщинного строя к рабовладельческому государству.

Много внимания в исследовании было уделено упорной борьбе испанских племен за независимость против иноземных захватчиков. Эта борьба, по словам автора, не прошла бесследно. Она «была немаловажным фактором в тех событиях, с которыми связано новое завоевание Испании и последующее столкновение Рима и Карфагена на Иберийском полуострове»⁴³. В работе подробно прослеживается ход этой борьбы, оцениваются ее результаты. В этом плане рассматриваются и события 2-й Пунической войны. Причем в отличие от исследователей этих событий, освещающих италийский театр войны и действия там карфагенских полководцев во главе с Ганнибалом, у А. В. Мишулина на переднем плане оказывается

Испания. Испанские племена, как известно, помогали Риму в борьбе с Карфагеном, но это отнюдь не означало добровольного подчинения Риму. Об этом свидетельствует тот факт, что борьба с новыми завоевателями начинается вскоре после утверждения их на Пиренейском полуострове. Лучшее описание событий от высадки Гамилькара в Гадесе до всеобщего восстания иберов против владычества римлян в 197 г. до н. э. Это восстание, охватившее всю территорию оккупированной Испании, «явилося первым могучим ударом в ответ на попытку Рима подчинить иберов своей власти. Последние открывают почти двухвековую героическую борьбу за свою независимость». «Вперед, — пишет автор в заключение, — была историческая драма, которая вписала интереснейшие страницы в историю античного Средиземноморья»⁴⁴.

В законченном виде работа А. В. Мишулина носила название «Античная Испания и ее вступление в борьбу за независимость». Она была завершена в мае 1943 г. в эвакуации на Урале, представлена на защиту в качестве докторской диссертации и в июле того же года успешно защищена в Москве. Это была большая научная победа, которой А. В. Мишулин очень гордился.

Труд этот, получивший высокую оценку крупнейших наших специалистов, при жизни автора, однако, не был издан (он увидел свет лишь в 1952 г.). Это было связано с тем, что автор не считал свою работу законченной. Последние пять лет жизни он углублял и расширял переработанный материал, раздвигая рамки исследования, о чем, в частности, свидетельствует статья «Иберийский род и его эволюция в древней Испании»⁴⁵. В ней представлена картина племенного мира Испании по данным античных авторов, дана характеристика племен, особенно иберов, их социальных институтов, органов власти, показано своеобразие развития иберийской общины. О намерениях А. В. Мишулина продолжать работу над античной Испанией говорит и его посмертно опубликованная статья «О возникновении римского провинциального управления в Испании», которая хронологически выходит за пределы его докторской диссертации⁴⁶.

В такой большой работе, которую автор сам считал незаконченной, не могло не быть спорных или даже неправильных положений. Накопленный позднее новый археологический материал и другие источники позволили уточнить ряд вопросов, связанных с финикийской колонизацией Испании, с датировкой первых колоний в этой стране, отказаться от некоторых устаревших выводов. Рецензентом книги отмечалась известная недооценка русских предшественников, недостаточное использование автором лингвистических данных и др.⁴⁷ Но остается бесспорным, что именно А. В. Мишулин в советской историографии первый монографически исследовал пути развития древней Испании, чем расширил территориальные рамки изучения обширной периферии греко-римского мира, и в этом его большая научная заслуга.

Занимаясь древней историей, А. В. Мишулин, однако, никогда не был кабинетным ученым, оторванным от жизни. Он остро чув-

ствовал горячее дыхание времени, тщательно следил за тем, что происходит в мире, и это в немалой степени определяло круг его научных интересов. Так, во время войны он активно занимался изучением международных отношений в древности — в связи с подготовкой коллективного труда по истории дипломатии. В 1944 г. появляется его статья «Объявление войны и заключение мира у древних римлян», в которой разбирается процедура объявления войны, заключения мирных договоров, посольское право⁴⁸.

В 1946 г. увидела свет другая его статья — «Идеи права в междуэллинских отношениях»⁴⁹. В ней рассматриваются права гражданина и иностранца в греческом государстве, развитие внешних связей греческих государств, идей международного права. Была создана, к сожалению, не увидевшая свет монография (15 л.) «Международные отношения и дипломатия в античном мире», которая расширила и углубила работу В. С. Сергеева на эту тему в первом томе «Истории дипломатии».

На протяжении всей своей научной деятельности А. В. Мишулин интересовался античной философией. Ей, в частности, были посвящены его первые студенческие работы. При поступлении в 1927 г. в аспирантуру Института истории РАНИОН по секции древней истории им была представлена работа о «Государстве» Платона.

В 1930 г. выходит его статья «Платон против Маркса»⁵⁰. В ней подвергается резкой критике книга немецкого историка В. Юнкера, выступавшего против марксистского понимания социализма и коммунизма. «Истинный» социализм Юнкер видит в идеализированной им «республике» Платона⁵¹. Молодой советский ученый решительно выступил против искажения учения К. Маркса, показав подлинную суть политической и социальной доктрины Платона. В специальной работе «Утопический план аграрной Магнезии по „Законам“ Платона» А. В. Мишулин показал, каковы были конкретные исторические условия, в которых сформировалась идеалистическая система Платона, и какие социальные задачи она стремилась разрешить⁵². А. В. Мишулин рассматривает творения Платона сквозь призму того социально-экономического кризиса древней Греции, который на границе V—IV вв. до н. э., «захватив сначала Афины, постепенно увлекал потом и всю Элладу к драматической развязке, создал канву для того утопического мышления, для лихорадочного метания социально-философской мысли в поисках общественного идеала, в котором творения Платона выдвигаются на первый план»⁵³.

На основании тщательного изучения сочинений Платона ученый убедительно показал, что греческий философ, создавая свои утопии, отразил основные черты современной ему социальной действительности. Его план сохранения старого общества, распадавшегося под ударами социального кризиса, представляет реакционную утопию, «какой бы силой философской и исторической аргументации она ни мотивировалась»⁵⁴.

Об устойчивом интересе А. В. Мишулина к философским проблемам античного мира свидетельствует его выступление на философской дискуссии по книге Г. Ф. Александрова. Критикуя новейшие исследования по античной философии, в том числе и книгу Г. Ф. Александрова, А. В. Мишулин призывал ученых к тому, чтобы они показывали объективную историческую роль каждой философской системы и определяли ее место в борьбе между материализмом и идеализмом. «Проблемы Платона, Сократа, атомистика Демокрита,— говорил А. В. Мишулин,— это актуальные проблемы современной идеологической борьбы между идеализмом и материализмом, реакционными и передовыми идеями. Разве можно пройти мимо этого в нашем изучении истории философии?» И действительно, мимо Александра Васильевича ничего не проходило. Наряду с философией он занимался многими вопросами идеологии, особенно религии, изучая ее в связи с социально-экономической эволюцией общества. На примере древнего Египта автор показал, как религия выступала в качестве аппарата духовного порабощения угнетенных масс. «За теньями богов,— писал он,— в отдельные периоды египетской истории четко вырисовываются люди, их жизнь, классовая борьба, одной из форм которой является и борьба с самими богами»⁵⁵.

А. В. Мишулина увлекают и другие проблемы античности. Его интересуют греческие полиоркетика и искусство осады городов, и он пишет работу, в которой дается характеристика Аполлодору, Афиней, Анониму Византийскому — полиоркетикам, создавшим систему наступательных и оборонительных механизмов⁵⁶. Доскональное изучение этой системы, по мнению автора, дает возможность конкретно представить военное искусство античности, его техническую базу, маневренную способность механизмов в условиях тогдашнего уровня военного дела рабовладельческих государств. Знакомство с военным искусством древности, с техникой, стратегией и тактикой, с конкретными военными операциями проливает свет и на общество в целом, на исторические условия его развития⁵⁷.

Много внимания А. В. Мишулин уделил Витрувию, с именем которого связано представление о греко-римской архитектуре, которой в истории искусства принадлежит выдающееся место. «Витрувий выступает как бы гидом среди античных развалин, помогающим восстановить их целостный облик»⁵⁸. Особенно большое значение автор придавал X книге трактата Витрувия, в которой содержится характеристика военной техники⁵⁹.

А. В. Мишулина привлекает и греческая мифология, которая представляет собой богатейший арсенал образцов эпического творчества народов⁶⁰. Среди мифологических сюжетов его интересовал, в частности, миф об Антее. Ему он посвятил две статьи, в которых показал, как сложилась легенда об Антее и в чем ее социальный смысл⁶¹.

В сфере научных интересов А. В. Мишулина оказываются и вопросы истории древней Индии и древнего Китая⁶².

Когда создавались исторические факультеты в университетах,

определялось место древней истории в системе среднего образования, А. В. Мишулин пишет специальную работу «Древняя история в средней и высшей школе»⁶³. Позднее он принимает участие в создании и редактировании учебника по древней истории для высших учебных заведений. Это был первый советский учебник по древней истории, построенный на марксистско-ленинской основе⁶⁴. В двух изданиях вышли его лекции по истории Греции и Рима, прочитанные им в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), которые получили заслуженное одобрение не только у советского читателя, но и за рубежом.

Советская наука обязана А. В. Мишулину разработкой важнейших проблем методологии и историографии исторической науки. Прежде всего, он тщательно исследовал высказывания основоположников марксизма-ленинизма об античности. Результатом этого явилась его работа «Марксистско-ленинская теория исторического процесса», основанная на всестороннем и глубоком изучении богатейшего наследия марксизма⁶⁵. В 1939 г. он публикует статью «Из лаборатории исторических идей Ленина», где, опираясь на ленинские высказывания о рабстве, характеризует первые формы рабства, условия его возникновения⁶⁶. Эти вопросы получают свое дальнейшее развитие в работе «Ленин и историческая наука», в которой приводятся важнейшие положения В. И. Ленина, касающиеся общественно-экономических формаций, истории первобытного общества, роли общины и рабства⁶⁷. К тому же времени относится статья А. В. Мишулина «Энгельс и историческая наука». В ней анализируются «Анти-Дюринг», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», произведения соратника К. Маркса, в которых содержится характеристика христианства, военного искусства древних, и показано значение этих трудов для изучения античности⁶⁸.

По инициативе А. В. Мишулина в 1940 г. на страницах «Вестника древней истории» была опубликована важнейшая для изучения истории докапиталистических формаций работа К. Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству»⁶⁹.

Наряду с изучением классического наследия марксизма-ленинизма и опираясь на это наследство, А. В. Мишулин дает интересную характеристику крупнейших представителей мирового антиковедения и показывает их вклад в изучение истории древности⁷⁰.

В ряде работ автор анализирует те исторические условия, в которых складывалась и развивалась наука об античности, подчеркивая, что со времени Великой французской революции изучение античной истории отражало сложный процесс формирования буржуазной идеологии. Он раскрывает то положительное, что было создано буржуазной историографией, и вместе с тем обращает внимание на ущербность ее методологии. Так, богатое по материалу исследование Т. Моммзена расценивается А. В. Мишулиным как фундаментальное пособие по римской истории, которое может быть использовано на наших исторических факультетах, но в то же время отмечается, что «История Рима» не столько историческое произве-

дение, сколько политический трактат⁷¹. В статье, посвященной французскому историку А. Валлону, А. В. Мишулин оценивает его как ученого «с пытливым аналитическим умом» и политика «с отзвуком либеральных идей» буржуазной Франции. Его «История рабства в античном мире», где использован огромный фактический материал, дана мастерски нарисованная картина положения рабов в греко-римском мире, детально освещено применение рабского труда в отдельных отраслях производства, признается классическим трудом в буржуазной науке. При этом А. В. Мишулин подвергает критике идейные позиции историка: непонимание общих закономерностей рабовладельческого общества, вольное отношение к литературной традиции и др.⁷²

С особым вниманием А. В. Мишулин относился к русской и советской историографии об античном обществе. Его статьи: «О наследстве русской науки по древней истории»⁷³; «Академик С. А. Жебелев в русской науке по древней истории»⁷⁴; «Изучение древней истории в СССР за 25 лет»⁷⁵ и др. содержат богатейший материал, позволяющий судить о становлении и развитии отечественной науки о греко-римском мире.

А. В. Мишулин говорит о разработке проблем античности в свете материалистического понимания истории, о закономерностях развития рабовладельческого способа производства⁷⁶. Характеризуя путь, пройденный советскими учеными, он формулирует ряд новых, еще не решенных задач⁷⁷. Это нашло свое отражение не только в его научно-исследовательских статьях, но и в многочисленных рецензиях⁷⁸.

А. В. Мишулин обращает внимание историков на необходимость широкого привлечения в научной работе археологического материала, без которого «нельзя приступить к серьезному изучению прошлого народов, истории зарождения государств»⁷⁹.

Во всех своих научных работах А. В. Мишулин выступает не только как глубокий и всесторонний исследователь исторического источника и исторического факта, но и как высокоидейный ученый, последовательно отстаивающий идеи марксизма-ленинизма и ведущий решительную борьбу против реакционной буржуазной идеологии, против фальсификации древней истории⁸⁰.

В написанных им передовых статьях «Вестника древней истории» содержится аргументированная критика буржуазных историков и ставятся принципиальные проблемы марксистского изучения древней истории. *Изучить* вопрос о государстве, раскрывая причины его возникновения и функции на конкретном историческом материале, *создать* историю трудящихся масс, *показать* роль рабства в прогрессивном развитии человеческого общества, *разработать* историю демократии, социальные идеи в древности, вопросы международных отношений, *исследовать* процесс разложения рабовладельческой социально-экономической формации и ее революционной смены более прогрессивной формой общества, внутренние противоречия рабовладельческих обществ, проблему римского колоната и этногенеза славян, *использовать* в работе языковедение и археологию —

таковы насущные задачи, которые ставил перед советскими античниками журнал «Вестник древней истории», возглавлявшийся А. В. Мишулиным.

А. В. Мишулин был страстным борцом за большевистскую партийность в разработке древней истории. Научную работу он считал делом своей жизни. Интересы Родины и советской науки всегда для него стояли превыше всего.

Свою поистине огромную научно-исследовательскую деятельность А. В. Мишулин сочетал с не менее продуктивной преподавательской и административной работой. Он был не только крупным ученым, но и опытным педагогом. Его лекции, которые ему пришлось читать в МГУ, в Высшей партийной школе и Академии общественных наук при ЦК КПСС, всегда отличались глубиной и новизной мысли. Он вел спецкурсы и спецсеминары, руководил аспирантами на исторических факультетах Московского университета и Педагогического института им. К. Либкнехта, где с 1935 по 1941 г. был профессором. Семинары он вел главным образом по социальным движениям конца Римской республики, спецкурсы — по античной Испании, а также по истории международных отношений в Греции и Риме. Свой интерес к спецкурсам и спецсеминарам А. В. Мишулин объяснял тем, что именно на таких занятиях можно научить студента самостоятельно работать, ввести его в лабораторию научного исследования. Эти занятия давали ему возможность приблизиться к студенту, выявить его интересы и способности, безошибочно отобрать более талантливых в аспирантуру.

Студентов Александр Васильевич очень любил, равно как и всех тех, кто по-настоящему интересовался наукой.

Можно удивляться той огромной административно-организаторской деятельности, которой занимался А. В. Мишулин. В 1930 г. он начал работать в Государственной академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, вначале заведующим Московским отделением, а затем руководителем сектора древней истории.

В 1934 г. после Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР о преподавании гражданской истории А. В. Мишулин принимает активное участие в организации исторического факультета Московского университета и становится его профессором. В 1938 г. он назначается заведующим сектором древней истории Института истории АН СССР, в котором создает коллектив ученых, начавший разрабатывать актуальные вопросы древней истории. Став ответственным редактором «Вестника древней истории», А. В. Мишулин сплотил вокруг него большой круг советских антиковедов, превратив журнал в руководящий научный орган борьбы за торжество марксистско-ленинских принципов изучения истории древнего мира. С октября 1943 г. по сентябрь 1945 г. А. В. Мишулин был заместителем директора Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР. Вскоре после защиты докторской диссертации он был вновь назначен заведующим сектором древней истории Института истории АН СССР, а в 1946 г. после возобновления издания «Вестника древней истории» вновь назначен его ответственным редакто-

ром. С мая 1944 до августа 1946 г. А. В. Мишулин находился на работе в аппарате ЦК ВКП(б), а с августа 1946 до августа 1948 г. являлся ректором Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Такой груз различных ответственных поручений мог вынести человек исключительной работоспособности, и А. В. Мишулин трудился с полной отдачей, страстно и самоотверженно. Он принадлежал к тем людям, от которых веяло необыкновенной теплотой, говорить и работать с ним было легко и приятно. Человек широкой и щедрой души, принципиальный и честный коммунист, он жил интенсивной и напряженной жизнью, был полон энергии, его всегда отличала сила научной мысли, глубокая убежденность ученого, политическое деятеля, патриота своей страны. В советской историографии античности ему по праву принадлежит почетное место.

¹ ИГАИМК, 1932, т. XIII, вып. 8.

² Там же, с. 1.

³ Там же, с. 23—24.

⁴ *Мишулин А. В.* К изучению роли войны и военного производства в древности.— ВДИ, 1940, № 1, с. 219—230.

⁵ ИГАИМК, 1934, вып. 103, с. 206—212.

⁶ *Мишулин А. В.* К вопросу о рабстве на Востоке.— В кн.: Струве В. В. История древнего Востока: Краткий курс. М., 1934, с. 3—14.

⁷ *Валлон А.* История рабства в античном мире. М., 1941.

⁸ *Мишулин А. В.* Восстание Спартака: Стеногр. лекции. М., 1940, с. 4.

⁹ *Моммзен Т.* История Рима. М., 1941, т. III, с. 71, 75.

¹⁰ *Мишулин А. В.* Революция рабов и падение Римской республики. М., 1936, с. 66.

¹¹ *Мишулин А. В.* Восстание Спартака в древнем мире.— ИГАИМК, 1934, вып. 76, с. 132—221.

¹² Там же, с. 132—133.

¹³ Красная звезда, 1935, 30 июля.

¹⁴ Красная звезда, 1935, 11 авг.

¹⁵ ПИДО, 1935, № 7/8, с. 116—133.

¹⁶ *Мишулин А. В.* Спартаковское восстание. Революция рабов в Риме в I в. до н. э. М.: Соцэкгиз, 1936.

¹⁷ Борьба классов, 1936, № 11, с. 125—127.

¹⁸ Историк-марксист, 1936, кн. 6, с. 207—208; Книга и пролетарская революция, 1936, № 10, с. 63—71.

¹⁹ *Мишулин А. В.* Спартаковское восстание.— История в школе, 1936, № 5, с. 54—55.

²⁰ Историография античной истории. М., 1980, с. 340.

²¹ *Мишулин А. В.* К истории восстания Спартака в древнем Риме.— ВДИ, 1937, № 1, с. 132—142.

²² *Ковалев С. И.* К вопросу о датировке начала восстания Спартака.— ВДИ, 1956, № 2, с. 12—17; см.: Проблемы всеобщей истории. Л.: ЛГУ, 1967, с. 23—24.

²³ *Утченко С. Л.* Историческое значение восстания Спартака. Вступ. статья к кн.: Мишулин А. В. Спартак. М.: Учпедгиз, 1950.

²⁴ *Мишулин А. В.* Спартаковское восстание, с. 158.

²⁵ Там же, с. 40.

²⁶ Там же.

²⁷ *Утченко С. Л.* Древний Рим: События. люди, идеи. М., 1969, с. 63.

²⁸ *Утченко С. Л.* Историческое значение восстания Спартака, с. 9. На преувеличение роли свободной бедноты в армии Спартака А. В. Мишулиным еще раньше, чем С. Л. Утченко, указала А. А. Мотус в статье «Из истории восста-

- ния Спартака» (Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. Герцена, 1948, т. 68, с. 65; 68).
- ²⁹ Мишулин А. В. Восстание Спартака в древнем Риме, с. 148.
- ³⁰ См.: Коржева К. П. Восстание Спартака в советской историографии.— Вопр. истории, 1974, № 10, с. 118—134.
- ³¹ См.: Мишулин А. В. К изучению восстания рабов в древней Греции.— ВДИ, 1939, № 2, с. 21—30; Ср. *Он же*. Утопический план аграрной Магнезии по «Законам» Платона.— ВДИ, 1938, № 3, с. 92—116.
- ³² Сингалевич С. П. Движение рабов в древней Греции.— Борьба классов, 1936, № 1, с. 75—86.
- ³³ Сергеев В. С. История древней Греции. М., 1939, с. 270—280; 2-е изд. М., 1948, с. 356—366.
- ³⁴ Мишулин А. В. Спартакосское восстание.— История в школе, 1936, № 5, с. 81—100; *Он же*. История Спартакосского восстания: Вступ. статья.— В кн.: Джованьоли Р. Спартак. М., 1936; см. также два издания научно-популярного очерка «Спартак» (1947, 1950).
- ³⁵ ВДИ, 1939, № 1, с. 290—397.
- ^{36—37} ВДИ, 1941, № 1, с. 225—229.
- ³⁸ См.: Ист. журн., 1942, № 1/2, с. 152.
- ³⁹ Мишулин А. В. О военном искусстве скифов.— Ист. журн., 1943, № 8/9, с. 66.
- ⁴⁰ ВДИ, 1947, № 1, с. 255—262.
- ⁴¹ Мишулин А. В. Историческая фантазия о «военных доблестях нордической расы».— Ист. журн., 1941, № 7/8, с. 75—80.
- ⁴² Мишулин А. В. Испания в мифологии и в исторических памятниках античности.— ВДИ, 1939, № 2, с. 177—207.
- ⁴³ Мишулин А. В. Античная Испания. М., 1952, с. 279.
- ⁴⁴ Там же, с. 350.
- ⁴⁵ ВДИ, 1948, № 1, с. 64—86.
- ⁴⁶ ВДИ, 1949, № 1, с. 40—56.
- ⁴⁷ См. рецензию Е. Ф. Плотниковой: ВДИ, 1954, № 1, с. 59—64.
- ⁴⁸ Ист. журн., 1944, № 10/11, с. 103—113.
- ⁴⁹ ВДИ, 1946, № 2, с. 51—65.
- ⁵⁰ Революция и культура, 1930, № 21/22, с. 125—128.
- ⁵¹ Там же, с. 126.
- ⁵² Мишулин А. В. Утопический план аграрной Магнезии по «Законам» Платона, с. 92—116.
- ⁵³ Там же, с. 92.
- ⁵⁴ Там же, с. 116.
- ⁵⁵ Мишулин А. В. Боги и люди древнего Египта.— Борьба классов, 1934, № 10, с. 62—70.
- ⁵⁶ Мишулин А. В. Греческие полиоркетики об искусстве осады городов.— ВДИ, 1940, № 3/4, с. 385—393.
- ⁵⁷ Там же, с. 387.
- ⁵⁸ Мишулин А. В. Источники трактата Витрувия «Об архитектуре».— ВДИ, 1946, № 4, с. 76—91.
- ⁵⁹ Мишулин А. В. Витрувий и источники X книги его трактата.— ВДИ, 1947, № 1, с. 60—77.
- ⁶⁰ Мишулин А. В. Культура и мифология древней Греции.— Борьба классов, 1935, № 5, с. 35—45.
- ⁶¹ Мишулин А. В. Миф об Антее.— Ист. журн., 1937, № 6, с. 89—94; *Он же*. Миф об Антее у древних авторов: (Очерк из античной мифологии).— ВДИ, 1938, № 1 (2), с. 93—100.
- ⁶² Мишулин А. В. Античная Индия.— Борьба классов, 1934, № 9, с. 58—65; *Он же*. Очерк о Китае в античную эпоху.— Борьба классов, 1936, № 2, с. 95—105.
- ⁶³ Борьба классов, 1934, № 5/6, с. 9—15.
- ⁶⁴ Рапович А. Первый советский учебник древней истории.— ВДИ, 1940, № 3/4, с. 15—23. См.: Мишулин А. В. О марксистском учебнике по древней истории.— ВДИ, 1939, № 1, с. 11—18; *Он же*. Как создавался первый марксистский учебник по древней истории.— Ист. журн., 1940, № 11, с. 123—127.
- ⁶⁵ ВДИ, 1938, № 4, с. 3—12.

- ⁶⁶ ВДИ, 1939, № 4, с. 16—29.
⁶⁷ ВДИ, 1940, № 2, с. 3—14.
⁶⁸ ВДИ, 1940, № 3/4.
⁶⁹ ВДИ, 1940, № 1, с. 8—26.
⁷⁰ Мишулин А. В. Из историографии античности.— ПИДО, 1935, № 1/2, с. 47—68.
⁷¹ Борьба классов, 1936, № 11, с. 123—125.
⁷² Мишулин А. В. Анри Валлон в историографии по античности: Предисловие.— В кн.: Валлон А. История рабства в античном мире. М., 1941, с. 3—12.
⁷³ ВДИ, 1938, № 3, с. 25—35.
⁷⁴ Исторический журнал, 1944, № 1, с. 73—77.
⁷⁵ Исторический журнал, 1942, № 10, с. 103—107.
⁷⁶ Мишулин А. В. Марксистско-ленинская теория исторического процесса.— ВДИ, 1938, № 4, с. 3—12.
⁷⁷ ВДИ, 1938, № 1, с. 3—12; 1938, № 2, с. 5—17.
⁷⁸ См.: Революция и культура, 1930, № 3, с. 69—80; Под знаменем марксизма, 1930, № 7/8, с. 242—250; ВДИ, 1946, № 3, с. 117—126 и др.
⁷⁹ Мишулин А. В. Археология и ее роль в развитии советской исторической науки.— ВДИ, 1946, № 1, с. 3—8.
⁸⁰ См.: Мишулин А. В. Историческая фантазия о «военных доблестях нордической расы», с. 75—80.

СПИСОК ТРУДОВ А. В. МИШУЛИНА

Платон против Маркса. (О кн.: *Junker Paul W. Die Weltanschauung des Marxismus und Platos staatsidee.* Greifswald, 1925).— Революция и культура, 1930, № 21/22, с. 125—128.

История с астрономией или астрономия против истории. [Рец. на кн.: *Морозов Н. А. Христос.* Т. 1—6].— Революция и культура, 1930, № 23, с. 69—80.

Марксизм и проблема древней истории: [Рец. на кн.: *Лурье С. Я. История античной общественной мысли.* М.; Л., 1929].— Под знаменем марксизма, 1930, № 7/8, с. 242—250.

О воспроизводстве в античной формации.— ИГАИМК, 1932, т. XIII, вып. 8. Античная техника.— В кн.: Античный способ производства в источниках (ИГАИМК, 1933, вып. 78, с. 110—187).

Восстание Спартака в древнем мире.— ИГАИМК, 1934, вып. 76, с. 132—221. Древняя история в средней и высшей школе.— Борьба классов, 1934, № 5/6, с. 9—15.

Античная Индия.— Борьба классов, 1934, № 9, с. 58—65.

Боги и люди древнего Египта.— Борьба классов, 1934, № 10, с. 62—70.

О переходе от античности к феодализму.— ИГАИМК, 1934, вып. 103, с. 206—212.

К вопросу о рабстве на Востоке.— В кн.: Струве В. В. История Древнего Востока: Краткий курс. М.: Соцэкгиз, 1934, с. 3—14.

Из историографии античности.— ПИДО, 1935, № 1/2, с. 47—68.

Последний поход Спартака и его гибель.— ПИДО, 1935, № 7/8, с. 116—133.

Восстание Спартака.— Красная звезда, 1935, 30 июля; 11 авг.

Культура и мифология древней Греции.— Борьба классов, 1935, № 5, с. 35—45.

Спартакосское восстание. Революция рабов в Риме в I в. до н. э. М.: Соцэкгиз, 1936. 291 с.

Революция рабов и падение Римской республики. М.: Правда, 1936. 108 с.

Очерк о Китае в античную эпоху.— Борьба классов, 1936, № 2, с. 25—95.

Спартакосское восстание.— История в школе, 1936, № 5, с. 84—100.

История Спартакосского восстания.— В кн.: Р. Джованьоли. Спартак. М.: Жургиз, 1936, с. 5—32.

Рец. на кн.: *Моммзен Т. История Рима.* М.: Соцэкгиз, 1936, т. I.— Борьба классов, 1936, № 11, с. 123—125.

Марк Витрувий Поллион. Об архитектуре 10 книг: Пер. с лат. / Рец. и введ. А. В. Мишулина. Л.: Соцэкгиз, 1936. 341 с.

- Витрувий и его трактат «Об архитектуре». — В кн.: Марк Витрувий Поллион. Об архитектуре 10 книг. Л.: Соцэкиз, 1936, с. 5—18.
- К истории восстания Спартака в Древнем Риме. — ВДИ, 1937, № 1, с. 133—142.
- Миф об Антее. — Ист. журн., 1937, № 6, с. 89—94.
- О бдительности на фронте истории. — Исторический журнал, 1937, № 3/4, с. 238—240.
- История разоблачает фальсификаторов истории: Рец. на кн.: Древние германцы. М.: Соцэкиз, 1937. — Большевик, 1937, № 13, с. 92—96.
- Миф об Антее у древних авторов: Очерк из античной мифологии. — ВДИ, 1938, № 1, с. 93—100.
- Открытие древнейшей цивилизации в долине Инда. — ВДИ, 1938, № 1, с. 121—123.
- Советская историография и задачи древней истории. — ВДИ, 1938, № 1, с. 3—12.
- За передовую науку в древней истории: К построению марксистской «Истории древнего мира». — ВДИ, 1938, № 2, с. 5—17.
- Неоценимый вклад в марксистскую историческую науку. — ВДИ, 1938, № 3, с. 17—24.
- О наследстве русской науки по древней истории. — ВДИ, 1938, № 3, с. 25—35.
- Утопический план аграрной Магнезии по «Законам» Платона. — ВДИ, 1938, № 3, с. 92—116.
- Марксистско-ленинская теория исторического процесса. — ВДИ, 1938, № 4, с. 3—12.
- Рец. на кн.: *Peuples et civilisations*. — ВДИ, 1938, № 4, с. 218—221.
- На историческом фронте. — Правда, 1938, 15 нояб.
- Восстание рабов и бедноты. — В кн.: Сергеев В. С. История древней Греции. М., 1939, с. 270—280.
- О марксистском учебнике древней истории. — ВДИ, 1939, № 1, с. 11—18.
- Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи. — ВДИ, 1939, № 1, с. 290—307.
- К изучению восстания рабов в древней Греции. — ВДИ, 1939, № 2, с. 21—31.
- Испания в мифологии и исторических памятниках античности. — ВДИ, 1939, № 2, с. 117—207.
- Из лаборатории исторических идей В. И. Ленина. — ВДИ, 1939, № 4, с. 16—29.
- К изучению роли войны и военного производства в древности. — ВДИ, 1940, № 1, с. 219—230.
- Греческие полиоркеттики об искусстве осады городов. — ВДИ, 1940, № 3/4, с. 385—393.
- Как создавался первый марксистский учебник по древней истории. — Исторический журнал, 1940, № 11, с. 123—127.
- Ленин и историческая наука. — Вестн. АН СССР, 1940, № 4/5, с. 99—108; ВДИ, 1940, № 2, с. 3—14.
- Ари Валлон в историографии по античности: Предисловие. — В кн.: *Валлон А.* История рабства в античном мире. М.: Госполитиздат, 1941, с. 3—12.
- Историческая фантазия о «военных доблестях нордической расы». — Исторический журнал, 1941, № 7/8, с. 75—80.
- Материалы к истории древних славян. — ВДИ, 1941, № 1, с. 225—229.
- Древние славяне: Документы о вторжении древних славян в Восточно-Римскую империю в VI—XII вв. н. э. — Исторический журнал. 1942, № 1/2, с. 152—154.
- Изучение древней истории в СССР за 25 лет. — Исторический журнал, 1942, № 10, с. 103—107.
- О военном искусстве скифов. — Исторический журнал. 1943, № 8/9, с. 64—69.
- Античная история Греции и Рима: Курс лекций, прочитанных в ВПШ при ЦК ВКП(б). М., 1945. 319 с.
- Академик Жебелев в русской науке по древней истории: К 75-летию со дня рождения. — Исторический журнал, 1944, № 1, с. 73—77.
- Объявление войны и заключение мира у древних римлян. — Исторический журнал, 1944, № 10/11, с. 103—113.

- Совещание археологов.— Вечерняя Москва, 1945, 24 февр.
- 152 с. История древней Греции: Курс лекций. М.: ВПШ при ЦК ВКП(б), 1946.
- 197 с. История древнего Рима: Курс лекций. М.: ВПШ при ЦК ВКП(б), 1946.
- Археология и ее роль в развитии советской исторической науки. (Совместно с А. Б. Рановичем).— ВДИ, 1946, № 1, с. 3—8.
- Идеи права в междуэллинских отношениях.— ВДИ, 1946, № 2, с. 51—65.
- Рец. на кн.: *Кечекьян С. Ф., Петерский И.* Всеобщая история государства и права. М., 1944.— ВДИ, 1946, № 3, с. 117—126.
- К интерпретации надписи Эмилия Павла от 189 г. до н. э.— Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос., 1946, № 4, с. 341—348.
- О некоторых проблемах истории античности.— ВДИ, 1946, № 3, с. 3—14.
- Источники трактата Витрувия об архитектуре.— ВДИ, 1946, № 4, с. 76—91.
- Витрувий и источники X книги его трактата.— ВДИ, 1947, № 1, с. 60—77.
- Спартак: Научно-популярный очерк. М.: Учпедгиз, 1947. 138 с..
- Источники о скифах и изучение дославянского населения в истории СССР: (К переизданию *Scythica et Caucasia*).— ВДИ, 1947, № 1, с. 255—262.
- Рец. на кн.: *Piganiol A.* Histoire de Rome. P., 1946.— ВДИ, 1947, № 2, с. 90—94.
- Иберийский род и его эволюция в древней Испании.— ВДИ, 1948, № 1, с. 64—86.
- О возникновении римского провинциального управления в Испании.— ВДИ, 1949, № 1, с. 40—56.
- Спартак / Под ред. С. Л. Утченко. М.: Учпедгиз, 1950. 148 с.
- Античная Испания до установления римской провинциальной системы в 197 г. до н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 350 с.

ОБ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРИНЦИПАХ РУССКОГО МЕДИЕВИСТА П. Г. ВИНОГРАДОВА

Л. С. Моисеевкова

Павел Гаврилович Виноградов (1854—1925) известен в истории медиэвистики прежде всего как основатель школы исследователей аграрной истории средневековой Англии. Главой нескольких поколений отечественных и зарубежных ученых, занимавшихся изучением английской деревни эпохи средневековья, его сделала не избранная тематика (даже среди русских ученых он не был первым, кто обратился к этому сюжету), а широта постановки исследовательских задач, стремление к точной и строгой методике их разрешения. В методике исторических изысканий и ряде теоретических представлений П. Г. Виноградова нашли отражение наиболее плодотворные достижения исторической науки его времени.

Школу исследовательского мастерства в Московских, а затем Оксфордских семинарах, прославивших Виноградова-педагога, прошли такие известные впоследствии ученые, как русские: А. Н. Савин, Д. Н. Егоров, А. К. Дживелегов, Е. А. Косминский; англичане: А. Левет, Д. Дуглас, Р. Леннард и др. Советский историк М. Н. Покровский, призывая молодое поколение ученых-марксистов использовать все ценное, накопленное буржуазной исторической

наукой, признавал: «Мне многое в отношении техники дал Виноградов»¹.

Все сказанное определяет наш интерес к изучению исследовательской концепции крупнейшего русского медиевиста.

Некоторые черты общего облика П. Г. Виноградова-исследователя уже нашли свое отражение в советской историографии в работах обобщающего характера², а также монографических трудах, посвященных проблемам, которыми в свое время занимался П. Г. Виноградов³. Однако специальных работ об исследовательском аспекте творчества ученого пока еще нет. Попытка в какой-то мере восполнить этот пробел, осветив важнейшие направления его исследовательской работы, и является задачей настоящей статьи.

Изучение приемов и методов исторического исследования П. Г. Виноградова представляет определенные трудности. Историк-практик по преимуществу, П. Г. Виноградов, пожалуй, один из немногих медиевистов своего поколения, который не оставил теоретических произведений. Исключением в этом смысле являются несколько вступительных лекций к курсу по истории средневековья, прочитанных в Московском университете в 1879/80 учебном году. В лекциях ученый изложил свои представления об основных достижениях мировой исторической науки в теории исторического исследования⁴. В целом ряде положений они конкретизируются в историографическом наследии П. Г. Виноградова. Историографические суждения ученого ясно свидетельствуют о его собственных представлениях по важнейшим вопросам теории и практики исторических изысканий. Однако наиболее широкие возможности для анализа исследовательского метода П. Г. Виноградова открываются при всестороннем изучении его конкретно-исторических трудов. Некоторые немаловажные сведения по интересующему нас вопросу дают архивные материалы.

Своей блестящей исторической подготовкой П. Г. Виноградов обязан прежде всего Московскому университету. Здесь в семинарах своего учителя В. И. Герье он получил первые навыки исследователя, здесь определились научные интересы молодого историка. Медальное сочинение «Землевладение у Меровингов» П. Г. Виноградов посвятил проблемам раннего средневековья, которые составили основное содержание всего его дальнейшего творчества.

Являясь учеником В. И. Герье, П. Г. Виноградов, однако, не стал его последователем. В. И. Герье стоял на позициях идеализма гегелевского толка — философским мировоззрением его ученика стал позитивизм, В. И. Герье занимался вопросами истории идеологии и культуры — в центре научных интересов П. Г. Виноградова оказалась социально-экономическая проблематика. И тем не менее влияние В. И. Герье на формирование Виноградова-ученого не стоит недооценивать. В. И. Герье обладал очень ценным для наставника в науке качеством, которое П. Г. Виноградов определял как умение ставить вопросы, придавать «серьезное научное направление всему делу» и в то же время предоставлять «широкий простор собственной инициативе... свободе мнений» учеников⁵. Сильное «интеллек-

туальное влияние» П. Г. Виноградов испытал со стороны другого выдающегося русского ученого, В. О. Ключевского.

Важным этапом в становлении П. Г. Виноградова-исследователя было время пребывания в Германии, куда он был командирован для завершения своего исторического образования. Стажируясь в Берлинском университете, П. Г. Виноградов слушал лекции и принимал участие в семинарах таких ведущих представителей немецкой исторической науки, как Т. Моммзен, Э. Курциус, Г. Бруннер и др. Основное внимание он сосредоточил на занятиях у Т. Моммзена. Блестящий знаток источников и искусный их интерпретатор, Т. Моммзен учил участников своего семинара приемам критики и анализа источников, умению, по отзывам П. Г. Виноградова, превращать любой осколок прошлого «в целый родник исторических сведений»⁶. Будущего медиевиста не всегда устраивала тематика семинаров немецких учителей, главным образом посвященная античности, но он вскоре пришел к выводу, что «главное дело при семинарской работе не в достижении каких-нибудь великих результатов — это дело ученого, а не ученика, — а в приобретении известной сноровки в анализировании источников, в усвоении метода»⁷.

Хотя не всегда правомерно считать завершение периода ученичества временем окончательного становления ученого, П. Г. Виноградов в этом смысле представляет своего рода исключение, что в полной мере доказано его первым научным трудом — магистерской диссертацией о происхождении итальянского феодализма⁸. Самостоятельный выбор темы исследования, причем из числа тех, которые волновали европейских историков, разыскание массы новых и тонкий анализ известных источников, стройность концепции свидетельствовали не только о несомненной талантливости, но и о зрелом мастерстве молодого ученого.

Уже в магистерской диссертации достаточно отчетливо проявились методологические установки историка, многие из которых не претерпели существенных изменений на протяжении почти всего его дальнейшего творчества. П. Г. Виноградов определял историю как одну из форм общественного самосознания, конкретным содержанием которой является «социальный опыт человечества»⁹. При этом подчеркивал, что социальное развитие тесно связано и в значительной мере определяется хозяйственной жизнью общества¹⁰. Материальная сторона общественной жизни в концепции П. Г. Виноградова лучшей поры его творчества — «это тот исторический материк, который служит прочною основой для всех изменений поверхности, а сам поддается только медленным и постепенным изменениям»¹¹. Однако мы нигде не встретим более или менее определенных суждений ученого о причинах этих «изменений». Изредка, упоминая о таком важном факторе, как рост производительности труда¹², используя сам этот термин, Виноградов не раскрывает его значения, оставаясь целиком на идеалистических позициях в решении вопроса о движущих силах общественного развития.

Выступая в рамках позитивистской философии с позиций последовательного эволюционизма, ученый обосновывал закономерный и

прогрессивный характер эволюции. П. Г. Виноградов считал прогресс «первой основой исторического миросозерцания»¹³, однако задачу проникновения в сущность этой категории целиком оставлял для философов. «Для нас,— отмечал историк,— достаточно признать прогресс за постоянное движение вперед, хотя бы и в смысле простого осложнения, самый вопрос о характере прогресса пускай решают философы, сравнение эпох по массе принесенного ими счастья уже не дело истории»¹⁴. Главную задачу исторической науки П. Г. Виноградов видел в выяснении исторически закономерных условий и направления действительного развития общества как целого, «в живом соотношении слагающих общество сил»¹⁵. Таковы в самых общих чертах теоретико-методологические позиции ученого¹⁶, которые во многом предопределили как сильные, так и слабые стороны его исследовательской методики.

П. Г. Виноградов исходил из признанного в позитивизме положения о том, что наука вообще и история в частности способны давать точные объективные знания о своем предмете. В поисках исторической истины исследователь должен опираться на твердую почву достоверных фактов, добытых путем всестороннего критического анализа источников. Для историка, по убеждению П. Г. Виноградова, ничто «не может заменить... точного знакомства с материалом и внимательно-беспристрастного, как бы судейского, разбора этого материала. Никакие обобщения, никакие теории, как бы красивы и заманчивы они ни были, не имеют права на существование... если они не добыты непосредственным изучением материала»¹⁷.

Нигилистическое отношение позитивистов к общим теоретическим построениям распространялось и на их источниковедческую концепцию, которая не отличалась ни особой сложностью, ни глубокой разработкой. Выступая против «чистого умозрения, априорных построений»¹⁸, представители позитивистской историографии сосредоточили свои усилия главным образом на разработке конкретной методики изучения исторических источников, добившись в этом смысле ценных результатов¹⁹. Все конкретно-исторические произведения П. Г. Виноградова построены исключительно на источниках, что наглядно свидетельствует о том первостепенном значении, которое придавалось источнику в исследовательской практике ученого. У П. Г. Виноградова не вызывала сомнения тесная генетическая связь исторического источника с прошлой человеческой деятельностью. Историк справедливо считал, что реальные отношения прошлого оставляют следы в терминологии источника. Исходя из этого, анализ источников П. Г. Виноградов всегда начинает с рассмотрения терминов и выяснения их понятийного содержания. Разбор известий об английском средневековом крестьянстве, пишет историк, «лучше всего будет начать с рассмотрения их терминологии. Названия, употреблявшиеся для обозначения крестьян, укажут на распределение их по известным разрядам. Названия эти, несмотря на все разнообразие, группируются в четыре категории, смотря по основному условию, на которое ими обращается внимание. Некоторые отмечают сословное положение зависимого населения, дру-

гие — его экономическое положение, третьи — отправляются от различия держаний, четвертые — от различия повинностей»²⁰. Выявляемые различные оттенки смыслового значения и особенности употребления терминов в источниках служат исследователю для суждения о многообразии форм и динамике социальной и экономической жизни общества.

Общение ученого с источником, что особенно характерно для исследовательской манеры П. Г. Виноградова, часто приобретает форму своеобразного «диалога». Историк ставит перед источником «вопрос» и извлекает «ответ», мастерски используя различные приемы анализа документального материала. П. Г. Виноградов часто и пространно цитирует источники в самом тексте работы или подстрочных примечаниях, если они дают прямой «ответ» на «вопрос». Если же, по выражению историка, «источники колеблются», «скупятся на ответ» ввиду того, что их сведения фрагментарны, ученый прибегает к методу исторической реконструкции, пытаясь по отдельным крупицам сведений воссоздать целостные картины прошлого.

П. Г. Виноградов обосновывал необходимость специфического подхода к каждому типу источников. Особое внимание в своей исследовательской практике историк уделял юридическим памятникам, принципы анализа которых достаточно подробно изложены им в «Вилланстве в Англии». В формальном характере юридической теории он усматривал «плодотворный метод для исследования вопросов, связанных с правом», а именно вопросов социальной и экономической истории. При этом он отмечал, что в своем стремлении подчинить многообразие жизненных явлений определенным юридическим принципам право «при всей тонкости своего анализа и широте своих общих определений» не способно избежать противоречий и произвольного, искусственного соединения совершенно различных понятий. Эти противоречия юридических форм, по мысли П. Г. Виноградова, и помогают историку «проникнуть в процесс исторического наслаивания, неустранимого при всех стремлениях юристов к единству и логике»²¹. Новообразования в социальной жизни общества не сразу находили точные определения в юридической теории. Поэтому использовались старые термины, которые отражали реальность лишь приблизительно, а поэтому требовали дополнительных уточнений и определений. П. Г. Виноградов тонко подмечает и использует для своих построений все эти особенности юридических памятников. Приведем лишь один пример. Рассматривая вопрос о происхождении колоната, исследователь обращает внимание читателя на смысловое несовпадение в юридических памятниках понятий свободы и независимости. «Слово „liber“ стало обозначать часто человека, могущего располагать собою, в противоположность человеку хотя бы свободному по сословному положению, но зависимому от чужой воли. Отсюда соединение „liber et vagus“»²².

Свой подход к анализу юридических и других типов источников П. Г. Виноградов называл диалектическим. Не признавая диалектики для объяснения исторического процесса в целом, буржуазный ученый настойчиво доказывал необходимость диалектики при анали-

зе источников²³. В этом сказалась ограниченность его трактовки самого содержания понятия «диалектика», которое он часто сводил к выявлению и разрешению противоречий в логических построениях. Диалектический подход, по мнению П. В. Виноградова, необходим исследователю «уже хотя бы потому, что нельзя ограничиться прямым смыслом случайно дошедших до нас свидетельств, которые и отрывочны, и говорят часто не о том, что нас интересует и что действительно для нас важно. Приходится искать косвенного смысла, поворачивать свидетельство не тою стороною, которую оно обращено к нам в повествовании источника»²⁴.

Вместе с тем П. Г. Виноградов постоянно имеет в виду необходимость критического подхода к анализу источников. «Лучше совсем обходиться без источников, чем иметь дело с источниками, не разработанными критически»²⁵. Столь категоричное по форме заявление П. Г. Виноградова вряд ли требует дополнительных комментариев. Следует только отметить, что плодотворность окончательных научных выводов он ставил в зависимость от глубины критической разработки материала источников²⁶.

Раскрывая содержание критического подхода к источникам, П. Г. Виноградов выделяет следующие основные принципы: 1) определение подлинности источника; 2) определение состава исторического материала; 3) разрешение вопросов относительно времени и места возникновения и 4) определение достоверности источника. Последнему положению исторической критики ученый придавал особое значение, связывая его с выявлением личных и партийных пристрастий составителей источников²⁷. «Все отдельные задачи исторической критики,— отмечал П. Г. Виноградов,— сводятся, в сущности, к одной — к отстранению субъективного элемента в передаче источников о событиях»²⁸. В теоретических представлениях историка в какой-то мере наметился верный путь к пониманию содержания этого субъективного элемента, которое он ставил в зависимость от «материальных условий, при которых мыслят люди»²⁹.

В своих работах П. Г. Виноградов дает неизменно высокую оценку создателям критического метода в истории немецким историкам Г. Нибуру и Л. Ранке³⁰, что не мешает ему одновременно выступать с резкой критикой в адрес их учеников и последователей, которые в своем стремлении «свить из паутины канат» абсолютизировали значение исторической критики, доводя до нелепости принципы своих учителей³¹. Увлечение гиперкритицизмом, заведомое недоверие к фактам, содержащимся в источниках, лишало историю самой основы ее существования как науки, с чем никак не мог согласиться П. Г. Виноградов, справедливо замечая, что под ногами таких историков «весьма нетвердая почва»³². Критический подход к источникам включает в себя, по мысли П. Г. Виноградова, не только выявление их объективного содержания, но также и определение «направления, в котором они могут быть особенно полезны, и наоборот, их недостаточность в других отношениях»³³. Собственно, к этому последнему положению нередко и сводятся те краткие

источниковедческие обзоры, которые приводит П. Г. Виноградов в своих трудах.

Доказывая в теории приверженность принципам исторической критики, П. Г. Виноградов не всегда демонстрирует их на практике. Предварительная источниковедческая работа, предшествующая всякому историческому исследованию, как бы выносится историком «за рамки» произведения, хотя у читателя не возникает сомнения в том, что эта работа там, где необходимо, проведена с присущей ему тщательностью. Подобное построение произведений П. Г. Виноградова, как нам представляется, в определенной мере обусловлено особенностями исследуемых им проблем. Уделяя основное внимание изучению социальных и экономических вопросов, и прежде всего аграрных (для Виноградова «средняя история есть история по преимуществу землевладения») ³⁴, ученый использует сведения источников, которые в меньшей степени могли быть подвержены сознательному искажению со стороны их составителей. Во всяком случае его трудно упрекнуть в игнорировании возможной предвзятости составителей источников ³⁵ или существенных недостатках «внутренней» критики. Характер же использования историком всего комплекса привлекаемых источников в целом неоднократно подвергался справедливой критике в советской историографии ³⁶. Так, свои выводы о структуре английского манора, основанные главным образом на церковных источниках Юго-Восточной Англии, П. Г. Виноградов необоснованно распространяет на всю территорию страны, игнорируя противоречащие его концепции данные о многообразии вотчинных структур хорошо ему известных Сотенных свитков. Последние историк хотя и довольно широко, но выборочно использует для выяснения важного для его построений вопроса о свободных держаниях. Подобный подход к использованию материалов источников обусловлен в конечном итоге не столько издержками его исследовательской методики, сколько спецификой методологических позиций ученого.

В своем стремлении выявлять наиболее существенные и типические черты изучаемой исторической действительности представители позитивистской историографии объявляли второстепенным все, что им казалось менее важным, незначительным исключением из общего правила ³⁷.

По убеждению П. Г. Виноградова, все многообразие исторических явлений определенной эпохи можно свести к нескольким «руководящим принципам», «организующим идеям», изучение которых дает ключ к пониманию эпохи в целом ³⁸. Так, если «наиболее полным выражением» античного общества был город-государство — полис, то для средневековья «столь же заметным и своеобразным» являлось поместье, на английской почве — манор ³⁹. При этом манориальная структура рисовалась однотипной, повсеместно распространенной в течение всего периода средневекового развития. Обосновываемый таким образом метод исследования являлся по сути дела методом типизации ⁴⁰, в соответствии с которым решалась и проблема типичности исторических источников.

Исследовательской манере П. Г. Виноградова всегда было при-
суще использование широкого круга самых разнообразных источни-
ков. Для решения вопросов социального развития и аграрной истории
Англии это и знаменитая «Книга Страшного суда», и уже упоми-
навшиеся Сотенные свитки 1279 г., протоколы манориальных кур-
рий, англосаксонские правды, данные топонимики, антропологии, ар-
хеологических исследований и др. Однако узловая проблема его кон-
цепции — проблема манора, манориальной структуры — решалась
почти исключительно на основе одного типа источников — манори-
альных описей церковного происхождения. Избранный тип источни-
ков изображал «классический манор» как крупное натурально-замк-
нутое хозяйство с доменом, вилланской землей и «узкой каймой
свободных держаний». При всей односторонности решение данной
проблемы имело свои сильные стороны. Общеизвестно его глубокое
и плодотворное влияние, оказанное на современников и последую-
щие поколения исследователей, занимавшихся изучением широкого
круга вопросов, связанных с манориальной организацией.

Применение метода типизации ясно свидетельствует о том, что
исследовательская работа П. Г. Виноградова отнюдь не сводилась к
простой регистрации критически проверенных фактов. Выявление
объективных свидетельств источников составляло лишь первый этап
работы исследователя. Второй, наиболее важный этап заключался в
обобщении всего многообразия исторических фактов, в формирова-
нии выводов историка. Иными словами, анализ предполагал после-
дующий синтез. Критикуя по этому вопросу взгляды французского
ученого Фюстеля де Куланжа, П. Г. Виноградов справедливо высту-
пал против «резкого разграничения между аналитической и синтети-
ческой работой в истории»⁴¹. Аналитическая и синтетическая ра-
бота в истории, согласно П. Г. Виноградову, взаимосвязаны и взаи-
мообусловлены. Обобщающие данные, полученные при изучении
одного вопроса, «не могут игнорироваться при изучении следующего
вопроса; они войдут важной составной частью в это изучение, на-
равне с прямо относящимися к нему фактами и текстами»⁴².
Отбор же исторических фактов предопределен общей позицией уче-
ного, а потому тесно связан с обобщением⁴³.

Теоретически отстаивая единство и необходимость анализа и
синтеза в работе историка, П. Г. Виноградов стремился, правда не
всегда успешно, к реализации этого принципа на практике. Наибо-
лее последовательным аналитиком и одновременно сторонником
обобщающих концепций ученый выступает в произведениях, напи-
санных до начала 1900-х годов⁴⁴. В магистерской диссертации,
а особенно в монографии «Исследования по социальной истории
Англии в средние века» и английском ее варианте тонкий анализ
источников, сопоставление данных различного происхождения для
выяснения одного вопроса предваряют обобщающие выводы об
особенностях и тенденции генезиса феодализма, рассматриваемого
на общем фоне социально-экономического и политического развития
общества. Собственно, этим в значительной мере определяется,

хотя и не исчерпывается, исследовательский вклад П. Г. Виноградова в историческую науку.

Особое место в исследовательской концепции П. Г. Виноградова занимает его отношение к методам изучения истории, заимствованным позитивистской историографией у других наук, в том числе и естественных. Речь идет о сравнительно-историческом, ретроспективном и статистическом методах. Отметим сразу, что последний почти не применялся П. Г. Виноградовым, хотя историк и признавал, что статистика «обнаруживает закономерную правильность явлений общественной жизни»⁴⁵. Применение статистического метода он находил правомерным и полезным главным образом для изучения фискальных источников типа «Книги Страшного Суда» и Сотенных свитков⁴⁶.

Большие возможности и перспективы П. Г. Виноградов усматривал в использовании метода сравнительно-исторического. Главную заслугу в распространении сравнительного метода на историческую науку он приписывает Г. Спенсеру⁴⁷, на позитивизм которого он отчасти ориентировался в своих философских представлениях. Применение сравнительного метода в историческом исследовании стало возможным, по мнению ученого, благодаря влиянию трех факторов: развитию сравнительного метода в языкознании; изучению экономических и юридических фактов; развитию этнографии. Успехи этнографии оказали особое влияние на становление одной из форм исторического сравнения — метода «переживаний»⁴⁸. Обосновывая ценность сравнения для изучения исторического прошлого, П. Г. Виноградов ограничивал сферу его применения рамками экономической истории. «Сравнительный метод,— отмечал он,— совершенно негодящийся для исследования сложных культурных и политических явлений, находит тут свое естественное применение»⁴⁹. Однако и при изучении хозяйственной жизни общества П. Г. Виноградов настаивает на осторожном использовании исторического сравнения.

Условия применения данного метода историк сформулировал в ходе вполне обоснованной критики приемов использования сравнения в сочинениях Г. Бокля, Г. Мэна, Э. Фримена, М. М. Ковалевского⁵⁰. Во-первых, считает П. Г. Виноградов, при использовании сравнительно-исторического метода сравниваемые объекты предвзвешенно должны быть подвергнуты тщательному «раздельному» изучению. Во-вторых, в ходе сравнения необходимо выявлять не только «одинаковое и сходное», но и «различия и коренные особенности» сравниваемых объектов. В-третьих, применяя сравнительный метод, следует опасаться приведения к общему знаменателю «разнообразных исторических величин», т. е. сравниваемые объекты должны быть соизмеримы, качественно однородны⁵¹. Изложенные принципы применения сравнения в истории, выдвинутые П. Г. Виноградовым, сохраняют свое значение и в наши дни⁵².

П. Г. Виноградов видел две основные цели в историческом исследовании, для достижения которых сравнительный метод способен дать особенно ценные результаты. Сравнительно-историческое изу-

чение, по мнению ученого, может быть направлено к «определению черт явлений, сгладившихся в известиях об одном случае и ясно переданных в другом, или же к выяснению причин сходных явлений»⁵³. В то же время он отмечал, что, применяя сравнение для реконструкции и дополнения сведений источника, исследователь подвержен опасности под предлогом дополнения традиции перенести в нее совершенно чуждые черты⁵⁴. Эту немаловажную особенность метода не всегда учитывали английские историки, впервые применившие на практике метод исторического сравнения, Г. Мэн и Э. Фримен⁵⁵. Наиболее яркий пример произвольного обращения с методом сравнения П. Г. Виноградов видел в решении Г. Мэном вопроса о коммендации. Заметив в Ирландии существование коммендации, основанной на заимствовании скота бедным человеком у богатого, Г. Мэн, по мнению П. Г. Виноградова, «без всяких на то оснований готов думать, что и в Франкской монархии коммендация сводится на то же самое»⁵⁶.

Если для «дополнения рисунка общественной жизни» сравнительный метод требует очень осторожного использования и не всегда гарантирует успех, то для определения причин исторических явлений и процессов, по убеждению исследователя, сравнительно-исторический метод незаменим. Обосновывая это положение, П. Г. Виноградов писал: «Если в истории нескольких народов мы встречаем ряд аналогичных фактов и если мы при выяснении вызвавших их причин ограничиваемся одним народом, то мы постоянно будем становиться в тупик...»⁵⁷. В то же время «повторение того же результата в другой исторической сфере и при других исторических antecedентах выведет нас из заблуждения и заставит искать причин в явлениях, общих всем формам развития»⁵⁸. Сравнение он объявлял «единственным критерием» для «поправки и проверки» раздельного изучения эпох и народов⁵⁹.

П. Г. Виноградов мастерски использует это свойство метода, в частности, для опровержения романистических и германистических теорий происхождения феодализма. Реализуя заложенную в сравнительно-историческом методе, пожалуй, единственную для ученого-историка возможность эксперимента, П. Г. Виноградов мысленно перемещает процесс феодализации с романской почвы на германскую и наоборот с целью доказать, что феодализм был «результатом не племенных, а общесторических причин»⁶⁰. При этом выявление общего в процессе феодализации для всех народов сочеталось у историка с исследовательским проникновением в присущие каждому из них особенности. Он убедительно показал, что если в Италии и Франции феодализм возникает в результате «соединения римского и германского элементов»⁶¹, то феодальные отношения Англии явились в основном следствием внутреннего разложения древнегерманских общинных порядков. Таким образом, благодаря сравнительно-историческому методу, своеобразно интерпретируемому, П. Г. Виноградов «стал одним из родоначальников типологического рассмотрения проблемы генезиса феодализма в Европе»⁶². В дальнейшем, продолжая изучение данной проблемы на основе

метода сравнения, исследователь пришел к верному и не менее ценному выводу о том, что процесс феодализации шел быстрее и принимал завершённые формы «в тех частях Европы, где были наиболее переплетены римские и германские элементы, особенно во Франкской империи»⁶³.

Свою докторскую диссертацию первоначально П. Г. Виноградов хотел посвятить сравнительному изучению истории образования земельных владений в Западной Европе. «Сравнительно-историческое исследование,— писал он из Англии В. И. Герье,— очень меня привлекает по новизне приемов»⁶⁴. Но очень скоро, углубившись в английский материал, историк счел эту задачу преждевременной, требующей предварительного изолированного изучения предмета. В произведениях П. Г. Виноградова мы не встретим такого широкого применения исторического сравнения, как например, у М. М. Ковалевского. Это спасло П. Г. Виноградова от тех ошибок и увлечений, которыми грешат работы М. М. Ковалевского⁶⁵. П. Г. Виноградов со свойственной ему осторожностью избрал путь изучения исторических процессов на материале одной страны, лишь изредка обращаясь к сравнению. Он предпочел использовать более приемлемый, как ему казалось, на данном этапе развития исторической науки, близко стоящий к сравнительно-историческому методу метод «переживаний», т. е. ретроспекции. Этот метод в сочетании с приемами юридической конструкции лег в основу всех произведений П. Г. Виноградова, написанных на английском материале.

Суть метода заключалась в постепенном движении исследователя от фактов, хорошо представленных в источниках поздней эпохи, к восстановлению свидетельств о более ранних, древнейших периодах истории. У П. Г. Виноградова не вызывало сомнения, «что позднейшая юридическая теория, по которой общинные права объясняются уступками помещика, переносит факты феодального периода в древнейшую эпоху»⁶⁶. Едва ли можно считать уступкой феодала существование манориальных судов в Англии XIII в., когда основная масса крестьянства находилась в крепостном состоянии. Для правомочности манориального суда необходимо было определенное число свободных заседателей, за неимением которых в маноре феодал вынужден был искать их на стороне. Этот обычай, чрезвычайно стеснительный для феодалов, ясно свидетельствовал о том, делает вывод П. Г. Виноградов, что крестьянство находилось изначально в свободном положении⁶⁷. Таков один из характерных примеров использования историком метода «переживаний».

На важность метода ретроспекции для исторических исследований П. Г. Виноградов обращал внимание еще в магистерской диссертации. «По силе инерции,— писал он,— держатся не одни нотариальные формулы, а целые обряды, обычаи и учреждения, и это обстоятельство дает нам драгоценное средство для ознакомления с периодами темными, плохо описанными в источниках: окаменелые остатки строя этих периодов, засевшие в позднейшей истории, яв-

ляются также памятником, и памятником важным»⁶⁸. Причем, по мнению историка, метод «переживаний» довольно неприспособлен в использовании. Чтобы избежать злоупотреблений при ретроспективном изучении, «стоит только проверить всякий раз, имеем ли мы дело с фактом, в самом деле не подходящим к условиям эпохи, когда он становится известен, если это не удастся объяснить средствами этой эпохи, тогда можно искать толкований в более ранних условиях быта»⁶⁹. В дальнейшем П. Г. Виноградов отказался от столь доверчивого отношения к возможностям метода. Это было, по всей вероятности, связано с его реакцией на те парадоксальные выводы, к которым пришел в своем исследовании, используя тот же метод ретроспекции, английский ученый Ф. Сибом⁷⁰.

В «Вилланстве в Англии» П. Г. Виноградов предупреждает, что исследование «от известного к неизвестному» таит в себе опасность «разрушения перспективы исследования и игнорирования развития»; кроме того, неосторожное обращение с методом «переживаний» чревато огульным перенесением в ранние эпохи фактов и условий развития более позднего времени⁷¹. В монографии о средневековом маноре историк вновь возвращается к этим недостаткам метода, показывая возможные пути их устранения на примере изучения истории кельтов⁷². Однако если, определяя условия применения сравнительно-исторического метода для получения объективного знания, П. Г. Виноградов наполняет их конкретным содержанием, то, призывая к «осторожности» при использовании метода «переживаний», он апеллирует, по всей видимости, к особому чутью историка, к исследовательской интуиции, понятиям слишком неопределенным, чтобы защитить исследование от вторжения значительного элемента субъективности. Степень же субъективности в конечном итоге обусловлена исходными идейно-теоретическими позициями ученого. В этом отношении П. Г. Виноградов-исследователь находился в гораздо более благоприятных условиях, чем его английский коллега Ф. Сибом. Являясь последовательным и активным сторонником общинной теории, русский ученый выступал за изначальный характер общественной, а не индивидуальной собственности. Опровергая построения Ф. Сибома, П. Г. Виноградов пришел к выводу о том, что основы общинной структуры английской деревни «нужно искать не в индивидуалистических, а в коммунистических понятиях, устранить которые было бессильно даже индивидуалистическое право феодализма»⁷³, и «история аграрных отношений не может быть объяснена из первоначального рабства и помещичьей власти. На ней ясно отразилось постепенное вырождение свободы»⁷⁴.

Если до настоящего времени остаются приемлемыми самые общие результаты исследований П. Г. Виноградова, то система его доказательств и решение целого ряда конкретных проблем, в том числе истории вилланства, неоднократно подвергались справедливой критике. Ретроспективный подход к историческому процессу, координируемый полемикой с Ф. Сибомом, стремление во что бы то ни стало отыскать в каждом элементе феодального строя черты былой свободы увели исследователя от рассмотрения целого ряда важ-

нейших вопросов или же обусловили неправомочное их решение. История основного класса феодальной Англии — вилланства — лишилась в изображении П. Г. Виноградова своего конкретно-исторического содержания, тогда как подлинную историю обрело созданное представлениями юристов вилланство юридических доктрин. Направленные поиски пережиточных явлений привели ученого к несостоятельному решению проблемы фригольдерства⁷⁵. Исходные причины этих слабых сторон исследований П. Г. Виноградова великолепно вскрывает известное положение К. Маркса: «Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным»⁷⁶.

Рассмотренные нами в основных чертах представления П. Г. Виноградова о путях поиска исторической истины, конечно, не исчерпывают всего исследовательского вклада ученого в историческую науку, но позволяют судить о нем как о глубоком и оригинальном исследователе.

- ¹ *Покровский М. Н.* Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933, с. 304.
- ² *Очерки истории исторической науки в СССР.* М., 1963. Т. III; *Гутнова Е. В.* Историография истории средних веков. М., 1974; *Могильницкий Б. Г.* Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в.— начала 900-х годов. Томск, 1969; *Лапгин П. Ф.* Община в русской историографии последней трети XIX — начала XX в. Киев, 1971.
- ³ *Косминский Е. А.* Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М., 1947; *Барз М. А.* Исследования по истории английского феодализма в XI—XIII вв. М., 1962.
- ⁴ *Виноградов П. Г.* Средневековая история. 1879—1880 acad. год. М., с. 35—129.
- ⁵ Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей (далее — ГБЛ), ф. 16, п. 68, д. 9, л. 5 (Речь на обеде, посвященном чествованию В. И. Герье, 29 ноября 1898 г.).
- ⁶ ГБЛ, ф. 70, п. 38, д. 109, л. 8—9 (П. Г. Виноградов — В. И. Герье, 7 ноября 1875 г.).
- ⁷ Там же, л. 26 (П. Г. Виноградов — В. И. Герье, 26 апреля 1876 г.).
- ⁸ *Виноградов П. Г.* Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. СПб., 1880.
- ⁹ *Виноградов П. Г.* История средних веков. М., 1901, с. 11.
- ¹⁰ Там же, с. 164.
- ¹¹ *Виноградов П. Г.* Исследования по социальной истории Англии в средние века. СПб., 1887, с. 6.
- ¹² *Виноградов П. Г.* О прогрессе. М., 1898, с. 59.
- ¹³ *Виноградов П. Г.* Т. Н. Грановский.— Русская мысль, 1893, № 4, с. 56.
- ¹⁴ *Виноградов П. Г.* Средневековая история, с. 125.
- ¹⁵ *Виноградов П. Г.* Задачи правоведения.— В кн.: Вступительные лекции профессоров Московского императорского университета. М., 1909. с. 8.
- ¹⁶ См.: *Моисеев Л. С.* К вопросу об исторических взглядах П. Г. Виноградова.— В кн.: Проблемы историографии и источниковедения истории СССР. Днепропетровск, 1979.
- ¹⁷ *Виноградов П. Г.* Задачи правоведения, с. 8.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Иванов Г. М.* Исторический источник и историческое познание. Томск, 1973, с. 17.
- ²⁰ *Виноградов П. Г.* Исследования по социальной истории Англии в средние века, с. 50.

- ²¹ *Vinogradoff P. Villainage in England. Oxford, 1892, p. 127—128.*
- ²² *Виноградов П. Г. Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии, с. 28.*
- ²³ См.: *Vinogradoff P. Villainage in England, p. 128, 211.*
- ²⁴ *Виноградов П. Г. Фюстель де Куланж: Итоги и приемы его ученой работы.— Русская мысль, 1890, № 1, с. 92.*
- ²⁵ *Виноградов П. Г. Средневековая история, с. 46.*
- ²⁶ *Виноградов П. Г. Фюстель де Куланж: Итоги и приемы его ученой работы, с. 94.*
- ²⁷ *Виноградов П. Г. Средневековая история, с. 45.*
- ²⁸ *Виноградов П. Г. Ранке и его школа.— Русская мысль, 1888, № 4, с. 221—222.*
- ²⁹ *Виноградов П. Г. Т. Н. Грановский, с. 52.*
- ³⁰ См.: *Виноградов П. Г. Исследования по социальной истории Англии в средние века, с. 6; Он же. Т. Н. Грановский, с. 46—47.*
- ³¹ См.: *Виноградов П. Г. Средневековая история, с. 46; Он же. Ранке и его школа, с. 223; Он же. Очерки западноевропейской историографии.— Журнал Министерства народного просвещения, 1883, № 12, с. 488, 490.*
- ³² Там же, с. 488.
- ³³ *Виноградов П. Г. Д. М. Петрушевский. Восстание Уота Тайлера.— В кн.: Отчет о X присуждении премий митрополита Макария. СПб., 1905, с. 6.*
- ³⁴ *Виноградов П. Г. История средних веков. М., 1897—1898 акад. год, с. 176.*
- ³⁵ Тенденциозность отдельных источников им порой даже преувеличивалась. Так, мнение П. Г. Виноградова о классовой направленности в интересах феодалов показаний присяжных при составлении Сотенных свитков (*Vinogradoff P. Villainage in England, p. 155*) в дальнейшем не подтвердилось. См.: *Косминский Е. А. Указ. соч., с. 338.*
- ³⁶ См.: *Косминский Е. А. Указ. соч., с. 24—25; Барг М. А. Указ. соч., с. 10—14. 38—39.*
- ³⁷ *Косминский Е. А. Указ. соч., с. 21.*
- ³⁸ См.: *Vinogradoff P. The Collected Papers. Oxford, 1928, vol. 1, p. 112.*
- ³⁹ *Vinogradoff P. The Growth of the Manor. L., 1905, p. V.*
- ⁴⁰ *Гуревич А. Я. Что такое исторический факт? — В кн.: Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М.: 1969, с. 63.*
- ⁴¹ *Виноградов П. Г. Фюстель де Куланж: Итоги и приемы его ученой работы, с. 93.*
- ⁴² Там же.
- ⁴³ См.: *Виноградов П. Г. Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии, с. 13.*
- ⁴⁴ В дальнейшем несомненно под влиянием «критического направления» в медиэвистике, с родоначальником которого в Англии, Ф. Мэтландом, Виноградов находился в самом тесном общении, он признал «поспешными» широкие обобщения (см.: *Vinogradoff P. The Growth of the Manor, p. IV*), сосредоточив внимание главным образом на анализе многочисленных источников (анализе порой мелочном), тем самым снизив научную значимость своих более поздних трудов.
- ⁴⁵ *Виноградов П. Г. Задачи всеобщей истории.— В кн.: Сборник в пользу недостаточных студентов университета Святого Владимира. СПб., 1895, с. 309.*
- ⁴⁶ *Vinogradoff P. The Growth of the Manor, p. 142.*
- ⁴⁷ *Виноградов П. Г. Средневековая история, с. 115—116.*
- ⁴⁸ Там же, с. 116.
- ⁴⁹ *Виноградов П. Г. Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии, с. 17.*
- ⁵⁰ *Виноградов П. Г. Средневековая история, с. 105—107, 119, 123.*
- ⁵¹ *Виноградов П. Г. Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии, с. 17.*
- ⁵² См., например, суждения по этому вопросу А. И. Неусыхина (*Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956, с. 4*).
- ⁵³ *Виноградов П. Г. Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии, с. 17.*

- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ *Виноградов П. Г.* Средневековая история, с. 119.
- ⁵⁶ Там же, с. 121.
- ⁵⁷ Там же, с. 122.
- ⁵⁸ *Виноградов П. Г.* Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии, с. 18.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же, с. 15; *Виноградов П. Г.* Средневековая история, с. 122.
- ⁶¹ *Виноградов П. Г.* История средних веков. М., 1893, с. 102.
- ⁶² *Гугнова Е. В.* Историография истории средних веков, с. 292.
- ⁶³ *Vinogradoff P.* Foundation of Society (origin of feudalism).— Cambridge Medieval History, 1913, vol. 2, p. 654.
- ⁶⁴ ГБЛ, ф. 70, п. 38, д. 110, л. 44 (П. Г. Виноградов — В. И. Герье, 23 сентября 1883 г.).
- ⁶⁵ См. критику М. М. Ковалевского по этому вопросу: *Сафронов Б. Г.* М. М. Ковалевский как социолог. М., 1960, с. 256—257; *Неусыхин А. И.* Указ. соч., с. 42.
- ⁶⁶ *Виноградов П. Г.* Исследования по социальной истории Англии в средние века, с. 28.
- ⁶⁷ Там же, с. 177.
- ⁶⁸ *Виноградов П. Г.* Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии, с. 18.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ См.: *Seebohm F.* The English Village Community. L., 1863.
- ⁷¹ *Vinogradoff P.* Villainage in England, p. 38.
- ⁷² *Vinogradoff P.* The Growth of the Manor, p. 4—6.
- ⁷³ *Vinogradoff P.* English Society in the Eleventh Century. Oxford, 1908, p. 360.
- ⁷⁴ *Виноградов П. Г.* Исследования по социальной истории Англии в средние века, с. 259.
- ⁷⁵ См. критику П. Г. Виноградова по этому вопросу: *Косминский Е. А.* Указ. соч., с. 255—261; *Барз М. А.* Указ. соч., с. 160—168.
- ⁷⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 1, с. 7.

ПОБОРНИК БРАТСТВА

(о неизвестной статье В. И. Вернадского,
посвященной Закарпатья)

О. С. Мазурок

Заслуги выдающегося ученого В. И. Вернадского в области естественных наук общеизвестны. Его перу принадлежит около 500 научных трудов по геохимии, кристаллографии, биологии, гидрологии, почвоведению и т. д. Но мало кто знает, что Владимир Иванович — автор работ по истории. К сожалению, эта сторона его деятельности практически не изучена и поэтому заслуживает внимания.

Убежденный противник великодержавного шовинизма, В. И. Вернадский всегда с симпатией относился к украинскому народу, выступал поборником единства украинского и русского народов. Жизненный путь В. И. Вернадского был тесно связан с Украиной: он учился в Харьковской гимназии (1875—1876 гг.), принимал участие в научной экспедиции по изучению почв Полтавской

губернии (1890 г.), был членом научного общества им. Шевченко во Львове (с 1903 г.), в 1918 г. стал первым президентом Украинской Академии наук, читал лекции в Киевском университете, в 1920 г. был избран ректором Таврийского университета.

В архиве АН СССР в Москве в личном фонде ученого (ф. 518) нами выявлена рукопись статьи «Угорская Русь с 1848 г.» (д. 213), а также «Заметки, выписки и библиография об Угорской Руси и угроруссах» (д. 214), над которыми В. И. Вернадский работал в 1880—1889 гг. Поскольку весь этот материал касается одной темы, его можно разбить на три части: собственно *статья*, состоящая из четырех разделов и занимающая девять страниц (д. 213, л. 2—6; формат 22×37 см); обширные *дополнения* к отдельным разделам статьи (д. 213, л. 7—11; д. 214, л. 1—3; формат 17,5×22 см); *выписки*, сделанные В. И. Вернадским из книг, статей, журналов и газет по исследуемому вопросу: заметки, касающиеся культурной жизни в Закарпатье во второй половине XIX в., материалы о венгерской революции 1848—1849 гг., библиография по истории западноукраинских земель и, наконец, критический разбор статьи «Пословицы и поговорки Галицкой и Угорской Руси», напечатанной в «Записках имп. Русского географического общества по отделению этнографии», т. 1, СПб, 1869 (д. 214, л. 3—11; формат 17,5×22 см).

Листы рукописи, имеющие поля на одну треть ширины страницы, в большинстве случаев исписаны с обеих сторон. Кроме уже упомянутых больших дополнений, предназначенных для включения в текст статьи, имеются еще многочисленные вставки на полях статьи и дополнения. Автор отмечал места включения этих вставок в основной текст значками: х, хх, ххх и т. п. Всего вставок 24, из них на полях собственно статьи — 19. Многочисленные фактические и стилистические исправления, содержащиеся в статье и дополнениях к ней, свидетельствуют об интенсивной работе исследователя над материалом.

И хотя статья не закончена, она представляет большой интерес и свидетельствует о том, что ее автор, не будучи профессиональным историком, выработал свой собственный взгляд на исторический процесс вообще и на историческое прошлое Закарпатья в частности, высказал ряд смелых для того времени мыслей, поднял голос в защиту угнетенного народа.

В. И. Вернадский с большой ответственностью и со знанием дела отнесся к освещению избранной темы. В рукописи упоминаются произведения 62 авторов, содержащие материал по истории Закарпатья, Восточной Галиции и Северной Буковины¹. В статье и дополнениях к ней — 111 ссылок на использованную литературу. Это солидная источниковая база, если учесть, что более-менее полная библиография по истории Закарпатья второй половины XIX в. появилась лишь в начале XX в.² Ссылки сделаны в тексте, на полях и под текстом внизу страницы.

Всю статью пронизывает мысль о том, что украинское население Закарпатья — часть того народа, который живет на восток от

Карпатских гор, и что в их судьбе много общего. Так, рассматривая прошлое Закарпатья до 1848 г., В. И. Вернадский сравнивает его с историей украинских земель, захваченных Польшей, и отмечает, что закарпатские украинцы терпели такой же гнет от венгерских феодалов, как их братья от польских панов, и поэтому в обоих случаях формой протеста против угнетения были крестьянские восстания (д. 213, л. 5).

Автор, рассказывая о народных волнениях в Закарпатье в 1830—1831 гг., указывал, что и в России тогда же происходили так называемые «холерные бунты», в частности в Тамбовской губернии, в Петербурге. Заслуживает внимания мнение автора, что события 1830—1831 гг. в Венгрии и в Закарпатье — «простое крестьянское восстание» против дворян и чиновников (д. 213, л. 5). Он осуждает жестокость властей по отношению к восставшим, замечая, что «жестокостью никогда и ни в какие времена нельзя уничтожить развитие свободных идей» (д. 214, л. 2). Анализируя реакцию правящих классов на эти волнения, В. И. Вернадский подчеркивает, что, как ни странно, но они так и не поняли истинных причин, поднявших народ на борьбу.

Его симпатии целиком и полностью на стороне угнетенных масс. Будучи противником крайних мер, он писал: «Более или менее еще можно допустить, что угнетенные, необразованные, вдруг почувствовавшие свою силу народные массы со страшною жестокостью будут мстить... Мечь их отвратительна, но более или менее объяснима. Здесь же вы встречаете другое явление: здесь тоже мечь, но мечь со стороны власти и класса помещичьего, затронутого образованием. Немного перед тем он (помещик.— *О. М.*), может быть читал и восторгался Вольтером, Руссо, а через несколько времени чуть не собственноручно вешает несчастных крестьян» (д. 214, л. 2).

В статье много внимания уделено буржуазной революции в Венгрии 1848—1849 гг. и участию в ней закарпатских украинцев, которые возлагали на революцию большие надежды, ожидая своего освобождения, но были горько разочарованы. В целом положительно оценивая деятельность Л. Кошута и указывая на прогрессивные моменты его программы, В. И. Вернадский сумел увидеть непосредственность и противоречивость его позиции в решении аграрного и национального вопросов. «Кошут представляет из себя,— писал он,— замечательный тип человека, передового по своим воззрениям и вместе с тем крайнего узконационального патриота. Как социальный реформатор он привлек на сторону венгров массу народонаселения угрорусского, но все было испорчено другими его действиями и действиями его товарищей» (д. 214, л. 4). Следовательно, В. И. Вернадский был ближе к истине в оценке Л. Кошута как политического деятеля, чем буржуазные историки, замалчивавшие слабые стороны его программы. Одновременно им сказаны добрые слова в адрес поэта-интернационалиста Ш. Петефи и его единомышленников, «которые требовали свободы всего мира и освобождения всех поработанных народностей» (д. 214, л. 1).

На основе анализа проработанной литературы В. И. Вернадский пришел к выводу, что после реформы 1848 г. положение закарпатского крестьянства значительно ухудшилось. Он не соглашается с утверждением закарпатского автора Г. Бескида³ о том, что причина нищеты крестьян — в «чрезмерном употреблении паленки» (водки.— *О. М.*). Корень зла в обезземеливании сельских тружеников: после реформы крестьяне владели третью того, что имели до 1848 г., в то время как прямые и косвенные налоги увеличились в пять раз (д. 213, л. 5).

В статье В. И. Вернадского приводятся примеры борьбы закарпатских крестьян с помещиками и в 60-х годах XIX в., в частности рассказывается о выступлении крестьян против графа Шенборна, одного из крупных землевладельцев в Закарпатье (д. 213, л. 10). Значительное внимание уделено характеристике деятельности в крае так называемых «будителей»⁴: А. Духновича (1803—1865), А. Павловича (1819—1900), И. Раковского (1815—1855), боровшихся за возрождение духовной жизни в Закарпатье (д. 213, л. 4—5). Автор осуждает закарпатское духовенство, в частности епископов, сыгравших не последнюю роль в национальном угнетении украинского населения (д. 213, л. 3). Заметим, что аналогичную мысль высказывали и представители прогрессивной интеллигенции Восточной Галиции во главе с революционером-демократом И. Я. Франко в своем знаменитом «Протесте», написанном 15 июня 1896 г. и направленном против ассимиляторской политики Венгрии по отношению к закарпатским украинцам⁵.

Статья В. И. Вернадского проникнута идеей дружбы русского и украинского народов, имевших так много общего в своей многовековой истории. Политические границы, отделяющие закарпатских украинцев от русского народа, подчеркивает автор, не должны и не могут заглушить у русских чувство возмущения при вестях о систематических притеснениях, которым подвергаются трудящиеся этой украинской земли. Поэтому, обращаясь к русскому обществу, В. И. Вернадский писал: «Кто действительно русский, тот не может заставить заглушить в себе чувства ужаса, вызываемого в нем новейшими событиями в Угорской Руси. Неужели мы дадим погибнуть в бессильной борьбе русскому народу в Венгрии, неужели все равно для русского общества гибель 500—600 тысяч своих родичей?..» (д. 213, л. 2).

Статья В. И. Вернадского — смелый протест против ассимиляторской политики правительства Австро-Венгрии по отношению к украинскому населению Закарпатья. Вопросы, поднятые В. И. Вернадским, невольно наводили на мысль о царской России, где также безжалостно душилась всякая свободная мысль, попирались человеческие права национальных меньшинств. Это сравнение не лишено реальной почвы: между Россией и Венгрией второй половины XIX — начала XX в. было много общего. В. И. Ленин, отмечая сходство социального строя обеих стран, писал в 1913 г.: «Венгрия, как известно, всего ближе к России не только географически, но

и по вселилю помещиков-реакционеров, сохранивших от средневековья гигантские количества земли»⁶.

Благодаря братской помощи всех советских народов сбылась вековая мечта населения Закарпатской Украины: их край освобожден героической Советской Армией от чужеземных поработителей. В. И. Вернадский был свидетелем исторических событий в жизни трудящихся Закарпатья, о которых он с такой теплотой писал в 80-х годах прошлого века.

- ¹ *Пыпин А.* История славянских литератур. 2-е изд. СПб., 1879. Т. 1; *Г. Де-Воллан.* Угорская Русь. М., 1878; *М. Лихутин.* Записки о походе в Венгрию в 1849 году. М., 1875; *Ф. Головацкий.* Карпатская Русь.— Славянский сборник, СПб., 1875, т. 1; *Драгоманов М.* Про галицько-руське письменство: Повісті О. Федьковича. К., 1876; *Духнович А.* История Пряшевской епархии: Пер. с лат. СПб., 1877; и др.
- ² См.: *Францев Вл.* Обзор важнейших изучений Угорской Руси.— Рус. филол. вестн., Варшава, 1901, № 1/2; *Перфецкий Е.* Обзор угрорусской историографии.— Изв. отд-ния рус. яз. и словесности АН, СПб., 1914. Т. 19, кн. 1.
- ³ См.: *Бескид Г.* Русские покупатели недвижимости.— Свет, Унгвар, 1870, № 48.
- ⁴ Подробнее см.: *Коломиец И. Г.* Социально-экономические отношения и общественное движение в Закарпатья во второй половине XIX столетия. Томск, 1962, т. 2, с. 421—511.
- ⁵ I ми в Європі: Протест галицьких русинів проти мадьярського тисячоліття.— «Життя і слова». Львів, 1896, с. 17, 19.
- ⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 378.

АПОЛЛОН ГРИГОРЬЕВ ОБ «ИСТОРИИ РОССИИ» С. М. СОЛОВЬЕВА

С. Н. Носов

В 1859 г. в первом номере только что основанного на средства писателя и литературного мецената графа Г. А. Кушелева-Безбородко журнала «Русское слово» появилась пространная статья Аполлона Александровича Григорьева (тогда главного редактора издания) «Взгляд на историю России», посвященная разбору и критике первых восьми томов «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева. Написанная по следам еще незадолго до этого находившейся в полном разгаре полемики между Соловьевым и славянофилами, яркая, полемичная, публицистически острая, эта статья содержала целый ряд новых, по сравнению с высказанными славянофилами, критических замечаний в адрес развиваемой Соловьевым «государственно-родовой теории» исторического развития России.

Аполлон Григорьев не был правоверным славянофилом. Принципиально осуждая всякую историческую схематизацию — как славянофильскую, так и «западническую», Григорьев отстаивал «сти-

хийные народные начала» русской жизни, ее самобытность, которые противопоставлял западным формам общежития.

У нас нет возможности специально останавливаться в данном очерке (эта тема особого исследования) на сложном и далеко еще не получившем окончательного решения вопросе об общественно-политических взглядах Аполлона Григорьева. Заметим только, что его влияние на развитие русской общественной мысли XIX в. было очень значительным.

Начиная с 60—70-х годов в советской науке, особенно в литературоведении, наметился особый интерес к творчеству и мировоззрению Аполлона Григорьева. Большую роль сыграли в этом известные монографические исследования Б. Ф. Егорова и его активная деятельность по подготовке к печати литературного наследия критика, получившая широкую поддержку среди научной общественности. Б. Ф. Егоров один из первых советских исследователей, который наглядно показал прогрессивные тенденции в творчестве Аполлона Григорьева как критика и публициста, подробно охарактеризовал его влияние на русскую общественную мысль XIX в., раскрыв и проанализировав сильные и слабые стороны его идейного наследия¹.

Как показывают новейшие исследования, Аполлон Григорьев занимал в славянофильском лагере своеобразную и несколько обособленную позицию, а главное придерживался значительно более демократических взглядов, чем такие «основоположники» славянофильства, как А. С. Хомяков и И. В. Киреевский. Тем не менее в своих исторических взглядах он ярко выразил историко-культурные тенденции и постулаты течения, объективно преемственного по отношению к раннему славянофильству, — так называемого «почвенничества», зародившегося как раз в период появления рассматриваемой статьи Ап. Григорьева о С. М. Соловьеве — в конце 50-х годов XIX в.^{1*}

Ап. Григорьев не был профессиональным историком, в собственном научном смысле его статья не лишена дилетантизма, но для понимания того, как оценивались и использовались исторические идеи и теории в русской публицистике конца 50-х годов XIX в., его выступление по поводу «Истории России» С. М. Соловьева, как

^{1*} Аполлон Григорьев наряду с пережившим многие его идеи Ф. М. Достоевским был основателем и на рубеже 50—60-х годов XIX в. «главным выразителем» этого весьма самобытного направления в русской общественной мысли и литературе. Что касается вопроса об отношении «почвенничества» к славянофильству, то в последнее время он неоднократно дискутировался в советском литературоведении и единого мнения или даже общей платформы в подходе к этим сложным общественно-литературным явлениям еще не выработано. См.: *Фридендер Г. М.* У истоков «почвенничества». Ф. М. Достоевский и журнал «Свечеч». — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1971, т. 30; *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время», 1861—1863. М., 1973; *Гуральник У. А.* Достоевский, славянофилы и «почвенничество». — В кн.: Достоевский художник и мыслитель. М., 1972; *Андерсеев И. И.* К оценке философско-исторической концепции почвенничества. — В кн.: Актуальные проблемы марксистско-ленинской философии. М., 1972.

справедливо указывал недавно И. В. Порох в рецензии на книгу А. Н. Цамутали «Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века» (Л., 1977), весьма показательно². И это тем более хочется подчеркнуть, поскольку исторические взгляды Ап. Григорьева, по существу, ни разу не были предметом специального изучения ни в дореволюционной, ни в советской историографии. Можно назвать лишь небольшое сообщение И. И. Колесник, посвященное изложению исторических взглядов Ап. Григорьева в связи с его полемикой с С. М. Соловьевым. Однако, на наш взгляд, И. И. Колесник недооценила исторически прогрессивные черты статьи Григорьева, посвященной критике «Истории России» С. М. Соловьева, равно как и ее подчеркнуто антигосударственное общественное звучание³.

В нашей работе мы стремились в какой-то степени восполнить эти «белые пятна» в современной историографии, более подробно характеризовать исторические взгляды Ап. Григорьева, обращая внимание в первую очередь на позитивные моменты его взглядов и критических высказываний в адрес С. М. Соловьева, не отрицая вместе с тем, что и он (в отличие, например, от Н. Г. Чернышевского и его идейных сторонников) не шел на решение проблем истории России с революционно-демократических позиций, что, впрочем, при учете специфики его общественно-политических взглядов и понятно.

Совершенно иным человеком, прямой противоположностью Ап. Григорьеву и по темпераменту, и по взглядам на науку был Сергей Михайлович Соловьев. Образ этого крупнейшего русского историка, знатока русских древностей, ученого огромного трудолюбия и трудоспособности и в то же время человека крайне самолюбивого и самоуверенного рельефно вырисовывается в его известных автобиографических «Записках». По политическим взглядам типичный представитель умеренного либерализма своего времени^{2*},

^{2*} Осуждая цензурные «строгости» царствования Николая I, С. М. Соловьев в то же время с недоверием отнесся к отмене крепостного права Александром II, считая эту меру «преждевременной» и доказывая, что крестьянам «пока» свобода «не нужна». Так, в своих «Записках» С. М. Соловьев, солидаризуясь с консерваторами в описании хода подготовки реформы 1861 г., утверждал: «Голоса помещиков были заглушены либеральными криками литературы, сосредоточенной в столице. Дело было произведено революционным образом: употреблен был нравственный террор; человек, осмелившийся поднять голос за интересы помещиков, подвергся насмешкам, клеймился позорным именем крепостника...» (Записки Сергея Михайловича Соловьева. Пг., 1917, с. 159). Приведенное высказывание достаточно красноречиво говорит о позиции С. М. Соловьева в вопросе об отмене крепостного права. Однако в историографической литературе эти откровенные признания маститого историка нередко недооцениваются. Например, А. М. Сахаров так характеризует позицию, занятую С. М. Соловьевым в оценке реформы 1861 г.: «Соловьев, как все либералы, отрицательно относившийся к крепостному праву, еще более отрицательно относился к перспективе революционного его низвержения. Отсюда его призывы к тому, чтобы „не спешить“, чтобы „жизнь“ „подождала“, пока наука даст „ответ на вопросы жизни“» (Сахаров А. М. Историография истории СССР. М., 1978, с. 120—121). Несмотря на осторожность этой характеристики, непонятно, поче-

С. М. Соловьев занял одно из первых мест в русской исторической науке своего времени прежде всего благодаря тому, что ввел в научный оборот огромный фактический материал, обобщив и подчинив его изучению общих закономерностей единого «органического процесса» развития России, главным и определяющим фактором которого он считал становление и эволюцию государства. Блестящее знание фактов, широкая общеисторическая подготовка придавали его концепции большую убедительность, а его многотомная «История России» явилась событием большой научной значимости, сразу же обратившим на себя внимание русской общественности. Не случайно даже Н. Г. Чернышевский, не разделявший, по существу, общие теоретические посылки исторической концепции С. М. Соловьева и особенно его оценку самодержавно-крепостнического строя России, весьма высоко оценил его научные заслуги как одного из «главных представителей» (наряду с К. Д. Кавелиным) «новой исторической школы», в работах которой «мы встречаем строго ученый взгляд» и «тут в первый раз нам объясняется смысл событий и развитие нашей государственной жизни»⁴. Таких же взглядов на первые тома «Истории России» С. М. Соловьева придерживался и Н. А. Добролюбов, отмечавший, что «школа г. Погодина давно уже заслонена у нас школой г. Соловьева»⁵.

В теоретическом отношении С. М. Соловьев примыкал к сторонникам «государственной школы», основные положения которой были намечены еще в конце 40-х — начале 50-х годов в работах К. Д. Кавелина, а позднее развиты Б. Н. Чичериным^{3*}.

Ап. Григорьев, в мировоззрении которого, как отмечал Б. Ф. Егоров, явственно вырисовываются демократические черты^{4*}, в отличие от ортодоксальных славянофилов, критиковал исторические взгляды С. М. Соловьева и солидаризировавшихся с ним либералов-западников, так сказать, слева, находясь по взглядам ближе к демократическому крылу в русской общественной мысли, чем весьма умеренные в своем либерализме сторонники «государственной школы». Это особенно важно подчеркнуть в связи с тем, что

му же, если С. М. Соловьев, как полагает А. М. Сахаров, придерживался тех же взглядов, что и «все либералы» (заметим, что само понятие «либерал» весьма растяжимое), он, в отличие от большинства либералов, например, К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина, Ю. Ф. Самарина, А. И. Кошелева, А. С. Хомякова, с энтузиазмом одобрявших решение правительства об освобождении крестьян, считал преждевременным отмену крепостного права, и без того уже поставившего Россию на край экономической и политической катастрофы.

^{3*} Развернутая характеристика отношения С. М. Соловьева к «государственной школе» дана в статье Л. В. Черепнина «С. М. Соловьев как историк» (В. кн.: *Соловьев С. М. История России с древнейших времен*. М., 1959, кн. 1, с. 5—51).

^{4*} В отмеченном выше исследовании об Ап. Григорьеве Б. Ф. Егоров, указывая, что В. И. Ленин выделял в мировоззрении Л. Н. Толстого черту «темного мужицкого демократизма», высказал и обстоятельно аргументировал мнение, что «мировоззрение Ап. Григорьева, при всей его сложности, очень близко (хотя и не всегда) к демократизму в таком смысле» (Тр. по русской и славянской филологии, т. 3, с. 200).

даже в современной советской историографии критика «государственников» со стороны их современников, не исходившая из лагеря революционной демократии (А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, А. П. Щапов, их сторонники и последователи), характеризуется по преимуществу как консервативная^{5*}. В то же время именно изучение статьи Ап. Григорьева «Взгляд на историю России» помогает взглянуть под новым углом зрения на политическое звучание государственной теории в русском обществе 50—60-х годов. Следует подчеркнуть и то, что, как отмечал автор известного биографического очерка о Григорьеве В. Саводник, «статья „Взгляд на историю России“ была одной из ряда статей, которые, несомненно, принадлежат к числу его наиболее зрелых литературных опытов и которым он сам придавал весьма важное значение»⁶.

Выступление Аполлона Григорьева против С. М. Соловьева было далеко не случайным шагом, не частным эпизодом в полемике вокруг трудов последнего. Оно явственно отражало недовольство определенных кругов русской интеллигенции того времени идеализацией С. М. Соловьевым государства и государственной власти, за которой скрывалась идеализация русского самодержавия и его «исторической роли». Ап. Григорьев выступал выразителем настроений тех кругов русского общества, которые, не признавая борьбы с самодержавием революционными методами, в то же время отказывались и от поддержки «цивилизаторских» мероприятий правительства. Статья Ап. Григорьева, принадлежащая к распространенному в России в 50—60-е годы жанру «исторической публицистики», дает богатый материал для изучения столкновения и взаимовлияния в русской общественной мысли этого периода собственно исторических и социально-политических идей.

Начинает Аполлон Григорьев свою статью с пространного вступления о значении труда С. М. Соловьева и его месте среди исторических работ второй четверти XIX в., в котором довольно четко и ярко определяет свое собственное отношение к истории как науке. «Я имел честь в одной чисто эстетической статье выразить свое мнение или, лучше сказать, свое верование,— пишет Аполлон Григорьев,— что за отвлеченные, головные вопросы нельзя бороться всею полнотою сил, что под отвлеченными вопросами науки часто сокрыты плоть и кровь наши. Нигде, может быть, это верование, по крайней мере для нас, русских, так не подтверждается как на вопросах нашей истории»⁷.

История для Ап. Григорьева — в полном смысле слова общественно-политический сюжет. В его глазах исторические проблемы

^{5*} Подробнее о полемике против «государственников» см.: *Цамугали А. Н.* Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. (Л., 1977). Очень интересный материал по этому вопросу приводится и в более раннем исследовании автора «Очерки демократического направления в русской историографии 60—70-х годов XIX в.» (Л., 1971). Что касается взглядов на историю России революционных демократов, то они достаточно обстоятельно изучены в известных монографиях В. Е. Иллерицкого «История России в освещении революционных демократов» (М., 1968) и «Революционная историческая мысль в России» (М., 1974).

должны решаться не только умом, но и сердцем. Субъективно сам Аполлон Григорьев — человек страстного темперамента, поистине мятежных стремлений в литературе и жизни — воспринимал историю России как «священную книгу» своих православнорусских убеждений или, как писал он сам, «верований». Не случайно он, назидательно цитируя знаменитые вступительные слова к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина «история есть священная книга народа, главная, необходимая», пишет: «Мудрено ли, что за понимание и толкование этой книги люди борются, мудрено ли, что они вносят в эту борьбу и надежды свои, и порою свое горькое сожаление?»⁸

Отстаивая идею невозможности разъединения исторических, нравственных и эстетических вопросов, объединенных в глазах Ап. Григорьева главным — общественным — значением, он защищал и свое мировоззрение, свою «коренную» идею о синтезе искусства, науки и жизни и превращении их в «стихийное верование» — силу, близкую самой жизни и потому единственно способную привести к истинному решению ее «проклятых вопросов». Этот вопрос, вопрос синтеза мысли и чувства, науки и жизни, в глазах Ап. Григорьева решающий. Поэтому и главный смысл любой полемики о русской истории, полемики от времен М. М. Щербатова и И. Н. Болтина до споров западников и славянофилов, представляется Ап. Григорьеву в основном неизменным. «В сущности говоря, два воззрения разделяли и разделяют постоянно наших историков,— пишет он.— Они ярко выставлялись в последнее время в роде и общине, как последних выражения существенных противоречий»⁹. «Может быть, еще и эти формулы не довольно ясны, может быть, централизация и племенные начала выразят точнее смысл ученой борьбы», — замечает Ап. Григорьев, доказывая, что «на языке прежней полемики это был спор о варягах-славянах и варягах-норманнах — несколько ближе к нашим временам — спор последователей Карамзина со скептиками», и полагает, что «в сущности все эти споры — одно и то же, и ни сколько не прекратились»¹⁰.

Нельзя, конечно, не видеть, что полемика о роли и необходимости «централизации», с одной стороны, и «племенных начал» (самостоятельного, естественного развития каждой области России) — с другой, и норманнская проблема, отождествленные Ап. Григорьевым, — два хотя и тесно связанных (особенно в 40—50-е годы XIX в., когда с «призванием варягов» отождествляли возникновение государства и классов в Древней Руси), но достаточно самостоятельных вопроса. Однако вместе с тем нельзя не признать, что в их политическом звучании много общего. Подчеркивая это, Ап. Григорьев переходит далее к своей излюбленной теме — осуждению «деспотизма» теорий, по его мнению, искусственно подчиняющих историю априорно построенным схемам^{6*}.

^{6*} Следует отметить, что протест против отвлеченного теоретизирования во все периоды жизни и литературно-критической деятельности Ап. Григорьева (особенно же в конце 50 — начале 60-х годов) составлял существенный аспект его мировоззрения. Теория для Григорьева — догма, стесняющая

С этой точки зрения концепция «родового быта», выдвинутая (вслед за К. Д. Кавелиным) С. М. Соловьевым, по мнению Ап. Григорьева, заслуживает отрицательной оценки уже потому, что пытается «навязать» русской истории абстрактно выведенную Гегелем теорию абсолютной прогрессивности и безостановочного «саморазвития» государства. Как считает Ап. Григорьев, «особенное свойство формулы родового и общинного быта — то, что эта формула, как наиболее определенная, есть уже полная теория, с которой, как с готовым данным, мы приступаем к явлениям жизни, ради которой мы не щадим нисколько ни самих явлений, ни своего к ним простого, первоначального непосредственного отношения».

Развивая свою мысль, Ап. Григорьев пишет, что «теории нашего времени гораздо более деспотически распоряжаются с историческими событиями, нежели классические идеалы, существовавшие в душе Карамзина». Он утверждает, что труд С. М. Соловьева проникнут «деспотизмом теории» именно как «произведение эпохи». «Во все продолжение восьми доселе напечатанных томов мы постоянно имеем дело с теорией, постоянно с нею встречаемся, нигде не видим свободного отношения к предмету», — пишет он, придавая самому слову «теория» отрицательное звучание¹¹.

Ап. Григорьев не может не признать, что «новый историк России — человек с действительным историческим, т. е. художественным, талантом»¹², но эта похвала выглядит только оговоркой, данью академическому тону статьи на фоне его резко отрицательных отзывов в адрес основных идей «Истории России» Соловьева. Так, Григорьев неодобрительно отзывается о главном «теоретическом стержне» труда — концепции «родового быта», как об «обливающей мрачным колоритом всю жизнь старой Руси»¹³.

«Мрачным» считает Ап. Григорьев прежде всего безраздельное господство государства и государственности в России, цивилизаторскую роль которых Соловьев, с его точки зрения, идеализировал. Именно против апологии государства Григорьев и протестует, развивая и заостря антигосударственные положения славянофильского учения. Ап. Григорьев пишет, что теорию (формулу), которую развивает в своей «Истории России» Соловьев, «так долго звали родовой или теорией родового быта, что нам бы следовало, не запутывая дела, продолжать называть ее так же; но нам кажется, что именно это неправильное название путает очень простое дело, что

свободное развитие человеческого разума. Обвиняя теории в господстве над человеческим разумом, Григорьев протестует, однако, не против теоретического знания вообще, а против облечения этого знания в замкнутую форму, в систему, претендующую на абсолютную истинность. Вот как звучит его «приговор» теории, произнесенный в 1860 г. в статье «После „Грозы“ Островского. Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу (Письмо первое. Неизбежные вопросы)»: «Теории, как итоги, выведенные из прошедшего рассудком, правы всегда только в отношении к прошедшему, на которое они, как на жизнь, опираются... Теория вывела из известных данных известные законы и хочет заставить насильственно жить все последующие, раскрывающиеся данные по этим логически правильным законам» (*Григорьев А. А. Литературная критика*. М., 1967, с. 378).

последние отпрыски этой теории в даровитых статьях г. Чичерина — раздвинули границы вопроса далеко за пределы старой формулы ^{7*}.

Ап. Григорьев считает более точным для теории «родового быта» другое название «формула централизации» ¹⁴. Аргументируя свою точку зрения, он пишет, что уже в предисловии к труду С. М. Соловьева «довольно ясно высказаны идеи автора» ¹⁵, которые, однако, противоречивы в самом своем основании. Основная причина этой «роковой» противоречивости, по мнению Григорьева, сама теория «родового быта». Григорьев не без оснований замечает, что Соловьев вводит понятие родового быта с заранее заданной целью — объяснить процесс централизации в Древней Руси, найти в нем «строгую логику». Однако поскольку, как пишет Григорьев, по Соловьеву, основы государственных отношений и вместе с тем централизации закладываются в период «призвания варягов», а «родовой быт» является в схеме Соловьева господствующим и до «призвания варягов», и во время объединения Руси, и в период утверждения и победы новых начал — начал государства и централизации, то родовой быт оказывается в «Истории России» Соловьева одновременно и препятствием к централизации, и источником централизации ^{8*}, т. е. получается, как пишет Ап. Григорьев, «путаница» ¹⁶ усугубляемая, с его точки зрения, отрицанием Соловьевым норманнского влияния на создание основ государственности на Руси ^{9*}. Гри-

^{7*} Заметим, что в государстве Ап. Григорьев видит прежде всего антиличное начало — силу, служащую для подавления всего свободного, индивидуального и «стихийного». Такая позиция прямо вытекает из общей идейной платформы Григорьева, которого и в славянофильской исторической концепции отталкивало главным образом отрицание славянофилами самоценности личности, пренебрежение правами отдельного, реального человека. «Мысль об уничтожении личности общностью в нашей русской душе есть именно слабая сторона славянофильства», — подчеркивал Ап. Григорьев в письме А. Н. Майкову от 9 января 1858 г. (*Григорьев А. А. Материалы для биографии*. Пг., 1917, с. 215).

^{8*} Так, С. М. Соловьев писал в Предисловии к своему труду: «Русская история открывается тем явлением, что несколько племен, не видя возможности выхода из родового, особого быта, призывают князя из одного рода». А несколько далее он утверждает уже иное, что «родовой быт... в свою очередь, действовал на изменившие его начала, и когда семья княжеская, семья Рюриковичей, стала многочисленна, то между племенами ее начинают господствовать родовые отношения» (*Соловьев С. М. История России с древнейших времен*. М., 1950, кн. 1, т. 1, с. 55—56). В результате получалось, что «родовой быт», из которого, как пишет Соловьев, следовало «выйти» ради объединения восточнославянских племен, не только не уничтожился, когда это объединение произошло, но, наоборот, вновь утвердился в лице княжеской семьи. Эту метаморфозу родовых отношений, которая, по мнению Соловьева, произошла в Древней Руси, и использует Григорьев для критики выдвигаемой автором «государственно-родовой» теории исторического развития.

^{9*} С. М. Соловьев называет государственное начало Древней Руси «призванным правительственным началом» (*Соловьев С. М. История России... кн. 1, с. 55—56*), очевидно имея здесь в виду влияние «призвания варягов», но почти тут же поясняет, что, хотя «норманны составляли главным образом первоначальную дружину, беспрепятственно являлись при дворе наших кня-

горьеву удается показать, что вследствие этих противоречий Соловьеву становится трудно объяснить то, что он более всего стремится объяснить и оправдать,— развитие государственности и централизации в России.

Ап. Григорьев указывает и на искусственные, по его мнению, попытки Соловьева объяснить все исторические события, исходя из некоей неотвратимой «внутренней необходимости», которая всегда и всюду управляет историей. К одной из таких попыток он относит утверждение Соловьева о закономерности монгольского завоевания Руси и последовавшего за ним изменения политического строя русских княжеств. Правда, Григорьев признает, что «г. Соловьев... с удивительной ясностью видит всю огромную разницу отношений князей первого, дотатарского наряда^{10*} к общественному быту с отношениями к нему князей послетатарского наряда». Однако, настаивает Григорьев, Соловьеву все же «неприменно хочется, чтобы старый наряд погиб по силе необходимости, лежавшей в нем самом», а не в результате монголо-татарского завоевания. Поэтому-то, с точки зрения Григорьева, Соловьевым и отвергается «татарский период» — «на основании того только, что татары жили вдалеке»^{11*}. «Снявши разом тяжкое бремя татарского ига — гораздо решительнее, чем Дмитрий Донской Куликовской битвой,— продолжает Григорьев,— историк весьма легко и удобно обращает потом все начала старого наряда в начала противообщественные, мешающие общественному развитию,— и на этом основании казнит их до самого междоусурствия включительно»¹⁷. «Дело совершенно ясное и запутывать его несостоятельной теорией родовых отношений нечего»,— заявляет Ап. Григорьев, утверждая, что «дело тут не в родовых отношениях, а в силе централизующей, которая борется с силами еще живыми, личными, местными, племенными»¹⁸.

Идеализируя дотатарское устройство Древней Руси, Ап. Григорьев определенно отдает предпочтение Владимиро-Суздальской Руси XII—XIII вв., с ее еще «живыми общинно-вечевыми традициями», перед «централизованной», «деспотически управляемой», «единообразной» Московской Русью XV—XVI вв. С этих же позиций Григорьев оспаривает и отождествление Соловьевым понятий «родовой быт» и «племенной быт». «Если племя есть действительно племя, т. е. будущая народность, известная краска в общей картине миро-

зей». их влияние «было незначительно». «Норманны не были господствующим племенем, они только служили князьям туземных племен» (Там же).

^{10*} «Нарядом» Соловьев и вслед за ним и Григорьев называют «внутренний порядок» на Руси (См.: *Соловьев С. М.* История России... кн. 1, с. 55) или, говоря современным языком, определенный тип политической организации в Древней Руси.

^{11*} Следует отметить, однако, что мнение С. М. Соловьева о незначительности «татарского влияния» на Руси представлено Ап. Григорьевым в несколько карикатурном виде. На самом деле оно выглядит по-иному. Так, С. М. Соловьев писал: «Татары остались жить вдалеке, заботились только о сборе дани, несколько не вмешиваясь во внутренние отношения, оставляя на полной свободе действовать те новые отношения, которые начались на севере прежде них» (*Соловьев С. М.* История России... кн. 1, с. 57).

здании, известный живой тип с живою же, т. е. способной к выражению, изменению (в своих, разумеется, началах), к развитию, физиономией, — то родовой, однообразный быт не может остаться в нем долго, ибо живое не может остаться допотопным мастодонтом», — с романтическим пафосом пишет Аполлон Григорьев, противопоставляя идею племенных особенностей унитарной, по его мнению, структуре «родового быта». Для него родовые отношения в Древней Руси вне пределов княжеской иерархии представляются, таким образом, преимущественно лишь плодом отвлеченно-теоретических рассуждений Соловьева, результатом его чисто логических построений, созданных во имя оправдания «засилья» государства в России.

Симптоматично, что с подобной позицией Ап. Григорьева в какой-то степени перекликается позднее точка зрения А. Е. Преснякова, отмечавшего, что Соловьев «подошел к русскому историческому процессу с готовой схемой, в основе применимой, по его представлению, к истории каждого народа. Это схема постепенного перехода родового быта в государственный». И далее: «Он (С. М. Соловьев. — С. Н.) постулирует его (родовой быт. — С. Н.) как социологическую предпосылку»^{12*}.

Концепция Соловьева, действительно, во многом сводилась к абстрактной, сконструированной «по Гегелю» и на основе «гегелевой» философско-исторической теории схеме: «родовой быт — государство». Ап. Григорьев сумел это заметить, сумел удачно оттенить расплывчатость и неисторичность самого понятия «родовых отношений» у Соловьева, понятия слишком «узкого» для объяснения всего процесса создания государственности в России, поскольку «родовые отношения» на деле понимались Соловьевым прежде всего как отношения династические^{12*}.

Ап. Григорьев связывает знаменитое «собрание земли русской» московскими великими князьями с влиянием «татар», но не считает подобное политическое объединение ни естественным, ни неизбежным, особенно в той чрезвычайно жесткой форме, в какой оно произошло. Григорьев, вообще, не склонен, в отличие от Соловьева, настаивать на исторической необходимости такого, с его точки зрения «искусственного», объединения Руси^{13*}. «Старый (домон-

^{12*} Не случайно А. Е. Пресняков подчеркивал, что уже В. О. Ключевский уловил ту особенность теории «родового быта», что она на русской почве применена только к строю отношений «в кругу владельного княжеского рода», и, руководствуясь этим, «переработал ее в свою теорию очередного порядка княжеского владения в Киевской Руси» (*Пресняков А. Е. Указ. соч.*, с. 79—80).

^{13*} Для взглядов Аполлона Григорьева вообще чрезвычайно характерен решительный протест против апологии любых проявлений однообразия. А с однообразием в политической жизни он связывал прежде всего «вековечную» централизацию в России и происходящий отсюда удушающий гнет государства над личностью, постоянные ограничения «народных начал» в русской жизни. Так, в одном из писем М. П. Погодину (датируется 1856—1857 гг.) Григорьев писал: «Правда, мною (да, кажется, и вами) сознаваемая и исповедуемая... не помирится в западничестве с отдаленнейшею его мыслью, с мыслью об уничтожении народностей, цветов и звуков жизни, с мыслью об отвлеченном, однообразном, форменном, мундирном человечестве. Разве

гольский.— С. Н.) наряд падает в этой борьбе (борьбе за «собрание Руси».— С. Н.), потому что у него не осталось никаких опор», но из этого не следует, пишет Григорьев, «чтобы в нем не было живых начал, чтобы он был неспособен жить. Новому наряду поможет внешняя сила — отношение к татарам. Их-то именно, эти отношения, новый историк России желал бы совершенно забыть», — заключает он ²⁰.

Аполлон Григорьев противник «унитарной» централизации в любых формах. Его исторические взгляды, сложившиеся, по всей очевидности, задолго до появления рассматриваемой статьи, в этом отношении явно созвучны с подобными славянофильскими идеями, хотя отнюдь и не совпадают с славянофильским учением о «земле» (общине) и государстве в его аксаковской интерпретации ²¹, а в ряде пунктов (например, в положении о значении внешних влияний на Русь) опираются на концепцию М. П. Погодина и почти во всем противостоят идеям Соловьева.

И тем более симптоматично, что в решении рассмотренного вопроса о «праве на жизнь» тех начал, которые были «задавлены» ходом истории, Ап. Григорьев не оказался одиноким даже среди тех современных ему профессиональных ученых-историков, кто в целом достаточно высоко оценивал научное значение трудов Соловьева. Так, К. Н. Бестужев-Рюмин ^{14*}, занимавший весьма близ-

социальная блуза лучше мундиров блаженной памяти и[мператора] Н[иколая] П[авловича] незабвенного, и фаланстера лучше его казарм? В сущности, это одно и то же» *Егоров В. Ф.* Аполлон Григорьев — критик. — Тр. по русской и славянской филологии. Тарту, 1961, т. 3, вып. 104, с. 198.

^{14*} Бестужев-Рюмин положительно оценивал статью К. Д. Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России», ставшую первым систематическим изложением общей позиции историков «государственной школы» в оценке русской истории. С точки зрения К. Н. Бестужева-Рюмина, эта статья выразила «первый достаточно цельный и верный взгляд на русскую историю» (Московское обозрение, 1859, № 1, с. 67). Теория «родового быта», выдвинутая К. Д. Кавелиным и поддержанная Соловьевым, представлялась Бестужеву-Рюмину в целом позитивным явлением в русской исторической науке. Он прямо пишет, что «полное исследование действия родового начала составляет одну из существеннейших заслуг, оказанных г. Соловьевым науке русской истории» (Там же, с. 79). Положения Соловьева об определяющем влиянии природных условий на быт восточнославянских племен, а позднее и на внутреннее устройство России Бестужев-Рюмин также называет «мыслью чрезвычайно верной» (Там же, с. 119). Развернутую оценку общей исторической концепции С. М. Соловьева К. Н. Бестужев-Рюмин дает в своей специальной статье-рецензии на первые десять томов «Истории России», опубликованной в 1860 г. — через год после появления в печати статьи Ап. Григорьева. Основные положения статьи К. Н. Бестужева-Рюмина, в частности критика общепедагогических установок С. М. Соловьева за излишнюю приверженность к «фатализму в истории», за недооценку «роли народа» и «значения личности в общем ходе событий», а в особенности за апологию «московской централизации и ее благотворного влияния на русскую жизнь», во многом совпадают с историческими взглядами Ап. Григорьева и его оценками труда Соловьева, отражая общее направление исторических исканий в России рубежа 60-х годов XIX в. Сопричастна взглядам Ап. Григорьева и характеристика Бестужевым-Рюминым «художественной стороны истории», его убеждение в том, что «художественность в историке состоит в умении представить эпоху живо и образно, что

кие с Ап. Григорьевым позиции в отношении проявления фатализма в истории, писал в известной статье «Современное состояние русской истории как науки», появившейся в «Московском обозрении» практически одновременно со статьей Ап. Григорьева: «Объясняя поворотные пункты в истории какого-нибудь народа, явления или если не навсегда, то надолго окрашивающие жизнь его, историк обязан не упускать из виду и тех явлений, тех условий, которые при первом появлении в жизни народа элементов, восторжествовавших, встретили их сопротивление. Быть может, в этих условиях, побежденных и часто задавленными, хранились зачатки иного и, кто знает, худшего ли будущего»²².

Это высказывание, по существу, направлено против С. М. Соловьева и особенно тех его сторонников, которые отстаивали историческую предопределенность в развитии общества. К. Н. Бестужев-Рюмин, противопоставляя этому взгляду возможность «ошибки», временного регресса в истории, представление об историческом развитии как о комбинации целого ряда различных исторических факторов, по существу, солидаризировался с Ап. Григорьевым. Для кануна реформ 60-х годов эта мысль была особенно злободневной. Ведь не случайно против исторического фатализма в оценке происхождения московского самодержавия еще в 1851 г. столь решительно выступил А. И. Герцен^{15*}.

Таким образом, ставившееся С. М. Соловьевым во главу угла своих теоретических построений положение о предопределенности и строгой последовательности хода русской истории встретило на рубеже 60-х годов, когда, как казалось тогда очень многим, появились возможности существенно изменить ход истории России, серьезные и принципиально важные возражения как с научной, так и с общественно-политической точки зрения. Далеко не случайно поэтому, что именно в конце 50-х — начале 60-х годов историческая концепция сторонников «государственной школы» в том виде, как она была создана К. Д. Кавелиным и выразилась в «Истории Рос-

столько же уславливается глубоким и всесторонним изучением материала, сколько и природным талантом». Как доказывает К. Н. Бестужев-Рюмин, «такие двойные требования от истории в наше время неизбежные по двойному характеру истории, которая соединяет в себе науку и искусство» (Отеч. зап., 1860, № 9, с. 1, 4—7, 9—10, 12—13 и след.).

^{15*} А. И. Герцен в своей знаменитой работе «О развитии революционных идей в России», оценивая историю России, прямо писал, что «московский абсолютизм XV—XVI вв.» не был «единственным средством спасения России» от монгольского ига, защиты ее единства, что, помимо утверждения жесткой самодержавной власти и непосредственно связанного с ней крепостничества, перед Россией открывались и возможности более демократического развития. При этом Герцен указывал на новгородские вечевые учреждения, подчеркивая, что «ход истории далеко не так предопределен, как обычно думают» (Герцен А. И. Полн. собр. соч. М., 1955, т. 6, с. 318—320). Ап. Григорьев всегда с глубоким уважением относился к Герцену, и не исключено, что взгляды последнего на роль самодержавия в России оказали на Ап. Григорьева определенное влияние. Во всяком случае, оценка Григорьевым причин и характера «московской централизации», по существу, ближе к взглядам Герцена, чем к взглядам А. С. Хомякова, Ю. Ф. Самарина и К. С. Аксакова 40—50-х годов.

сии» Соловьева, пересматривается Б. Н. Чичериным, настаивавшим на бóльшем значении «внешних влияний» (так автор обозначает иностранное политико-экономическое воздействие на развитие русского государства) в истории России и тем самым допускавшим возможность подобной взаимосвязи и подобных влияний — политических и экономических — на ее развитие в будущем.

Но вернемся к статье Аполлона Григорьева «Взгляд на историю России» и тем аргументам, которые он использует для доказательства своей мысли об отрицательном влиянии татарского ига на всю последующую судьбу Руси и русского народа, изменившего весь ход их естественного «коренного» развития. Наглядным подтверждением значения народной борьбы против татар является, по мнению Григорьева, «народный эпос». «Куликовская битва — первый шаг освобождения — одна в числе весьма немногих событий уцелела в памяти народа, перешла в сказания, и доселе крещеная Русь читает это сказание наравне с благочестивыми книгами. Память народа о борцах свидетельствует о важности борьбы», — утверждает Ап. Григорьев. «Солоно достались русской земле татары да литва, до того солоно, что доселе только их она и помнит изо всего старого старого прожитого. Они-то и прервали связь ее с ее дотатарской жизнью, укоротили память русского человека», — с горечью замечает он, стремясь пояснить свою мысль²³.

В истории допетровской Руси в глазах Ап. Григорьева в особенности важны два момента — «XIII век, с одной стороны, и эпоха междуцарствия — с другой». «Различие между этими моментами... — пишет Григорьев, — как между здоровым и больным, напряженным развитием, сходство в том, что только в эти два момента типовое и коренное являюся во всей полноте своих черт, отстаивая их борьбу, отстаивая народ, обороняя его»²⁴.

Здесь необходимо особо остановиться на понятиях «коренного» и «типового» — понятиях, во многом определяющих существо исторических взглядов Ап. Григорьева. Он обвиняет Соловьева в игнорировании «типового единства» Древней Руси, в том, что автор «Истории России», увлеченный своей «теорией», не хочет видеть выражения всего «типового» в древнерусской жизни и «коренного» в ее стремлениях²⁵. «Коренное» для Григорьева — все традиционное, опирающееся на старину.

Аполлон Григорьев часто и намеренно использует этот термин, не свойственный «строгой науке», чтобы подчеркнуть народные основы своих взглядов, неприязнь к «догматизму» науки и ее кастовой терминологии. Но в целом, однако, общее значение слова «коренной» вполне понятно и сейчас, хотя и звучит непривычно. А вот смысл, который вкладывает Григорьев в понятие «типового» или, как он пишет иногда, «типического», несколько необычен. «Типовое» или «типическое» для Григорьева — это «живая сила», несущая в себе бесконечное разнообразие естественно выработанных форм человеческого общежития.

Аполлон Григорьев стремится подкрепить свои выводы п собственным историческим очерком об эпохе, предшествовавшей захвату

Руси монголами. Стремясь противопоставить достаточно сдержанным историческим характеристикам С. М. Соловьева яркое, живо воссоздающее облик человека Древней Руси историческое повествование, Григорьев, подражая Н. М. Карамзину, в романтической форме описывает основные события правления владимирских князей XII — начала XIII в., с известной художественностью обрисовывая их личный облик и человеческие качества.

Попытка Ап. Григорьева найти в исторической жизни «живые» человеческие черты в сравнении с суховатыми, логическими объяснениями исторических событий С. М. Соловьевым, по поводу труда которого К. Н. Бестужев-Рюмин тонко заметил, что «у нас как-то странно, а надо признаться в этом, все личности русской истории являются более логическими моментами, чем людьми»²⁶, выглядела, безусловно, позитивно.

Однако исторический очерк совершенно не удался Григорьеву. Смелый по замыслу и некоторым идеям, он оказался явно перенасыщенным долгими рассуждениями о моральных достоинствах и недостатках русских князей, рассуждениями, невольно создающими впечатление, что все эти князья лишь герои назидательного и довольно сентиментального исторического романа.

С историческим очерком Аполлона Григорьева тесно связано и его утверждение, что С. М. Соловьеву как историку недостает «той веры в жизнь своего народа, за которую читатель прощает, например, Мишле его донкихотские уклонения, Августину Тьери — его фатализм»²⁷.

В противоположность славянофилам С. М. Соловьев действительно был далек от безоговорочного «поклонения народу» и всему народному (если, конечно, не отождествлять народ с государством и «благо народа» с «благом» государства). Но, с другой стороны, что может принести историку подход к истории с позиции «веры» — в народ ли, как того требует Ап. Григорьев, или во что-нибудь иное? Ведь применительно к истории вера, если попытаться раскрыть это философское понятие, — это убеждение в том, что «все было так, как я того хочу». Следуя шеллингианской, а отчасти и славянофильской логике^{16*}, Ап. Григорьев стремится (хотя, может быть, и не вполне осознанно) под именем «веры» утвердить своего рода «произвол мечты» в истории²⁸. В этом, пожалуй, наи-

^{16*} Аполлон Григорьев всегда признавал учение Шеллинга одним из основных источников своих идей и — это следует отметить особо — в философском отношении даже ставил «чистое» шеллингианство выше славянофильства. Так, в чрезвычайно интересном письме Е. Н. Эдельсону от 5 декабря 1837 г. Ап. Григорьев писал: «Я в Шеллинге все меньше и меньше нахожу своего, но понимаю только яснее, почему покойник Киреевский, видя в нем явление тысячелетия... тем не менее придавал ему только отрицательное значение Отношение мысли Киреевского, впрочем весьма почтенной, к живой мысли Шеллинга точно так же, как отношение славянофильского чувства к нашему живому чувству» (*Григорьев А. А. Материалы для биографии*, с. 198).

более слабая сторона его статьи, как, впрочем, и славянофильско-почвеннических взглядов на историю в целом, сочетавших в себе призыв опираться на действительность — «народную почву» — со стремлением заменить реальное представление о народе романтической «верой» в него ²⁹.

В своей статье Аполлон Григорьев подчеркнуто заостряет внимание на том, что вся русская история представляет по Соловьеву картину непрерывного, многовекового порабощения народа государством. Он не только не склонен, подобно Соловьеву, сближать «народное» и «государственное» начала в России, но прямо противопоставляет их, считая, что развитие одного из этих начал должно неминуемо идти за счет другого. Для Григорьева «государственное начало» — внешнее «славянскому духу», и поэтому «История России» Соловьева в его глазах — апология этой чуждой славянству силы. «Народное у него (С. М. Соловьева.— С. Н.) явно только переходный момент; он им не дорожит, он видит всюду только действие сил высших, извне пришедших — государства», — пишет Аполлон Григорьев ³⁰. Используя утверждение Соловьева, что отличительной чертой «родового быта» является полновластие главы рода, и на ряде примеров показывая, что в Древней Руси дело обстояло не вполне так, Григорьев пытается продемонстрировать «неприложность» к восточному славянству всей теории «родовых отношений».

Григорьев признает, что в Древней Руси, кроме общинно-семейного начала, существовали и оказывали влияние на ход русской истории «государственные начала», но решительно отрицает как то, что опорой «государственных начал» явился «родовой быт», так и само существование «родового быта». В результате у Григорьева образуется довольно цельная историческая схема. Впрочем, она определяет скорее силы, действующие в русской истории, чем характеризует, подобно концепции Соловьева, созданные ею общественно-политические институты. В этом, несомненно, сказалось нежелание Григорьева облекать свои взгляды в строго определенные теоретические формы.

Для Григорьева, писавшего, что «сжать живую силу в определение... так же преступно перед совестью, как и насильно натягивать на себя чужие определения», протест против централизации, подчиняющей народ государству, был прямо связан с протестом против любой регламентации в жизни. Упорно отстаивая права стихии перед всем «догматическим», Ап. Григорьев, вразрез с «ортодоксальной» славянофильской концепцией, пришел к идеализации дохристианской Руси — язычества и суеверий славян. По сравнению с концепциями «старших славянофилов» — А. С. Хомякова и в особенности И. В. Киреевского ³¹ — по Григорьеву, значение влияния «чистого христианства», пришедшего из Византии, вообще невелико.

Аполлон Григорьев пишет, что у восточных славян еще в отдаленной древности «мир язычества перестал быть религиозным и перешел в нечто племенное, народное, физиологическое» ³².

Отождествляя, таким образом, «языческое» и «племенное» у древних славян, Григорьев утверждает: «Больше еще, мудрая восточная церковь на следах язычества строила свое здание, терпела невинные языческие обряды в соединении с празднествами. Следы всего этого уцелели доселе в жизни народа — образовали для царства духа такую твердую и прочную подкладку, которой тщетно стали бы мы искать на Западе»³³.

Защищая все народное, Ап. Григорьев во имя этого даже объединяет языческое и христианское в народном «быте». То, в чем И. В. Киреевский и тем более не склонный к безоговорочной идеализации Древней Руси А. С. Хомяков вынуждены были признать неразвитость христианского сознания, Григорьев считает достоинством и преимуществом.

Постоянно говоря о значении и особой роли православия, Аполлон Григорьев понимал под ним скорее некую стихийную и мистическую силу, чем реально существующую разновидность христианства со своей догматикой и обрядностью. Так, в письме к М. П. Погодину от 5 октября 1859 г. Григорьев писал: «Под православием разумел я сам для себя просто известное, стихийно-историческое начало, которому суждено еще жить и дать новые формы жизни, искусства, в противоположность другому, уже отжившему и давшему свой мир, свой цвет началу — католицизму»³⁴. Действительным содержанием так понимаемого православия является у Григорьева просто русский народ, и фактически ему, а не православному вероучению Григорьев отводит мессианскую роль «обновления мира», в него верит и ему поклоняется. Поэтому-то в справедливых замечаниях Соловьева о «грубости» народного быта в Древней Руси, примитивности жизни и бытаев Григорьев видит чуть ли не кощунство. «Г. Соловьев, например, берет из мира преданий, обрядов, песен и проч. только то, что доказывает неразвитость, грубость, переходность быта», — пишет Григорьев, возмущенно восклицая, что автор «Истории России» хочет «сказать и доказать, что все наше народное само по себе грубо»³⁵.

В заключительной части статьи Григорьев останавливается на главных, с его точки зрения, ошибках Соловьева, происходящих, как он вновь утверждает, от «деспотизма» «заранее поставленных и потому самому несостоятельных начал»³⁶.

Аполлон Григорьев утверждает, что не считает, подобно Соловьеву, нежизненным «новгородское» (т. е. вечевое) начало древнерусской жизни, хотя и признает в то же время его неспособность противостоять «деспотической» великокняжеской Москве. Замечая, что «теория заставляет» Соловьева видеть в борьбе Твери, а затем и Новгорода с Москвой «одну только борьбу противообщественных стихий со стихиями общественными», Ап. Григорьев доказывает, что «дело тут проще»: новгородское и отчасти тверское «начала» — «стихий иного общества, застигнутого врасплох в своем развитии татарским нашествием»³⁷.

Изображая, таким образом, татар как бы виновниками падения исконно русских вечевых порядков и утверждения в России «деспо-

тической» власти великих московских князей, Григорьев снова и снова подчеркивает пагубное и во многом, как он полагает, решающее значение для русской истории «воздействия» «татарщины, не признаваемой г. Соловьевым»³⁸. В этом вопросе его позиция в известной мере близка А. И. Герцену, так же, как уже указывалось, противопоставлявшего московский абсолютизм новгородскому вечевому строю³⁹.

В заключении статьи Аполлона Григорьева всецело господствует критический тон. Он доказывает, что «общая односторонность понимания отразилась у Соловьева и в освещении истории междоусобиц». Подробно не останавливаясь на спорных проблемах этого периода, Григорьев замечает, однако, что в описании Соловьева «мы не видим личностей, черт типов, или видим их столь же мало, как в драматическом представлении этого момента в сочинении г. К. Аксакова»⁴⁰ (Григорьев, вероятно, имеет здесь в виду драму К. С. Аксакова «Освобождение Москвы»). Такое игнорирование в русской истории «личностей и типов» в глазах Григорьева — пагубный результат воздействия тех же теорий, которые, как он пишет, одинаково повредили как ученому-историку, так и ученому-драматургу. «Один увлекся своим пристрастием к централизации, другой — своей глубокой и пламенной любовью к коренному народному. Личности, типы исчезли для того и для другого», — заключает Григорьев свою статью⁴¹.

Итак, в рассмотренной статье Аполлона Григорьева «Взгляд на историю России» вынесен приговор, с одной стороны, историческим концепциям либеральных западников, с другой — в какой-то степени исторической теории ортодоксального славянофильства. И те и другие, по мнению Григорьева, не увидели народа, пренебрегли конкретной историей во имя своих отвлеченных теорий и поэтому не сумели по-настоящему понять историю России. И западничеству, и славянофильству Аполлон Григорьев противопоставляет единственное, с его точки зрения, «живое начало» — личность^{17*}. С еще большим энтузиазмом отстаивает Григорьев в рассмотренной статье свою любимую идею — идею народа. Даже само понятие «личность» означает для Григорьева не столько индивидуальность, сколько характерные и в то же время своеобразные человеческие «типы» (образы), созданные народным бытом.

^{17*} В одном из писем Григорьева Ап. Майкову есть характерное для его взглядов конца 50 — начала 60-х годов высказывание: «Поймите, что испокон века были два знамени. На одном написано: „Личность, стремление, свобода, искусство, бесконечность“. На другом: „Человечество (...) материальное благосостояние, однообразие, централизация“» (Переписка Ф. Достоевского и И. Тургенева. М., 1928, с. 166). Цитируя эти слова и разъясняя существо мировоззрения Ап. Григорьева, Б. Ф. Егоров отмечал: «Григорьев искренне считал, что как буржуазная цивилизация, так и учение революционных демократов подавляют человеческую личность, не нуждаются в искусстве и проповедуют лишь материальное благополучие» (Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев — критик. Указ. изд., т. 4, с. 69).

Вряд ли можно отнести статью «Взгляд на историю России» к числу лучших публицистических произведений Аполлона Григорьева, но она, без сомнения, занимает одно из первых мест в ряду работ, особенно важных для понимания его мировоззрения. Эта статья также существенно дополняет наши представления о восприятии общественностью России труда С. М. Соловьева, об острой и сложной борьбе, развернувшейся в те годы по проблемам русской истории и вокруг русской истории.

К числу достоинств статьи Аполлона Григорьева, безусловно, следует отнести связь, которую удалось ему выявить между теорией «родового быта» и концепцией централизации в «Истории России» Соловьева, связь, рельефно оттеняющую апологетическое отношение историка к царской власти и всем ее «деяниям». Это, несомненно, помогло современникам Григорьева и Соловьева более объективно взглянуть на политическое содержание «Истории России», автор которой, при всем своем либерализме, вопреки чаяниям большинства недовольных полицейско-бюрократическими порядками в России, пытался доказать, что «правительство, какая бы ни была его форма, представляет свой народ, в нем народ олицетворяется»^{18*}.

Аполлон Григорьев не профессиональный историк, и это чувствуется в его статье, по характеру скорее похожей на публицистическое, чем собственно историческое, сочинение. Но тем не менее его статья «Взгляд на историю России», несмотря на спорность многих положений автора, значительное и интересное явление в русской исторической литературе конца 50-х годов XIX в., явление, еще в полной мере не получившее должной оценки в советской историографии.

^{18*} *Соловьев С. М.* Собр. соч. СПб, Б. г., с. 1123. Л. В. Черепнин, считая, что в «Истории России» Соловьева проявился отказ историка от присущего реакционной дворянской историографии тезиса об исконности самодержавия, указывает на это как на одно из главных достоинств исторической концепции Соловьева (см.: *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 35). Здесь нельзя, однако, не отметить, что тезис об исконности самодержавия в России Соловьев лишь заменил другим — о неизбежности самодержавия и его «благотворном» влиянии на ход русской истории.

¹ *Егоров Б. Ф.* Аполлон Григорьев — критик. — Тр. по русской и славянской филологии. Тарту, 1961, т. 3, вып. 104.

Следует также отметить обстоятельные предисловия, комментарии и послесловия к подготовленным Б. Ф. Егоровым изданиям: «Аполлон Григорьев. Литературная критика» (М., 1967); «Аполлон Григорьев. Стихотворения и поэмы» (М., 1978); «Аполлон Григорьев. Воспоминания» (Л., 1980).

Дальнейшее развитие выдвинутого Б. Ф. Егоровым нового взгляда на творческое наследие Аполлона Григорьева получило дополнительное обоснование и в интересном введении Л. И. Журавлевой к книге «Аполлон Григорьев. Эстетика и критика». (М., 1980).

Характеристику общественно-политических взглядов Аполлона Григорьева и его отношения к идеологии «ортодоксального славянофильства» см. также: *Носов С. Н.* Письма Аполлона Григорьева как источник по исто-

- рии славянофильства.— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1981, т. 12. В этой же работе приведены и основные сведения о новейших исследованиях творчества и деятельности Аполлона Григорьева как мыслителя.
- ² История СССР, 1979, № 5, с. 194.
- ³ Колесник И. И. Исторические взгляды А. А. Григорьева. По поводу критики «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева.— В кн.: Проблемы историографии и источниковедения истории СССР: Тр. Днепропетр. ун-та. Днепропетровск, 1979, с. 49—54.
- Общую характеристику полемики вокруг труда С. М. Соловьева см.: Колесник И. И. Poleмика вокруг «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева в русской дореволюционной историографии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979.
- ⁴ Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы.— Полн. собр. соч. М., 1947, т. III, с. 181.
- ⁵ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. М., 1949, т. 2, с. 412.
- ⁶ Саводник В. А. А. Григорьев: Биограф. очерк.— В кн.: Ап. Григорьев. Собр. соч. М., 1915, вып. 1, с. XXV.
- ⁷ Русское слово, 1859, январь, с. 3.
- ⁸ Там же, с. 4.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же, с. 67.
- ¹² Там же, с. 7—8.
- ¹³ Там же, с. 10.
- ¹⁴ Там же, с. 11.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же, с. 11.
- ¹⁷ Там же, с. 12.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Пресняков А. Е. С. М. Соловьев и его влияние на развитие русской историографии.— В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963, с. 79.
- ²⁰ Русское слово, 1859, январь, с. 14.
- ²¹ Носов С. Н. Первые исторические сочинения К. Аксакова — Ист. зап., 1981, т. 106, с. 274—280 и след.
- ²² Московское обозрение, 1859, № 1, с. 4—5.
- ²³ Русское слово, 1859, январь, с. 14.
- ²⁴ Там же, с. 14—15.
- ²⁵ Там же, с. 15.
- ²⁶ Бестужев-Рюмин К. Н. Современное состояние русской истории как науки.— Моск. обозрение, 1859, № 1, с. 103.
- ²⁷ Русское слово, 1859, январь, с. 31.
- ²⁸ Подробнее об этом см.: Носов С. Н. Указ. соч., с. 122—123, 130—137.
- ²⁹ Русское слово, 1859, январь, с. 39.
- ³⁰ Григорьев А. А. Материалы для биографии, с. 201.
- ³¹ Наиболее отчетливо взгляды этих двух основоположников и виднейших теоретиков славянофильства 40—50-х годов выразились в их статьях начала 50-х годов: в статье И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» (Полн. собр. соч. М., 1861, т. 2, с. 261) и ответной статье А. С. Хомякова «По поводу статьи И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» (Полн. собр. соч. М., 1900, т. 1, с. 213).
- ³² Русское слово, 1859, январь, с. 44.
- ³³ Там же, с. 44.
- ³⁴ Григорьев А. А. Материалы для биографии, с. 247.
- ³⁵ Русское слово, 1859, январь, с. 45.
- ³⁶ Там же, с. 46.
- ³⁷ Там же, с. 47.
- ³⁸ Там же.

³⁹ Герцен А. И. Поли. собр. соч., т. 6, с. 318—320. Эта точка зрения, идущая в какой-то мере еще от декабристов, нашла свое отражение и в позднейшей демократической историографии, например, в работах Г. З. Елисеева, И. А. Худякова, И. Г. Прыжова. Подробнее об этом см.: Цамугали А. Н. Очерки демократического направления в русской историографии 60—70-х годов XIX в., с. 44—47, 121—125, 163, 169—171.

⁴⁰ Русское слово, 1859, январь, с. 48.

⁴¹ Там же, с. 49.

НЕМЕЦКИЙ БУРЖУАЗНЫЙ ВОЕННЫЙ ИСТОРИК ХАНС ДЕЛЬБРЮК

Х. Шляйер

Ханс Дельбрюк (1848—1929) принадлежит к наиболее значительным представителям немецкой буржуазной историографии конца XIX — начала XX в. Его жизнь и труды характеризуются многочисленными противоречиями. С одной стороны, его научное развитие в значительной степени определялось влиянием так называемой малогерманской, или борусской школы историков. Ее основными чертами были апологетизация истории Бранденбурга — Пруссии, их властителей, политики Бисмарка, его антидемократической революции «сверху» и вообще — восхваление прусско-германского полицейского государства и милитаризма¹.

С другой стороны, в то время как профессура, за немногими исключениями, проявляла по отношению к полицейскому государству кайзера Вильгельма чиновничье раболепство, Дельбрюк выработал и открыто отстаивал политические и исторические концепции, существенно отличающиеся от тех, которые преобладали в то время среди господствующих классов или официозных исторических школ.

Будучи в течение многих лет политическим обозревателем и редактором «Прусских ежегодников», он в своих публикациях нередко выступал с критикой различных аспектов внутренней и внешней политики, проводимой реакционной верхушкой империалистической Германии. В своих исторических исследованиях Дельбрюк неоднократно приходил к выводам, которые подрывали так называемую «легенду о Пруссии», т. е. систему взглядов об особой роли Пруссии в германской истории, ее «избранности».

Указанное противоречие в воззрениях Дельбрюка — объективно. Он как бы воплотил в себе те противоречивые тенденции, которые имели место в буржуазной исторической науке кайзеровской Германии.

Несмотря на то что Дельбрюк, по меткому замечанию Франца Меринга, в области политики и историографии выступал как «одиночка»², он воспринял и синтезировал концепции как консервативных, так и умеренно-либеральных течений.

Факты биографии Ханса Дельбрюка известны³.

Он родился 11 ноября 1848 г. в Бергене на о. Рюген в семье окружного судьи, оппозиционно настроенного, сочувствующего революции 1848 г. Учился в Гейдельберге, Грейфсвальде и Бонне. Война 1870 г. прервала его учебу в университете. Дельбрюк отправился на фронт добровольцем и дослужился до чина лейтенанта⁴. Если в 60-е годы XIX в., несомненно не без влияния отца, он был противником политики, проводимой Бисмарком, то с момента образования империи в 1871 г. стал его ревностным сторонником.

В 1873 г. Дельбрюк, будучи учеником Зибеля, защитил в Боннском университете диссертацию о средневековом хронисте Ламберте Герсфельдском⁵. Ввиду отсутствия средств университетская карьера, предполагавшая длительное пребывание в должностях приват-доцента и внештатного профессора, казалась неосуществимой для Дельбрюка. Влиятельное и большое семейство Дельбрюков, и прежде всего его дядя Рудольф, бывший президент от ведомства имперского канцлера в Берлине, проложило Х. Дельбрюку путь к карьере иным образом. В 1874 г. он стал воспитателем наследного принца Вальдемара — сына кронпринца (в дальнейшем — император Фридрих III). Университетскую карьеру пришлось отложить на неопределенное время. Сохранившиеся письма тех лет, адресованные семье, свидетельствуют о том, что новая должность, в сущности, мало удовлетворяла Дельбрюка⁶. Вместе с тем она оставляла ему много свободного времени для занятий историей. Так, им было опубликовано несколько статей об истории английской конституции⁷.

Придворная служба способствовала усилению интереса Дельбрюка к вопросам военной истории, благодаря тесному общению с высшим прусским офицерством. После смерти историка Г. Г. Пертца (1876), которому было поручено составление биографии Н. Гнейзенау, Дельбрюку предложили продолжить эту работу, три тома которой описывали события до 1813 г. и уже вышли. Работу над указанной биографией Дельбрюк завершил в 1880 г., выпустив еще два тома⁸. Постепенно тематика военно-исторических изысканий Дельбрюка расширилась. Публикуя в 1878 и 1879 гг. в журнале «Цайтшрифт фюр Прусише гешихте а ландескунде» рецензии на книги по военно-историческим проблемам, Дельбрюк едва ли думал о том, какую глыбу он сдвинул с места.

В конце 1870-х гг. Дельбрюк вступил в так называемый спор о стратегии⁹ — длившуюся в течение десятилетий полемику с влиятельными и официозными представителями военной историографии прусско-германского генерального штаба и стоящими близко к нему офицерами и военными идеологами¹⁰. Возникнув в связи с оценкой стратегии прусского короля Фридриха II, определением ее исторического места и значения, ее сравнением с современной стратегией, эта дискуссия затронула коренные оперативво-стратегические вопросы и принципы современного ведения войны, которые имели решающее значение для прусско-германского милитаризма. В 1879 г. Дель-

брюк вступил в полемику с руководителем военно-исторического отдела генерального штаба А. Тейзенем. Точку зрения Тейзена поддерживали тогдашние офицеры генерального штаба К. Ф. Гольц (впоследствии генерал-фельдмаршал), Д. Малаховски, Р. Каеммерер, а также известный, близко стоявший к генеральному штабу военный писатель Т. Бернгарди.

В ходе полемики Дельбрюк, стремясь более обоснованно изложить свои взгляды, прибегнул к использованию сравнительно-исторического метода¹¹.

В чем же суть развернувшейся дискуссии?

Характеризуя в общих чертах узловые вопросы «спора о стратегии», можно констатировать, что официальная военная историография прусско-германского генерального штаба, особенно под влиянием военных успехов в 1864—1871 гг., придерживалась концепции, согласно которой высшей целью всякого ведения войны и всякой стратегии является быстрое военное подавление врага путем уничтожения его вооруженных сил. Следовательно, высшей заповедью является стратегическое наступление и быстрое достижение тактических результатов сражения. Теоретически эти принципы выводились из «сущности» войны как таковой. При этом ссылались (соответственно их толкуя) на сочинения выдающегося военного теоретика Клаузевица. Практическое подтверждение своих взглядов искали в полководческом опыте не только Наполеона и Мольтке, но также и прусского короля Фридриха II, которого провозглашали гениальным предшественником и вдохновителем наступательной стратегии, считавшим, что исход войны определяют решающие сражения. Для него этот стратегический принцип сохранял свою значимость якобы даже тогда, когда король, учитывая соотношение сил, вынужден был переходить к стратегической обороне на внутренней линии. Правда, даже безоговорочные сторонники «теории наступления», как, например, Т. Бернгарди, вынуждены были все же признавать, что военный потенциал Фридриха оказался достаточным для осуществления наступательной стратегии лишь однажды, во время кампании 1757 г. Гению Фридриха II приписывалось разрушение господствовавшей в XVIII в. военной доктрины.

Для обоснования изложенной точки зрения от ее сторонников требовался критический анализ старой военно-исторической литературы XVIII — начала XIX в., которая считала первоочередной задачей «методичного» ведения войны искусное маневрирование и которая нередко упрекала Фридриха II в том, что он слишком часто и без надобности прибегал к сражениям. Еще в старом, восьмитомном сочинении прусского генерального штаба по истории Семилетней войны, вышедшем в 1820—1840-е гг., описание тактических маневров занимало по сравнению с описанием сражений гораздо большее место. Пруско-германская военная доктрина конца XIX в., ориентировавшаяся уже на будущие войны, полностью отвергала стратегию, опирающуюся на маневровую войну.

Для сторонников доктрины «решающих сражений» прусский король служил ярким и направляющим примером, так как умел за

счет беспощадной дисциплины в войсках, навязывания своей воли подчиненным ему военачальникам реализовать свою концепцию наступательной стратегии и добиваться побед, несмотря на превосходящие силы противника.

В противоположность этой точке зрения Дельбрюк постепенно развил следующую концепцию. По его мнению, принципы ведения войны у Фридриха II и Наполеона базировались на разных объективных условиях государств, отличавшихся по своей природе и соответственно на несовпадавших принципах военной стратегии. Дельбрюк учитывал также неоднаковое социальное положение прусского и французского солдата. Различие всех этих условий, а следовательно, и принципов ведения войн, вынуждены были признать вслед за Дельбрюком и некоторые другие военные историки, несмотря на их несогласие с его дальнейшими рассуждениями и конечными выводами.

По мнению Дельбрюка, в то время как в основе господствующей военной доктрины XIX в. лежал наступательный принцип (исход войны решает главное сражение), реальные условия XVIII в. предписывали полководцам систему маневрирования, в которой «сражение считалось злом» (это утверждение вызвало особенно бурное возмущение в военных кругах).

Дельбрюк отвергал антиисторический подход к определению как принципов ведения войн, так и стратегии как таковой. Его историзм, однако, был ограничен: для всех эпох он вывел только две принципиальные системы ведения войн. Однако этой классификации он придерживался непоследовательно. Наряду со стратегией «сокрушения», или «уничтожения», он выдвигал стратегию «измора», при которой ориентировались на постепенное истощение сил противника; наряду с «наполеоновской» в его концепции фигурирует «фридриховская» стратегия; наряду с «однополюсной» стратегией, цель которой — сражение, мы встречаем у него понятие «двухполюсной» стратегии, которая допускает как сражение, так и маневр. Стратегию измора он связывал первоначально с системой «старых» (т. е. абсолютных) монархий в Европе, но затем распространил ее и на другие эпохи, в частности на античную историю (стратегия Перикла).

Тот факт, что прусский король придерживался стратегии измора, по мнению Дельбрюка, отнюдь не принижал его полководческий дар, как это утверждали сторонники официальной доктрины. Напротив, гениальность Фридриха заключалась именно в том, что он нашел оптимальные для той эпохи способы ведения войны, умел максимально использовать их. Тот же, кто пытается оценивать стратегию Фридриха II, пользуясь мерками XIX столетия, считал Дельбрюк, по сути дела отрицает его способности как полководца.

Используя как исторические источники документы короля Фридриха и его окружения, Дельбрюк детально проанализировал шлезвигские войны, в частности начало Семилетней войны. Он показал, что Фридрих II не только не придерживался сознательно стратегии сокрушения, но она была и невозможна при тогдашнем соотноше-

нии вооруженных сил, при тех принципах организации армии и уровне военной техники.

Недовольство представителей официальной военной историографии Дельбрюком значительно возросло, когда он заявил, что в сочинениях признанного бесспорным авторитетом Клаузевица содержатся подтверждения его концепции о двух стратегиях. При этом он ссылаясь на некоторые высказывания Клаузевица и утверждал, что только смерть помешала последнему более подробно разработать в принципе ясные для него представления. Не меньшее недовольство вызвал также упрек Дельбрюка в адрес историков-военных в том, что они ограничиваются раз и навсегда установленной доктриной, пользуясь только военно-оперативными нормами и критериями. Правильные исторические оценки могут быть сделаны лишь комплексно: необходим профессиональный исторический подход к анализу источников. В ходе все обострявшейся полемики офицеры генштаба пытались доказать несостоятельность «штатского» ученого Дельбрюка. Дельбрюк, в свою очередь, высмеивал «фридрихских теологов» и «догматических стратегов». Чаша терпения была переполнена, когда Дельбрюк, коснувшись вопросов современной военной политики, заявил, что и в будущем не будет существовать таких условий, которые сделают возможным быстрое и полное сокрушение военного противника.

К важнейшим контраргументам и выпадам, с которыми сторонники официальной доктрины выступили против Дельбрюка, можно отнести следующие. Прусский король, утверждали они, характеризуется Дельбрюком как «слабый человек, страшющийся сражений», как мелочный стратег, склонный к маневрам, который ни в коей мере не преодолел ограниченности своей эпохи. Вообще «отрицательное отношение к сражениям» «несовместимо с величием полководца». Учение Дельбрюка о стратегии измора, желает он того или нет, создает представление о «вялой стратегии». По мнению идеологов прусского милитаризма, в военной теории вообще нет места для двойной стратегии; в их доктринах выдвигалась лишь общая цель — сокрушение врага, стратегическое наступление с помощью стремительных решающих сражений: «Война не знает принципа умеренности и никогда не может быть по своей сущности двойственной»¹². Такой подход игнорировал конкретные исторические условия, которые накладывали свой отпечаток на стратегию как Фридриха, так и Наполеона. Не может быть и речи, утверждали противники Дельбрюка, о том, «чтобы чисто внешние условия войны могли оказать принципиальное влияние на существо дела...»¹³. Правильная стратегия и полководческий гений внеисторичны. Виртуоз военного искусства только XVIII в. не может быть полководческим гением всемирной истории. Теоретики из прусско-германского генштаба не могли допустить и мысли о том, что прусский король мог проводить стратегию, отличную от стратегии Наполеона или Мольтке; просто его способ ведения войны протекал в несколько иной форме.

Особенно резкой критике подвергалось стремление Дельбрюка по-новому интерпретировать концепцию Клаузевица и отказаться от

официальной версии как ошибочной или неполной. Дельбрюку, «не являющемуся солдатом», приписывалось желание выдать себя за «реформатора» не только всей военной истории, но и военной теории¹⁴, для чего он не мог иметь соответствующей военной подготовки и морального права. Противники Дельбрюка усматривали большую опасность в том, что он может дезориентировать «образованную» общественность, тем более что в своих лекциях по истории, которые он читал в Берлинском университете, он излагал «другую стратегию», отличную от точки зрения генерального штаба. Еще большие опасения в глазах милитаристских кругов вызывало то, что теория Дельбрюка не могла не влиять на обучение и воспитание офицерского состава, помешать выработке у него единого стратегического мышления, — опасения, что ложная теория может повлечь за собой и ошибочные действия.

Авторы из военных полностью разделяли принципиальные воззрения господствующей академической школы в историографии — борусской школы. Стремясь исторически обосновать классовый компромисс между дворянством и буржуазией, профессиональные историки — представители этой школы подчеркивали преемственность старопрусского военного государства XVIII в. и современной кайзеровской империи, ее учреждений, провозглашали прусского короля Фридриха II гениальным предшественником и провозвестником нового времени. Выдвигая теорию о том, что историю делают гениальные одиночки, они пренебрегали конкретно-историческими особенностями отдельных эпох. Вместе с тем они преувеличивали значение тех событий бранденбургско-прусской истории, которые были связаны с военными победами, рассуждали об «избранности» этих германских земель и объявляли развитие Пруссии кульминацией не только германской, но и вообще всей современной истории. Поэтому концепция Дельбрюка вызвала неприятие и возражения также и среди гражданских историков. Кроме того, их недовольство вызывало то, что Дельбрюк стал читать лекции по военной истории в университете, тогда как его противники хотели оставить эту дисциплину в сфере компетенции прусско-германского генерального штаба и его офицеров.

Было бы, однако, ошибкой представлять Дельбрюка неким противником прусско-германского милитаризма и шовинизма. Критикуя отдельные явления в прусско-германском военном деле и даже милитаризм, он не затрагивал их существа и социальных корней. Напротив, Дельбрюк одобрял прямое подчинение офицерского корпуса кайзеру (т. е. изъятие его из-под парламентского контроля). Он категорически отвергал «недовольство и ворчание» свободомыслящих людей Германии, выступавших против «милитаризма», считая их необоснованными.

Тем не менее милитаристским кругам даже те осторожные и непоследовательные критические высказывания, которые позволял себе Дельбрюк, казались слишком опасными.

После внезапной смерти в 1879 г. принца Вальдемара, которому преподавал Дельбрюк, кронпринц, его отец, добивался для него у прусского министра культуры экстраординарной профессуры в Берлинском университете, указав на наличие у Дельбрюка необходимых данных для преподавания истории военного искусства¹⁵. Успех этой протекции означал бы для 32-летнего Дельбрюка не только возможность избежать защиты диссертации, но и обойтись без отбытия обычного предварительного стажа, необходимого для занятия должности экстраординарного профессора.

Однако назначенная факультетом комиссия, в состав которой, помимо историка Ваттенбаха как председателя, входил также Трейчке, воспротивилась не только необычайно быстрому продвижению Дельбрюка, но и вообще введению курса по военной истории в университете, тем более что читать его должен был не «военный специалист», а гражданское лицо. В отрицательном заключении факультета говорилось: «Доктор Х. Дельбрюк не является профессиональным солдатом. Его суждения по военным вопросам вызвали в кругах компетентных военных писателей резкую и — насколько мы можем судить — справедливую критику»¹⁶.

После того как план назначения Дельбрюка на должность экстраординарного профессора провалился, он представил свои опубликованные работы, в том числе и IV том биографии Гнейзенау, на соискание докторской степени. Несмотря на противодействие с разных сторон, факультет на основании пробных лекций и коллоквиума и, несомненно, учитывая желание кронпринца, единогласно принял в начале 1881 г. решение предоставить Дельбрюку право преподавания в университете.

12 января 1885 г. он был назначен на должность экстраординарного профессора (без права на получение штатного оклада)¹⁷.

Необычайно живой и деятельный Дельбрюк не довольствовался в начале 80-х годов чисто академической карьерой. Он пробовал свои силы и в качестве парламентского деятеля. С 1882 по 1885 г. он был членом прусской палаты как депутат партии свободных консерваторов, с 1884 по 1890 г. — членом рейхстага. Однако основной сферой его политической деятельности стала не парламентская, а публицистическая. Вместе с единомышленниками он основал в 1882 г. «Политический еженедельник», который, правда, просуществовал недолго. В 1883 г. Трейчке привлек его к сотрудничеству в «Прусских ежегодниках». В конце 80-х годов, когда бонапартизм Бисмарка переживал глубокий кризис, взгляды редакторов «Прусского ежегодника» Трейчке и Дельбрюка по вопросам редакционной политики разошлись¹⁸. В конечном итоге издатель журнала в 1889 г. возложил на Дельбрюка, который и до того фактически один руководил делами редакции, полную ответственность за работу журнала. Журнал, выходявший под руководством Дельбрюка до 1919 г., а также ежемесячные «Политические сообщения», автором большинства материалов которых был он сам, оказывали большое влияние на общественное мнение.

Относительно самостоятельные, мало ориентирующиеся на партийно-политические шаблоны политические взгляды, проводимые Дельбрюком в его публицистических выступлениях, приводили к весьма различным оценкам его позиции.

Как известно, Дельбрюк, не скрывая иронии, назвал себя однажды в беседе с кронпринцессой «консервативным социал-демократом», намекая тем самым на свою промежуточную политическую позицию среди политических направлений господствующих классов. В то время как, например, буржуазные историки Г. Риттер и Д. Онген причисляют его к либералам, А. Тимме считает его внутривнутриполитические воззрения консервативными; эту же точку зрения разделяют и Э. Даниельс, Г. Гут, А. Розенберг¹⁹. Другие авторы (например, его ученик М. Хобом) более правильно характеризовали Дельбрюка, отмечая сочетание консервативных и либеральных элементов как в его мировоззрении, так и в политико-публицистической деятельности²⁰.

В партийно-политическом отношении Дельбрюк хотя и отдавал предпочтение бисмарковской партии свободных консерваторов (из которой он вышел в 1896 г.), однако всегда придавал большое значение тесному политическому союзу с национал-либералами, в том числе и тогда, когда Бисмарк подвергал эту партию резким нападкам, как это было, например, в 1878 г. Вместе с тем Дельбрюк выступал против левого крыла в национал-либеральной партии и исключение этого крыла из партии считал весьма желательным уже в 1878 г. Не менее отрицательно относился он и к консерваторам с их сословными и церковно-ортодоксальными предрассудками. Являясь сторонником антидемократического конституционализма Бисмарка, он, с одной стороны, не хотел переноса западноевропейского парламентаризма на германскую почву; с другой — выражал опасение по поводу того, что консерваторы могут получить абсолютное большинство в прусской палате.

Позднее, особенно с 1889 г., когда Дельбрюк стал один руководить изданием «Прусских ежегодников», он неоднократно и резко критиковал претензии прусского юнкерства на сохранение их сословных привилегий; разоблачал факты уклонения от уплаты налогов крупными землевладельцами; выступал против так называемого «законопроекта против бунтовщиков» (1894—1895 гг.), против ограничения избирательного права при выборах в рейхстаг, против планов государственного переворота во время канцлерства Штумма. Дельбрюк выступал против антисемитизма, распространившегося в это время в реакционных кругах Германии. Особую ненависть со стороны влиятельных шовинистских кругов вызвала его защита польских и датских меньшинств в прусском государстве, по отношению к которым проводилась политика германизации и национального подавления. Выступая на стороне императора Фридриха III, а позже — Вильгельма II против реакционных внутривнутриполитических планов Бисмарка в последние годы его канцлерства, он нажил себе врагов среди его ярых приверженцев.

Однако все это не мешало Дельбрюку оставаться убежденным монархистом, сторонником прусско-германского государственного строя, представителем элитарного мышления буржуазно-юнкерских кругов. В течение всей жизни он был решительным противником революционной социал-демократии и марксизма, хотя и не был глубоко знаком с марксистским мировоззрением. Не считая единственно возможным путем борьбы с революционным рабочим движением репрессивные меры, он одобрил принятие исключительного закона против социалистов. Более того, даже и после его отмены в 1890 г. он требовал применять репрессии по отношению к неуступчивым социал-демократам. Правда, политике «кнута» Дельбрюк предпочитал политику «пряника». Он считал необходимым проведение широких реформ с тем, чтобы расколоть рабочее движение и взять его под контроль полицейского государства. Проводимые правительством социальные реформы Дельбрюк считал недостаточными. Выдвинутая им программа предусматривала введение рабочего законодательства, уменьшение продолжительности рабочего дня и отмену работы в воскресные дни, контроль со стороны государства за условиями труда и быта рабочих, а в перспективе — учреждение биржи труда и установление права на труд при гарантированном минимуме заработной платы.

В вопросах внешней политики позиция Дельбрюка была реакционной. Он солидаризировался в течение некоторого времени с пангерманцами, поддерживая проведение германской «мировой политики». Он считал необходимым увеличение колониальных владений Германии, создание с этой целью мощного флота. Для расширения мировых сфер влияния германского империализма Дельбрюк рекомендовал метод так называемого внутреннего проникновения, отвергая со все большей последовательностью авантюристическую политику войн и катастроф, сторонниками которой были пангерманцы. Даже буржуазные историки А. Тимме и Д. Онкен справедливо квалифицируют Дельбрюка как ведущего представителя «либеральных империалистов»²¹.

Позицию Ханса Дельбрюка Франц Меринг охарактеризовал в 1898 г. следующим образом: «Путь, которым он идет,— это путь шатаний между движением вперед и отступлением, в зависимости от того, является ли он слишком честным для того, чтобы быть глашатаем реакции, или слишком близоруким, чтобы определить, куда ведет ход исторического развития»²².

* * *

Академическая карьера Дельбрюка после его назначения в 1885 г. экстраординарным профессором вновь оказалась под вопросом. В Берлине у него первоначально не было никаких шансов на дальнейшее продвижение, однако существовала перспектива при благоприятных обстоятельствах стать штатным профессором в одном из провинциальных университетов. Тем не менее ему удалось в результате настойчивых усилий добиться установления штатного ок-

лада²³. Помимо этого оклада, Дельбрюк имел доходы от работы в редакции «Прусских ежегодников», а также за редактирование «Европейского исторического календаря Шультгеса», «Государственного архива», в издании которых он принимал участие с 1887 по 1893 г. Это позволяло ему обеспечивать средствами к существованию свою семью (он был женат с 1884 г.), которая со временем увеличилась до 9 человек. Его покровители и друзья попытались добиться включения его кандидатуры в списки претендентов на занятие должностей в других университетах, чтобы таким путем, несмотря на его несогласие и нежелание оставить Берлин вопреки их совету, по крайней мере несколько улучшить его шансы в столице. Дельбрюк не хотел переходить на работу в менее крупные университеты (Марбург, Бреслау), хотя благодаря этому он мог бы стать самым молодым штатным профессором. Кроме того, в Берлине его удерживала возможность постоянного контакта с высшими правительственными кругами, с многими политическими деятелями, дипломатами, парламентариями и т. д. Главным же было то, что Дельбрюк не хотел бросать работу в редакции «Прусских ежегодников». Помимо трудностей, с которыми было бы связано руководство редакционными делами извне, ему для его ежемесчных «Политических сообщений» требовались именно берлинские связи. К тому же Дельбрюк увеличил объем журнала с помощью кредитов, поручил его издание другому, более деятельному издателю и рассчитывал поднять редакционный и финансовый уровень «Прусских ежегодников». Поэтому когда в начале 1894 г. он получил приглашение на работу в Лейпцигский университет, то отклонил его, несмотря на советы друзей и рекомендацию прусского министерства культов. Во время беседы с министром ему, однако, удалось добиться обещания о предоставлении ему в Берлине штатной профессуры. Правда, это обещание не было связано с определенным сроком.

Между тем частые критические выступления руководимого Дельбрюком журнала против правительственной политики и по поводу различных высказываний императора создали ему новых врагов. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что политическая оппозиция Дельбрюка не носила характера принципиальной борьбы против правительственной политики. Обладая весьма тонким чутьем, он предлагал лишь более эффективную и гибкую защиту общих интересов господствующего класса. Дельбрюк был сторонником такой системы, которая, допуская определенную свободу высказывания мнений, функционирует гораздо лучше и эластичнее, чем широко разветвленный цензурный бюрократизм полицейского государства.

В 1895 г. такая позиция немецкого историка не встретила понимания. После неудавшихся попыток обуздать Дельбрюка прусский министр внутренних дел Кёллер предложил наказать его. Причиной тому послужила статья в одном из выпусков «Прусского ежегодника», которая не понравилась официальным кругам. Министр потребовал от Дельбрюка опубликовать в журнале заявление с извинением. Дельбрюк отверг это требование. Более того, он сообщил о требовании министра в «Прусском ежегоднике». Сенсация, вызван-

ная этим сообщением в германской и зарубежной прессе, вынудила министра отступить, т. е. отказаться от применения санкций в отношении него. Сыграла свою роль и поддержка придворных кругов, с которыми Дельбрюк, как уже говорилось, был связан. Эта поддержка, видимо, способствовала тому, что в 1896 г. 47-летний Дельбрюк был наконец-то назначен ординарным профессором по кафедре всеобщей истории Германского университета, а после смерти в 1897 г. Трейчке он занял его штатную должность.

Исторические работы Дельбрюка, написанные в эти годы, способствовали развенчанию «легенды о Пруссии». Он принадлежал к тем немногим историкам, которые открыто поддерживали работы М. Леманна о причинах Семилетней войны²⁴. В сравнении с неоконсервативной исторической апологетикой так называемой «национальной миссии» Гогенцоллернов его трезвые суждения о невысоких личных качествах и политической реакционности прусского короля Фридриха Вильгельма III бросаются в глаза. Подчеркивая наступление новой эпохи после 1806 г., он выступил против тезиса о безусловном континуитете прусского государства до и после начала буржуазной эпохи. Он резко расходился с представителями генерального штаба в оценке прусской и австрийской стратегии во время Освободительных войн²⁵. Он впервые в 1906 г. разоблачил планы Бисмарка относительно государственного переворота, которые тот разрабатывал в последние годы своего канцлерства, и вынужден был неоднократно защищать свои взгляды от нападок его апологетов²⁶.

Признание в качестве исследователя-новатора Дельбрюк снискал благодаря своему главному труду — «Истории военного искусства в рамках политической истории» (от древнего мира до нового времени), который начал издаваться с 1900 г.²⁷

Благодаря строго критическому подходу к анализу исторических источников Дельбрюк смог внести многочисленные, порой радикальные коррективы в представления о развитии военного искусства различных эпох. Наряду с традиционными методами анализа он пытался использовать и новые. В частности, он попытался соединить военно-технический анализ со сравнительно-историческим методом. Как отмечал Франц Меринг, он «превосходил буржуазных историков... своими техническими познаниями в области военного дела, а военных писателей — своей исторической подготовкой»²⁸.

Дельбрюк занимался, например, географическими исследованиями для того, чтобы представить себе особенности мест сражений, искал исторические аналогии, решая вопросы стратегии и тактики, принципов ведения той или иной войны. Чтобы проверить достоверность источников и сообщаемых в них фактов, он использовал даже современные ему военные уставы. В результате ему удавалось устанавливать реальную численность участников военных действий, которая нередко чрезмерно преувеличивалась в исторических источниках античности и средних веков. Подвергая глубокой и тщательной критике письменные сообщения и фактические данные, он устроил, по выражению Ф. Меринга, среди «античных авторов и средневековых хронистов кровавую резню», да такую, что «у мно-

гих старых господ из профессорского цеха, которые в течение 30 или 40 лет переписывали в свои лекционные курсы сообщения „источников“, волосы вставали дыбом»²⁹.

Дельбрюком были получены новые данные о ходе отдельных сражений и походов, о принципах организации военного дела в различные эпохи. В своих работах он приводит детальные расчеты по вероятному вооружению, материальному обеспечению, передвижениям войск, о соотношении численности населения и армии. Много внимания уделялось им реконструкции соответствующих военных доктрин. Он пытался охарактеризовать и социальное положение солдат.

Идя по стопам высоко ценимого им Клаузевица, Дельбрюк всегда рассматривал войну как продолжение политики иными средствами, «истории политической», что нашло отражение и в названии его главного произведения. В этом отношении концепция и метод изложения материала в труде Дельбрюка существенно отличались от догм официальной военной историографии, для которой война и военное дело были центром, вокруг которого вообще вращается вся история. В этом А. Хилгрубер вполне справедливо усматривает важную причину того, почему военные круги отмежевались от сочинений Дельбрюка: «Дельбрюк рассматривает свою тему — историю военного искусства — не только конкретно, выделяя структурные особенности, а не яркие детали, но и, как свидетельствует уже само заглавие его труда, показывает относительность военного дела вообще, не превращая его в феномен... Служебная роль военного элемента выступает у него со всей очевидностью»³⁰. Естественно, что концепция Дельбрюка никак не могла быть принята представителями германского милитаризма. Для основного труда Дельбрюка характерна та же позиция, которой он следовал в так называемом споре о стратегии: он не был принципиальным противником прусско-германского милитаризма, хотя в отдельных частных вопросах опровергал некоторые из борусских исторических легенд. Однако, как подчеркивал Меринг, в другом отношении он и сам «по уши погряз» в легенде о Пруссии. Меринг указал на глубокие противоречия исторического труда Дельбрюка. С одной стороны, в исторической теории он проявил себя исключительно как идеалист, приверженец Ранке, пренебрежительно относившийся к историческому материализму и периодически посылавший ему «страшные проклятия»³¹. Опубликованная в 1921 г. работа Дельбрюка «Марксистская философия истории»³² является не только очень слабой, она написана без глубокого знания источников — сочинений Маркса и Энгельса. С другой стороны, в своей области — военно-исторических вопросах — Дельбрюк был глубоким исследователем, стремившимся настолько основательно вскрыть условия, причины и взаимосвязи исследуемого процесса, что это стихийно вело его к материалистическому подходу при анализе источников. Его далеко идущие и нередко ошеломлявшие научный мир выводы не в последнюю очередь следует объяснять тем, что он, комплексно рассматривая военные события, стратегические и

тактические вопросы, уровень военной техники, военные доктрины, связывал их с соответствующими экономическими, социальными и политическими отношениями каждой эпохи и вытекающими из них условиями. Несмотря на то что в своей методологии Дельбрюк исходил прежде всего из идеалистической интерпретации исторического процесса, отдавая должное теории о великих личностях как творцах истории, в своих конкретно-исторических разработках он тем не менее приходил к выводу о том, что гениальный полководец вырабатывает свою стратегию и тактику не по наитию. Его решения обусловлены объективными историческими обстоятельствами, уровнем развития общества.

В отличие от полемических выступлений 80–90-х годов XIX в., в которых Дельбрюку приходилось уделять особое внимание вопросам конкретно-исторической обусловленности военной стратегии и в связи с этим рассматривать ее экономические и социальные основы, в «Истории военного искусства» эти мысли не получили столь глубокой разработки, так как она носила сугубо конкретно-исторический характер. В ней рассматриваются в большей степени отдельные походы и сражения. Франц Меринг, которому Дельбрюк направил первый том своего сочинения, в письме от 26 февраля 1901 г. благодарит его, но критикует именно узкий эмпиризм его труда: «Собственно говоря, мне недостает в книге лишь того, что Вы не столь обстоятельно, как в прежних работах о военном искусстве Фридриха и Наполеона, показываете связь между развитием военного искусства и развитием экономических условий...»³³.

Несмотря на ошибочные методологические принципы, некоторые неточности в деталях³⁴, главный труд Дельбрюка представляет собой значительное достижение. Он многократно переиздавался. Заслуги Дельбрюка высоко оцениваются и признанными современными историками за рубежом, например Г. А. Крайгом³⁵. Как известно, «Историю военного искусства» Дельбрюка неоднократно использовал Ф. Меринг. На основе приведенных в ней материалов он хотел создать последовательную и цельную картину военно-исторического процесса с позиций марксизма. Труд Дельбрюка издавался в ряде стран, в том числе дважды в СССР.

Заслуги Дельбрюка нашли признание и у части историков — профессиональных военных. До 1900 г. участие в семинарах Дельбрюка было связано для них с определенным риском. После 1918 г., несмотря на то что «спор о стратегии» разгорелся с новой силой в связи с теми принципами ведения войны, которые выдвинул Людендорф³⁶, некоторые высшие офицеры, в том числе и имперский министр обороны Грёнер, признали авторитет Дельбрюка как военного историка³⁷.

В целом, однако, Дельбрюку не удалось преодолеть обособленности изучения военной истории, монополизации этой отрасли исторической науки прусско-германским генеральным штабом. Причина этой неудачи была тесно связана с усилением влияния германского милитаризма. Несмотря на то что, помимо Дельбрюка, занятия по военной истории вели также некоторые другие историки (Г. Дрой-

зен, В. Эрбен, И. Кромейер, П. Шмиттхеннер), эта дисциплина не становилась предметом специализации в университетах. Поэтому ученики Дельбрюка, коль скоро они стремились к университетской карьере, например Г. Ролофф или М. Хобом, защищали диссертации по другим историческим специальностям. Во времена Веймарской республики Дельбрюк с большим трудом добился предоставления своему ученику Хобому³⁸ права вести специальный курс по истории военного дела в Берлинском университете. Таким образом, свою школу ему создать не удалось.

В 1923—1928 гг. Дельбрюк издал свою пятитомную «Всемирную историю», базировавшуюся на курсе лекций, которые он читал в течение ряда лет³⁹. Эта публикация привлекла гораздо меньшее внимание, чем его работы по военной истории. Возможность разработки теоретически цельной и законченной всеобщей истории представлялась ученым-историкам вообще проблематичной⁴⁰. Кроме того, в опубликованном курсе не было предложено скольконибудь оригинальных методов и концепций в сравнении с другими работами подобного рода.

Во время первой мировой войны Дельбрюк резко выступал против крайних экспансионистских устремлений германского империализма⁴¹. Однако в своей пропаганде «мира по соглашению» он не был последовательным, так как в периоды благоприятного положения на фронте тоже иногда высказывал различные аннексионистские пожелания. Сторонники «Пангерманского союза» постоянно обвиняли Дельбрюка и его единомышленников в слабости и непатриотическом поведении. Резкую враждебность юнкерства и крупной буржуазии вызвало также его выступление за отмену прусской трехклассной избирательной системы, так как эта мера привела бы к сокращению их политических привилегий.

В отличие от антисоветской позиции многих либеральных политиков и идеологов Дельбрюк выступал за установление нормальных отношений с молодой Советской Республикой. Он одобрял Рапалльский договор, признавая необходимость различать идеологическую борьбу (между буржуазной и марксистской идеологиями) и внешнеполитическое сосуществование государств.

Его продолжительная, субъективно смелая полемика с реакцией не означала отрицания кайзеровской империи, а тем более капиталистического общественного строя. Он был против лишь ошибочных политических решений отдельных деятелей, которые, по его мнению, могли погубить здоровый государственный строй.

Как политический публицист и историк Ханс Дельбрюк имеет немалые заслуги в борьбе с шовинизмом и милитаризмом наиболее реакционных кругов господствующих классов. Поэтому не случайно, что «Роте фане», центральный орган Коммунистической партии Германии, опубликовал к 80-летию Дельбрюка краткую статью В. Гуддорфа, в которой, несмотря на ряд оговорок, положительно оценивались его заслуги⁴². Такой оценки удостоились весьма немногие современные буржуазные идеологи.

- ¹ *Schleier H.* Zur Auswirkung der Reichsgründung auf historisch-politische und methodologische Konzeptionen der bürgerlichen deutschen Geschichtsschreibung bis 1914.— In: Die großpreussisch-militaristische Reichsgründung 1871: Voraussetzung und Folgen/Hrsg. von H. Bartel, E. Engelberg. B., 1971, Bd. 2, S. 517 f.; *Idem.* Sybel und Treitschke: Antidemokratismus und Militarismus im historisch-politischen Denken groß bourgeoisen Geschichtsideologen. B., 1965.
- ² *Mehring F.* Der Fall Delbrück.— Gesammelte Schriften. Bd. 14, S. 273.
- ³ Biographisches Lexikon zur deutschen Geschichte: Von den Anfängen bis 1945. B., 1970, S. 127 f.; *Ziekursch J.* Hans Delbrück.— In: Deutsches biographisches Jahrbuch, Bd. 11 (1929). Stuttgart, 1932, S. 89 f.; *Thimme A.* Hans Delbrück.— In: Neue Deutsche Biographie. [West] Berlin, 1957, Bd. 3, S. 577 f.
- ⁴ *Harnack A. von.* Hans Delbrück als Historiker und Politiker.— Die neue Rundschau, 1952, Jg. 63, S. 409.
- ⁵ *Delbrück H.* Über die Glaubwürdigkeit Lamberts von Hersfeld. Bonn, 1873.
- ⁶ Deutsche Staatsbibliothek Berlin, Nachlaß Delbrück, N 1. (Далее: DSB, Nachlaß Delbrück).
- ⁷ *Delbrück H.* Historische und politische Aufsätze. B., 1887.
- ⁸ *Delbrück H.* Das Leben des Feldmarschalls Grafen Neithardt. v. Gneisenau: Fortsetzung des gleichnamigen Werkes von Georg Heinrich Pertz. B., 1880. Bd. 4/5.
- ⁹ Einen kurzen Rückblick gibt Delbrück selbst: *Delbrück H.* Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte. Nachdruck 2. Aufl. [West] Berlin, 1962, Bd. 4, S. 439 f.; *Bernhardi F. von.* Delbrück, Friedrich der Große und Clausewitz. B., 1892, S. 1 f.; *Buchfink E.* Delbrücks Lehre, das Heer und der Weltkrieg.— In: Am Webstuhl der Zeit: Eine Erinnerungsgabe: Hans Delbrück dem Achtzigjährigen/Hrsg. von E. Daniels, P. Rühlmann. B., 1928, S. 41 f.; *Lehmann K.* Ermattungsstrategie — oder nicht? — Historische Zeitschrift, 1935, Bd. 151, S. 48 f.; *Kessel E.* Friedrich der Große im Wandel der kriegsgeschichtlichen Überlieferung.— Wissen und Wehr, 1936, Jg. 17, S. 500 f.
- ¹⁰ *Brühl R.* Militärgeschichte und Kriegspolitik: Zur Militärgeschichtsschreibung des preußisch-deutschen Generalstabes, 1816—1945. B., 1973, S. 62 f., 121 f., 146 f., 165 f.
- ¹¹ *Delbrück H.* Über die Verschiedenheit der Strategie Friedrichs und Napoleons. B., 1887; *Idem.* Die Perserkriege und die Burgunderkriege unter Karl dem Kühnen: Zwei kombinierte kriegsgeschichtliche Studien. B., 1887; *Idem.* Die Strategie des Perikles: Erläutert durch die Strategie Friedrichs des Großen. B., 1890.
- ¹² *Bernhardi F. von.* Delbrück, Friedrich der Große..., S. 108.
- ¹³ *Ibid.*, S. 106.
- ¹⁴ *Ibid.*, S. 8.
- ¹⁵ DSB, Nachlaß Delbrück, N 1, u. a. 69 f. sowie Bundesarchiv Koblenz (BA Ko), Nachlaß Delbrück, N 66, Hans Delbrücks Leben, für seine Kinder aufgezeichnet von seiner Frau Lina Delbrück, fotokopierte Maschinenschrift, Bd. 2, S. 205 f.; Universitätsarchiv der Humboldt-Universität Berlin (UAB); Phil. Fak., N 1460, betr. die Anstellung von Professoren u. Lektoren, 1874—1882, u. a. 227 f.
- ¹⁶ Phil. Fak., N 1460, 229 f.
- ¹⁷ UAB, Phil. Fak., N 1435, betr. Privatdozenten, 1880—1890, u. folg. 93 f.
- ¹⁸ *Schleier H.* Treitschke, Delbrück und die «Preußischen Jahrbücher» in den 80er Jahren des 19. Jh.— Jahrbuch für Geschichte, 1967, Bd. 1, S. 134 f.
- ¹⁹ *Thimme A.* Hans Delbrück als Kritiker der wilhelminischen Epoche. Düsseldorf, 1955, S. 31 u. a., Anm. 2, ferner S. 101 Anm.; *Daniels E.* Delbrück als Politiker.— In: Am Webstuhl der Zeit, S. 8 f.; *Gut G.* Studien zur Entwicklung Hans Delbrücks als politischer Historiker: Phil. Diss. [West] Berlin, 1951 (MS); *Rosenberg A.* Hans Delbrück, der Kritiker der Kriegsgeschichte (1929), wieder abgedr.— In: Demokratie und Klassenkampf: Ausgew. Studien/Hrsg. u. eingel. von H.-U. Wehler. Frankfurt/M.; [West] Berlin; Wien, 1974, S. 193 f. (-ullstein buch N 3041).
- ²⁰ *Hobohm M.* Hans Delbrück, der Siebzigjährige. B., 1918, S. 24; *Wolf G.* Dietrich Schäfer und Hans Delbrück: Nationale Ziele der deutschen Geschichtsschreibung seit der französischen Revolution. Gotha, 1918, S. 4.
- ²¹ *Thimme A.* Hans Delbrück als Kritiker, S. 101; *Steger H. A.* «Deutsche Welt-

- politik» bei Hans Delbrück, 1895—1918: phil. Diss. Marburg, 1955 (MS).
- ²² *Mehring F.* Der Fall Delbrück, S. 273.
- ²³ DSB, Nachlaß Delbrück, N 1, Aus meinem Leben; ferner: Briefe von A. v. Har-
nack, M. Lenz (1887, 1888); Zentrales Staatsarchiv Merseburg, Kultusministe-
rium, Rep. 76 Va, N 61, Anstellung und Besoldung der ordentl. u. außerordentl.
Professoren..., Bd. 3, u. a., 49 f.; BA Ko, Nachlaß Delbrück, N 63, Berufungsfr-
agen.
- ²⁴ *Vogler G.* Max Lehmann.— In: Studien über die deutsche Geschichtswissen-
schaft (im folgenden: Studien) / Hrsg. von J. Streisand. B., 1965, Bd. 2, S. 69 f.
- ²⁵ *Helmert H.* Der Befreiungskrieg von 1813 in der Militärgeschichtsschreibung
des preußischen Generalstabes.— In: Der Befreiungskrieg 1813. B., 1967, S. 482;
Uszeck H. Zur Darstellung der Völkerschlacht vor dem ersten Weltkrieg.—
Zeitschrift für Militärgeschichte, 1963, Jg. 2, H. 3, S. 348 f.
- ²⁶ *Zechlin E.* Staatsstreichpläne Bismarcks und Wilhelms II. B., 1929, S. 4 f., 155 f.
- ²⁷ *Delbrück H.* Geschichte der Kriegskunst in Rahmen der politischen Geschichte.
B., 1900, 1902, 1907, 1920. Bd. 1—4, Nachdrucke der 2. bzw. 3. Aufl. erschienen.
[West] Berlin, 1962—1966; *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рам-
ках политической истории. М., 1933.
- ²⁸ *Mehring F.* Eine Geschichte der Kriegskunst.— Gesammelte Schriften. B., 1967,
Bd. 8, S. 140.
- ²⁹ *Mehring F.* Kriegsgeschichtliche Streifzüge.— Ibid., S. 358.
- ³⁰ *Hillgruber A.* Hans Delbrück.— In: Deutsche Historiker / Hrsg. von H.-U. Weh-
ler. Göttingen, 1972, Bd. 4, S. 48 (-Kleine Vandenhoeck-Reihe, 346/48).
- ³¹ *Mehring F.* Der Fall Delbrück, S. 274; *Idem.* Eine Geschichte der Kriegskunst,
S. 136.
- ³² *Delbrück H.* Die Marxsche Geschichtsphilosophie. B., 1921.
- ³³ BA Ko., Nachlaß Delbrück, N 69, Hans Delbrücks Leben, Bd. 5, S. 4.
- ³⁴ In den Einleitungen des Nachdrucks wird ausführlicher über die Kontroversen
zu einzelnen Problemen und den Stand der internationalen bürgerlichen For-
schung berichtet: *Delbrück H.* Geschichte der Kriegskunst (Anm. 38) / Die
Einleitungen verfaßten K. Christ (Bd. 1), H. Kuhn, D. Hoffmann (Bd. 2),
K.-G. Cram (Bd. 3), O. Haintz (Bd. 4).— Vgl. ferner die Rezension zum Nach-
druck des 4. Bandes durch G. Olaf.— Zeitschrift für Militärgeschichte, 1965,
Jg. 4, H. 3, S. 357 f.
- ³⁵ *Craig G. A.* Delbrück: The Military Historian (1944), wieder abgedr.— In:
Krieg, Politik und Diplomatie. Hamburg, 1968, S. 81 f.
- ³⁶ *Delbrück H.* Ludendorff — Tirpitz — Falkenhayn. B., 1920; *Idem.* Ludendorffs
Selbstporträt. B., 1922; *Idem.* Vor und nach dem Weltkrieg: Politische und
historische Aufsätze, 1902—1925. B., 1926, ferner: *Hobohm M.* Delbrück, Clause-
witz und die Kritik des Weltkrieges.— Reubische Jahrbücher, 1920, Bd. 181,
S. 203 f.; *Hintze O.* Delbrück, Clausewitz und die Strategie Friedrichs des
Großen.— Forschungen zur brandenburgischen und preußischen Geschichte,
1921, Bd. 33, S. 131 f.; *Delbrück H.* Auseinandersetzung mit Hintze.— Ibid.,
S. 412 f.; *Hintze O.* Schlußwort.— Ibid., S. 417 f.
- ³⁷ Vgl.: die Aufsätze der Genannten.— In: Am Webstuhl der Zeit.
- ³⁸ *Schleier H.* Die bürgerliche deutsche Geschichtsschreibung der Weimarer Re-
publik. B., 1975, S. 551 f.
- ³⁹ *Delbrück H.* Weltgeschichte: Vorlesungen, gehalten an der Universität Berlin.
1896—1920. B., 1923—1928. Bd. 1—5.
- ⁴⁰ *Schleier H.* Zu den Theorien über die Entwicklung der Gesellschaft im spä-
bürgerlichen deutschen Geschichtsdenken.— In: Formationstheorie und Ge-
schichte / Hrsg. von E. Engelberg, W. Kuttler. B., 1977.
- ⁴¹ *Delbrück H.* Krieg und Politik. B., 1918—1919, Bd. 1/3.— Mit dem ersten Band
sowie Delbrücks ebenso antialldeutscher wie imperialistischer Politik setzte
sich kritisch auseinander: *Mehring F.* Krieg und Politik, 1914—1916.— Leip-
ziger Volkszeitung, 1918, vol. 1, N 2; vgl. ferner: *Klein F.* Die deutschen His-
toriker im ersten Weltkrieg.— Studien, Bd. 2, S. 227 f.
- ⁴² *Braun P., Guddorf W.* Der Historiker Hans Delbrück.— Rote Fahne, 1928, 13.
Nov., N 263.

ПУБЛИКАЦИИ

17 февраля 1981 г. в Институте истории СССР АН СССР состоялась научные чтения, посвященные 80-летию доктора исторических наук, профессора Эсфири Борисовны Генкиной (1901—1978 гг.). Академик И. И. Минц и чл.-кор. Ю. А. Поляков охарактеризовали жизненный и творческий путь Э. Б. Генкиной, видного советского историка, лауреата Государственной премии СССР, члена Коммунистической партии с 1920 г.

С научными сообщениями, посвященными анализу вклада Э. Б. Генкиной в советскую историческую науку, а также вопросам, близким кругу ее исследовательской проблематики, выступили: Ю. П. Шарапов («Э. Б. Генкина как лениновед»), Е. Н. Городецкий («Э. Б. Генкина — историк Февральской революции»), Л. М. Зак («Проблемы истории советской культуры в трудах Э. Б. Генкиной»), Р. М. Савицкая («Некоторые вопросы методики составления биографической хроники В. И. Ленина»), М. С. Волин («Прижизненные биографии В. И. Ленина»), Л. В. Иванова («Роль Института красной профессуры в подготовке научных кадров»).

80-летие Э. Б. Генкиной совпало с юбилеем Института красной профессуры, учрежденного, как известно, ленинским декретом 11 февраля 1921 г. Она училась в ИКП в 1925—1930 гг., именно здесь определилась ее исследовательская проблематика и родились первые научные работы. А позднее Э. Б. Генкина преподавала в ИКП.

Однако решающим для постановки на первых «генкинских» чтениях доклада об ИКП явился тот факт, что в нем впервые прозвучали не публиковавшиеся ранее воспоминания Эсфири Борисовны об этом институте.

История их появления летом 1970 г. такова. В преддверии 50-летия ИКП Научный совет по истории исторической науки в СССР обратился к некоторым выпускникам ИКП — историкам с просьбой поделиться своими воспоминаниями, предложив им, со своей стороны, ряд конкретных вопросов (своего рода анкету). Эсфирь Борисовна откликнулась на эту просьбу охотно и быстро. Передавая свои воспоминания, она подчеркнула, что постаралась не только ответить на вопросы Научного совета, но заодно и отреагировать на незадолго до этого вышедшую книгу Л. В. Ивановой «У истоков советской исторической науки. Подготовка кадров историков-марксистов, 1917—1929 гг.» М., 1968), одна из глав которой была посвящена ИКП. Оба эти обстоятельства сказались некоторым образом на характере воспоминаний Э. Б. Генкиной, объясняя их лаконизм, известную «заданность» плана изложения, полемичность.

История ИКП еще не написана. И хотя архив Института красной профессуры (хранящийся в ЦГАОР СССР) насчитывает 18 тыс. единиц хранения, в том числе более 5 тыс. по институтам исторического профиля, трудно представить, что историю ИКП можно будет воссоздать без свидетельств современников — слушателей ИКП. Воспоминания Э. Б. Генкиной, при всей их краткости и сдержанности, помогают воссоздать атмосферу 1920—1930-х годов, позволяют взглянуть на ИКП не только изнутри, глазами современника, но и подойти к этой оценке с дистанции времени. Главное достоинство этих воспоминаний, на наш взгляд, в том, что Э. Б. Генкина выступает в них и как мемуарист, и как историк.

До сих пор мы располагали лишь воспоминаниями А. Л. Сидорова (см.: История СССР, 1964, № 3) и А. И. Гуковского (см.: История СССР, 1965, № 6),

а также небольшой документальной публикацией, подготовленной выпускниками ИКП С. М. Дубровским и Д. В. Романовским, «К истории Института красной профессуры». (Ист. арх., 1958, № 6).

Ныне общепризнана роль Института красной профессуры как важнейшего центра подготовки и воспитания марксистских кадров высшей квалификации в области общественных наук — истории, философии, экономики, права, истории партии, литературы. На протяжении семнадцати лет (1921—1938) ИКП не только рос вширь (в 1930-е годы действовали десять специализированных институтов), но и непрерывно развивался как тип советского научно-учебного учреждения. Изменялись его задачи и соответственно структура, организация учебного процесса: от подготовки преподавателей-обществоведов для высшей школы ИКП пришел к подготовке научных работников для вузов, научно-исследовательских учреждений, плановых и других высших государственных органов, для идеологической работы Коммунистической партии.

Наряду с этими вопросами, ждущими исследователя, требуют изучения и такие важные проблемы истории исторической науки в СССР, как роль ИКП в становлении советской аспирантуры, в формировании национальных кадров, в подготовке советско-партийного аппарата и ряд других.

Историческая заслуга ИКП состояла в том, что в нем впервые сформировался новый тип советского специалиста, в котором органически сочетались качества исследователя-марксиста и черты борца с буржуазной идеологией, навыки воспитателя молодежи и активного общественника. «Красная профессура» (это емкое и почетное название давалось в 1920—1930-е годы всем новым советским кадрам, но обязано своим происхождением оно ИКП) составила ядро не только научных, но и идеологических кадров нашей страны.

В создании советской школы историков выпускники ИКП также сыграли основополагающую роль. Достаточно назвать имена выпускников ИКП, чтобы убедиться в этом: академики И. И. Минц, М. В. Нечкина, А. М. Панкратова, Б. Н. Пономарев, члены-корреспонденты С. Г. Томсинский, А. В. Шестакин, действительный член АН Белорусской ССР П. О. Горин, историки Д. А. Баевский, С. С. Вантке, Н. Н. Ванаг, П. Г. Галузо, Э. Б. Генкина, Б. Б. Граве, А. И. Гуковский, В. М. Далин, С. М. Дубровский, М. П. Жаков, Н. Е. Застенкер, М. С. Зоркий, Д. Я. Кин, Ф. Д. Кретов, Е. П. Кривошеина, М. И. Кубанин, С. Д. Куниский, А. П. Кучкин, З. Б. Лозинский, С. М. Мопосов, М. С. Персов, Б. И. Пугачевский, М. А. Рубач, Е. И. Рубинштейн, Н. Л. Рубинштейн, А. Л. Сидоров, К. Ф. Сидоров, А. И. Толстихина, А. Я. Троицкий, О. Н. Чаадаева и др.

Хочется надеяться, что в историю ИКП, этого важного центра советской науки, войдут новые страницы, в том числе страницы воспоминаний его выпускников.

Л. В. Иванова

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИКП

Э. Б. Генкина

Я поступила в ИКП на историческое отделение в конце лета 1925 г. Экзамены в ИКП были тогда довольно трудными, сдавались четыре предмета — история СССР, всеобщая история, политэкономия и философия (диамат). Экзамена по иностранному языку, насколько я помню, тогда не было. Кроме того, представлялась письменная работа по специальности. Поскольку я училась в 1921—1923 гг. в семинаре М. Н. Покровского в лекторской группе Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, я и представила доклад в этом семинаре на тему о народничестве.

Для поступления в ИКП требовалась сравнительно высокая общеобразовательная и теоретическая марксистская подготовка. Поэтому первые приемы в ИКП были почти сплошь по своему составу интеллигентскими, большинство имело законченное среднее или незаконченное высшее (еще до революции) образование. Большое значение для комплектования ИКП в первые годы после его создания имели выпускники «Свердловкп», сначала только лекторских групп, а потом и основного трехгодичного курса.

Так, очевидно, в 1921—1923 гг. в ИКП поступили окончившие самую первую лекторскую группу (А. Н. Слепков, Д. П. Марецкий, И. А. Краваль и др.), а в 1924—1925 гг. — большая группа историков из лекторской группы выпуска 1923 г. (А. Л. Сидоров, К. Ф. Сидоров, Д. А. Баевский, А. И. Малышев, Н. Л. Рубинштейн, Е. И. Рубинштейн, Э. Б. Генкина, Н. Е. Застенкер). Многие слушатели лекторской группы поступали и на другие отделения ИКП: И. М. Беспалов на философское, а затем литературное, Н. Маслова, Л. Мендельсон на экономическое и т. д. Примерно с 1923 г. в ИКП все большими группами начали приходить окончившие Курсы марксизма при Социалистической академии (О. Н. Чаадаева и др.), а с 1925 г. отдельные товарищи первых выпусков трехгодичного курса Свердловского университета.

Это значительно улучшило состав ИКП, увеличив прослойку партийной интеллигенции с большим опытом партийной работы, но не решало задачи орабочения ИКП. С этой целью и было создано подготовительное отделение (срок обучения два года). В числе его первых слушателей (кажется, с 1925 г.) были П. Ф. Юдин и Ф. В. Константинов.

В характеристиках и рекомендациях, выданных ЦК РКП(б) окончившим в 1923 г. лекторскую группу «Свердловки», указывалось, что они имеют право на продолжение учебы (подразумевался ИКП) через год или два после пребывания на практической — партийной или педагогической — работе. Один год работы был оговорен, например, для А. Л. Сидорова и Н. Л. Рубинштейна, и они поступили в ИКП в 1924 г. Мне лично и, кажется, Д. А. Баевскому и другим устанавливался двухгодичный срок^{1*}, и поэтому я поступила в ИКП в 1925 г., предварительно проработав в Туле в 1923—1925 гг. в качестве лектора совпартшколы, преподавателя рабфака и лектора губкома партии.

Летом 1925 г. я получила командировку Тульского губкома в ИКП (насколько помню, был послан по этому поводу какой-то за-

^{1*} Привожу в этой связи полный текст удостоверения, выданного на мое имя ЦК РКП(б) 21 июня 1923 г. после окончания лекторской группы: «Дано спс тов. Генкиной Э., скончившей 2-х годичный лекторский курс Комуниверситета им. Я. М. Свердлова в том, что командирована в распоряжение Тульского губкома для лекторской работы. ЦК РКП рекомендует ее одновременно использовать и в общей партийной работе. Срок местной работы для товарища устанавливается не менее 2-х лет, после чего ей предоставляется право возбуждения вопроса о дальнейшем продолжении образования». — *Примеч. авт.*

прос или письмо от М. Н. Покровского). Михаил Николаевич никогда не забывал своих учеников, закончивших лекторскую группу, заботился о них, настойчиво тянул в ИКП, всячески помогал. Когда в июле 1925 г. я приехала в Москву для подготовки к экзаменам, М. П. Покровский вызвал меня и Д. А. Баевского к себе в Наркомпрос, беседовал с нами и даже советовал, кому лучше сдавать экзамены. Я отчетливо помню, как он говорил: «Не сдавайте молодым (Моносову, Слепкову и т. д.), они еще не понимают, что может и должен знать поступающий и чего не может. Поэтому сами готовятся к экзаменам, подбирают трудные вопросы, а у старых кадров ученых больше опыта». Правоту этих слов я потом лучше поняла на опыте своей собственной педагогической работы, особенно в МИФЛИ и на истфаке МГУ. Сначала я тоже «готовилась» к экзаменам, которые принимала у студентов, а потом надобность в этом полностью отпала.

Запомнилось мне также, что во время беседы с Покровским в Наркомпросе Д. А. Баевский случайно опрокинул чернильницу на его письменном столе, очень смутился и огорчился, а «старик» (так мы уже тогда называли М. Н. Покровского) успокаивал его, тепло нас проводил, желая успеха на экзаменах.

Забота о молодежи, о подготовке партийных кадров историков-марксистов — отличительная черта Михаила Николаевича. Этому делу он отдавал все силы в последнее десятилетие своей жизни. К сожалению, ленинская линия сочетания подготовки новых кадров с привлечением кадров старой профессуры не была им в полной мере учтена и это очень сильно впоследствии сказалось и на отношении к нему старых кадров.

В июле-августе 1925 г. все поступающие в ИКП усиленно готовились к экзаменам. От нас требовалось прежде всего знание работ Маркса и Энгельса: I и II томов «Капитала», исторических и других работ. I том «Капитала» я проштудировала еще в «Свердловке», а II том полностью проконспектировала, готовясь к экзаменам. Кроме того, рекомендовались, насколько я помню, книги: Р. Гильфердинга «Финансовый капитал», К. Каутского «Предшественники социализма», работы В. Зомбарта, Р. Ю. Виппера, Г. В. Плеханова и отдельные работы В. И. Ленина. Хорошо бы найти в архиве рекомендательный список литературы для поступления в ИКП.

С утра до вечера, иногда по 12—15 часов в сутки мы просиживали летом 1925 г. в библиотеке Комакадемии (позднее ФБОН) на улице Маркса и Энгельса или в библиотеке МК партии на Большой Дмитровке (ныне Пушкинская), в здании, где сейчас находится Прокуратура СССР, и готовились к экзаменам. Отчетливо запомнились и сами экзамены. По истории СССР (по специальности) экзамены не сдавались, поскольку представлялась письменная работа, зачтенная М. Н. Покровским. Философию я сдавала А. М. Деборину, политэкономия — Д. П. Маренкому, а всеобщую историю — Н. М. Лукину. Последнего все особенно боялись, про него говорили, что он требует знания деталей, может задать вопрос:

«На какой улице жил Марат?» Он действительно экзаменовал очень долго и строго, но в основном все кончалось благополучно, всем ставился «зачет» (отметок не было) и все поступающие, помнится, были приняты.

Здание на Остоженке (Метростроевской), 53 (где ныне помещается Институт международных отношений) было одновременно и учебным корпусом и общежитием (1 и 2-й этажи — учебное помещение, 3 и 4-й — общежитие, в подвальном помещении — столовая). В дальнейшем появились новые общежития — две квартиры в жилом доме на ул. Кропоткина, 28 (здесь я жила, когда училась на последних курсах), домик на Зубовском бульваре и др. Все отделения ИКП размещались на Остоженке. И историки, философы, экономисты, литературоведы очень тесно общались, дружили, стояли в одной парторганизации.

На первом курсе я сразу же попала в семинар М. Н. Покровского по истории Октябрьской революции, который он вел на втором курсе. Семинар готовил сборник работ к десятилетию Октября. В нем уже учились наши товарищи по лекторской группе — А. Л. Сидоров и Н. Л. Рубинштейн. Михаил Николаевич предложил мне и Баевскому включиться в работу этого семинара, и мы со страхом (все-таки второй курс!) и в то же время с радостью согласились. Кажется, на первом курсе я состояла одновременно в семинаре В. П. Волгина по истории французского социализма, на II и III курсах в семинаре Н. И. Карева по истмату, где представила доклад на тему «Теория пролетарской революции», в семинаре П. И. Лященко, а на III курсе (в 1927/28 уч. г.) в семинаре М. Н. Покровского по историографии, который был продолжением семинара 1924/25 г., охватывая более поздний период. В этом семинаре я готовила доклад на тему по историографии русской общины, усиленно изучала работы либеральных народников и с этих пор (после окончания работы о Февральской революции) полностью переключилась на изучение истории народничества (предполагаемая тема диссертации — «Народная Воля»).

Перечень семинаров сразу же показывает, что историю СССР мы начинали изучать прямо с Октябрьской революции, самое раннее с XIX в. (семинар по историографии). Общие лекционные курсы тогда в ИКП не читались, во всяком случае, я не помню таких систематических лекционных курсов. В работе Л. В. Ивановой «У истоков советской исторической науки» я прочитала, что такие курсы были введены с 1923/24 гг. (см. с. 128 книги), но все равно припомнить ничего не могу. Очевидно, иногда бывает и так, что официальные документы не всегда точно соответствуют действительности (вернее, не все постановления и решения полностью осуществлялись). Я не помню также, чтобы после вступительных экзаменов икаписты сдавали в процессе учебы еще какие-либо другие экзамены. Отчетливо запомнилось, что как-то мы все с беспокойством читали вывешенный на доске приказ, что нам предстоит сдавать экзамены по древней истории, волновались, ког-

да и как успеем это сделать, но так этого экзамена никто и не сдавал.

Приведу в этой связи еще один пример. Когда было принято решение об удлинении срока обучения с 3 до 4-х лет, то IV курс специально предоставлялся для подготовки диссертационной работы. Но, насколько я помню, никто из икапистов, во всяком случае в годы, когда училась я, диссертации не написал и не защищал. На последних курсах была такая перегрузка научной, педагогической, литературной, партийно-пропагандистской работой, что времени для диссертации не оставалось, да никто этому особо большого значения не придавал. В то же время некоторые семинарские работы икапистов и по нынешним требованиям представляли собой вполне полноценные кандидатские диссертации. Многие икаписты первых выпусков, когда диссертация еще не была обязательна, публиковали большие и серьезные исследования (например, А. М. Панкратова, И. И. Минц), но никаких диссертаций — ни кандидатских, ни докторских — не защищали, а стали крупными учеными, сначала действительными членами Комакадемии, с одновременным присуждением докторской степени, а потом членами-корреспондентами и академиками.

Определенная часть икапистов (в том числе и я) постановлением Комакадемии в 1935 г. получили ученую степень кандидатов исторических наук без защиты диссертации, на основании опубликованных работ (список этих икапистов, кажется, был опубликован в 1935 г. в журнале «Историк-марксист»). Помнится, кое-кто тогда даже обижался: икапист — красный профессор и вдруг... только (!) кандидат исторических наук. А те, кто в этот список в 1935 г. случайно не попали (не находились в Москве или были на партийной работе), вынуждены были защищать кандидатские диссертации спустя десять и более лет после окончания ИКП.

Впоследствии выяснился и еще один любопытный факт. Поскольку IV курс заканчивался всеми без защиты диссертации, то выпускникам давались примерно следующие справки: «Считать выпущенным, но не закончившим ИКП в связи с непредоставлением диссертации». Эта формулировка доставила мне лично много тревог, когда я получила ее в ЦГАОРе в конце 1938 г. для предоставления справки о высшем образовании при защите докторской диссертации. Начальник ЦГАОРа — тогда Г. Д. Костомаров — утешал меня тем, что эта формулировка имеется почти во всех личных делах икапистов выпусков 1928—1930 гг.

Все обучение в ИКП было сосредоточено в семинарах. Это была главная и основная форма учебы и поэтому больше всего запомнилась. Прежде всего о семинарах М. Н. Покровского. В семинаре II курса по истории Октябрьской революции, куда я попала после поступления в ИКП в 1925 г., находились А. Л. Сидоров, Н. Л. Рубинштейн, М. А. Рубач, П. Г. Галузо, П. П. Соловьев, О. А. Лидак и др. Это была сильная группа историков, никто никого не щадил в дискуссиях и спорах, умели и зло высмеять недостатки. Когда я представила, очевидно, весной 1926 г. (менее чем через

год после поступления) свой первый доклад «Февральский переворот», то неделю боялась заглянуть в читальню ИКП, ожидая самой строгой критики. К тому же в ИКП, в отличие от нынешнего времени, нам, по сути дела молодым аспирантам, давали полную свободу: никто не опекал, не консультировал, не читал предварительно написанных глав и т. п. У научного руководителя (в данном случае М. Н. Покровского) не было просто для этого времени, да и считалось, что это не требуется. Кажется, только И. И. Минц, помогая Покровскому, иногда перед обсуждением читал некоторые семинарские доклады и мне лично очень помог, советуя обязательно показать особенности каждого дня Февральской революции, начиная с 23 февраля по 2 марта 1917 г.

Обсуждение на семинаре моего доклада прошло в основном хорошо, особенно не ругали, если не считать самого Покровского. Он довольно сердито тогда сказал, что литературно работа написана живо и читается легко, но этого мало. «Это не исследование, — сказал он своим тонким голосом (фальцетом), — ибо мало архивов, особенно фондов Западного фронта и Ставки, а без архивов и их глубокого изучения нет исследования». Правда, в заключение добавил, что это в лучшем случае магистерская диссертация, а я тогда толком даже и не знала, что это такое. Моему докладу он противопоставил работу А. Л. Сидорова, оценив ее как настоящее глубокое исследование, но подчеркнув, что литературно она написана плохо. А в заключение — неожиданный для нас всех и очень суровый вывод: ничего печатать нельзя, вот у Генкиной написано хорошо, а не исследование, а у Сидорова исследование, но написано плохо. Если так пойдет дальше, придется от издания сборников к 10-летию Октябрьской революции совсем отказаться. Мы все ушли с семинара очень подавленные, особенно я. Естественно, что мне казалась предпочтительнее оценка работы Сидорова, чем моей. Литературный стиль, за который меня тогда хвалили, — дело наживное, самое важное написать исследование.

Прошла неделя или две, и Покровский собрал семинар у себя на квартире (он жил тогда в доме в Нескучном саду). Сидел в кресле, ноги укрыл пледом (ему нездоровилось) и, весело посматривая на нас, сказал: «Я слышал, что вы приуныли, думаете, все плохо, а я только хотел вас подогнать, чтобы вы улучшили свои работы. Генкиной надо добавить архивы, Сидорову поработать над текстом и тогда все сможем опубликовать». Мы все буквально воскресли, очень обрадовались, а мне в конце семинара Покровский сказал: «Поедем через несколько дней с вами в Центрархив и добьемся выдачи необходимых фондов. Их сейчас не выдают читателям, поскольку готовится специальный номер «Красного архива» и они подготовлены для публикации». Свое обещание Михаил Николаевич выполнил, привез меня на своей машине в Центрархив (на углу улицы Фрунзе) и дал указание В. В. Максакову выдать все необходимые материалы. Владимир Владимирович был сначала очень зол, а потом мы с ним стали большими друзьями.

Запомнился и еще один штрих в работе семинара. Покровский никогда не обижался, когда с ним не соглашались, а иногда даже спорили по отдельным вопросам. Он только не прощал критику в печати, но до начала 30-х годов это никогда и не имело места.

В моем докладе о Февральской революции, а затем и в опубликованной работе в конце введения была такая фраза: «Были ли или не были Ленин и руководящая группа большевиков в России, революция в России должна была разворачиваться на фоне перерастания буржуазной революции в социалистическую, со всеми этапами этого перерастания, и не могла родиться как непосредственно социалистическая революция»¹. По существу здесь, в этих не совсем удачно сформулированных словах, заключалась скрытая полемика с Покровским, который в одной из своих работ давал примерно такую формулировку: если бы Ленин и руководящая группа большевиков находились в России в момент Февральской революции, эта революция сразу же развивалась бы как социалистическая². Покровский заметил эту скрытую полемику и даже, кажется, согласился, что его формулировка не совсем удачна и тут в чем-то виновата машинистка или стенографистка. Так или иначе он ничего не отвергал с хода и считал, что его ученики имеют право с ним не соглашаться по ряду вопросов.

Это только несколько штрихов к тому, как готовились к печати оба тома «Очерков по истории Октябрьской революции». Очевидно в конце 1926 г. они были сданы в производство и вышли в свет в установленный срок в начале 1927 г. С удивлением сейчас вспоминаю, что нас тогда никто не редактировал, не вносил исправлений — как было написано, так и было опубликовано. Длительного процесса редактирования, рецензирования и пр. тогда и в помине не было. Поэтому книги выходили быстро, хотя многим из нас, и мне в том числе, потом крепко досталось за отдельные формулировки, особенно в 1931 г. после письма И. В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция»³.

Теперь о другом семинаре М. Н. Покровского — по историографии. Это был семинар уже моего курса, и в него входили товарищи, поступившие со мною в 1925 г.: Ф. Д. Кретов, Э. Я. Газганов, А. И. Ломакин и др. Семинар Покровского был всегда большим событием — на многие занятия приходили и его старые ученики, уже кончившие ИКП. Они нередко участвовали в прениях, высказывали свою точку зрения. Заключительные слова Михаила Николаевича были яркими и интересными. Он был очень эмоционален, увлекался сам и увлекал других. Много потом писалось об ошибках Покровского, и в этом активное участие принимали и его ученики. Но Покровский сам учился вместе с нами, нередко рассматривал отдельные свои концепции, отказывался от них.

В 20-е годы мы все буквально впервые для себя «открывали» Ленина, изучали вышедшие к тому времени тома первого издания его Сочинений. Никогда не забуду, какое счастье познания я испытала, впервые читая полностью все работы Ленина, в частности в связи с темой о Февральской революции. Но и Покровский для

себя тоже в известной мере «открывал» как бы заново Ленина и никогда не застывал на каких-либо неизменных и навсегда данных положениях.

Сколько лет прошло, а я как сейчас помню его заключительное слово на одном из семинаров, когда речь шла об оценке Н. Г. Чернышевского. Он тогда только что прочел или вновь перечел статью В. И. Ленина «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция», написанную в марте 1911 г. С огромным волнением говорил он о значении этой статьи, о замечательной ленинской оценке Чернышевского как социалиста-утописта, с одной стороны, и революционного демократа — с другой. Только в этой оценке он видел ключ к пониманию и народничества, и народнической идеологии и прямо сказал, что в свете этой оценки ему самому стали ясны его прошлые ошибки в понимании сути народничества и в оценке роли Чернышевского.

Критика Покровского в прошлые годы начисто снимала возможность исторического подхода к развитию его взглядов. А он сам, изучая Ленина, шел вперед, от многого отказывался, многое пересматривал и учил этому своих учеников. В «Свердловке» мы днями, а иногда и бессонными ночами настойчиво овладевали работами Маркса и Энгельса, а в ИКП по-настоящему начали изучать работы Ленина (в начале 20-х годов в лекторской группе мы читали только отдельные работы Ленина, сборник «За 12 лет» и первые тома его Сочинений). С тех пор и, очевидно, до конца наших дней это постоянное стремление к овладению ленинским идейным наследием останется навсегда путеводной нитью исторического исследования. Этому нас научили в ИКП и больше всего в семинарах Покровского. Сейчас это ясно для всех, но для нашего поколения изучение Ленина началось по-настоящему в ИКП и в этом — в овладении основами марксистско-ленинского мировоззрения — решающая заслуга обучения в Институте красной профессуры.

Но одновременно нельзя не отметить одного очень существенного недостатка этого обучения — отсутствие общего исторического образования, какое сейчас дают высшая школа и исторические факультеты вузов. Как потом мы ни пытались восполнить этот пробел, удалось это только немногим. Приходилось, конечно, особенно в первые годы педагогической работы, читать общие курсы по истории СССР с древнейших времен до наших дней, но это давало самое элементарное знание предмета. Я тоже пыталась урвать время, чтобы наверстать упущенное, прочитать «стариков» (Соловьева, Ключевского и др.), но при обычной занятости после окончания ИКП, это, как правило, не удавалось. Помню, А. Л. Сидоров мне сам рассказывал, что в 1937 г., когда у него был временный «простой» в работе по не зависящим от него обстоятельствам, он почти три месяца просидел в «Ленинке» и залпом читал все тома Соловьева и других виднейших историков.

И все же для первых лет ИКП такая односторонность в известной мере была неизбежной. Все внимание было перенесено на овладение марксистско-ленинской методологией. Это тоже осталось у

нас навсегда. Неверно также, что икапистов учили только «социологизировать», а конкретных фактов они не знали и их игнорировали. Покровский сам хорошо знал конкретную историю. В пределах XIX в. и особенно послеоктябрьского периода мы все больше овладевали конкретной историей, с первых дней обучения работали в архивах, изучали источники, широко знакомились с литературой всех направлений, знали своих противников и умели с ними полемизировать. В читальном зале ИКП, на столах для общего пользования находился меньшевистский «Социалистический вестник», как сейчас журнал «Огонек». Нас учили нещадно разоблачать меньшевиков, а вовсе не попадать под их влияние. Центр тяжести всей учебы был перенесен на самостоятельную работу, и это было правильно.

Начиная с первого года обучения все икаписты в обязательном порядке вели педагогическую работу. Очевидно, в 1925/26 г. я читала курс лекций по истории СССР в Институте журналистики, потом (в 1927/28 г.) вела семинар в Международной ленинской школе на русском языке (в эти группы собирали иностранных товарищей, знающих русский язык), а в 1929/30 г. на Курсах марксизма при ЦК ВКП(б) ^{2*}. Большинство товарищей вели в эти же годы семинары по истории СССР и истории партии на основном (трехгодичном) курсе Комуниверситета им. Я. М. Свердлова, в Международной ленинской школе (нередко на иностранных языках), а на последних курсах руководили семинарами на подготовительном отделении ИКП, а иногда и заведовали кафедрами (в КУТВе и т. д.).

Педагогическая работа имела огромное значение для научного роста. До сих пор считаю, что без педагогического опыта не может сформироваться настоящий ученый-исследователь. К сожалению, у нас сейчас часто бывает так, что со студенческой скамьи попадают прямо, например, в Институт истории, с отрывом или без отрыва от работы защищают кандидатские, а потом даже докторские диссертации, никогда педработы не ведут. В результате формируются неизбежно историки «узкого» профиля, знающие хорошо только темы своих диссертационных работ.

Такой же, по существу, обязательной являлась для икапистов литературная работа. Значительная часть докладов на семинарах М. Н. Покровского публиковалась в сборниках. В 1926—1927 гг. вышел в свет сборник работ семинара 1924 г. по историографии («Русская историческая литература в классовом освещении»), а затем два тома «Очерков по истории Октябрьской революции». Исторические и историко-партийные журналы («Пролетарская революция», «Историк-марксист», «Под знаменем марксизма», а с 1924 г.

^{2*} В 1928 г., закончив третий курс, я сделала перерыв на год (по семейным обстоятельствам, после смерти моего первого мужа) и уехала на работу в Ростов н/Д. Через год (осенью 1929 г.) по настоянию М. Н. Покровского я вернулась в ИКП и поэтому закончила Институт только в 1930 г.— *Примеч. авт.*

«Большевик») часто публиковали на своих страницах статьи икапистов. Многие икаписты становились партийными журналистами, выступали со статьями в газетах на общепартийные темы, по текущим политическим вопросам. Помню, очевидно, в самом начале 1927 г. Мария Ильинична Ульянова собрала в «Правде» группу икапистов, долго и очень ласково с нами беседовала; был выработан план публикации статей к 10-летию Октября. На основании этой договоренности в «Правде» 12 марта 1927 г. была опубликована моя статья «Чья революция?», где давалась оценка Февральской революции и велась полемика с зарубежной белогвардейской печатью, доказывающей, что февраль 1917 г. это «их» революция, а Октябрь 1917 г.— чуждая им, большевистская, революция. Отсюда и название. На эти же темы регулярно публиковались и статьи других икапистов. Публиковать статьи тогда было очень легко, поэтому так много и часто икапистов печатали. Но, думаю, не только в этом было дело. Имело бы смысл при написании истории ИКП привести краткую (выборочную) библиографию работ икапистов за время их учебы^{3*}.

Мне лично Покровский уже на IV курсе (в 1928/29 г.) поручил написать главы в учебниках для средней школы (тогда они назывались «Рабочая книга по обществоведению»), и в вышедших в свет изданиях были опубликованы две мои главы — «Народническая революция» и «Февральская революция». На последних курсах я преимущественно занималась историей народничества. Проектировалась диссертация на тему «Народная Воля», которая так никогда и не была написана. Результатом начальной стадии этой

^{3*} Считаю возможным привести в этой связи один пример, поскольку в моем распоряжении имеется список работ Н. Л. Рубинштейна, опубликованных за время его учебы в ИКП (1924—1928 гг.): рецензия на книгу Рожкова «Русская история в сравнительно историческом освещении» (Под знаменем марксизма, 1925, № 5/6), статьи: «Кадеты», «Меньшевики», «Разложение германской социал-демократии» (Молодой большевик, 1925), «Интеллигентные мешочники» (о журнале «Новая Россия». — Большевик, 1926), рецензия на Ленинский сборник V (Спутник коммуниста, 1927), «Историческая теория славянофилов» (в сборнике по историографии 1927 г.— 4 печ. л.), «Теория революции австрийской „левой“ социал-демократии» (Под знаменем марксизма, 1927), «Внешняя политика керенщины» (в кн.: «Очерки по истории Октябрьской революции», т. 2, 1927, ок. 7 печ. л.). В 1927 г. были опубликованы брошюра (в изд-ве «Московский рабочий») «О внутрипартийном положении», статья «„Ультралевые“ ренегаты и троцкистская оппозиция» («Большевик»), рецензия на книгу «Падение царского режима» («Пролетарская революция»), а в 1928 г. статьи в «Большевике» и «Красном архиве» (публикация документов об Учредительном собрании), в «Историке-марксисте» («К истории Учредительного собрания в России») и т. д. Одновременно публиковалась и целая серия статей в «Правде» к 10-летию Февральской революции («Русские империалисты и Февральская революция»), а также заметки и статьи, присланные из Берлина, а затем Парижа в 1927 г.: «Лицо социал-душителя» (о записках Карла Эверинга) — 3.VII, «Живой труп» (о Потресове) — 15.VII, «На переломе» — 18.IX, «Лицо ренегата» (о Б. Суворине) — 30.IX, «Протест парижского пролетариата» (о рабочих демонстрациях протеста против убийства Сакко и Ванцетти), которые подписывались псевдонимом И. Зольдин — по имени маленькой дочери автора. — *Примеч. авт.*

работы явились отдельные статьи и рецензии о народничестве, опубликованные в советских журналах.

Пришлось мне участвовать также в дискуссии, развернувшейся в связи с 50-летним юбилеем «Народной Воли», который широко отмечался осенью 1929 г. Большое собрание, посвященное этой дате, было организовано Обществом историков-марксистов и происходило в конференц-зале Комакадемии на Волхонке, 14. На этом собрании присутствовали и народовольцы (насколько помню — Н. А. Морозов, М. Ф. Фроленко и др.). Они сидели в первых рядах, внимательно слушали выступления, но никто из них не принял участия в дискуссии. А дискуссия была довольно острая, полемизировали главным образом с И. А. Теодоровичем, а кое о чем и с М. Н. Покровским. Все материалы дискуссии опубликованы, и поэтому подробно о ней рассказывать не имеет смысла. К юбилейной дате были подготовлены специальные тезисы ЦК партии (в их написании я тоже принимала участие). Когда они обсуждались в ЦК, в кабинете зав. отделом печати тов. Талья, И. А. Теодорович, полемизируя с историком И. А. Татаровым (в своем выступлении он называл его Тартареном из Тараскона), так сильно ударил кулаком по столу, что разбил вдребезги настольное стекло.

Других дискуссий, притом именно в ИКП, я не запомнила, думаю, что они тогда широко не практиковались. Но дискутировали, спорили в ИКП очень много — на семинарах, в общежитиях, при встречах и т. д. Предметами споров были общетеоретические вопросы, но главным образом внутривнутрипартийные. Годы, когда я училась, были периодом острой борьбы с антиленинскими группировками. Икаписты, как правило, все члены партии (за отдельными исключениями), молодые, горячие, политически активные, принимали прямое участие в этой борьбе. Все до одного мы были пропагандистами, вели семинары и кружки в районах г. Москвы (парторганизация ИКП входила территориально в Хамовнический район), ибо по пропагандистской работе мы были подчинены ЦК и МК партии.

Осенью 1925 г., вскоре после моего поступления, в ИКП вдруг возник спор о количестве кулаков в деревне. Одни называли 10—15%, другие 4—5%. Как потом стало ясно, это было предвещением той борьбы, которая развернулась на XIV съезде партии («новая оппозиция» намеренно преувеличивала численность кулачества). После XIV партсъезда — бурные партсобрания и опять дискуссии, главным образом, по вопросам оценки нэпа, о госкапитализме и, особенно, о победе социализма в одной стране. В ИКП была небольшая группа, примыкавшая к зиновьевской оппозиции, они яростно отстаивали свои взгляды, и мы тогда ходили с томами Ленина в руках, доказывая правоту ленинской позиции, которую отстаивал съезд партии.

А потом еще более трудные бои с троцкистско-зиновьевским антипартийным блоком в 1927 г., когда подняли голову и бывшие троцкисты. И опять долгие и бурные партсобрания, когда в ИКП не давали говорить оппозиционерам и буквально стаскивали с три-

буны К. Б. Радека. После XV съезда партии мы на партгруппах и партсобраниях принимали решения об исключении из ИКП активных оппозиционеров, открыто голосовали за это исключение, однако надеялись, что на работе они откажутся от своих ошибок и встанут на правильный партийный путь.

В 1928—1929 гг. опять борьба с правой оппозицией, новые дискуссии в ИКП и в районах Москвы. Это была большая политическая школа, составная часть обучения и партийного воспитания в ИКП.

Запомнилась мне и чистка партии 1929 г., которую я проходила в ИКП. Во главе проверочной комиссии стояли старые члены партии (кажется, одну из комиссий возглавлял Е. А. Щаденко). На общих собраниях внимательно и требовательно обсуждали каждую кандидатуру. Мне крепко тогда досталось. На вопрос: «Когда и почему вы вступили в партию?» — я искренно рассказала, как было дело. В конце 1918 г. мне удалось получить на один вечер работу В. И. Ленина «Государство и революция». Ее привез в Екатеринослав (Днепропетровск) видный партийный работник Я. А. Яковлев, дал своему брату Д. А. Эпштейну, который учился тогда в реальном училище в том же городе, а его приятель, тоже реалист, передал эту книгу мне. Работа Ленина буквально решила мою судьбу, все мне объяснила, сделала меня большевичкой, хотя я и вступила в партию позже, в 1920 г. Но мой рассказ об этом вызвал почему-то резкую отповедь отдельных товарищей, они говорили, что я якобы «книжная большевичка», хотя в целом решение комиссии по чистке было положительным.

В ИКП часто выступали видные политические деятели партии, и мне особенно запомнился доклад И. В. Сталина в 1928 г. «На хлебном фронте». Сталин был тогда совсем молодой, очень живой и энергичный. Говорил он просто и ясно, и доклад всем икапистам понравился.

На самом последнем году учебы в 1929/1930 г. всех захватила массовая коллективизация. Икаписты стали часто ездить в свой подшефный Волоколамский район для проведения агитационной пропагандистской работы. Никогда не забуду пребывания в Волоколамском районе в течение примерно двух недель в первой половине марта 1930 г. Мы выехали большой группой буквально на другой день после опубликования статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов». Приехали в Волоколамск 3 марта 1930 г. Положение создалось трудное, в райкоме первое время растерялись, колхозы распадались, начались массовые выходы. Мы проводили собрания бедноты, подолгу беседовали с отдельными колхозниками, заседали целыми ночами. Навыков работы в деревне у меня лично тогда совсем не было, но очень помогли нам московские рабочие, приехавшие целой бригадой вместе с нами. Помню одного пожилого рабочего, кажется с завода им. Владимира Ильича, который особенно умело вел работу среди женщин (они чаще всего выходили из колхоза и тянули за собой мужей). Колхоз удалось сохранить,

уцелел основной костяк. Мы вернулись в Москву усталые и взволнованные, и долго еще не утихали споры о причинах колебаний середняка, о дальнейших путях коллективизации деревни.

Теперь, спустя много лет, могу сказать, что при всех ошибках и перегибах, которые имели место, именно коллективизация деревни и именно начало 30-х годов были для большинства из нас и для меня лично одним из самых убедительных аргументов правильности линии партии и выполнения ленинских заветов. Еще больше в этом убедились после окончания ИКП, когда почти пять лет проработала на партийной работе, сначала в Нижнем Новгороде (г. Горький), а потом на Нижней Волге в аппарате крайкома.

В этой связи хочу рассказать еще об одной черте икапистских кадров и икапистского воспитания. Очень многие из окончивших ИКП в 20-е годы мечтали не о научной, а о практической работе — хозяйственной или партийной. Экономистов буквально «расхватывали» наркоматы, ВСНХ, Госплан, а аграрников — Наркомзем. На вопросе об использовании и распределении слушателей ИКП М. Н. Покровский специально остановился в своей речи на XVI партконференции (апрель 1929 г.). Он говорил, что старые ученые не понимают необходимости планирования научной работы. Отсюда значение подготовки молодых марксистских кадров. «Нужны ученые, у которых голова работала бы не в том направлении, как у ученых буржуазных. Я вот, например, не умею руководить работой своих учеников иначе, как коллективно. А буржуазные ученые не могут понять, что такое коллективная научная работа». И далее он ставил вопрос: «Есть у нас научные партийные силы?» — и отвечал: «Есть. Такие имеются, но их очень мало. И если мы их употребления не будем планировать, то опять-таки у нас ничего не выйдет... Всякий уважающий себя наркомат желает иметь свое научно-исследовательское учреждение. Но я должен прибавить, что всякий уважающий себя наркомат желает иметь ногу, или руку, или ухо, или какую-нибудь другую часть красного профессора. Это также совершенно необходимо. И поэтому красных профессоров делят, извините меня, как телят. Что отсюда получается? Перетаскивают человека на работу чисто организационную. Когда совершают перетаскивание на работу человека, уже сложившегося как ученый, то это еще не так ужасно, он все-таки имеет большой накопленный капитал и с ним, может быть, он справится... Но когда молодого человека, недоделанного ученого, втянут в организационную обстановку, да еще обставят всяким аппаратом: кабинет, секретарь, автомобиль и т. д., то он часто перестает быть ученым (а он, возможно, мог быть хорошим ученым) и превращается в плохого советского работника»⁴.

Думается, что «сигнал опасности» здесь был дан правильно и продолжает звучать в какой-то мере актуально даже и в наши дни.

Были и многие икаписты, которые горячо стремились на партийную работу и сами настоятельно требовали, чтобы их не оставляли в Москве, а послали на места. В 1929 г. этого добились, преодолев сопротивление Покровского, А. Л. Сидоров, поехавший

культпропом Нижегородского крайкома ВКП(б), и Н. Л. Рубинштейн (сначала культпропом Костромского окружкома, а затем Иваново-Вознесенского обкома). Покровский не преминул на это пожаловаться в своем выступлении на XVI съезде партии: «Конечно, — говорил он, — никто не может мешать тому, чтобы такой-то товарищ поехал заведовать культпропом в какой-нибудь город. Так было, например, с одним из моих учеников (может быть мне скажут: «У кого что болит, тот о том и говорит»). Вот какой-нибудь товарищ поехал на работу в провинцию, но это еще не значит, что он должен бросить заниматься научной работой, что он не может вести научную работу. У нас должен быть определенный учет и контроль за этими научными работниками. Нельзя же допустить того, чтобы мы на человека истратили — я уже тут перехожу к грубо материалистическим вопросам, — чтобы мы истратили чертовскую пропасть денег, а потом оказывается, что это совсем не нужно, и у нас получается как в крыловской басне, что научили львенка вить гнезда»⁵.

А ученики Михаила Николаевича, которых он так горячо защищал, сочиняли в это время даже специальную «теорию» о том, что гуманитарные науки могут «подождать» в период технической революции, индустриализации и массовой коллективизации. Помню как сейчас Н. Л. Рубинштейна, убежденно отстаивавшего эту «теорию» в беседе со мной и И. И. Минцем летом 1931 г.

Когда меня «распределяли» в 1930 г. и я получила назначение на работу в Нижний Новгород, где потом была утверждена культпропом Капавинского райкома ВКП(б), Покровский сидел на распределении угрюмый, постукивал палкой по полу (это было на каком-то заседании) и упорно доказывал необходимость моего оставления в Москве. Я же с легкостью, свойственной молодости, радовалась отъезду в новые места, мечтала о партийной работе, просила послать меня в Нижний Новгород.

Конечно, никто не собирался бросать совсем научную работу. Находясь на партийной работе, икаписты, как правило, вели педагогическую работу, писали статьи, а иногда и книги.

Сейчас, вспоминая ИКП 20-х годов, все думаю о том, почему мы тогда все успевали — писать по два доклада в год, вести большую педагогическую, пропагандистскую, литературную работу. Отдельные товарищи получали еще заграничные командировки, на год или полтора (С. С. Бантке и В. М. Далин во Францию в 1928/29 г.), были командировки и в США. Историки СССР посылались для чтения лекций в партшколах братских компартий (А. Л. Сидоров и Н. Л. Рубинштейн были командированы для этой цели в Германию в 1927 г., пробыли там 3—4 месяца, а Н. Л. Рубинштейн успел съездить еще ненадолго в Париж).

Работали очень много, но жили весело и дружно, ходили в театр и в кино, увлекались чтением художественной литературы, устраивали дружеские встречи и вечеринки, влюблялись, женились и расходились, воспитывали детей (при ИКП был довольно большой детский сад). По возрасту все были в своем преобладающем большин-

стве молодыми — кончали ИКП в 25—28 лет, редко старше 30 лет. Но чувствовали себя взрослыми людьми, перед которыми открыты все дороги.

Все это прежде всего не только свойства молодости, но и черты эпохи. В те годы взрослели очень быстро. В 16—17 лет уже вступали в партию, вели самостоятельную работу, воевали на фронте. С первых дней учебы к нам относились как к самостоятельным и сложившимся научным работникам, помогали, заботились, но не опекали, давали полную возможность проявить себя.

Все это, на мой взгляд, лучшие черты ИКП, и можно только пожелать, чтобы хотя бы часть этого опыта была использована в современной аспирантуре, конечно, с учетом новой обстановки, когда налицо массовая подготовка научных кадров, которой тогда не было и не могло быть.

Несколько слов о бытовой стороне жизни. В 1925—1928 гг. питались сравнительно хорошо (в ИКП на Остоженке, 53 была хорошая столовая), стипендию мы получали довольно высокую (точно не помню какую), потребности были скромные, никакой личной мебели и обрательства вещами тоже и в помине не было, одевались очень просто. Даже после введения карточек и ухудшения продовольственного положения в 1928—1929 гг. не помню, чтобы кто-либо жаловался или недоедал. Общий жизненный уровень был тогда у всех почти одинаков. Конечно, икаписты были своего рода «элитой» среди учащихся, рабфаковцы жили намного хуже нас. Но все же «обращения» не было, поэтому легко было подыматься с места и уезжать. Один-два чемодана и все собрано. А на местах давали комнату с мебелью — все самое необходимое.

И наконец, последние вопросы. Первым делом о ликвидации ИКП в 1937 г. ИКП в 30-е годы я совсем не знаю. В 1930—1935 гг. находилась в основном на партийной работе вне Москвы. Вернулась в Москву в 1935 г., около года, очевидно в 1936/37 г., читала курс лекций в историко-партийном ИКП. ИКП в эти годы очень разросся количественно, каждый ИКП получил свое отдельное здание, характер учебы и состав слушателей также очень изменились. ИКП все больше приближался к современной аспирантуре.

...Это была чрезвычайная форма подготовки научных кадров, вызванная необходимостью своего времени. В дальнейшем развилась и упрочилась нормальная система — аспирантура вузов и Академии наук. К концу 30-х годов эта система уже вполне сложилась. А сохранение ИКП могло создать своего рода кастовость в подготовке кадров...

Икаписты один раз собирались Музеем революции, но я на этой встрече не была. Связь поддерживается с отдельными икапистами, но надо сказать, что икаписты находятся в таком возрасте, когда каждый год их становится все меньше и меньше. Происходит неизбежная и естественная убыль, и поэтому, я думаю, чем скорее будет написана история ИКП, тем лучше. А в том, что эту историю следует написать, меня как-то вновь убедил самый процесс написания ответов на вопросы анкеты, когда более отчетливо вспомнилось до-

вольно далекое прошлое. Хочу только добавить, что об истории ИКП надо писать в целом — не только в связи с подготовкой кадров историков, а всего гуманитарного цикла в совокупности.

Москва, июль 1970 г.

¹ Очерки по истории Октябрьской революции. М., 1927, т. 2, с. 8.

² См.: *Покровский М. Н.* Очерки русского революционного движения XIX—XX вв. М., 1924, с. 243.

³ *Большевик*, 1931, № 19/20, 31 окт., с. 10—18.

⁴ XVI конференция ВКП(б): Стеногр. отчет. М., 1962, с. 250, 251.

⁵ XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): Стеногр. отчет. М.; Л., 1931, с. 248.

ДОКУМЕНТЫ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Д. М. ПЕТРУШЕВСКОГО В ВАРШАВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Вклад Дмитрия Моисеевича Петрушевского (1863—1942) в развитие отечественной медиевистики хорошо известен*. Достаточно напомнить, что он первым из советских историков-медиевистов в 1929 г. был избран академиком АН СССР.

* О Д. М. Петрушевском защищено три диссертации: *Афонюшкин В. А.* Д. М. Петрушевский как историк средневековой Англии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1955; *Могильницкий Б. Г.* Д. М. Петрушевский как историк западноевропейского феодализма: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1955; *Соколова А. М.* Д. М. Петрушевский и освещение им восстания английского народа в 1381 г.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1966; Также см.: *Косминский Н. А.* Д. М. Петрушевский. — В кн. *Средние века*, М.; Л., 1946, вып. 2, с. 5—11; *Неусылин А. И.* Д. М. Петрушевский: Опыт характеристики. — Там же, с. 12—28; *Машкин Н. А.* Д. М. Петрушевский как историк Римской империи. — Там же, с. 33—40; *Бахрушин С. В.* Д. М. Петрушевский и русские историки. — Там же, с. 4, 41—45; *Лавровский В. М.* Д. М. Петрушевский и его переводы поэмы Лэнгльда. — Там же, с. 46—50; *Стоклицкая-Терешкович В. В.* Д. М. Петрушевский как историк средневекового города. — Там же, с. 51—58; *Семенов В. Ф.* Восстание Уота Тайлера в исторической литературе и концепция Д. М. Петрушевского. — Там же, с. 222—243; *Крушинская А. А.* Дмитрий Моисеевич Петрушевский: Указ. трудов и важнейших дат его научной деятельности. — Там же, с. 405—414. Назовем ряд специальных статей: *Данилов А. И.* Эволюция идейно-методологических взглядов Д. М. Петрушевского и некоторые вопросы историографии средних веков. — *Средние века*, М., 1955, вып. 6; *Могильницкий Б. Г.* К вопросу об идейно-методологических основах научных работ Д. М. Петрушевского. — Тр. Томск. ун-та, 1957, т. 136; *Он же.* Академик Д. М. Петрушевский. — *Средние века*, М., 1975, вып. 38. *Соколова А. М.* Научная и педагогическая деятельность Д. М. Петрушевского. — В кн.: *Очерки социально-экономической и политической истории Англии и Франции XIII—XVII вв.* М., 1960. Из общих работ назовем: *Бузескул В. П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в. Л., 1931, ч. 2, с. 99—104; *Очерки истории исторической науки в СССР.* М., 1960, т. 2, с. 383—391; М., 1963, т. 3, с. 433—437; *Гугнова Е. В.* Историография истории средних веков. М., 1974, с. 295—301, 375—377.

Вступив на научное поприще в конце 80-х годов прошлого столетия, Д. М. Петрушевский под влиянием своего учителя профессора Киевского университета И. В. Лучицкого обратил внимание на историю восстания английских крестьян 1381 г., и эта тема стала главным предметом его исследований. Монография «Восстание Уота Тайлера», первая часть которой появилась в 1897 г., а вторая — в 1901, по единодушному мнению специалистов, сохранила свое значение и поныне.

Для формирования взглядов Д. М. Петрушевского много дал исторический кружок, организованный профессором Московского университета П. Г. Виноградовым, собиравшийся у него дома. Там молодому ученому был привит устойчивый интерес к методологическим проблемам истории, к социально-экономической стороне исторического процесса. Работы, выполненные Д. М. Петрушевским в 90-е годы XIX в. и в период, непосредственно предшествовавший революции 1905 г., носят на себе отпечаток влияния марксизма. Историк в то время признавал определяющее значение экономических и социальных отношений для идейной жизни общества, понимал, что идеи возникают не сами собой, а выражают «интересы составляющих общество социальных групп»¹ и т. п. Однако эти элементы материализма в дальнейшем его творчестве не получили развития. Наоборот, в годы реакции, которая последовала за разгромом первой русской революции, Д. М. Петрушевский сделал шаг в сторону неокантианства. А в 1917 г. «он выступил уже как сложившийся неокантианец»². К последовательно-материалистическому мировоззрению он так и не пришел, хотя работал честно и несколько его учеников, в том числе А. И. Неусыхин, Н. А. Машкин, Е. А. Косминский, внесли серьезный вклад в советскую науку.

В исторической литературе дается самое общее объяснение причин такой эволюции взглядов ученого. Полная научная биография Д. М. Петрушевского еще не написана, хотя она крайне необходима для понимания хода развития русской исторической науки в конце прошлого — начале нынешнего столетия. Без выяснения всех обстоятельств жизненного пути ученого наши представления о его взглядах и деятельности могут оказаться неверно акцентированными или даже превратными.

Пока еще мало известно, как Д. М. Петрушевский относился к революционным событиям, свидетелем которых ему довелось быть. Слабо выяснена общественная деятельность историка, прожившего долгую жизнь. Со дня смерти ученого прошло более сорока лет. Все меньше остается людей, знавших Д. М. Петрушевского, работавших с ним в послереволюционные годы. А таких, которые могли бы рассказать о его жизни в дореволюционную пору, пожалуй, вообще уже не найти. Тем ценнее свидетельства архивных документов, имеющих важное общественное значение, позволяющих восстановить черты человека и ученого.

В Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР (ЦГАОР СССР) хранится дело «О профессоре Варшавского университета Дмитрие Моисееве Петрушевском» (Ф. 102, дп. 00, оп. за 1902 г., ед. хр. 1846), которое было заведено на него особым отделом департамента полиции в 1902 г.

В Варшавском университете историк работал с 1897 г. по 1906 г. Он пользовался большими симпатиями студенческой молодежи. Профессор МГУ Н. А. Дубровский, в то время студент историко-филологического факультета, писал Н. И. Карееву: «Популярнее и симпатичнее Петруш[евского] для варшавских студен[ов] нет другого профессора»³. Такое отношение к ученому объяснялось не только его огромными знаниями и педагогическим мастерством, но и его душевными, человеческими качествами.

Время работы Д. М. Петрушевского в Варшаве совпало с новым подъемом студенческого движения в России. Лучшее, демократически настроенное студенчество никогда не мирилось с оказанием высшей школы, в которой университетским уставом 1884 г. было уничтожено самоуправление, вводился грубый полицейский сыск и произвол инспекции. Студентов озлобляло то, что они постоянно находились под контролем органов политического наблюдения, что циркуляры Министерства просвещения обязывали ректора предавать «бунтующих» студентов профессорскому дисциплинарному суду, имевшему

право исключать их из высших учебных заведений и просить полицейские власти высылать исключенных в другие местности империи.

Недовольство студентов не ограничивалось только сферой академической жизни. Оно шло глубже. Демократическая часть учащейся молодежи создавала реакционную, антинародную сущность царского режима и вела с ним упорную борьбу. Причем с конца XIX в. студенчество, испытывая революционизирующее воздействие социал-демократии, стало прибегать к пролетарским средствам борьбы: забастовкам и уличным шествиям с политическими лозунгами.

В 1897 г. произошла демонстрация студентов в Петербурге перед Казанским собором, направленная против жестокостей правительства по отношению к арестованным революционерам. Протест петербуржцев поддержала студенческая масса других городов страны. 1899 год ознаменовался всеобщей студенческой забастовкой. Инициатива исходила от студентов Петербургского университета, где занятия прекратились 10 февраля. 12 февраля бастовало уже 17 высших учебных заведений столицы. Во второй половине февраля не было занятий почти во всех университетах и институтах страны. Студенты требовали отмены реакционного устава 1884 г. и разработки нового, предоставляющего автономию высшей школе. Знаменательно, что в речах молодежи, выступающей на сходках, звучали призывы к протесту против политического гнета. Применяв массовые репрессии (в отдельных учебных заведениях было исключено от четверти до трети и более студентов), правительство подавило выступление^{1*}. Тем не менее забастовка сыграла свою роль в политическом воспитании наиболее боевого ядра студенчества.

Летом следующего года в Одессе собрался первый студенческий съезд, поставивший задачу «организовать все русское студенчество для выражения всякого рода протестов по поводу явлений академической, общественной и политической жизни»⁴. К сожалению, участники съезда были арестованы и не смогли осуществить организационные мероприятия на местах.

В январе—апреле 1901 г. проходила вторая всероссийская студенческая забастовка. Началась она в Киевском университете, где был особенно высоким процент «недостаточных» студентов. Предлогом к выступлению послужило нежелание слушать бессодержательные лекции одного профессора юридического факультета. Затем движение приобрело более широкий размах: против подавления начальством любого проявления свободной мысли.

Правительство попробовало запугать учащуюся молодежь: 183 студента были отданы в солдаты на срок от 1 года до 3-х лет, 217 человек получили другие наказания.

Однако репрессии оказали обратное воздействие. Они послужили сигналом к всеобщей забастовке студентов по всей стране. Правительство, напуганное размахом движения, огласило заявление министра просвещения, в котором давалось обещание пересмотреть устав 1884 г., а отданных в солдаты студентов вернуть в университет. Этим удалось добиться прекращения забастовки, а потом расправиться с наиболее активными участниками волнений.

Тем не менее волнения не прекратились, в одной из справок московской охраны говорилось: «С осени 1901 года среди учащейся молодежи высших учебных заведений города Москвы пошла усиленная агитация, повсюду стали появляться массами изготовленные на гектографах и mimeографах прокламации, призывающие всех недовольных государственным строем к устройству политической демонстрации...»⁵. То же самое происходило и в других университетских городах.

Первыми на улицу в начале 1902 г. вышли опять киевляне. Известие о сходках и демонстрациях киевских студентов дошло до молодежи других городов. В поддержку киевских товарищей в феврале выступили студенты Петербурга и Москвы. Студенты выставляли общеполитические требования: неприкосновенность личности, свобода печати, собраний, организации. Требовали

^{1*} Ю. Р. Виппер писал 26 марта 1899 г. из Москвы приятелю в Дрезден: «...в университете происходит настоящее «избиение младенцев» и число устранных... уже дошло до 800 человек» (ЦГАОР СССР, Ф. 102, Дл 00, оп. за 1901, ед. хр. 86, л. 5).

также допустить женщин в университеты, уравниять в правах различные национальности и т. д.

Движение снова удалось подавить суровыми мерами. Вот какие наказания определила полиция московским студентам: «668 лиц, обвиняемых в участии в демонстрации 9 февраля, подлежат следующему взысканиям: 1) 95 — высылке в пределы Иркутского генерал-губернаторства на срок 2—5 лет; 2) 567 — тюремному заключению от 3—6 месяцев; 3) 6 — подчинению гласному надзору полиции на 1 год в местах жительства родителей или родственников, вне университетских городов и 4) в отношении 14 лиц дело прекратить»⁶. В числе этих 668 студентов оказался и сын старого друга Д. М. Петрушевского Павел Танеев, племянник знаменитого композитора (см. док. 4).

Жестокие меры не достигали цели. В 1903 г. повсеместно, в том числе и в Варшаве, продолжались митинги и сходки студентов, носившие политический характер.

Либеральная профессура с пониманием относилась к движению студенчества. За что многие из них подверглись взысканию. В 1899 г. профессор Петербургского университета Н. И. Кареев был уволен, и в досье, заведенном департаментом полиции на ученого, появилась запись: «За активное участие в obstructионном студенческом движении...»⁷. В 1901 г. уехал из России П. Г. Виноградов. В 1903 г. заставили уйти на пенсию И. В. Лучицкого.

Не стоял в стороне от варшавских студентов и Д. М. Петрушевский. Так же, как и некоторые другие профессора Варшавского университета (Г. В. Вульф, П. О. Сомов, А. В. Горбунов), он сочувственно относился к студенческим выступлениям и старался защитить молодых «бунтовщиков» от правительственных репрессий.

Осенью 1905 г. Д. М. Петрушевский от имени Варшавского отделения Академического союза, созданного в ходе революции, выступил в Совете университета с предложением упразднить пункты устава, говорящие об исключительном употреблении русского языка в учебном процессе. Он потребовал уничтожения студенческой инспекции, органа наблюдения за настроением учащейся молодежи, отмены предоставления свидетельств о благонадежности при поступлении в высшие учебные заведения, признания существующих студенческих организаций, допущения вновь возникающих. Реакционное большинство Совета отвергло предложения ученого. Как сообщил Д. М. Петрушевский в одном из писем, выступление было «встречено громкими насмешками по адресу союза»⁸.

Варшавское охранное отделение тщательно следило за лекциями профессоров, их высказываниями и настроением. О выступлениях Д. М. Петрушевского местные власти сообщили в центральные органы политического сыска царского правительства. В названном выше деле находятся следующие документы: письмо варшавского генерал-губернатора М. К. Черткова к министру внутренних дел В. К. Плеве с оценкой действий Д. М. Петрушевского в защиту студентов; политическая характеристика ученого, составленная чиновниками особого отдела, на основе сведений, накопившихся в департаменте к 1902 г.; письмо министра внутренних дел В. К. Плеве к министру народного просвещения Г. Э. Зенгеру, в котором последний был извещен о проступках подведомственного тому лица; выдержки из перлюстрированных писем Д. М. Петрушевского к близким ему по духу общественным деятелям России. Все эти выдержки отпечатаны на машинке, причем некоторые из них имеют ряд явных опечаток.

Публикуемые документы показывают настроение ученого на рубеже XIX — начала XX в. и его оценку текущего момента. Они позволяют выявить круг друзей и единомышленников Д. М. Петрушевского, с которыми он делился своими мыслями и раздумьями. Документы являются красноречивым свидетельством той реакционной обстановки, которая господствовала в Варшавском университете, откуда изгонялось все прогрессивное. Документы представляют интерес как для историков-медиевистов, так и для всех, кто занимается историей общественных движений и общественной мысли. Письма публикуются в том порядке, в каком они вшиты в дело, в соответствии с правилами современной орфографии. Автором даны заголовки к документам 2 и 9.

Петрушевский Дмитрий Моисеев, не имеющий чина экстраординарный профессор Варшавского университета^{2*}. Сделался известным департаменту в 1890 г. вследствие знакомства своего с сыном ротмистра Ващининым^{3*}, обратившим на себя внимание по сношению с неблагонадежными лицами; в 1895 году он был избран в члены Московского комитета грамотности, в состав которого, как известно, входило значительное число лиц противоположительственного направления^{4*}. Политические воззрения автора и его отношения к профессорской среде Варшавского университета рельефно выражаются в письмах его, при сем представляемых^{5*} <...>

2 октября 1902 г.

2

*Отношение варшавского генерал-губернатора М. К. Черткова
министру внутренних дел В. К. Плеве*

Совершенно секретно

Милостивый государь Вячеслав Константинович

В беспорядках, проявившихся в Варшавском университете в ноябре с.г.^{6*}, обозначилось противоположительственное направление нескольких профессоров этого университета и, насколько мне известно, в особенности профессора Петрушевского. В этих видах я счел полезным привлечь внимание Вашего высокопревосходительства на шесть прилагаемых при сем перлюстрационных выписок из корреспонденции г. Петрушевского. Эти выписки, я полагаю, ясно

^{1*} «Записка» публикуется только в той части, которая касается Д. М. Петрушевского. В опущенной ее части имеются сведения о А. А. Корнилове, близком друге ученого.— Здесь и далее комментарии автора публикации.

^{2*} Д. М. Петрушевский был избран экстраординарным профессором по кафедре всеобщей истории в 1897 г. В конце 1902 г. его избрали ординарным профессором.

^{3*} Сведения о Ващине Александре Васильевиче содержатся в делах Московского охранного отделения. А. В. Ващинин проживал весною 1890 г. в Москве, имел знакомство с лицами, состоявшими под надзором полиции. В частности, его посещал известный народник — писатель Г. А. Мачтет (см.: ЦГАОР СССР, ф. 63, оп. 10, ед. хр. 923, л. 1).

^{4*} По сведениям Московского охранного отделения, Д. М. Петрушевский стал членом Московского комитета грамотности при имп. Обществе сельского хозяйства 30 ноября 1894 г. В то время в комитет входило 800 человек и 300 из них считались лицами «крайней политической неблагонадежности». Среди них значились П. Г. Виноградов, В. О. Ключевский и др. (см.: ЦГАОР СССР, ф. 63, оп. 7 за 1893 г., ед. хр. 342).

^{5*} Эти письма (четыре из них датированы 1897 г., а одно — 1899) в деле отсутствуют.

^{6*} 18 ноября 1903 г. около 600 студентов собралось на сходку для выработки политических и академических требований, которые они намеревались представить университетскому начальству. Ректор не вышел к собравшимся, а попросил ввести в здание университета жандармов и полицию. Занятия были прерваны.

свидетельствуют, насколько профессор Петрушевский вреден в настоящей своей служебной постановке.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности.

М. Чертков

20 декабря 1903 г.
Варшава

3

*Выписка из письма профессора Д. Петрушевского,
Варшава, от 25 декабря 1901 г.,
к приват-доценту университета
Александру Александровичу Кизеветтеру^{7*}
в Москву, Моховая ул., д. 10, кв. 8*

Очень сожалею, что поздно узнал о дне отъезда Виноградова^{8*}, иначе непременно встретил бы его здесь на вокзале и выразил бы ему свое искреннее сочувствие. Читал в «Р[усских] вед[омостях]» описание проводов его^{9*}. Хорошо, что все это описано. Вообще нужно сообщить всему этому инциденту возможно широкую огласку и, как можно ярче, подчеркнуть его общественное значение, чтобы все имеющие даже ослиные уши слышали и имеющие очи — видели. Виноградов сделал крупный в общественном смысле шаг^{10*}, возвышающий его над уровнем очень и очень многих из почитающих себя хранителями заветов российской гражданственности и в то же время и весьма склонных к самому нелиберальному приспособлению, к самым капризным условиям нашей истинно азиатской государственности. В сущности весьма многие из этих покладистых либералов очень недалеко ушли от мирозерцания одного из здешних отъявленнейших мерзавцев — П. Кулаковского^{11*}. Назначение товарищем министра здешнего фрукта — Зенгера

^{7*} Кизеветтер Александр Александрович (1866—1933) — историк и политический деятель, сторонник конституционно-демократической монархии. После Великой Октябрьской социалистической революции эмигрировал за границу. В Советской исторической энциклопедии указывается, что А. А. Кизеветтер стал приват-доцентом Московского университета в 1903 г. (т. 7, стб. 234). Приводимый документ ставит эту дату под сомнение.

^{8*} Виноградов Павел Гаврилович (1854—1925) — историк, профессор Московского университета с 1884 г. Покинул Россию в 1901 г. вследствие конфликта с министром народного просвещения П. С. Ванновским и недовольства атмосферой сыска и надзора, установленной в университете.

^{9*} В «Русских ведомостях» от 19 декабря 1901 г. была помещена короткая заметка: «Нам сообщают, что профессор П. Г. Виноградов прекращает в университете чтение лекций и уезжает 21 декабря за границу». Видимо, Д. М. Петрушевский не обратил на нее внимания. Большая статья о научных и общественных заслугах П. Г. Виноградова с подробным описанием проводов его на Брестском (ныне Белорусском) вокзале появилась в той же газете 23 декабря. В Варшаве этот номер подписчики получили 25 декабря. Письмо писалось под свежим впечатлением.

^{10*} В Советской исторической энциклопедии сказано, что П. Г. Виноградов уехал в Англию в 1902 г. (т. 3, стб. 495). Для предотвращения возможных недоразумений следует уточнить: по старому стилю он отправился 21 декабря 1901 г.

^{11*} Кулаковский Платон Андреевич (1848—1913) — профессор Варшавского университета по кафедре славянских наречий. Поборник русификаторской

чистойшей насмешка^{12*}. Этот шаркун и болтун свободен от всяких серьезных мыслей, друг и приятель самой отъявленной здешней сволочи вроде Кулаковского, Вехова^{13*} и пр. мерзости, обладающей талантом приспособления; он приспособился к Апухтину^{14*} и теперь пользуется плодами этого дара. Он очень может навредить средней школе, да и университету, о котором имеет самые варшавские взгляды. Одна надежда, что волна быстро унесет и эту всплывшую на поверхность гнилую щепку. В университете пока тихо. Если что-нибудь серьезное начнется в других университетах, то и мы поддержим.

4

Из письма Д. Петрушевского, Варшава, от 24 марта 1902 г., к Владимиру Ивановичу Танееву^{15} в Москву, Обухова, 9:*

Вчера мы узнали об осложнениях в университетской карьере Павла Владимировича, о предстоящей командировке его в Архангельск — далеко не с научными целями^{16*}. По этому поводу шлем Вам и командируемого наше искреннейшее сочувствие. По-видимому, тюрьма и сылка станут нормальным дополнением универ-

политики царизма. Презрение Д. М. Петрушевского заслужил в 1897 г., когда стал инициатором приветственной телеграммы царю по поводу закладки памятника М. Н. Муравьеву, получившему в народе прозвище «вешателя» за жестокое подавление восстания 1863 г. в Литве и Белоруссии.

^{12*} Зенгер Григорий Эдуардович (1859—1919) — профессор-латинист. В 1900 г. назначен попечителем Варшавского учебного округа. В 1901 г. стал товарищем министра народного просвещения. С 11 апреля 1902 г. по 23 января 1904 г. — министр народного просвещения. Усилил деятельность студенческой инспекции.

^{13*} Вехов Сергей Иванович (1857 — год смерти не установлен) — профессор Варшавского университета по кафедре римской словесности. Выступал за подавление студенческих движений полицейскими мерами.

^{14*} Апухтин Александр Львович (1822—1904) — попечитель Варшавского учебного округа в 1879—1897 гг. Проводил яркую русификаторскую политику. Н. И. Кареев в воспоминаниях о работе в Варшавском университете воспроизвел свой первый разговор с ним. Попечитель произнес: «Ваш ректор весьма отменно Вас аттестовал, но мне, скажу Вам, до вашей учености дела мало, а русского направления я от всех буду требовать» (ОР ГБЛ, ф. 119, карт. 44, ед. хр. 5, д. 6).

^{15*} Танеев Владимир Иванович (1840—1921) — старший брат композитора С. И. Танеева. Получил юридическое образование. Выступал защитником в ряде политических процессов. К. Маркс назвал его «преданным другом освобождения народа» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 34, с. 185*). В. И. Ленин 26 апреля 1919 г. подписал ему охранную грамоту, в которой всем советским властям предписывалось «оказывать гражданину Владимиру Ивановичу Танееву содействие в деле охраны как его самого, так и семьи, жилища и имущества» (См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 383*). В имени Танеева Демьянове (в трех верстах от Клина) Д. М. Петрушевский в августе 1901 г. закончил вторую часть монографии «Восстание Уота Тайлера».

^{16*} Речь идет о сыне В. И. Танеева — студенте Московского ун-та, который был арестован 9 февраля 1902 г., в момент, когда он покидал сходку, состоявшуюся в здании университета. Отбывал заключение до 25 мая того же года в Тульской тюрьме. Слух о том, что П. В. Танеев высылается в Архангельскую губ., не соответствовал действительности (ЦГАОР СССР, ф. 63, оп. 22, д. 1222).

ситетского курса, своего рода семинарию по русскому государственному праву (профессора-юристы утверждают, что такое право в России существует) обязательной для студентов всех факультетов. Как-никак, а реформа, хотя и не в такой мере коренная, как бы следовало по манифесту от 25 марта прошлого года, но все же реформа^{17*}. Беда только в том, что, пожалуй, в^{18*} этой семинарии сведется в конце концов и все высшее образование. Я, впрочем, не теряю надежды, что такое положение дел долго не продержится, и самый факт таких внушительных командировок является для меня одним из аргументов этой надежды. Мне кажется, что в русском обществе начался серьезный процесс брожения, что зататались самые основы, те нити^{19*}, на которых стояло до сих пор русское «государственное право», что неистовая оргия произвола, при которой мы присутствуем в настоящий момент, едва ли последняя масленица^{20*}, канун великого поста.

5

Выписка из письма профессора Петрушевского, Варшава, от 27 сентября 1902 г., к Александру Александровичу Корнилову^{21} в Саратов, Гимназическая ул., д. 58, кв. 3.*

Теперь в нашем Варшавском университете обсуждаются новые «реформы» с их кураторами и иными прочими полицейско-педагогическими ухищрениями^{22*}. Министерство затеяло бестолковый фарс, которым дирижирует главный балетмейстер Зенгер и его агенты. Для доставления^{23*} инструкции кураторам выбрана комиссия из самых отборных пошляков и мерзавцев. Теперь предстоит выбрать этих самых позорных фигур нашего позорного универси-

^{17*} Д. М. Петрушевский иронизирует над царским рескриптом, который сопровождал назначение П. С. Ванновского министром народного просвещения. В нем царь призывал безотлагательно приступить к коренному переустройству народного образования. См.: Правительственный вестник, 1901, 25 марта.

^{18*} Ошибка в тексте. По смыслу должно стоять «к».

^{19*} Ошибка в тексте. По смыслу следует «киты».

^{20*} Ошибка в тексте. По смыслу следует «едва ли не последняя масленица».

^{21*} Корнилов Александр Александрович (1862—1925) — русский историк. Окончил Петербургский университет. Находился под надзором полиции с 1893 г., когда его адрес нашли у одного из привлекавшихся по делу о доставке из-за границы нелегальной литературы. В 1897 г. состоял чиновником по особым поручениям при иркутском генерал-губернаторе. Содействовал политическим ссыльным. По постановлению Особого совещания от 7 мая 1901 г. А. А. Корнилову было воспрещено в течение двух лет пребывание в столицах, столичных губерниях и университетских городах. С 1909 г. профессор Петербургского политехнического института. Один из организаторов кадетской партии.

^{22*} Во второй половине 1902 г. Г. Э. Зенгер создал под своим председательством комиссию для выработки нового университетского устава. Проект обсуждался в советах университетов. Было собрано несколько томов предложений, но в связи с отставкой Г. Э. Зенгера реформу университетов отложили. Министр успел сделать лишь частичные дополнения к уставу 1884 г.

^{23*} Ошибка в тексте. По смыслу следует «составления».

тета. Новая зенгеровская реформа тогда окончательно будет доведена до абсурда. Вот в такой-то отвратительной атмосфере приходится служить.

6

Выписка из письма профессора Петрушевского, Варшава, от 19 марта 1903 г., к профессору университета Владимиру Эммануиловичу Грабарю^{24} в Юрьев, Лифляндской губ., Монашевская, 2.*

Вследствие бывших здесь, в Варшаве, студенческих беспорядков более 300 студентов отдано под суд, но по-видимому, большими карами это не грозит им^{25*}. Впрочем, не следует предсказывать. Ведь начальство вообще такая злая и в своей злобе и злости устраниющая всякую логику собака, что резонировать излишне. А наш ректор университета^{26*}, стойчески оберегающий под псевдонимом закона свою пятитысячную пенсию^{27*}, которую он скоро выслуживает, менее всего склонен поддаваться внушениям человеческих чувств, и если бы для блага «закона», т. е. пенсии, требовалось повесить всех студентов, он бы, не задумываясь, повесил их.

7

Выписка из письма Д. Петрушевского, Варшава, от 24 ноября 1903 г., к профессору Павлу Ивановичу Новгородцеву^{28} в Москву, Столовый пер., д. Элькинда.*

У нас в университете начальство устроило серьезнейшие оспорядки и на неделю закрыло университет^{29*}, думаю, впрочем, что

^{24*} Грабарь Владимир Эммануилович (1865—1956) окончил юридический факультет Московского ун-та в 1888 г., с 1893 г. доцент, а затем профессор международного права в Юрьевском университете. С 1918 г. профессор Воронежского университета. В 1928 г. переехал в Москву. Преподавал в МГУ.

^{25*} В делах Особого отдела департамента полиции сведений о движении студентов Варшавского университета в первой половине 1903 г. не сохранилось. Нет их и в протоколах Совета ун-та.

^{26*} Ульянов Григорий Константинович (1859—1912) — профессор-лингвист. Читал курс сравнительной морфологии индоевропейских языков. В 1899—1904 гг. ректор Варшавского университета. Затем его назначили попечителем Рижского учебного округа. Сенатор.

^{27*} Условия выхода на пенсию в Варшавском университете для русских профессоров были более льготными, чем в остальных высших учебных заведениях России. Они до пенсии служили только 20 лет. У Г. К. Ульянова этот срок истек 1 апреля 1903 г.

^{28*} Новгородцев Павел Иванович (1866—1924) — известный юрист и философ. Окончил юридический факультет Московского университета. В 1901 г. получил степень доктора за исследование «Кант и Гегель в их учении о праве и государстве». Преподавал в Московском университете и на Высших женских курсах. В 1906 г. депутат I Государственной думы. Член кадетской партии. После избрания в Думу оставил профессуру, но продолжал чтение лекций на правах приват-доцента. В 1911 г. сложил с себя это звание в знак протеста против политики министра народного просвещения Л. А. Кассо. После 1917 г. эмигрировал.

^{29*} См. примеч. 2.

едва ли до праздников ^{30*} он будет открыт, и имею основание полагать, что и после праздников академическая жизнь не войдет в колею. Ректор давно уже озлобил студентов своей возмутительной, чисто жандармской бессердечностью и поистине держимордовской грубостью и систематически душил их своим злостным формализмом, и накопившееся чувство возмущения и негодования давно искало исхода. Состав университетского суда ^{31*} гнусен: председатель — Амалицкий ^{32*} совершеннейший мерзавец, а среди членов есть такие негодяи, как Митрофанов ^{33*} и Есипов ^{34*}. Как бы то ни было, но я, Вульф ^{35*}, Сомов ^{36*} и еще два-три решили выразить ректору протест против его поведения, против совершенно ничем не вызванного приглашения им полиции, против того, что он не вышел к студентам и явился лишь, когда полиция была уже во дворе, против того, что он таким своим поведением расстроил правильное течение университетской жизни. Сегодня мы собираемся, чтобы выработать форму протеста.

8

*Выписка из письма профессора Д. М. Петрушевского,
Варшава, от 28 ноября 1903 г.,
к Якову Николаевичу Колубовскому ^{37*}
в С.-Петербург, Троицкая ул., д. 11, кв. 19.*

Я и еще восемь профессоров подали в совет Варшавского университета заявление, в котором просим совет ходатайствовать о раз-

^{30*} Имеется в виду рождество.

^{31*} Профессорский дисциплинарный суд для разбора дел студентов, замешанных в волнениях.

^{32*} Амалицкий Владимир Прохорович (1860—1917) — ординарный профессор. Заведовал геолого-палеонтологическим кабинетом Варшавского университета. В 1908 г. был избран директором Варшавского политехнического института. Придерживался охранительного направления.

^{33*} Митрофанов Павел Ильич (1857—1920) — профессор по кафедре гистологии и эмбриологии. Имеются сведения, что П. И. Митрофанов в конце 1918—1919 г., когда Ростов-на-Дону был занят белой армией, сотрудничал с Осведомительным бюро при штабе Деникина. См.: 20 лет Ростовского-на-Дону гос. университета. — Учен. зап. Ростов. ун-та, 1935, юбил. вып., с. 44.

^{34*} Есипов Владимир Владимирович (1867 — после 1926 г.). Окончил Училище правоведения в 1888 г. Ординарный профессор Варшавского ун-та по кафедре уголовного права и судопроизводства. Редактор газеты «Варшавский дневник». Автор брошюры «Высшее образование в Царстве Польском за сто лет» (Пг., 1914), написанной с великодержавных позиций.

^{35*} Вульф Георгий Викторович (1863—1925) — профессор минералогии и кристаллографии. Окончил Варшавский университет. После событий 1905 г. эмигрировал за границу. Позднее читал лекции в Университете им. Шанявского в Москве.

^{36*} Сомов Павел Осипович (1852—1919) — профессор. Окончил Петербургский университет в 1873 г. В 1886 г. назначен профессором аналитической механики Варшавского университета. Одновременно преподавал в Варшавском политехническом институте.

^{37*} Колубовский Яков Николаевич (1863 — год смерти неизвестен) — философ. Окончил Петербургский университет. Занимался библиографией русской философии. В 1891—1892 гг. был помощником редактора журнала «Вопросы психологии», затем секретарем редакции «Журнала министерства народного просвещения». Много работал в кассе взаимопомощи литераторов и ученых.

решении обсудить дело по поводу приглашения начальством полиции и жандармов в университет. Ректор не решился представить бумагу нашу в совет и обратился к попечителю^{38*}. Этот прислал ему бумагу, где заявляет, что, несмотря на несвоевременность нашей просьбы, неуместность ее тона (такой мерзавец), он послал ее все-таки Зенгеру, чтобы тот решил, допустить ли обсуждение университетских дел в совете или не допустить. Ждем, что напишет этот шулер (не карточный, а еще почище) и лицемер. Едва ли что хорошее напишет этот великолепный лакей министра внутренних дел.

9

*Письмо министра внутренних дел
к министру народного просвещения Г. Э. Зенгеру
от 27 декабря 1903 г.*

Совершенно доверительно

Милостивый государь Григорий Эдуардович!

Варшавский генерал-губернатор уведомил, что во время проходивших в минувшем ноябре месяце студенческих беспорядков в Варшавском университете определилось противоправительственное направление небольшой группы профессоров названного университета, из числа коих особого внимания в этом отношении заслуживает экстраординарный профессор по кафедре всеобщей истории Дмитрий Моисеев Петрушевский, который весьма враждебно относится к университетским реформам последнего времени, а также крайне резко и непочтительно отзываясь о своем начальстве и благонамеренной части профессорского персонала, а после выше упомянутых студенческих беспорядков подал совместно с несколькими другими профессорами в Совет Варшавского университета дерзкое заявление по поводу приглашения ректором в здание университета чинов полиции для восстановления нарушенного студентами порядка. Об изложенном долгом считаю уведомить В. Пр-во для сведения.

Примите, В. Пр-во, уверение в совершенном поч[тении]
Ваш В. Плева.

^{38*} Попечителем Варшавского учебного округа с 30 мая 1902 г. был Шварц Александр Николаевич — профессор греческой словесности.

¹ *Петрушевский Д. М.* Тенденция современной исторической науки.— Образование, 1899, № 5/6, с. 12.

² См.: *Гутнова Е. В.* Указ. соч., с. 375.

³ Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 119, Кареева, карт. 5, ед. хр. 135.

⁴ Цит. по: *Гуслятников П. С.* Революционное студенческое движение в России, 1899—1907. М., 1971, с. 42.

⁵ ЦГАОР СССР, ф. 63, оп. за 1902 г., № 12, ед. хр. 1222, д. 1.

⁶ Там же.

⁷ ЦГАОР СССР, ф. 102, дп. 00, оп. за 1905 г., ед. хр. 999, ч. 4, л. 16.

⁸ ОР ГБЛ, ф. 264, карт. 45, ед. хр. 21, л. 1 об.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ЛУЧИЦКИЙ

(1845—1918)

Иван Васильевич Лучицкий — один из наиболее ярких русских дореволюционных историков — внес огромный вклад в разработку проблем всеобщей истории, прежде всего истории Франции. Он впервые применил статистический метод в исторических исследованиях, положил начало изучению малых европейских стран (Испания, Португалия, Скандинавские страны), показал, что община была свойственна на определенной стадии исторического развития всем народам. Выдающийся педагог, учениками которого были такие знаменитые ученые, как В. К. Пискорский, Д. М. Петрушевский, Е. В. Тарле, он был также талантливым публицистом и прекрасным лектором.

И. В. Лучицкий родился 2 июня 1845 г. в г. Каменец-Подольский. Его отец преподавал древние языки в местной духовной семинарии, но, скептически относясь к религии, перешел в гимназию ^{1*}. Иван Васильевич учился в каменец-подольской, а затем в 1-й киевской гимназии. В 1863 г. он поступил на историко-филологический факультет Киевского университета и уже в студенческие годы опубликовал свою первую научную работу.

В 1866 г. И. В. Лучицкий окончил университет и был оставлен стипендиатом для подготовки к профессорскому званию. Он выдержал магистерский экзамен и стал заниматься историей кальвинизма во Франции. Затем молодой ученый некоторое время работал учителем в одной из киевских прогимназий ^{2*}.

В 1870 г. он стал приват-доцентом Киевского университета, а в 1875 г. штатным доцентом Киевского университета. В марте 1877 г. он защитил в Петербургском университете докторскую диссертацию «Католическая лига и кальвинисты во Франции» и был избран экстраординарным профессором, затем в 1888 г. стал ординарным профессором.

^{1*} Об отце историка, Василии Ивановиче Лучицком, сохранились теплые воспоминания одного из его учеников. См.: Русская старина, 1911, т. 147, с. 385—399.

^{2*} Формулярный список о службе доцента И. В. Лучицкого свидетельствует, что с 15 марта 1869 г. он был определен учителем русского языка, церковно-славянского и словесности в киево-подольскую прогимназию. С 31 декабря 1870 г. по 9 ноября 1871 г. он работал учителем истории и географии в том же учебном заведении.— ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 149, ед. хр. 210, л. 276—277.

Центральной темой научных интересов на протяжении дальнейшей жизни ученого становится история французского крестьянства накануне и во время Великой буржуазной революции XVIII в.

Работая в департаментских архивах, историк обнаружил новые архивные источники, в частности списки налогоплательщиков «двадцатины» и тарифицированной тальи, и впервые подверг их статистической обработке. На основании рукописных источников он написал ряд статей и книг о крестьянской собственности во Франции, о распродаже национальных имуществ во время революции, о состоянии дворянского землевладения и т. д. Его работы по истории крестьянства во Франции наряду с трудами М. М. Ковалевского и Н. И. Кареева явились серьезнейшим вкладом «русской исторической школы» в мировую историографию. В своей трактовке аграрного вопроса он разошелся с М. М. Ковалевским, который, в отличие от И. В. Лучицкого, считавшего, что накануне революции земля принадлежала в большинстве крестьянам, показал незначительный характер мелкой крестьянской собственности. Споры двух историков были подытожены в статье С. Д. Сказкина «Февдист Эрве и его учение о цензиве» и «Спорные вопросы аграрной истории Франции накануне революции» (см. прилагаемую библиографию).

Горячо интересуясь крестьянским вопросом, И. В. Лучицкий в 1878 г. начал печатать оставшуюся неоконченной «Историю крестьянской реформы в Западной Европе», после которой, впрочем, он опубликовал многочисленные статьи о крестьянах и крестьянском вопросе в различных государствах. Исследователь истории Франции и других стран, он был вдумчивым и глубоким историком родной Малороссии. Соотечественники И. В. Лучицкого, занимавшиеся историей Малороссии, отрицали в украинском землевладении наличие общинного строя. И. В. Лучицкий, обратившись к архивам волостных правлений и знаменитой Румянцевской описи, которую он стал изучать впервые, доказал существование поземельной общины на Украине.

Под непосредственным влиянием ученого по украинской истории начали работать его ученики В. А. Мякотин и Н. П. Василенко. Свою точку зрения о повсеместном существовании общины И. В. Лучицкий продолжал отстаивать в студиях по Испании (см. его статьи о пиренейской общине и бегетриях).

Интерес к экономическому материализму и активное участие с 900-х годов в общественной жизни заставили И. В. Лучицкого задуматься над ролью рабочего класса в историческом процессе. Выходит несколько его работ, посвященных рабочему вопросу. Особый интерес вызывают две книги: «Безработица и бедность на Западе» и «Современная фабричная система на Западе». Вызывает недоумение, что гриф «Дозволено цензурой» в них не указан^{3*}.

^{3*} Кстати говоря, 24 сентября 1893 г. киевский цензор Б. М. Юзефович, негативно характеризуя И. В. Лучицкого, писал, что это «человек с весьма выраженной тенденцией, с которой мне отчасти пришлось уже столкнуться в моей служебной практике». — ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 1894, ед. хр. 104, л. 47 об.

Обе работы написаны в фабианском духе и касаются экономического и политического положения английских рабочих. К первой работе приложен список рекомендуемой для прочтения английской литературы, в том числе «Капитал» К. Маркса. Следует иметь в виду, что именно в это время начальник Киевского жандармского управления генерал-майор В. Д. Новицкий аттестовал И. В. Лучицкого в качестве лица, близко «стоящего к делу рабочей агитации в Киеве»¹.

С 900-х годов И. В. Лучицкий принимает все более активное участие в политической деятельности. Он возглавляет либеральную оппозицию в Киевской городской думе, где был гласным, а с осени 1904 г. начинает издавать и редактировать газету «Киевские отклики». Эта газета была лучшим подцензурным изданием Юга России. А. В. Луначарский назвал «Киевские отклики» «газетой полусоциал-демократического типа»².

Став депутатом IV Государственной думы, И. В. Лучицкий постепенно отходит от политической деятельности.

С лидерами кадетской партии он разошелся во взглядах³ и возобновил преподавательскую деятельность. Он стал вести учебные занятия на Высших женских курсах в Петербурге. После избрания в декабре 1908 г. членом-корреспондентом Российской академии наук⁴ его пригласили в Петербургский университет.

Здоровье ученого ухудшалось. В 1917 г. он уехал к себе на хутор в Полтавскую губернию. Смерть, наступившая 22 августа 1918 г., прервала его работу о крестьянской собственности во Франции XVIII в.

И. В. Лучицкий вошел в мировую историографию как историк, определивший новые области исследований, в нашу отечественную науку — как первый испанист, представитель социально-экономического направления в историографии, ученый, разработавший в своих трудах проблемы общины.

Его работы, опирающиеся на широкое применение статистических методов исследования, открыли новый плодотворный этап в исторической науке.

Ю. Ф. Иванов, С. И. Лучицкая

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, Дл. 00 оп. за 1900 г., ед. хр. 228, л. 3.

² См.: Луначарский А. В. Воспоминания, впечатления. М., 1968, с. 32.

³ Кареев Н. И. Иван Васильевич Лучицкий: Некролог. Пг., 1919, с. 2038.

⁴ Известия Императорской Академии наук, VI серия, СПб., № 2, с. 109—110.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ
И. В. ЛУЧИЦКОГО *

1864

Историческое исследование А. Добрякова.— Киевлянин, 24, 26 нояб.— Рец. на кн.: Добряков А. Русская женщина в домонгольский период. СПб., 1864.

1868

Адам Фергюсон и его историческая теория: Дис. pro venia legendi— Унив. изв., Киев, № 9, ч. 2, отд. 2, с. 1—27; № 11, ч. 2, отд. 2, с. 1—47; № 12, ч. 2, отд. 2, с. 1—22.

1869

Адам Фергюсон и его историческая теория: Дис. pro venia legendi— Унив. изв., Киев, № 1, ч. 2, отд. 2, с. 1—16.

1870

Гугенотская аристократия и буржуазия на Юге после Варфоломеевской ночи. СПб. 60 с.— Рец.: Бильбасов В. А.— Унив. изв., № 10, ч. 2, отд. 1, с. 10—11.

Мишель Лопиталь и его деятельность по отношению к французским религиозным партиям XVI в.: (Пробная лекция, читанная в Университете св. Владимира для получения звания приват-доцента кандидатом Лучицким, 23.IX.1870).— Унив. изв., Киев, № 10, ч. 2, отд. 2, с. 1—28.

Генерал Монк: (Вторая пробная лекция, читанная для получения звания приват-доцента кандидатом Лучицким).— Унив. изв., Киев, № 11, ч. 2, отд. 2, с. 1—11.

Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции.— Унив. изв., № 12, ч. 2, отд. 2, с. 1—36.

1871

Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции.— Унив. изв., № 1, ч. 2, отд. 2, с. 1—38; № 2, ч. 2, отд. 2, с. 1—39; № 3, ч. 2, отд. 2,

с. 1—47; № 4, ч. 2, отд. 2, с. 1—46; № 5, ч. 2, отд. 2, с. 1—37; № 6, ч. 2, отд. 2, с. 1—51; № 7, ч. 2, отд. 2, с. 1—46; № 8, ч. 2, отд. 2, с. 1—42; № 9, прибавл., с. 1—14; № 10, прибавл., с. 15—30; № 12, прибавл., с. 31—70.

Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции: Дис. на степень магистра всеобщей истории.— Киев, ч. 1, 562 с. + Прил. (70 с.).

1873

Очерк развития скептической мысли во Франции в XVI и XVII веках.— Знание, № 1, с. 61—99, № 3, с. 91—129; № 8, с. 123—147; № 11, с. 24—58.

Обзор литературы по философии истории за 1872 год.— Знание, № 9, с. 59—92.

Documents inédits sur l'histoire du Languedoc et de la Rochelle (1572—1574). Paris. 74 p.

Documents inédits pour servir a l'histoire du Languedoc et de la Rochelle. Paris. 297 p.

1874

Обзор последних работ по новой истории.— Знание, № 1, Науч. хроника, с. 23—36.

Историческая семинария Вуттке в Лейпциге: Отчет магистра Лучицкого.— Унив. изв., Киев, № 2, ч. 2, отд. 1, с. 55—68.

Очерк истории Монтобана: Отчет магистра Лучицкого.— Унив. изв., Киев, № 8, ч. 2, отд. 1, с. 644—658; № 9, ч. 2, отд. 1, с. 681—689.

Отчет о занятиях за границей магистра Лучицкого.— Унив. изв., Киев, № 6, ч. 2, отд. 1, с. 293—322.

Рец. на кн.: Jriarte Ch. La vie d'un Patricien de Venise au seizieme siècle.— Унив. изв., Киев, № 8, Критико-библиогр. отд., с. 59—94.

Documents inédits pour servir a l'histoire de la Réforme et de la Ligue.—

* Составители Ю. Ф. Иванов и С. И. Лучицкая.

Настоящая библиография еще не является исчерпывающей. Некоторые рецензии И. В. Лучицкого печатал анонимно. Установлено около десяти псевдонимов И. В. Лучицкого. См.: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов. М., 1949, т. 2/3, с. 745.

Составители с благодарностью примут все замечания о пропусках, которых вряд ли удалось избежать, впервые публикуя библиографию трудов И. В. Лучицкого и литературы о нем.

Унив. изв., Киев, № 8, прибавл., с. 1—40; № 9, прибавл., с. 41—88; № 10, прибавл., с. 89—152; № 11, прибавл. с. 153—216; № 12, прибавл., с. 217—291.

1875

Отношение истории к науке об обществе.— Знание, № 1, с. 1—42.

Письмо тулузского рабочего о Петре Великом.— Унив. изв., Киев, № 2, прибавл., с. 58—59.

Documents inédits concernant la ville de Toulouse (1594—1596) et le soulèvement des croquants (1590—1594).— Унив. изв., Киев, № 1, прибавл., с. 1—40; № 2, прибавл., с. 41—57.

1876

Католическая лига и гугеноты во Франции (в 1576—1596 гг.).— Унив. изв., Киев, № 1, ч. 2, отд. 1, с. 1—30; № 2, ч. 2, отд. 1, с. 55—92; № 3, ч. 2, отд. 1, с. 3—149; № 4, ч. 2, отд. 1, с. 183—215; № 5, ч. 2, отд. 1, с. 309—357; № 6, ч. 2, отд. 1, с. 461—576; № 8, ч. 2, отд. 1, с. 840—856; № 9, ч. 2, отд. 1, с. 857—896; № 10, ч. 2, отд. 1, с. 1026—1071; № 11, ч. 2, отд. 1, с. 1120—1244.

Леонардо да Винчи как ученый.— Знание, № 2, с. 83—103.

Обзор работ по новой истории за 1875 г.— Унив. изв., Киев, № 9, Критико-библиогр. отд., с. 357—404; № 10, Критико-библиогр. отд., с. 405—446.

1877

Католическая лига и кальвинисты во Франции: Опыт истории демократического движения во Франции во второй половине XVI в. (по неизданным источникам). Киев, т. 1. 560 с. + 60 с. прил. + 1 с. оглавл.— Рец.: Арсеньев К. К.— Вестн. Европы, № 11, с. 187—210.

Рецензии сочинений, удостоенных в 1876 г. наградными медалями.— Унив. изв., Киев, № 4, ч. I, с. 53—60.— Рец. на соч.: Любич Н. Н., Марнике С. Альдегонде как политический писатель.

1878

История крестьянской реформы в Западной Европе с 1789 г.— Унив. изв., Киев, № 10, ч. 2, отд. 1, с. 493—579; № 11, ч. 2, отд. 1, с. 527—579; № 12, ч. 2, отд. 1, с. 595—614.

1879

История крестьянской реформы в Западной Европе с 1789 г.— Унив. изв., Киев, № 2, ч. 2, отд. 1, с. 86—114.

Провинциальные собрания во Франции при Людовике XVI и их политическая роль.— Унив. изв., Киев, № 3, ч. 2, отд. 1, с. 155—183; № 5, ч. 2, отд. 1, с. 237—248.

Рец.: Ковалевский М. М.— Критический обзор, № 15, с. 32—33.

1880

История крестьянской реформы в Западной Европе с 1789 г.— Унив. изв., Киев, № 11, ч. 2, отд. 1, с. 308—330.

1881

История крестьянской реформы в Западной Европе с 1789 г.— Унив. изв., Киев, № 2, ч. 2, с. 73—90; № 3, ч. 2, с. 138—156.— Рец.: Curie Seimbres Essai sur les villes fondées dans le sud-ouest de France aux XIII et XIV s. sous le nom générique de bastides. Toulouse, 1880.— Унив. изв., Киев, № 4, ч. 2, отд. 4, с. 70—84; № 12, ч. 2, Критико-библиогр. отд., с. 361—370.

1882

Общинное землевладение в Малороссии: (Золотоношский уезд Полтавской губ.).— Устой, № 7, с. 39—60. Следы общинного землевладения в Левобережной Украине XVIII в.— Отеч. зап., № 11, с. 91—116.

Бегетрия: Очерк из истории испанских учреждений.— Унив. изв., Киев, № 10, ч. 2, Критико-библиогр. отд., с. 404—418.

1883

Бегетрия: Очерк из истории испанских учреждений.— Унив. изв., Киев, № 1, ч. 2, Критико-библиогр. отд., ст. VII, с. 20—30.

Поземельная община в Пиренеях.— Отеч. зап., № 9, с. 57—78; № 10, с. 467—506; № 12, с. 445—442.

Сборник материалов для истории общественных земель и угодий в Левобережной Украине (Полтав. губ.).— Унив. изв., Киев, № 2, прибавл., ст. IV, с. 1—24; № 3, прибавл., ст. V, с. 25—40; № 4, прибавл., ст. IV, с. 41—64; № 5, прибавл., ст. V, с. 65—80; № 7, прибавл., ст. III, с. 81—112; № 12, прибавл., ст. IV, с. 113—160.

Ред: Зеворт Эдгар. История нового времени (XVI—XVIII ст.) / Пер. под ред. и с доп. И. В. Лучицкого. Киев. Т. 1. И. В. Лучицким написаны: Предисл., с. I—III. Ч. I. Глава шестая. Состояние промышленности и ремесленного класса в Германии, Франции и Англии в XI—XVI вв., с. 201—263. Глава седьмая. Изменения в поземельном строе и личных отношениях в Зап. Европе в XV—XVI вв., с. 263—319. Ч. II. Глава седьмая. Судьба меркантильной системы в XVII и XVIII вв. с. 530—536. Глава восьмая. Торговая и континентальная политика Европы XVII и XVIII вв., с. 556—621. Глава девятая. Состояние промышленности в Западной Европе в XVII и XVIII вв., с. 621—704.

1884

Сборник материалов для истории общественных земель и угодий в Левобережной Украине (Полтавская губ.).— Унив. изв., Киев, № 3, прибавл., ст. 1, с. 161—240; № 4, прибавл., с. 241—272, ст. 1, с. 1—42. Рец.: Багалея Д.— Киевская старина, т. 10, № 9, с. 141—149. Рец.: Сергеев В.— Юрид. библиогр.; изд. Юрид. фак. СПб. ун-та, № 3, с. 141—145.

Три документа к истории бунта в Малороссии в 1687 г.— Киевская старина, № 6, с. 306—314.

Общинные формы землевладения на Днепровском побережье. Отд. отд. 16 с.

1885

А. Ф. Кистяковский: (Некролог).— Киевская старина, № 2, с. 406—415.

Джордано Бруно: Публичная лекция, читанная 21 апреля 1885 г.— Унив. изв., Киев, № 5, ч. 2, отд. 1, с. 83—102.

Отзыв о сочинении Н. Н. Молчановского «Цеховые и ремесленные реформы Штейна и Гарденберга в связи с состоянием ремесленного класса в Пруссии в начале XIV в.»— Унив. изв., Киев, № 4, ч. 1, с. 2—14.

Очерк развития исторической науки в Швеции.— Унив. изв., Киев, № 4, ч. 2, Критика и библиогр., с. 163—188; № 5, ч. 2, Критика и библиогр., с. 207—232.

Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV—XV вв.— Унив. изв., Киев, № 11, ч. 2, отд. 4, с. 361—384; № 12, ч. 2, с. 385—418.

Новые материалы для истории цен в Германии.— Экон. журн., № 5, с. 1—17.

Русские рабы и рабство в Руссильоне в XIV и XV вв.— Унив. изв., Киев, № 11, ч. 2, Критика и библиогр., с. 36—69.

Русские рабы и рабство в Руссильоне в XIV и XV вв. Киев. 29 с. Отт. из «Унив. изв.» за 1886 г.

1887

Максимилиан I и его реформы в австрийских землях.— Унив. изв., Киев, № 4, ч. 2, Критика и библиогр. с. 1—48.

1888

Киев в 1766 г.— Киевская старина, № 1, с. 1—74.

О значении, характере и содержании описи малороссийских полков, составленной по приказанию г. губ. Мал. гр. Румянцева в 1767 г.— Чтения в Ист. о-ве Нестора-летописца, кн. 2, отд. 1, с. 165—166.

Следы общинного землевладения в Левобережной Украине.— Чтения в Ист. о-ве Нестора-летописца, кн. 2, отд. 1, с. 178—179.

Об общине в Пиренеях.— Чтения в Ист. о-ве Нестора-летописца, кн. 2, отд. 1, с. 185—186.

Главнейшие моменты в истории землевладения в Харьковской губернии.— Чтения в Ист. о-ве Нестора-летописца, кн. 2, отд. 1, с. 191.

О займанщине в Левобережной Украине в XVII и XVIII вв. Д. И. Вагалея: Критические замечания на это сообщение.— Чтения в Ист. о-ве Нестора-летописца, кн. 2, отд. 1, с. 194—199.

Об общинном землевладении в Малороссии в XVIII и XIX вв.— Чтения в Ист. о-ве Нестора-летописца, кн. 2, отд. 1, с. 178—179, 200—201.

Разбор книги Сибома об английской деревне.— Чтения в Ист. о-ве Нестора-летописца, кн. 2, отд. 1, с. 212.

О некоторых документах Стаховичей и Велицкого.— Чтения в Ист. о-ве Нестора-летописца, кн. 2, отд. 1, с. 249.

О Румянцевской описи малороссийских полков.— Чтения в Ист. о-ве Нестора-летописца, кн. 2, отд. 1, с. 165—166, 211—212.

Заслуги Ранке в области исторической

науки.— Чтения в Ист. о-ве Нестора-летописца, кн. 2, отд. 1, с. 269—270. Характеристика научной деятельности А. Ф. Кистяковского.— Чтения в Ист. о-ве Нестора-летописца, кн. 2, отд. 1, с. 269—270, В соавторстве с Ф. Г. Мищенко.

1889

Сябры и сябринное землевладение в Малороссии.— Сев. вестн., № 1, с. 69—88, № 2, с. 37—50.

Рец.: Новицкий Н.— Киевская старина, № 7, с. 293—306.

Секретное дело об одной газетной авизии (1732).— Ист. вестн., № 9, с. 577—597.

Крестьянское землевладение в Суражском уезде Черниговской губернии в 1767 и 1882 гг.— Юрид. вестн., № 12, с. 599—620.

О сябринном землевладении.— Чтения в Ист. о-ве Нестора-летописца, кн. 3, отд. 1, с. 16—18.

Займанщина и формы займочного владения в Малороссии.— Юрид. вестн., № 3, с. 391—424.

Новые данные для истории землевладения в Малороссии.— Чтения в Ист. о-ве Нестора-летописца, кн. 4, с. 3—4.

Крестьяне и крестьянский вопрос в Дании XVI—XVIII вв.— Сев. вестн., № 12, отд. 1, с. 85—161.

Унив. чтения проф. Н. А. Осокина и учебник истории проф. А. Трачевского.— Унив. изв., Киев, № 1, Критика и библиогр., с. 215—252.— Рец. на кн.: Учебник истории: Средняя история. СПб., 1886; Новая История. Ч. 1. СПб., 1889.

Рец. на кн.: *Лазаревский А.* Описание старой Малороссии. Т. 1. Стародубский полк. Киев, 1888—1889. Вып. 1, 2.— Унив. изв., Киев, № 12. Критика и библиогр., с. 283—297.

1891

К истории козачества в начале XVIII в.— Киевская старина, № 3, с. 506—508.

Крестьяне и крестьянская реформа в Лифляндии.— Северный вестн., № 7, отд. 2, с. 1—20; № 8, с. 1—18; № 9, с. 1—20.

Джемс Торольд Роджерс: (Некролог).— Юрид. вестн., № 2, с. 171—185.

Крестьяне и крестьянский вопрос в Лифляндии в XVI—XVIII вв.— Чтения в Ист. о-ве Нестора-летописца, кн. 5, отд. 1, с. 15—16.

Рец. на кн.: *Любович Н. Н.* Начало католической реакции и упадок реформации в Польше. Варшава, 1890.— Унив. изв., Киев, № 3, отд. 1, с. 5—6.

1892

Землевладение и земледельческие классы в Италии.— В кн.: Киевский сборник в помощь пострадавшим от неурожая. / Под ред. И. В. Лучицкого. Киев, с. 297—328.

Гетман Мазепа и остерские общие земли: (Из истории землевладения в Левобережной Украине).— Киевская старина, № 1, с. 110—118.

Попытки крестьянской реформы в Лифляндии в XVII в.— Сев. вестн., № 1, отд. 2, с. 1—22; № 2, отд. 2, с. 1—16; № 5, отд. 2, с. 1—15.

По поводу дорожочинских древностей: Заметки к истории торговых сношений Ганзы с северо-западной и южной Русью.— Чтения в Ист. о-ве Нестора-летописца, кн. 6, отд. 2, с. 73—104.

1893

Вопрос о населении германских городов XIV—XV вв. Обзор ист.-стат. исслед.— Унив. изв., № 2. Критика и библиогр., с. 205—256; № 12, с. 257—268. Рец.: *Фриман Э.* Историческая география Европы / Пер. М. В. Лучицкой. СПб. Т. 1, 2. Рец. на кн.: *Werenka D.* Bukowinas Entstehen und Aufblühen Maria Theresias Zeit nach Acten aus Archiven, 1 Theil, 1772—1775.— Киевская старина, № 3, с. 549—560.

Рабочее население и экономическая политика германских городов по вопросу о потреблении мяса.— Унив. изв., Киев, Критика и библиогр., с. 17—63.

Проповедник религиозной терпимости в XVI в.— Рус. богатство, № 7, отд. 1, с. 120—141; № 8, с. 18—49.

Возникновение денежных металлических знаков и мерила их веса.— Мир божий, № 12, с. 142—160.

Рец. на кн.: *Minzes B.* Die Nationalgüterverausserung während der französischen Revolution mit besonderer Berücksichtigung des Departaments Seine und Oise. Jena, 1892.— Revue historique, t. 54, p. 165—166.

Рец.: *Грегюар Л.* История Франции в XIX в. / Пер. М. В. Лучицкой. М. Т. 1. 612 с.

Испания: (География, формы правления, народное образование).— В кн.: Энцикл. словарь / Брокгауз и Ефрон, т. 25, с. 397—407.

Ред.: *Греггар Л.* История Франции в XIX в. / Пер. М. В. Лучицкой. М. Т. 2. 648 с.

1895

По поводу одной из исторических легенд.— В кн.: Сборник в пользу недостаточных студентов Университета св. Владимира. СПб., с. 325—340.

Труды А. Ф. Кистяковского в области истории и обычного права.— Киевская старина, № 1, отд. 1, с. 64—87.

Вопрос о крестьянской поземельной собственности во Франции до революции и продажа национальных имуществ (Отчет о заграничной командировке).— Унив. изв., Киев, № 1, ч. 2, ст. I, с. 1—42.

Ред.: *Дрэпер Дж.* История умственного развития Европы / Пер. с англ. М. В. Лучицкой. Т. 1, 2. 634 с.

Крестьяне в Западной Европе.— В кн.: Энцикл. словарь / Брокгауз и Ефрон, т. 32, с. 659—675.

Экономическая политика германских городов в XV—XVI вв.— Чтения в Ист. о-ве Нестора-летописца, кн. 9, отд. 1, с. 5—6.

Вопрос о крестьянской земельной собственности во Франции до революции и продажа национальных имуществ.— Чтения в Ист. о-ве Нестора-летописца, кн. 9, отд. 1, с. 7—8.

Проповедник религиозной терпимости в XVI в.— Чтения в Ист. о-ве Нестора-летописца, кн. 9, отд. 1, с. 10—11.

1896

Крестьянская поземельная собственность во Франции до революции и продажа национальных имуществ: (Второй отчет о командировке за границу).— Унив. изв., Киев, № 3, ч. 2, отд. 2, с. 1—65.

К вопросу о крестьянском землевладении во Франции до и во время революции: (Ответ М. М. Ковалевскому).— Новое слово, № 1, с. 63—89.

Огораживание земель и общество охраны общинных земель в Англии.— Рус. богатство, № 11, отд. 1, с. 52—81.

О задачах экономической истории.— Чтения в Ист. о-ве Нестора-летописца, кн. 10, отд. 1, с. 43—45.

О крестьянском землевладении во Франции до революции.— Чтения в Ист. о-ве Нестора-летописца, кн. 11, отд. 1, с. 7—8.

О попытках в Англии сохранить обширные земли, сделанных в 60-х годах текущего столетия.— Чтения в Ист. о-ве Нестора-летописца, кн. 11, отд. 1, с. 211—222.

Новые исследования по истории крестьян во Франции в XVIII в.— Унив. изв., Киев, № 8, ч. 2, Критика и библиогр., с. 73—132.

Рец. на кн.: *Шахк А. фон.* История норманнов в Сицилии. СПб., 1896.— Рус. богатство, № 11, с. 57—60.

Маккиавели.— В кн.: Энцикл. словарь / Брокгауз и Ефрон, т. 35, с. 420—421.

Максимилиан I.— В кн.: Энцикл. словарь / Брокгауз и Ефрон, т. 35, с. 436—437.

Людовик XV.— В кн.: Энцикл. словарь / Брокгауз и Ефрон, т. 35, с. 230—232.

Людовик XVI.— В кн.: Энцикл. словарь / Брокгауз и Ефрон, т. 35, с. 232—233.

1897

Борьба за избирательную реформу в Англии и реформа 1832 г.— Рус. богатство, № 1, отд. 1, с. 60—80; № 2, отд. I, с. 48—102; № 3, отд. I, с. 49—72; № 4, отд. 1, с. 36—66.

Рец. на кн.: *Петрушевский Д. М.* Восстание Уота Тайлера. СПб., 1897. Т. 1.— Рус. мысль, № 5, с. 47—48.

Рец. на кн.: *Белож Ю.* История Греции. М., 1897. Т. 1.— Рус. мысль, № 2, с. 48—50.

Рец. на кн.: Общественная жизнь Англии. М., 1896. Т. 1.— Рус. богатство, № 2, с. 54—60.

Рец. на кн.: *Петрушевский Д. М.* Восстание Уота Тайлера. Т. 1, 2.— Унив. изв., Киев, № 11, ч. 2, отд. 2, с. 1—5. В соавторстве с Ф. Я. Фортинским.

Рец. на кн.: *Лависс Е., Рамбо А.* Всеобщая история с IV в. до нашего времени. М., 1897. Т. 1.— Рус. мысль, № 5, с. 44—47.

Национальные имущества во Франции во время революции.— В кн.: Энцикл. словарь / Брокгауз и Ефрон, т. 40, с. 724—727.

Ред.: *Торсов А.* История нашего сто-

летия, 1815—1890 / Пер. с дат. М. В. Лучицкой. СПб. Т. 1. 512 с. + XIV с. Ред.: *Грегюар Л.* История Франции в XIX в. / Пер. М. В. Лучицкой. Т. 4, 695, XXIV с.

La petite propriété en France avant la Revolution et la vente des biens nationaux. Paris. 165 p.

1898

Крестьянское землевладение во Франции накануне революции (преимущественно в Лимузене): Отчет о заграничной командировке в 1897 г.— Унив. изв., Киев, № 8, ч. 2, с. 1—28.

Поземельная община в Западной Европе.— В кн.: Энцикл. словарь / Брокгауз и Ефрон, т. 47, с. 186—189.

Попелинер.— В кн.: Энцикл. словарь / Брокгауз и Ефрон, т. 48, с. 544—545.

Португалия.— В кн.: Энцикл. словарь / Брокгауз и Ефрон, т. 48, с. 544—545. Ред.: *Кеннингем У.* Современная цивилизация в некоторых ее экономических проявлениях / Пер. с англ. М. В. Лучицкой. Киев; Харьков. 236 с. + XII с.

1899

Крестьянское землевладение во Франции накануне революции (преимущественно в Лимузене): Отчет о заграничной командировке в 1897 г.— Унив. изв., Киев, № 6, ч. 2, с. 29—79; № 8, ч. 2, с. 81—133; № 9, ч. 2, с. 135—177; № 11, ч. 2, с. 179—208; № 12, ч. 2, с. 209—261.

Приложение к отчету о заграничной командировке: Таблица распределения собственности в Лимузене.— Унив. изв., Киев, № 2, ч. 2, табл. 1—48, прибавл. 2, табл. 49—88; № 7, прибавл. 1, с. 1—45; № 11, прибавл. 4, табл. 1—14; № 12, прибавл. 2, с. 1—54, табл. 15—30.

Ред.: *Пискорский В. К.* Кастильские кортесы в переходную эпоху от средних веков к новому времени.— Унив. изв., № 4, отд. 2, с. 1—5. Совместно с Ф. Я. Фортинским.

Ред.: *Торсое А.* История нашего столетия, 1815—1890 / Пер. с дат. М. В. Лучицкой. Киев. Т. 2. 440 с. + XXIV с.

1900

По поводу одного научного открытия.— Киевская старина, № 4, с. 127—138.

Некролог Артура Жири (1848—1899).— Чтения в Ист. о-ве Нестора-летописца, кн. 14, вып. 1, отд. 1, с. 27.

1901

Договоры прихожан со священниками в старой Малороссии: (Предисл. к публ. С. Рклицкого).— Киевская старина, № 1, отд. 1, с. 115—121.

Крестьяне и крестьянская реформа в Восточной Австрии.— Киевская старина, № 3, отд. 1, с. 313—351; № 5, отд. 1, с. 214—226.

Ред.: Франко И.— Записки наукова товариства имени Шевченко, 1902, № 4, отд. 3, с. 23—24.

Из недавнего прошлого: (Очерк из истории крепостного права в Малороссии в XIX в.).— Киевская старина, № 4, отд. 1, с. 1—25.

Материалы для истории землевладения в Черниговщине и Северщине (1603—1605 гг.).— Чтения в Ист. о-ве Нестора-летописца, кн. 15, вып. 1, отд. 3, с. 3—15.

Отзыв о сочинении В. К. Пискорского «Крепостное право в Каталонии в средние века» (Киев, 1901), представленном в ист.-филол. фак. для приобретения степени доктора всеобщей истории.— Унив. изв., Киев, № 12, ч. 1, отд. 3, с. 12—16.

Отзыв о сочинении Е. В. Тарле «Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени» (СПб., 1901), представленном в ист.-филол. фак. для приобретения степени магистра всеобщей истории.— Унив. изв., Киев, № 2, ч. 1, ст. 3, с. 1—11.

К истории финансов и финансового управления в Малороссии в XVII—XVIII вв.— Чтения в Ист. о-ве Нестора-летописца, кн. 15, вып. 1, отд. 3, с. 3—15.

Предисловие.— В кн.: Тарле Е. В. История Италии в новое время. СПб., 1901, с. 1—2. В соавторстве с Н. И. Кареевым.

Ред.: *Корелин М. С.* Важнейшие моменты в истории средневекового папства. СПб., 159, VIII с. Совместно с Н. И. Кареевым.

Ред.: *Корелин М. С.* Падение античного миросозерцания. 2-е изд. СПб., 169, VIII с. Совместно с Н. И. Кареевым.

1902

Тюрго.— Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, с. 334—339.

Особое мнение гласного И. Лучицкого к журналу заседания Киевской городской думы от 21.3, ст. 1.— Изв. Киев. гор. думы, 1902, № 2/4, с. 27—30.

Отчет о состоянии и деятельности Киевской публичной библиотеки в 1902 г.— Изв. Киев. гор. думы, № 5, с. 42—63.

Ред.: *Петрушевский Д. М.* Очерки из истории государства и общества в средние века. СПб., ч. 1. Совместно с Н. И. Кареевым.

1904

Отчет о состоянии и деятельности Киевской публичной библиотеки в 1903 г.— Изв. Киев. гор. думы, № 4, прил., с. 37.

Ред.: *Файф Ч.* История Европы / Пер. с англ. М. В. Лучицкой. СПб. 784 с. Памяти В. Л. Бернштама.— Киевские отклики, от 13.10, с. 2—3.

Ред.: *Дживелегов А. К.* Торговля на западе в средние века. СПб. Совместно с Н. И. Кареевым.

1905

Таблицы распределения поземельной собственности во Франции накануне революции.— Унив. изв., Киев, № 6, прибав., с. 33—64.

К вопросу о праве ходатайства городских дум.— Южные зап., № 16, с. 1—6.

Датская конституция 1848 г. / Пер. М. В. Лучицкой; Под ред. и с предисл. проф. И. В. Лучицкого. 41 с.

Испанская конституция 1876 г. / Пер. Н. И. Лучицкого; Под ред. и с предисл. проф. И. В. Лучицкого. 42 с.

Итальянская конституция 1848 г. / Пер. Н. И. Лучицкого; Под ред. и с предисл. проф. И. В. Лучицкого. 50 с.

Прусская конституция 1850 г. / Пер. с предисл. проф. И. В. Лучицкого. 28 с.

1906

Что такое учредительное собрание.— Свобода и право, 1 янв.

Ответ г. Полтавцу.— Свобода и право, 18 янв.

Письмо в редакцию.— Свободная мысль, 4 февр.

1909

Раздел общинных земель в Германии XVIII в.— Вестн. Европы, СПб., июль, с. 131—165.

1911

Крестьянство во Франции в XVIII в.— В кн.: Книга для чтения по истории нового времени / Под ред. П. Г. Виноградова. М., т. 2, с. 224—290.

Наполеон и Испания.— В кн.: Отечественная война 1812 и русское общество. М., т. 2, с. 32—62.

L'état des classes agricoles en France à la veille de la Revolution. Paris. 110 p.

Состояние земледельческих классов во Франции накануне революции и аграрная реформа 1789—1798 гг.— Унив. изв., Киев, № 5, ч. 2, с. 1—157.

1912

Крестьянство и крестьянская реформа во Франции во время революции.— В кн.: Книга для чтения по истории нового времени / Под ред. П. Г. Виноградова. М., т. 3, с. 342—406.

Отчуждение национальных имуществ во Франции в конце XVIII в.— Рус. богатство, № 2, с. 102—124; № 4, с. 50—78.

Страницы из истории Англии (1817—1818).— Рус. богатство, № 5, с. 67—94.

Отзыв о сочинении А. М. Ону.— Сборник отчетов о премиях и награждениях, присуждаемых имп. академией наук. Отчеты за 1909 г. (СПб.), с. 32—74.— Ред. на кн.: Ону А. М. Выборы 1789 г. во Франции и указы третьего сословия с точки зрения их соответствия истинному настроению страны. ч. 1. СПб., 1908. La propriété paysanne en France a la veille de la Revolution principalement en Limousin. Paris. 295 p.

1913

Борьба за избирательные права в Англии и реформа 1832 г.— В кн.: Книга для чтения по истории нового времени / Под ред. П. Г. Виноградова. М., т. 4, ч. 1, с. 618—665.

Аграрные отношения во Франции накануне революции (1789—1794).— Рус. богатство, № 2, с. 164—191; № 3, с. 122—143.

Феодализм при Людовике XVI.— Голос минувшего, № 4, с. 275—279.

Quelques remarques sur la vente des biens nationaux. 159 p.

1914

Из истории сеньориальных и поземельных отношений во Франции

в эпоху революции.— Науч. ист. журн. № 3, с. 30—41.
Рец. на кн.: *Тарле Е. В.* Континентальная блокада. М., 1913.— Рус. богатство, № 7, с. 332, 334.

1915

Аграрные отношения накануне революции в окрестностях Парижа.— Журн. М-ва нар. просв., июнь, отд. 2, с. 241—279.

Вопрос о распродаже национальных имуществ во Франции.— Ист. обозрение, т. 20, с. 171—172.
Аграрные отношения в дореволюционной Франции.— Ист. обозрение, т. 20, с. 175—178.

1916

Рец.: *Кеннингем В.* От чего зависит возрождение: Роль продавца и по-

купателя / Пер. М. В. Лучицкой. Киев. 236 с.

1917—1918

Рец.: *Торсое А.* История новейшего времени, 1815—1916 гг. / Пер. М. В. Лучицкой. Пг. Т. 1. Кн. 1, 3; Т. 2. Кн. 9, 12.

Год издания не указан

История Норвегии.— В кн.: Энцикл. словарь / Бр. Гранат, 7-е изд., т. 39, стб. 160—188.

Рец.: Безработица и бедность на Западе: Пер. с англ. Кн. изд-во «Вечерняя заря».

Рец.: Современная фабричная система на Западе: Пер. с англ. Кн. изд-во «Солнце».

Иезуиты.— В кн.: Энцикл. словарь / Бр. Гранат, 7-е изд., т. 22, стб. 577—603.

ЛИТЕРАТУРА О И. В. ЛУЧИЦКОМ

1874

Мнение доцентов Фортинского и Драгоманова о сочинениях магистра И. Лучицкого.— Унив. изв., № 7, с. 48—52.

1884

Лучицкий.— В кн.: Биографические словари профессоров и преподавателей университета св. Владимира / Сост. и изд. под ред. В. С. Иконникова. Киев, с. 372—376.

1885

Модестов В. И. В Казани и в Киеве.— Ист. вестн., № 12, с. 588—605.

1896

Кареев Н. И. Лучицкий.— В кн.: Энцикл. словарь / Брокгауз и Ефрон. СПб., т. 18, с. 125—126.

Плотников М. А. Новые исследования по истории крестьян во Франции XVIII в.— Рус. богатство, Киев, вып. 1, с. 48—50.

1901

Sagnac Ph. La propriété foncière et les paysans en France au XVIII siècle d'après les travaux de M. J. Loutchisky.— Revue d'histoire moderne et contemporaine, p. 151—171.

1907

Иван Васильевич Лучицкий.— Киевский курьер, 14 окт., с. 2—3.

1909

Лаппо-Данилевский А., Дьяконов М., Янжул И. Записка об ученых трудах И. В. Лучицкого.— Изв. имп. Академии наук. Сер. 6, № 2, с. 114—115.

1913

Кареев Н. И. Беглые заметки по экономической истории Франции в эпоху революции.— Изв. Санкт-Петербург. ун-та, с. 130—137, 150.

1914

Кареев Н. И. Пятьдесят лет научной работы И. В. Лучицкого.— Науч.-ист. журн., № 4, с. 1—5.

Мякотин В. А. Труды И. В. Лучицкого по малорусской истории.— Науч.-ист. журн., № 4, с. 17—21.

Петров Е. Исследования И. В. Лучицкого по социальной истории Франции в эпоху религиозных войн.— Науч.-ист. журн., № 4, с. 9—17.

Сэ А. Чем экономическая и социальная история Франции XVIII в. обязана трудам Лучицкого.— Науч.-ист. журн., № 4, с. 22—29.

Тарле Е. В. Лучицкий как университетский преподаватель. Науч.-ист. журн., № 4, с. 5—9.

Тарле Е. В. И. В. Лучицкий: К пятидесятилетию его научно-литературной деятельности, 1863—1913.— Голос минувшего, № 1, с. 42—61.

1918

Кареев Н. И. Иван Васильевич Лучицкий: Некролог.— Изв. Российской академии наук. Сер. VI, т. XII, № 18, с. 2029—2038.

1922

Кареев Н. И. Памяти двух историков [В. И. Герье и И. В. Лучицкий].— *Анналы*, № 1, с. 155—174.

Бугенко В. Наука новой истории в России.— *Анналы*, № 2, с. 129—167.

Глаголева-Данини С. Крестьянство и аграрный вопрос в эпоху Великой революции.— *Анналы*, № 1, с. 72—82.

1925

Кареев Н. И. Историки французской революции. Л., т. 3, с. 169—181.

1929

Бузескул В. И. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в. Л., ч. 1, с. 187—200.

1940

Вайнштейн О. Л. Историография средних веков. М.; Л., с. 314—315.

1942

Сказкин С. Д. Февдист Эрве и его учение о цензиве.— *Средние века*, вып. 1, с. 185—201.

1949

Шустерман Х. В. Иван Васильевич Лучицкий: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М. 13 с.

1958

Шустерман Х. В. Проблемы религиозных войн во Франции в XVI в. в освещении И. В. Лучицкого.— *Учен. зап. Кавказ. пед. ин-та*, т. 3, с. 195—215.

1959

Вебер Б. Г. Происхождение религиозных войн в освещении И. В. Лучицкого.— В кн.: *Французский ежегодник*, 1958. М., с. 514—559.

1961

Лазоренко Т. Г. И. В. Лучицкий як історик аграрних відношин у Франції напередодні в час революції кінця XVIII в.— *Вісн. Київ. унів.*, № 4. Сер. історії та філології, вып. 1, с. 78—88.

1963

Могильницкий Б. Г. Лучицкий о роли народных масс в религиозных войнах во Франции XVI в.— В кн.: *Методологические и историографические вопросы исторической науки*. Томск, с. 85—106.

Очерки истории исторической науки в СССР, т. 3, с. 463—474.

Рутенбург В. И. Объединение Италии. М., с. 155—165.

Лапгин П. Ф. Проблемы общины в трудах И. В. Лучицкого.— *Средние века*, вып. 23, с. 216—226.

1965

Лучицкий.— В кн.: *СИЭ*, т. 8, стб. 822—823.

1966

Сказкин С. Д. Спорные вопросы аграрной истории Франции накануне революции.— В кн.: *Европа в новое и новейшее время*. М., с. 97—114.

1969

Косминский Е. А. Изучение истории западного средневековья: (Работы русских дореволюционных и советских историков).— В кн.: *Проблемы английского феодализма*. М., с. 89—90.

1970

Далин В. М. Мануфактурная стадия капитализма во Франции в XVIII в. в освещении «русской школы».— В кн.: *Люди и идеи*. М., с. 294—300.

1971

Лучицкий.— В кн.: *Радянська енциклопедія історії України*, т. 3, с. 39.

1974

Гутнова Е. В. Историография истории средних веков (середина XIX—1917 г.). М., с. 272—276.

Вебер Б. Г. Историографические проблемы. М., с. 145—201, 312—330.

1981

Далин В. М. Историки Франции. М., с. 68—71.

Украинская советская энциклопедия. Киев, т. 6, с. 174.

1984

Оболенская С. В., Гурвич С. Н. Публикация писем И. В. Лучицкого к П. Л. Лаврову.— В кн.: *Французский ежегодник*, 1982. М., с. 225—235.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ СССР

<i>С. В. Кулешов.</i> Великий Октябрь и национальный вопрос (проблемы историографии)	3
<i>В. П. Семьянинов.</i> Советы крестьянских депутатов 1917 — первой половины 1918 г. в исторических исследованиях	23
<i>Т. А. Игнатенко.</i> Проблемы научной периодизации отечественной историографии в советской исторической науке	42
<i>Н. А. Якименко.</i> Массовое заселение Сибири и Дальнего Востока в освещении отечественной дворянско-буржуазной историографии (1861—1917 гг.)	66

ИСТОРИОГРАФИЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

<i>Д. П. Урсу.</i> Историография и науковедение	88
<i>А. Я. Гуревич.</i> «Новая историческая наука» во Франции: достижения и трудности (критические заметки медиевиста)	99
<i>Е. П. Аксенова.</i> Журнал «Русское слово» (1859—1866 гг.) об истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы	127

ИСТОРИКИ И ИХ ТРУДЫ

<i>Н. М. Михайлова.</i> М. С. Ольминский — организатор и руководитель Истпарта	152
<i>Н. В. Иллерицкая.</i> Разработка Ем. Ярославским биографии В. И. Ленина	165
<i>А. С. Шофман.</i> А. В. Мишулин как историк античности	184
<i>Л. С. Моисеенкова.</i> Об исследовательских принципах русского медиевиста П. Г. Виноградова	204
<i>О. С. Мазурок.</i> Поборник братства (о неизвестной статье В. И. Вернадского, посвященной Закарпатья)	218
<i>С. Н. Носов.</i> Аполлон Григорьев об «Истории России» С. М. Соловьева	222
<i>Х. Шляйер (ГДР).</i> Немецкий буржуазный военный историк Ханс Дельбрюк	241

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Э. Б. Генкина.</i> Воспоминания об ИКП. Вступительная статья и публикация Л. В. Ивановой	257
Документы о деятельности Д. М. Петрушевского в Варшавском университете. Вступительная статья и публикация Ю. Ф. Иванова	273

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

Библиографический указатель трудов И. В. Лучицкого и литературы о нем. Составители и авторы вступительной статьи Ю. Ф. Иванов и С. И. Лучицкая.	284
---	-----